АКАДЕМИЯ НАУК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ВИТЕБСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

АРХЕОЛОГИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ БЕЛАРУСИ

XVI в. — 30-е годы XX в.

**Под редакцией
академика Б. А. Рыбакова**

МИНСК
«БЕЛАРУСКАЯ НАВУКА»
1996

ББК 63.4(4Беи)
А 47
УДК 902/904(476)+908.476,,15/19”

Рецензенты:
доктор исторических наук М. А. Ткачев,
кандидат исторических наук А. А. Формозов,
кандидат филологических наук А. С. Лис

А $\frac{9020000000—003}{М\ 316(03)—96}$ доп.—96

ISBN 985-08-0007-0

Светлой памяти выдающегося белорусского историка Николая Николаевича Улащика посвящаю.

АВТОР.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес всякого цивилизованного общества к своему прошлому — непременный закон развития. Моменты забвения этого интереса, как мы знаем, не остаются безнаказанными — утрачивается возможность осознавать себя во времени, видеть свое место в общем развитии человечества. Интересы такого общества сужаются до рамок удовлетворения лишь непосредственных материальных потребностей, конкретных отправлений и т. д. Нравственный и умственный облик его тускнеет. Вступив на этот путь, общество немедленно начинает отставать в развитии. Но закон есть закон и рано или поздно возвращение общества к основной задаче человечества — стремление к постижению Истины неизбежно. С неизбежностью возвращается и интерес к прошлому, к истории.

Нечто подобное не так давно переживала и наша страна. Многогранная история ее народа была сведена лишь к борьбе классов, все прочее зачеркивалось, как ненужное, ценнейшие памятники прошлых эпох были забыты, уничтожались «за ненадобностью» или гибли. В значительной степени был забыт и сам деятель этого прошлого — человек, его нравственный и духовный облик. Ушли в забвение и деятели, изучавшие историю общества, отдававшие подчас исследованию всю жизнь. К счастью, эта эпоха ныне принадлежит истории, интерес к прошлому (никогда, впрочем, не угасавший) входит в свои права: возвращаются, казалось бы, утраченные проявления культуры нации, возобновляется широкая публикация письменных памятников, реставрируются памятники вещественные и даже дискутируется вопрос о восстановлении некоторых из утраченных. В этих условиях становится особенно актуальной проблема

нашей связи с прошлым в его духовном и материальном воплощении.

Не ставя вопрос столь широкого охвата, автор преследует более узкую задачу рассмотрения одной из сторон изучения прошлого — истории исследования древностей Беларуси, вплоть до железного века населенных близкими между собой аборигенными балтскими племенами, ассимилированными затем славянами, а позднее в эпоху раннего средневековья на базе этих племен составивших три отдельных древнерусских княжеств — Полоцкое (кривичи), Смоленское (кривичи и радимичи), Туров-Пинское (дреговичи). Исторические судьбы этих земель были близки и в дальнейшем, изучению их древностей и посвящена эта книга.

Специфика археологии, когда ежегодно и в огромном количестве открываются новые исторические данные,— одна из причин слабого интереса археологов к историографии. До сих пор у нас нет общих работ по истории дореволюционной археологии в России в целом, недавнее утверждение, что «дореволюционный период в отечественной археологии получил достаточно полное историографическое осмысление, особенно в работах А. А. Формозова», основано на явном недоразумении [1]. Капитальный труд по истории русской археологии во всем ее объеме далеко впереди. К его разработке мы только еще приступаем. Две монографии по истории археологии, вышедшие недавно, охватывают предмет в самом общем плане и многое, связанное с работами в 1930-х годах, оставляют в стороне [2]. Но прежде всего необходимы региональные работы. До недавнего времени история исследования древнейшей Беларуси ограничивалась тремя статьями и несколькими очерками автора этих строк в популярных журналах, и лишь в 1984 г. вышла обстоятельная книга Г. А. Кохановского по истории белорусской археологии [3]. Собрав много интересных материалов, он, как нам кажется, неудачно спланировал их, уделив истории белорусской археологии первой половины XIX в. (когда археологии как науки еще почти не было) 72 страницы, а второй половине — всего шесть. Кроме того, он ввел разделы о музейном деле и охране памятников, и это лишило его возможности что-либо обстоятельно анализировать, рассматривать историю белорусской археологии на фоне развития археологии всей России и т. д. Как отмечалось рецензентами этой книги, Г. А. Кохановский был вынужден «слишком бегло говорить об отдельных краеведах, работы которых заслуживают более подробного анализа» [4]. Коротко говорилось не только о краеведах, но и о серьезных деятелях (Н. П. Румянцев), а некоторые из них не были даже названы (Е. Ф. Канкрин и др.). Как бы то ни было, это первая и сравнительно большая монография на данную тему. Многие материалы приводятся в ней впервые. Как справедливо отмечали рецензенты, весьма положительной ее стороной является и обилие найденного в архивах материала, привлечение картографических источников XVI—XVIII вв. и др. Сведения об археологических материалах частных коллекций магнатов Великого княжества Литовского, приводимые Г. А. Кохановским, используются и в данной монографии.

Нельзя не отметить, что книга Г. А. Кохановского была первым монографическим обобщением данной темы, и в этом ее большое значение.

Ощущение современности как определенного этапа исторического процесса, желание вписать себя в этот процесс, передав о нем сведения будущим поколениям, возникли на Руси в XI в., когда на сцену явилось русское летописание. Когда это стремление возникло в отдельных регионах Руси, и в частности на западнорусских землях древности, мы не

знаем. Какие-то записи в Полоцке велись, кажется, уже в домонгольское время [5]. Правда, широко эти летописи распространены не были: хронист XVI в. М. Стрыйковский этих источников не видел и о полоцкой истории писал по общерусским летописным сводам и по ряду других менее достоверных источников. Однако, помимо этих летописей, существовали еще и «белорусско-литовские»: «Белорусско-литовское летописание,— отмечал крупнейший его знаток Н. Н. Улащик,— велось с перерывами в течение трехсот лет — с середины XIII в. до середины XVI в.» [6] Итак, историзм мышления возник на интересующих нас землях издавна и, во всяком случае, существовал уже в период образования Великого княжества Литовского.

В предлагаемой монографии нас интересует особая тема — мы пытаемся проследить, когда на западных территориях Древней Руси зародился интерес к ее памятникам древности, как эволюционировала о них мысль и памятники эти начали восприниматься в качестве исторического источника. Древние западнорусские (в будущем белорусские) земли выросли на базе восточнославянских племен Верхнего Поднепровья и Подвинья — кривичей, дреговичей и радимичей. Племена эти были особенно близки по происхождению: некогда они ассимилировали балтских аборигенов. Даже у современного населения этих земель есть диалектные особенности, границы распространения которых совпадают с распространением племен восточнобалтского субстрата. Но не только интерес к прошлому и его памятникам мы будем изучать. Сейчас с расширением нашего кругозора историография, построенная лишь на анализе идей прошлого, не удовлетворяет. Мы хотим знать глубже: кто были люди, занимавшиеся памятниками древности, какая эпоха их порождала, чем они жили и что приводило их к подобной деятельности. Поэтому здесь много внимания уделяется и тем, часто безвестным, деятелям прошлого, которые в той или иной степени проявили интерес к истории края и его древностям. В таком виде историография археологии и исторического краеведения интересующих нас земель, с нашей точки зрения, является более полной.

При работе над данным исследованием, помимо общедоступных печатных материалов, использовались материалы местных газет, а также материалы архивов (Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, архив Института археологии Российской академии наук, Центральный государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, Отдел рукописей библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей ИРЛИ (Пушкинский дом), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Отдел рукописных фондов ГИМ, Центральный государственный архив Литвы и др). Особую помощь в работе автору всегда оказывал Витебский областной историко-краеведческий музей, его директору Л. Д. Кузьменко принадлежит идея финансирования этого издания. Я также признателен белорусскому краеведу, доценту Витебского областного педагогического института М. С. Рывкину за неустанное творческое содействие, О. А. Трусову, Т. Н. Коробушкиной за подготовку книги к печати.

Литература

1. Пряхин А. Д. История советской археологии. Воронеж, 1986. С. 11.

2. Генинг В. Ф. Очерки истории советской археологии. Киев, 1982; Пряхин В. Ф. Очерки истории советской археологии. Киев, 1982; Пряхин А. Д. Указ. соч.

3. Каханоўскі Г. А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI—XIX стст. Мн., 1984.

4. Грыцкевіч А., Трусаў А., Каханоўскі Г. Адчыніся, таямніца часу. Мн., 1984; Каханоўскі Г. Археалогія і гістарычнае краязнаўства // Неман. 1985. № 9.

5. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 268—274.

6. Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 237.

1 НАЧАЛО РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ. ПЕРВЫЙ ИНТЕРЕС К ПАМЯТНИКАМ

Памятники древности интересовали людей всегда. Уже у Геродота находим свидетельство о существовании в его времена остатков укреплений Дария [1]. Как понимали эти памятники у нас, как трактовали, как долго хранились о них правдивые сведения и когда стала вступать в права легенда? С этих вопросов (как мы думаем) следует начинать книгу по истории изучения древностей. Никон Печерский (XI в.) был первым русским историком, проявившим интерес к древним реалиям. На протяжении своего (реконструируемого А. А. Шахматовым) труда он 18 раз обращается к ним для подкрепления приводимых им исторических фактов, т. е. памятники у него фигурируют в качестве исторического источника [2].

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ В ГЛАЗАХ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

На интересующих нас территориях нет столь древних свидетельств об интересе людей к своим древностям, но есть прямые и косвенные данные более позднего времени. Наблюдения над современными наименованиями курганов в 1955 г. привели нас к мысли, что помимо тюркского по своему происхождению наименования «курганы» там существуют и два более древних локальных названия: в центральной и южной Беларуси «капцы» (от литовского *kapas* — могила), в северной Беларуси и западной Смоленщине — «волотовки». Наименование «капцы» происходит с той территории, которую до славян населяли балтские племена (культура штрихованной керамики). Термин этот является, следовательно, древнейшим. Население городищ

культуры штрихованной керамики в курганах не хоронило, все курганы на его территории относятся ко времени более позднему — рубежу I и II тыс. н. э., а это означает, что во фразеологии уже давно ассимилированного населения еще существовали балтские термины. Один из них «капцы» дошел до нашего времени, а население не смешивало никогда погребальные холмы с простыми холмами и их выделяло. То же наименование «волотовки», хотя термин, несомненно, и более поздний. Термин этот не связан с велетами Страбона (П. И. Шафарик) и с кочевыми «влачившимися» якобы племенами (Е. П. Тышкевич), он отражает, как заметил А. Н. Афанасьев, древние представления о «волотах» — великанах [3]. Именуя курганы волотовками, местное население, очевидно, считало, что в этих больших насыпях, где встречаются человеческие кости, погребены великаны прошлого. Такое наименование курганы могли получить лишь тогда, когда их действительное назначение было забыто. Когда это могло быть?

В нашем распоряжении имеется несколько упоминаний письменных источников о белорусских курганах. Древнейшее находим у австрийского посла — принца Даниила фон Бухау, который ехал в Москву в 1576 г. На его вопрос о виденных им курганах местные жители отвечали, что это древние «гробницы», которым несколько сот лет. То же говорили и путешественнику Николаю Варкочу — посланнику римского цесаря, ехавшему в Москву в 1593 г.[4] Ни у того, ни у другого иностранного путешественника о курганах-великанах нет ни слова: очевидно, истинное назначение их еще было в памяти. Однако новое наименование «волотовки» уже существовало: легенды о волотах, видимо, начали связывать с этим большими могильными насыпями, а истинное их назначение стало забываться. Так, в 1595 г. в одном витебском документе сообщалось о передаче части земли «на полях Задунайских возле *волотовок*», в 1634 г. была составлена дарственная запись на «пляц» на «посаде» Заручавском (в Витебске) подле *волотовок*, наконец, в двух купчих крепостях 1623 и 1628 гг. есть сведения о земле Зверинецкой (там же) «за р. Двиною у *волотовках* и об огороде за р. Двиною на посаде слободском «подле *волотовков*» [5]. К «волотовкам» относились с почтением и при застройке городов их еще долго обходили.

Есть документы, свидетельствующие о том, что та часть витебского Взгорья, где была церковь Иоанна Богослова, в 1522 г. еще не заселялась: «тая церковь Божая на поли стоить *за местом*» [6]. Исходя из свидетельства И. Стебельского, маститый историк Витебска А. П. Сапунов проследил, что западная часть Заручавья «заселена была довольно рано, но восточная не заселялась вплоть до XVIII в.». Не археолог, он не видел этому объяснения, но причину найти не трудно. В документе 1602 г. рассказывается, как жители Витебска, поймав напавшего на город атамана Кондрата Дубину, вывели его в урочище «Заручайские Волотовки» и посадили на кол [7]. Нам ясно, что указанная А. П. Сапуновым восточная территория Заручавья не была заселена до XVIII в. потому, что там были курганы и их стремились не трогать. По той же причине, видимо, не была заселена и часть Взгорья, о которой мы говорили. В XVI—XVII вв., по-видимому, все курганы на Руси еще воспринимались могилами прошлого, к ним относились с почтением и другое их применение (например, в качестве памятных насыпей) казалось нелепым. В наше время, если «волотовки» связывают уже по-новому с могилами французов 1812 г., то полностью живет еще термин «городище»: им именуют места, укрепленные в древности, даже если укреплений этих давно уже нет (распаханы) [8]. Что это такое, крестьяне не знают («церковь в землю ушла» — следы борьбы христианства с местами языческих молений?), но всегда безошибочно

белорус укажет, какая гора — городище, а какая — нет [9]. Народная память хранит свидетельства старых эпох и выделяет памятники старины, хранит сведения и о других древних памятных местах. В деревнях есть названия некоторых урочищ: Витовтовы, Баториевы, Ольгердовы дороги. Уже гр. Н. П. Румянцев получил уведомление о том, что в имении Страплицы под Полоцком, лежащем над р. Верузою, крестьяне показывают огромной величины насыпи и лесом поросшие бугры, кои называют «Ольгердовой дорогою», а далее есть место, ведущее к огромным, окруженным болотом «древним окопам», которое «слывет у них «Князиевым мостом». При попытке раскопать один из этих бугров местный помещик Жаба нашел там несколько (судя по прилагаемому письму) разновременных вещей: каменные топоры, бердыш XVII в. и пр.[10]. Следы той же «дороги» южнее показывали К. А. Говорскому, еще южнее их видел М. Ф. Кусцинский, еще южнее — К. Кулевец [11]. Остатки этой «дороги», следовательно, в народном представлении тянутся с севера на юг. Остатки «Ольгердовой дороги» на восток показывали Е. П. Тышкевичу, а также П. М. Шпилевскому в Борисовском уезде, Д. Васильевскому — в Оршанском уезде [12]. Любопытно, что по свидетельству жителей следы «ольгердовых дорог» находятся обычно в глухих непроходимых местах — лесах и болотах. А. А. Формозов полагает, что под «ольгердовыми дорогами» скрываются просто длинные курганы [13]. Действительно, местность, где их показывают крестьяне, является территорией распространения этого вида памятников, включая Борисовский и Оршанский уезды, где есть следы «дорог Ольгерда», но где длинные курганы известны единицами. Однако остатки этих «дорог» современными археологами целенаправленно никогда не обследовались и окончательное слово о них еще впереди. Можем лишь заметить, что, судя по летописи, которой крестьянин знать не мог, именно Ольгерд всегда совершал свои походы через непроходимые места, чем обеспечивалась внезапность нападения. Он «в таинстве все творяще любомудро, да не изыдеть весть в землю, на нея же хощет ити ратью и таковою хитростию изкрадываше многие грады и страны попленил». О тайных путях Ольгерда сообщает и автор XVI в. М. Стрыйковский [14]. На Дмитрия Донского Ольгерд, мы знаем, ходил трижды: в 1368 г. (через Смоленск), в 1371 г. (через Волок Ламский, т. е. через Полоцк — Витебск), в 1372 г. вместе с Михаилом Александровичем Тверским — на Любутеск, вероятно, тоже через Полоцк — Витебск, т. е. как раз через все те места, где народ показывает «ольгердовы дороги». Все это как будто бы свидетельствует в пользу достоверности народной памяти, однако, повторяю, до специальных обследований остатков древних дорог в Беларуси вопрос остается открытым.

Нужно отметить, что население выделяло не только древние могилы и дороги, но и древние, в частности домонгольские, церкви и именно те, которые были выложены из плинфы [15]. К древним храмам относились с особым пиететом. Раскопки «Нижней церкви» в Гродно (погибла в 1183 г.) показали, что ее стены четырехметровой высоты, обросли культурным слоем почти до верха. Она, следовательно, долго оставалась нетронутой, «уходила под землю (обрастала культурным слоем) и лишь в конце XIV в. на ее месте, не разрушая ее остатков, поставили «Верхнюю церковь» [16]. То же обнаружилось в раскопках и на Минском детинце: недостроенная церковь конца XI в. длительно не застраивалась и, как мы указывали, медленно зарастала культурным слоем [17].

МАТЕЙ СТРЫЙКОВСКИЙ (1547—? гг.)

Краковский историк, каноник Ян Длугош (1415—1480 гг.), первый обратил внимание на археологические памятники, он описал «копцы» под Краковом, но заключения его были фантастичны. Я. Длугоша читал другой историк — М. Меховский (1457—1523 гг.) и отметил известные ему остатки битвы венгров с татарами — холмы и рвы [18]. Собственно Беларуси оба исследователя не касались. Талантливый историк польского и белорусского средневековья М. Стрыйковский был первым, серьезно заинтересовавшимся древностями Беларуси и Литвы.

Мацей Стрыйковский родился в Стрыкове в Мазовии, окончив Бжезинскую школу (1560 г.), учился в Краковском университете, но прервал там занятия и уехал в Литву (1565 г.). По предложению А. И. Рогова, он решил принять участие в разгоревшейся войне с Россией [19]. Восстановившись в университете в 1567 г., он окончил там курс, по-видимому, в 1569 г. С 1570 г. служил в витебском гарнизоне, начальник которого взял у него готовившуюся к печати рукопись для прочтения, не вернул ее и издал под своим именем в 1578 г. Это был Александр Гваньини [20]. Трижды избежав плена в войне с русскими, М. Стрыйковский продолжал ревностно изучать польские хроники и русские летописи. В 1578 г. он закончил первый вариант своей новой книги — «Хроники», а вскоре принял духовный сан, что открыло ему двери многих библиотек и собраний многих магнатов. Труд его был напечатан [21]. О дальнейшей деятельности М. Стрыйковского сведений нет.

Типичный представитель историографии XVI—XVII вв., М. Стрыйковский широко пользовался сказаниями народа, которые стремился тут же увязать с высказываниями Библии и авторитетнейших ученых древности [22]. Подобно Длугошу, он много занимался письменными источниками, летописями и благодаря ему (также Длугошу и Бельскому), по свидетельству М. Д. Приселкова, наука впервые узнала о белорусских и западнорусских летописях [23]. Русским летописям он доверял больше, чем литовским, т. е. местным. «Мне кажется, что это достаточно верно, ибо старые летописцы соблюдали правду»,— пишет он в одном месте,— литовские же летописцы «значительно ошибались в отношениях времени и самого события»,— свидетельствует он в другом [24].

М. Стрыйковский много путешествовал по Беларуси, осматривал древности, беседовал с населением, поэтому у него много можно встретить упоминаний о древних реалиях. От замка Гедруса на оз. Кемонт «ныне едва видно городище, так как в древности, как и теперь в Литве, был обычай замки и города делать из дерева, почему следов древних памятников в тех краях столь мало видно, в противоположность тому, чего я сам насмотрелся в Греции и Италии...» [25] Следы замка на оз. Свирь «есть и сейчас — ибо замок, будучи деревянным, еще в давние времена пришел в негодность». Возражая Я. Длугошу и М. Меховскому, сомневающимся о месте битвы 1294 г.— у Троянова, или Жукова, М. Стрыйковский сообщает, что эти места он посетил: Трояновское поле «ровное и песчаное» и он сам своими глазами видел, как пахарь там выпахал шпоры, три древка от шестов, круглую булаву и несколько наконечников стрел деревянной выделки, разрушенных временем. Отсюда видно, заключал историк, что под Трояновом, а не под Жуковом, Литва со своим князем Витенем эту победу одержала [26]. Как видим, археологический материал служит здесь для подтверждения исторических фактов; М. Стрыйковский воспринимает его как источник.

Есть место, где хронист красочно описывает крепость Каменец-Подоль-

ска, куда вошли литовцы, завоевав Подолию. «Тот город и замок (в котором я сам бывал дважды) лежит от Хотина, валашского пограничного замка и от Днестра-реки за две мили, в прекрасной равнине, почти как корона, созданная божьею рукою, только бы захотели ее сохранить и небольшими средствами поправить...» (перевод А. И. Рогова) [27]. Разъезжая по Беларуси, ученый старательно изучал постройки Ольгерда и собирал сведения о тех из них, которые не сохранились. «Литовские замки,— отмечает он,— исчезали, так как построены очень давно и из-за частого разрушения... Еще и теперь очень много в Литве и в Жмуди мы видим городищ, которые являются явными признаками этих замков» [28]. Описывает он и башню в Витебске, обращенную к Двине и соединяющую нижний каменный замок с верхним деревянным, и дополняет: «половина ее, отбитая и почти отрубленная Витовтом, стоит и поныне... Эти руины смотрел я сам, когда там нес полтора года службу в 1573 г.» [29]

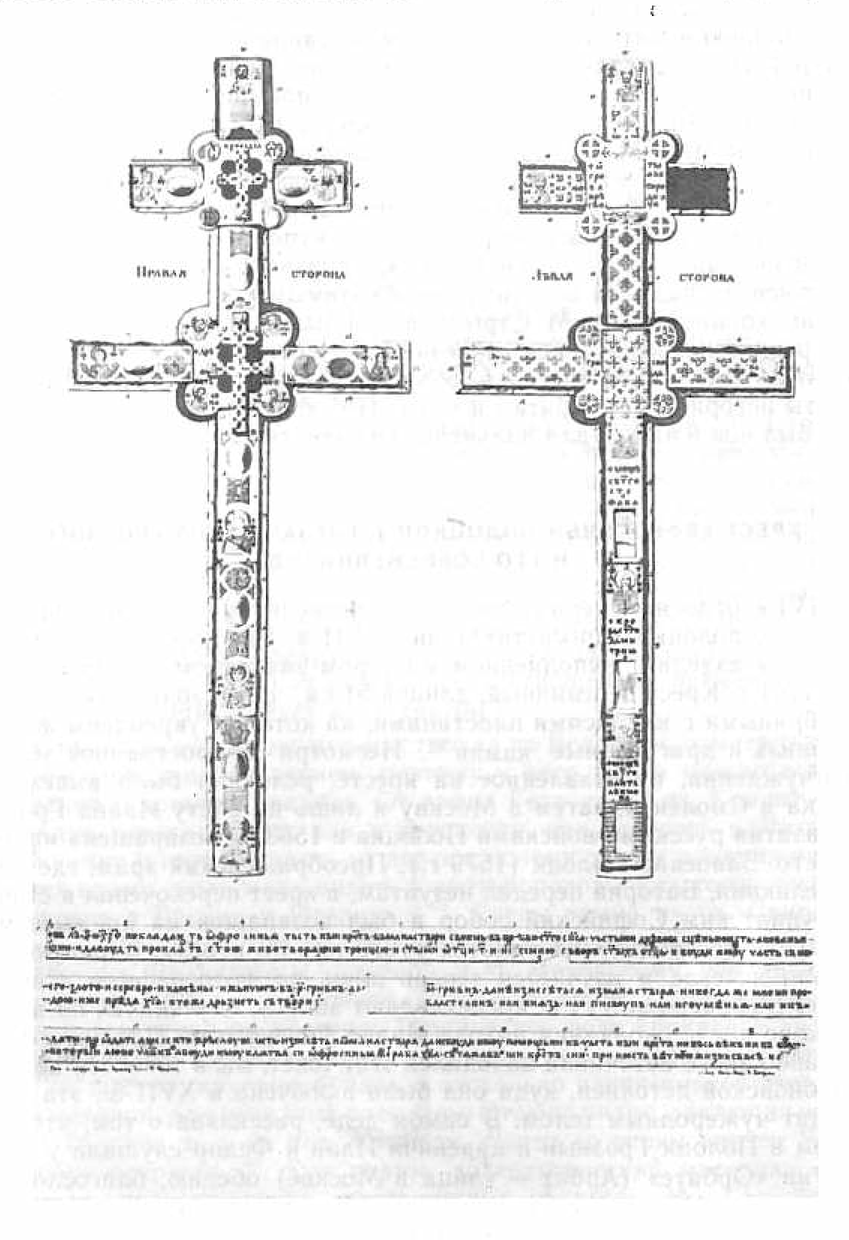
Известны были М. Стрыйковскому и Борисовы камни XII в.— громадные валуны с надписями полоцкого князя Бориса Всеславича (он, правда, считал, что Гинвилловича). Один из этих камней он смотрел сам, но надпись сообщил так, как ему передал «некий купец из Дисны» [30]. Объяснение, которое дал этим камням историк, произвольно, но все-таки важно, что объяснить надписи он считал необходимым.

Итак, хронист XVI в. М. Стрыйковский был первым, кто начал привлекать древние памятники как серьезный исторический источник и с помощью этих источников пытался объяснить некоторые не вполне ясные моменты истории (место битвы и т. д.). Подобный подход в то отдаленное время был нов и важен для дальнейшего развития науки о древних памятниках.

КРЕСТ ЕВФРОСИНЬИ ПОЛОЦКОЙ В ГЛАЗАХ ИВАНА ГРОЗНОГО И ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

К XVI в. относятся первые сведения о знаменитом большом напрестольном кресте полоцкой просветительницы XII в. Евфросиньи — подписном ювелирном изделии, выполненном мастером-эмальером Лазарем Богшей около 1161 г. Крест деревянный, длиной 51 см, обит золотыми с эмалями и серебряными с надписями пластинами, на котором укреплены жемчужная обнизь и драгоценные камни [31]. Несмотря на пространное заклятие о неотчуждении, проставленное на кресте, реликвия была вывезена из Полоцка в Смоленск, затем в Москву и лишь по обету Ивана Грозного, после взятия русскими войсками Полоцка в 1563 г., возвращена на прежнее место. Завоевав Полоцк (1579 г.), Преображенский храм, где хранилась реликвия, Баторий передал иезуитам, а крест перекочевал в ставший тогда униатским Софийский собор и был возвращен на прежнее место лишь после воссоединения униатов (1839 г.). Во вторую мировую войну реликвия исчезла и изучается теперь лишь по фотографиям. Сведения о кресте Евфросиньи XVI в. представляют запись, сделанную, по-видимому, вскоре после окончания похода Ивана Грозного на Полоцк в 1563 г. В составе какого источника находился этот текст, мы в точности не знаем. В Никоновской летописи, куда она была включена в XVII в., эта запись выглядит чужеродным телом. В самом деле, рассказав о том, что перед походом в Полоцк Грозный и царевичи Иван и Федор слушали у Бориса Глеба на «Орбате» (Арбат — улица в Москве) обедню, благословились у митрополита Макария и двинулись на с. Крылатское в поход на Полоцк, летописец перечисляет чудотворные иконы, которые были взяты царем в поход: «Икону пречистыя Богородици, сиречь Донскую,... да пречистую

Богородицу чудотворную Колоцкую и иные многие чудотворные образы и кресты...» Далее, как бы вспомнив, он включает текст о кресте Евфросиньи из другого источника, не заботясь, впрочем, чтобы текст увязать как-либо с предыдущим изложением: «Когда же боголюбезный царь и великий князь, мысля итти на безбожную Литву, бе же тогда в его царской казне крест полоцкий, украшенный златом и каменьем дорогим, написано же на кресте: «сделан крест в Полотску повелением княжны Евфросиньи и поставлен в церкви всемилостивого Спаса, да не изнесет его из тое церкви никтоже, егда же кто из церкви изнесет, да приимет

Крест Евфросиньи Полоцкой

с тем суд в день судный». Нецыи же поведают: впрежний некогда смолняне и полочане державше у себя государей князей по своим волям, и межь себя смоляне с полочаны воевахуться, и тот крест честный смолняне в Полотцку взяша в войне и привезоша в Смоленск; егда же благочестивый государь князь великий Василей Ивановичь всеа Русии вотчину свою Смоленеск взял, тогда же и тот честный крест во царствующий град в Москву привезен. Царь же и великий князь тот крест обновити велел и украсити, и тот честный крест взя с собою и, имея надежду на милосердного Бога и на крестьную силу, победи врага своея, еже и бысть» [32].

Здесь интересно все: в то время еще помнили, что некогда «смолняне и полочане» имели князей «по своим волям» (феодальная раздробленность) и, следовательно, интересовались прошлым, автор вставки, по-видимому, не только видел крест в государевой казне и читал на нем надписи, но писал он тогда, когда реликвия по обету Грозного была возвращена в Полоцк, и воспроизвел надпись по памяти, но в общем верно и иногда даже близко к тексту («да не изнесет его ис тое церкви никто же») [33]. Интересно также, что надпись на кресте была понята читателем ее в XVI в. в том смысле, что «сделан крест в Полотску» (хотя такой надписи там нет [34]). Характерно для церковного (и суеверного) книжника, каким был, по-видимому, автор записи, что не «злото», не серебро, не каменье, жемчуг и эмали, не высокая цена работы, наконец, даже не древняя дата и имя мастера, беспрецедентно поставленные на кресте (в 1563 г. изделию было 402 года), поразили его, а сложное заклятие, которое он и воспроизвел по памяти. Заклятие это, несомненно, и было причиной того, что драгоценная реликвия просуществовала в Полоцке еще 400 лет и исчезла из могилевского хранения музейных ценностей (свидетельство крупнейшего белорусского краеведа И. С. Мигулина) во время второй мировой войны [35]. Из Никоновской и близкой ей Лебедевской летописей мы узнаем, что за крестом Евфросиньи шествовала передаваемая из уст в уста («нецыи же поведают...») его история. Оказывается, в Полоцке первое время он пролежал не так долго и при очередном взятии города смолянами (то есть, очевидно, в конце XII — начале XIII в.[36]) он был увезен в Смоленск. Кочевье реликвии продолжалось: в XVI в. Полоцк был у Речи Посполитой и с реликвией можно было поступать «не взирая» на заклятие. После победы Василия III над Смоленском, когда 1 августа 1514 г. в день «на Прохождение честного креста епископ Варсунофей с архимандритом и с игумены и со всеми соборы со священники и диаконы, взем чюдотворную икону... Богоматери с честными кресты и иными многими святыми образы... сретоша государыня великого князя за градом на посаде...» [37] (здесь был, видимо, и полоцкий крест), Василий III взял реликвию в Москву, где она и пролежала еще 49 лет.

XVII—XVIII века внесли новую струю в изучение древних памятников польско-литовско-белорусских земель. В это время особенное распространение получило коллекционирование древностей среди польских магнатов — Понятовских, Радзивиллов, Любомирских, Потоцких... Правда, собирались главным образом произведения искусства и редкости, но сюда же попадали и археологические предметы. В XVII в. возникают и первые историко-краеведческие интересы. В Польше в XVII в. появилась первая сводка городищ [38].

Игнатий Кульчинский (1707—1747 гг.) — первый исследователь белорусских древностей

В XVIII в. древними реалиями интересовались многие и тогда же начали делать первые выводы. Первым исследователем белорусских древностей был Игнатий Кульчинский — архимандрит гродненского Коложского монастыря [39]. Его труды являются основным источником по истории гродненской Коложской церкви [40]. Об этом ученом монахе известно мало. Он родился в окрестностях Гродно, 1727—1735 гг. провел в Риме, где много писал и издавал различные, чаще богословские, труды, усиленно занимался церковной историей. Став архимандритом в Гродно, он погрузился в изучение архива Коложского монастыря и составил его историю, где немало места уделено Коложской церкви [41]. «Относительно древности этой церкви я не видел ни одного документа,— сообщает он,— однако, я думаю, что Коложская церковь построена в то самое время и в том столетии, когда воздвигнут был полоцкий кафедральный храм, т. е. во время удельных русских князей и до обращения Литвы в святую веру. Думаю, что церковь эта основана и построена примерно около лета господня 1200». Основным доказательством этой даты был кирпич, из которого гродненская церковь была возведена: «эта церковь кирпичом и известкой похожа на кафедральную полоцкую церковь...»[42] Действительно, Полоцкая София до ее перестройки Флорианом Гребницким в 1750 г. стояла в плачевном виде, кладки ее были хорошо видны и И. Кульчинский их хорошо рассмотрел. Идея датировать храм по кирпичу-плинфе была абсолютно верна, но нельзя было, как мы теперь знаем, кладку (*opus mixtum*) с квадратной плинфой, типичной для XI в., сравнивать с плинфой удлиненной и порядовой кладкой Коложи, типичной для XII в. Но этого архимандрит XVIII в. знать не мог. Интересные и остальные разделы «Инвентаря»: в разделе о церкви он говорит о том, где она расположена, как укреплена, чтобы Неман ее не подмыл (он «велел построить у горы забор, привалить его навозом, а также велел посадить тут разные деревья»). Описывая внешний вид памятника, он указывает на камни, которые «крестообразно» вделаны в стены, а выше «крестообразно вделаны в стенах кресты из полированных желтых и зеленых кирпичей» (поливных плиток). При описании интерьера речь идет о дверях, окнах, кирпичном поле, о «каменном потолке», который обрушился и т. д. «Достойно удивления,— пишет И. Кульчинский,— что в этом древнем храме во всех стенах находится множество отверстий, кажущихся маленькими и узкими, ибо только руку можно просунуть в них, но внутри стен, расширяющихся в большие и широкие горшки» (так описаны впервые голосники). Кончается «Инвентарь» описанием икон. При чтении этого произведения постоянно ощущается, что автор рассматривает храм как объект глубокой старины, он описывает не только внешний и внутренний вид, голосники, но и колонны, их форму, исследуя стены, приходит к выводу о великолепном якобы иконостасе, который некогда был в храме. Это первое подробное описание исторического памятника.

Следом за «Инвентарем» И. Кульчинский дает «Хронику игуменов» монастыря, которую он составляет на основании монастырского архива начиная с 1480 г. (игуменство Калиста). Здесь есть свидетельства и о ремонтах храма (например, его фундатором Богушем Боговитиновичем в начале XVI в.). Некоторые документы повергают его в удивление и он приводит их с соответствующими комментариями [43].

Склонный к историческим реалиям, И. Кульчинский интересовался и другими местными древностями. Живя некоторое время в Полоцке,

несомненно, в Базилианском монастыре при храме св. Софии (где тогда хранился крест Евфросиньи), он видел эту реликвию и даже ее описал: «В кафедральной церкви полоцкой до сих пор хранится золотой крест,— писал он,— великолепной работы с разными мощами, надпись на нем: «Hans crucem ego famula Christi Parascevia templo S. Salvatoris in perpetum donavi», т. е.: «Я, раба Христова Параскева, отдаю этот крест на вечные времена в церковь св. Спаса» [44]. Такой надписи, как мы знаем, на кресте не было. Еще А. П. Сапунов указывал, что это вольный перевод надписи на кресте, где Евфросинья заменена Параскевой [45]. Легенда о Параскеве принадлежит XVI в., она нужна была католикам и униатам. Очевидно, эта святая умерла, как считалось, в Риме, т. е. она была католичкой. Благодаря И. Кульчинскому о кресте Евфросиньи (под именем Параскевы) узнали на Западе, его надписи фигурировали в искаженном виде в известном многотомнике Боландистов Acta sanctorum (Жития святых), а оттуда перепечатывались в других изданиях [46]. Увы, для первого историка белорусских древностей священника Игнатия Кульчинского соображения идеологического порядка были выше столь излюбленной им истины. Он поддерживал официальную версию и истина относительно имени Евфросиньи была восстановлена много позднее, другим ученым, тоже базилианином — Игнатием Стебельским (1781 г.), но гродненского архимандрита давно уже не было в живых [47].

Местными древностями в эти времена интересовались и другие униатские деятели, источником для которых был, правда, все тот же М. Стрыйковский. Так, в Полоцкой Софии П. И. Кёппену показывали старинную книгу о местных храмах, где, как видно из названия, источником служила «Хроника» М. Стрыйковского [48].

Проявляли интерес к древностям Беларуси и польские магнаты, владения которых находились на ее территории. Но интерес здесь был достаточно специфическим: пополнялись уникальными предметами коллекции их музеев. В замках и дворцах Радзивиллов, Сапегов, Хрептовичей, Тизенгаузенов создавались коллекции древних документов, книг, нумизматических находок, археологических древностей (если таковые шли им в руки), многое привозилось из заграницы. Николай Радзивилл Черный (1515—1565 гг.), вернувшись из поездки в Европу, решил создать у себя нумизматический кабинет, подобный тем, которые он там видел. Так были заложены основы будущих громадных несвижских коллекций. Его сын Николай Радзивилл («Сиротка») (1549—1616 гг.), один из образованнейших людей своего времени, интенсивно пополнял музей не только нумизматическими приобретениями, но и старинным актовым материалом, а также художественными ценностями. В следующие два столетия в коллекциях Несвижа имелись старинное оружие, доспехи, художественная конская сбруя [49]. Есть сведения, что в этих магнатских музеях «скапливались и археологические коллекции» [50] и во владении Хрептовичей Щорсы была собрана даже одна из первых специально археологических коллекций, следы которой, к сожалению, утрачены [51]. Есть и другие материалы, свидетельствующие о больших коллекциях роскошных музеев польских магнатов [52]. На всем этом мы не останавливаемся, так как в большинстве случаев сборы эти преследовали цель не выше чистого коллекционерства.

В XVIII в. в России (куда Беларусь тогда еще не входила) появились первые официальные документы, призывающие сохранять древние рукописи и вещественные памятники, и все это было связано прежде всего с деятельностью Петра Великого. В 1718 г. он издал указ о сдаче старинных редкостей комендантам («все, что зело старо и необыкновенно»), в 1721 г.

по указу Сената сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому предписывалось запрещать переплавлять найденные в могильниках старинные золотые вещи и т. д.[53]. В 1736 г. Анна Иоановна издала указ о сохранении конских уборов, а в 1759 г. Академия наук объявила о сборе исторических и географических сведений и описаний монастырей, для исправления Российского атласа требовались «копия с исторических описаний оных для сочинения «Российской истории» [54].

ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ ТАТИЩЕВ (1686—1750 гг.)

В. Н. Татищев, много лет добивавшийся в Академии наук широкой организации работ по разысканию древностей, в 1737 г. составил анкету для сбора сведений на местах, состоявшую из 198 вопросов. В пунктах 105—108 говорилось о раскопках курганов. Интересовала ученого и история Беларуси. Как мы знаем, он держал в руках Полоцкую и Смоленскую летописи, которые до нас не дошли [55]. Проявлял интерес В. Н. Татищев и к вещественным памятникам на местах, но заключения его были подчас наивны. Например, не было оснований для локализации летописного Лучина (о чем еще ведутся споры и поныне [56]), который он отождествлял с современным городом Рославлем, хотя летописец конкретно называет Лучин, а не Рославль [57].

В конце XVIII в. раскопки древних погребений в Беларуси и Польше участились и в значительной мере потому, что на них обращал внимание последний польский король Станислав Август Понятовский — страстный любитель искусств и коллекционер, о котором современники говорили, что он имел больше склонностей, чем таланта и хорошего вкуса. Порой эти раскопки приобретали и своеобразную форму. В 1791 г., например, Тадеуш Чацкий, «облеченный полномочиями короля и примаса» [58], орудовал не только в архивах и библиотеках, но и «вскрывал королевские могилы на Вавеле, находя для Изабеллы Чарторыйской разные древние и ценные находки...» [59]

К этому же времени восходят и первые сведения о раскопках (далеких еще от науки) в Беларуси. В собрание документов Винцентия Меницкого попало письмо Станислава Августа от 24 февраля 1790 г. к помещику Бжостовскому. Заинтригованный раскопками последнего в его имении Мосар (ныне Витебской обл.) и благодаря за присланные материалы раскопок (бубенчики на ремешке и пр.) коронованный любитель древностей просил дополнительных сведений: «не найдено ли еще чего-либо при скелете? Был ли он мужчиной или женщиной (это может выяснить всякий цирюльник), находился ли он в гробу или без, как глубоко залегал скелет и не сохранилось ли при нем остатков одежды?» Бжостовский отвечал, что скелет был мужским, погребен был без гроба, одежд не сохранилось, а закопан он был всего на глубину локтя. Лежал навзничь с вытянутыми руками, и кроме пустого горшка, который тут же рассыпался, ничего значительного не было. Правда, Бжостовский упоминал какие-то «скубки», которые он теперь отправил в Минское воеводство для пересылки королю. В 20 локтях от могилы, сообщил он далее, на той же глубине он нашел сгнивший конский скелет, что же до покойника, то он лежал на небольшом возвышении [60]. Как видим, вопросы короля обнаруживают большую заинтересованность найденным, и действительно, археология в самом широком смысле слова была его страстью [61]. Король был, как известно, весьма образованным человеком своего времени, покрови-

телем наук. Он владел огромной библиотекой, большая часть которой была подарена затем Павлом I могилевскому епископу — известному деятелю Анастасию Братановскому, бывшему потом епископом астраханским [62].

Интерес к древностям интересующих нас земель в 80-х годах XVIII в. особенно повысился в связи с предстоявшей поездкой туда Екатерины II. В Смоленске ей была преподнесена книга по местной истории, составленная на основании записок, «выданных просвещенным епископом Парфением». Записки эти касались в основном Смоленской губернии, однако среди рукописей Парфения был, оказывается, и «Полоцкий летописец», по-видимому, отличный от так называемых Литовских летописей,— вполне возможно, что это был тот самый летописец, которого держал в руках В. Н. Татищев. К сожалению, вся библиотека епископа Парфения и все находящиеся в ней рукописи погибли в Смоленске во время пожара 1812 г.[63]

Литература

1. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. Кн. IV. С. 218.
2. Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 11—23.
3. Шафарик П. И. Славянские древности. М., 1848. Т. 2. Кн. 3. С. 90—95, 98, 111; Tyszkiewicz E. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847; Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2. С. 650, 651; ср.: Потебня А. А. Этимологические заметки // ЖСт., 1891. Вып. 3. С. 212; Веселовский А. Н. Уголок русского эпоса в саге о Тидреке Бернском // ЖМНП. 7. CCCVI. 1896. С. 248, 249, 275.
4. Аделунг Ф. Древнейшие путешествия иностранцев по России // ЧОИДР. М., 1863. Вып. 2. Разд. 3. С. 175; Описание путешествия в Москву Николая Варкоча — посла римского царя 22 июля 1593 г. М., 1877. С. 142.
5. Веревкин М. Записка об археологических памятниках Витебской губернии // Труды ВОМПК. Вильна, 1893. С. 198, 203, 204, 208.
6. Археографический сборник документов, относящихся к Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 1. С. 8, 9; Сапунов А. П. Река Западная Двина. Витебск, 1893. С. 393.
7. Сапунов А. П. Указ. соч. С. 379.
8. Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды ПОКЭ. М., 1959. Т. 1. С. 281, 282.
9. Алексеев Л. В. По Западной Двине и Днепру в Белоруссии. М., 1974. С. 28.
10. Формозов А. А. Документ по истории русской археологии начала XIX в. // СА. 1985. № 3. С. 268—269.
11. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 90 и др.
12. Там же.
13. Формозов А. А. Документ... С. 269.
14. Рогов А. И. Русско-польские культурные связи эпохи Возрождения. М., 1966. С. 176.
15. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979. С. 330. Прим. 4.
16. Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. 1954. № 41. С. 127, 183.
17. Тарасенко В. Р. Древний Минск // МИА Белоруссии. Мн., 1957; Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982; Алексеев Л. В. Капитальное исследование по начальной истории Минска // СА. 1987. № 2; Аляксееў Л. Старажытныя жыхары Беларусі аб сваіх помніках даўніны. ПГКБ, 1985. № 4.
18. Nosek St. Laris historii badan archeologicznych w Malopoesce. Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1967. S. 10. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1938. С. 54—56.
19. Рогов А. И. Русско-польские... С. 22.
20. Gwagnin Al. Sarmatiae Europa descriptio. Cracowiae, 1578. Об этом беспрецедентном плагиате М. Стрыйковский пишет с горечью сам: Stryikowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1847. T. 1. S. 316.
21. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi... przez Maciej Osostescinsa Stryikowskiego... Drukowano w Królewsku i Cerzego Osterbergera. MD XXXII. T. 1, 2.
22. Об этих событиях см.: Робинсон А. Н. Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963. С. 105.
23. Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Белоруссии // Уч. зап. Ленинградского университета. 1940. Сер. ист. наук. Вып. 7. С. 17.
24. Рогов А. И. Указ. соч. С. 200, 205.
25. Stryikowski M. Kronika... T. 1. S. 118.
26. Stryikowski M. Kronika... T. 1. S. 339; Рогов А. И. Указ. соч. С. 153.

27. Stryikowski M. Kronika... T. 2. S. 8.
28. Там же. С. 48.
29. Stryikowski M. Kronika... T. 2. S. 109, Рогов А. И. Указ. соч. С. 194.
30. Там же. Т. 1. С. 241.
31. Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. // СА. 1957. № 3; Он же. Полоцкая земля. М., 1966. С. 221—227; Он же. Крест Евфросиньи Полоцкой 1161 г. в средневековье и в позднейшие времена. Р. А. 1993. № 2.
32. ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 347.
33. Надписи на кресте см.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 224—225.
34. Изучив все близкие кресту эмали, Т. И. Макарова пришла к выводу, что Лазарь Богша был киевским мастером (Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975. С. 72, 73, 94—101). Но это не окончательно, так как эмали, сделанные в Полоцке, не известны.
35. Арлоў Уладзімір. Хто выкраў крыж Еўфрасінні? // Полоцкий летописец. Полоцк, 1992. № 1. С. 48—53.
36. Алексеев Л. В. Полоцкая земля... С. 222.
37. ПСРЛ. Т. 13. С. 19.
38. Antoniewicz J. Józef Naruński-polski inwentarisator grodzisk w XVII wieku w Prusach // Wiadomosci archeologiczne. 1950—1951. T. 17.
39. Алексеев Л. В. Игнатий Кульчинский — первый исследователь белорусских древностей // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 100—105.
40. Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. 1954. № 41.
41. Археографический сборник документов, относящихся к истории Западной Руси. Вильна, 1870. Т. 9.
42. Там же. С. 409.
43. Там же. С. 432.
44. Kulczyński I. Specimen Ecclesice Ruthenice Roma, 1733. S. 56.
45. Сапунов А. П. Католическая легенда о Параскеве — княжне полоцкой. Витебск, 1888.
46. Paperbrochium. Ephemerides Greco-Moscae // Acta Sanctorum, mensis October. Venetiis. P. XXVIII; Assemani I. S. Kalendaria Ecclesiae universae. Romae, 1755. T. 5. P. 288—290.
47. Stebelski J. Dwa wielkia swiatla na hogizoncie Rolozkim. Wilno. 1781. S. 121, 122.
48. Кеппен П. И. Список русским памятникам. СПб., 1822. С. 44.
49. Каханоўскі Г. А. Археалогія... С. 20, 21.
50. Гуревич Ф. Д. Древности белорусского Понеманья. М., 1962. С. 5.
51. Каханоўскі Г. А. Археалогія... С. 22.
52. Chwalewik E. Zbiory polskie archiwa biblioteki gabinetu muzea i inne zbiory pamiatek w Ojczyznie i Obczyznie. Warszawa, NCMXXVII, t. 1, 2.
53. Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начала XIX в. М., 1978. С. 20—22.
54. Там же. С. 25—27.
55. Гуревич Д. М. В. Н. Татищев и русская археологическая наука // СА. 1956. T.XXVI. С. 261; Татищев В. Н. История Российская. М.; Л. 1964. Т. 1, 3. С. 261; М.; Л., 1962. Т. 1. С. 46.
56. Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. С. 240; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 166, 167.
57. Татищев В. Н. Указ. соч. С. 98, 248.
58. Примас был нужен: тревожились могилы. См.: Abramowicz A. Wiek archeologii. Warszawa, 1967. S. 10. со ссылкой: Grabowski A. Wspomnienia Ambrozego Grabowskiego; Estereicher St. t. 2. Krakow, 1909. S. 171, 173.
59. Abramowicz A. Ibid.
60. Mienicki Wincenty. Wykopalisko w Mosarzu // Wiadomsci archeologiczno — numiztyczne. 1892. N 1/2. S. 285—289.
61. G. O. Kroo Stanislaw August jako archeolog. Ibid. S. 284, 285.
62. По смерти Анастасия по завещанию библиотека поступила в Астраханскую семинарию (ЖМНП, 1858, март. Отд. VII. С. 159). Астраханский облархив сообщал мне, что сведений о судьбе этой ценнейшей библиотеки в Астрахани нет.
63. Мурзакевич Н. А. История города Смоленска. Смоленск, 1903. С. 22 (примечание И. И. Орловского).

2 ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН И ДВИЖЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Век XVIII, принесший России ростки просвещения, оформивший первые поколения русской разносословной интеллигенции — этого наиболее сознательно мыслящего и активного элемента общества, уже мечтавшего ограничить самодержавие и увеличить свободы (Н. И. Новиков, А. Н. Радищев), подготовил все те явления нашей истории, которыми так был богат следующий, XIX век. И не случайно первые шаги страны, освободившейся 11 марта 1801 г. от произвола павловской поры, после мероприятий по обновлению управления и законодательства были направлены на реформы просвещения. Уже в 1802 г. петровские коллегии были заменены министерствами. В ведении Министерства просвещения находилось управление общеобразовательными школами, университетами, научными учреждениями и издательским делом. За «Предварительными правилами народного просвещения» (1803 г.) был введен университетский устав (1804 г.), созданы шесть учебных округов России, в каждом из которых был университет. Основанный на принципе уважения к науке устав давал университетам полную свободу преподавания. Автономные университетские советы главенствовали в округе. Люди науки, следовательно, руководили просвещением в стране и наука ставилась во главу угла. Это долго в России продолжаться не могло и еще при Александре I многие замечательные начинания начала его царствования были урезаны, а при Николае и вовсе ликвидированы.

В ту эпоху просветительные тенденции всколыхнули интерес к древностям, прежде всего классическим. Древние авторы «были у каждого из нас почти настольными книгами»,— вспоминал молодость И. Д. Якушкин [1]. О своей национальной исто-

рии, своих древностях думали еще мало. Н. М. Карамзин еще не издал своего классического труда, русские древности почти не были известны, их не замечали. Но интерес к русской истории носился в воздухе [2], правда, не все его еще разделяли, даже в среде высокопоставленной образованной элиты. Первый министр новообразованного Министерства просвещения граф П. В. Завадовский, например, перед образованием его министерства писал: «Ежели не все, то однакоже многие пробежал я наши истории и летописцы. Хаос неочищенный от лжи и невежества! ... Пишущим монахам не спорили монастырские стены, а мир легковерный потому, что непросвещенный, всякую всячину принимал за истину, яко исходящую от святыни. Сим образом, я полагаю, составилась история нашей древности, на которую по-пустому устремляем наше любопытство...» И далее: «История наша всегда будет для читателя скучна, ежели черпать хочем оную глубже, а не от времени Петра Великого. Для просвещающегося века приятнее повесть от начала просвещения, а не от виновника онаго!..» [3]

Совсем иначе смотрел на дело рядом с ним стоявший товарищ министра, известный покровитель просвещения и попечитель Московского университета Михаил Никитич Муравьев (отец декабристов Никиты и Александра Муравьевых и воспитатель в прошлом Александра I): «Нет ничего приличнее гражданину,— писал он,— как любопытное внимание к славным происшествиям, к древностям, к местным обстоятельствам и обыкновениям своего отечества. Не знать сих особенностей народных — есть то, что быть иностранцем» [4]. Мы знаем, что при содействии М. Н. Муравьева Н. М. Карамзин получил от императора официальное звание «историографа».

Большую роль в формировании интереса к истории нашей страны докарамзинского периода сыграл, свидетельствует современник, С. Н. Глинка: «Он сделался известен изданием «Русского вестника» с 1808 г., в ту пору, когда после войны с французами и Тильзитского мира Глинка возненавидел Наполеона и французов. Сначала цель его при издании этого журнала была напомнить русским родную Русь, ее старину и подвиг; потом мало-помалу он перешел к совершенной ненависти враждебного нам тогда народа, очаровавшего нас языком, модами и вредными обычаями. Журнал Глинки... пришелся совершенно по времени и имел успех необыкновенный... Надобно вспомнить, надобно знать то время, чтобы понять всю важность «Русского вестника». Теперь о нашей старине нам твердят беспрестанно; а тогда — многие в первый раз услышали из «Русского вестника» о царице Наталии Кирилловне, о боярине Матвееве — воспитателе Петра Великого, и в первый раз увидели их портреты» [5]. Возрождающийся интерес к своей истории сопровождался и интересом к памятникам старины. Евгений Болохвитинов (1767—1837 гг.) в начале XIX в. «испытывал пошву земли» в Новгороде и сообщал, что «на Тогровой стороне по набережным местам инде аршин 8, или 9 копать до материка» [6]. Н. М. Карамзин в 1805 г. писал брату, что ему «не отделаться от Киева, надобно будет туда съездить...» [7], в своем капитальном труде он неоднократно упоминал древние реалии [8], а в конце жизни они стали ему необходимы, очевидно, и как исторический источник. Так, в 1824 г., работая над Смутным временем (12-й том его труда, вышедший посмертно в 1829 г.), он обратился к К. Ф. Калайдовичу с просьбой срочно побывать в Тушине «в 12 в. от Москвы и описать место, где стоял вторый Лже Дмитрий». Требовалось поверить, остались ли следы «равнин, укрепленных валом и рвом», и пр. К. Ф. Калайдович был там уже на следующий день и составил описание с планом [9].

Возрастающий интерес к нашей истории отразился и в ряде правительственных распоряжений. 6 июля 1804 г. Синод издал указ о розыске в синодальной и монастырской библиотеках русских летописей, которые надлежало передавать в недавно образованное Московское Общество любителей древностей российских при Московском университете [10]. Несмотря на эпоху наполеоновских войн, 10 марта 1806 г. последовал указ Александра I главноуправляющему экспедицией кремлевского строения П. С. Валуеву об улучшении сохранности сокровищ мастерской и Оружейной Палаты. В специальных «Правилах», прилагаемых к указу, отмечалось, как поступать «для отыскания в Палате к древностям принадлежащих достопамятностей, развлеченных в другие места ... и вновь отысканных», каким порядком принимать от частных лиц, «достойных уважением или древностью, или искусством», причем прибавлялось, что имена дарителей имеют быть напечатаны в историческом описании «Палатских достопамятностей» [11].

Все это касалось в основном музейных коллекций. Но вот в 1810 г. в интересующих нас землях были предприняты первые исследования курганов с научной целью. Руководил этими работами военный инженер, будущий известный историк Литвы Ф. Е. Нарбутт.

ФЕДОР ЕФИМОВИЧ НАРБУТТ (1784—1864 гг.)

Как известно, утрата родины или ее порабощение обычно рождают особое романтическое отношение к ее былому величию. Лучшие литературные произведения о Родине часто исходят в этих случаях из среды эмигрантских писателей (творения А. Мицкевича — о Польше, А. И. Герцена — о России и т. д.). Разделы Польши Екатериной II привели к тому, что деятели польской литературы обратились к изучению ее древней истории. Как отмечал А. А. Формозов, «в Польше раньше, чем в России, зародился интерес к славянским древностям» [12]. Однако у нас внимательно следили за открытиями и теориями польских ученых и многие их труды немедленно переводились [13]. «Форум, где заинтересованность археологией прямым путем дошла до публикации, где формировались методические и научные основы этой дисциплины, был заложен в 1800 г. «Варшавским обществом друзей науки»,— пишет известный историк польской археологии А. Абрамович [14]. Там была составлена инструкция для изучения памятников (1802 г.), а 9 января 1809 г. В. Суровецкий прочел в обществе одну из первых чисто археологических лекций о вымываемых дождями погребальных урнах. «Урны эти,— свидетельствовал он,— стоят нашего пристального внимания, в них находятся зачастую остатки, по которым можно домыслить те эпохи, которые их спрятали, так же, как степень развития ремесла, обычаи и связи с другими народами» [15].

В Беларуси, где было много польской шляхты, с интересом следили за польской литературой и не удивительно, что первые раскопки в этой стране с научной целью были проведены Ф. Е. Нарбуттом. Ф. Е. Нарбутт родился в имении Шавры Лидского уезда Виленской губ., в 1803 г. поступил в корпус военных инженеров в Петербурге. Раненный штыком под Остроленкой (1807 г.), пулей в руку под Тильзитом (1807 г.) в чине поручика отбыл в госпиталь. В 1808 г. при Або был контужен в голову. За постройку на острове Рюген был награжден орденом св. Анны и именной шпагой «За храбрость». В 1810 г. М. В. Барклай-де-Толли командировал его в восточную Беларусь с целью отыскания места между Могилевом и Рогачевом для возведения укреплений против возможного нападения Наполеона на Россию. Обнаружив обширное курганное поле у Рогачева,

Ф. Е. Нарбутт заинтересовался им и решил организовать раскопки. Работы эти так его увлекли, что и впоследствии он раскапывал многочисленные насыпи в других местах — под Новогрудком, в имении Шавры Лидского уезда и в других местах. Однако контузия при Або постоянно давала о себе знать, Ф. Е. Нарбутт постепенно терял слух. В 1821 г. он окончатель-

Ф. Е. Нарбутт

но оглох и был вынужден оставить службу, навсегда поселиться в своих Шаврах и заняться историей литовского народа; из-под его пера вышел громадный многотомный труд [16].

Следует сказать, что современные историки относятся к исследованиям Ф. Е. Нарбутта с недоверием, как к ученому «немало нафантазировавшему в своих работах» [17]. К. Ходыницкий вообще считает, что Ф. Е. Нарбутт выдумывал источники [18]. Нас же интересует то, что он писал о своих раскопках, о памятниках археологии. Памятники эти интересовали его всю жизнь. Еще в 1822 г. он писал о том, что «по недостатку местных разысканий о древностях литовских невозможно сказать ничего достоверного», и отмечал при этом, что «на берегах Немана доныне существуют следы весьма древних зданий, построение коих приписывается изыскателями древности первым основателям торговли на упомянутой реке, прибывшим туда из стран полуденных за несколько веков до Карла Великого. В Русне находится множество кирпичных обломков, от древности почти окаменелых. Сии признаки более всего оказываются в береговых промоинах. В Юрбурге, идучи вверх по реке, у д. Колинянам, на правом берегу видел

я над самою рекою курган, составленный из сих мелких обломков строения. При раскапывании оного в разных местах до различной глубины находил я кирпич и известь... Над рекой Дубиссою, в полумили от ее устья, в долине возвышаются холмы, составившиеся из подобных обломков...» И далее: «Не случалось мне находить в сих развалинах камней, какие в средних веках употреблялись литовцами в строениях», из всего этого делался вывод, что описанные памятники старше памятников литовских и принадлежит какому-то иному населению...» [19] Все это выглядит достаточно наивно, но для нас важна главная мысль: материальные остатки, находимые в земле, могут служить историческим источником.

О раскопанных курганах Ф. Е. Нарбутт сообщал в печати уже в 1818 г. и позднее перепечатал во втором томе своего труда по истории литовского народа [20]. Курганы, которые раскопал он под Рогачевом в 1810 г., представляли собой, несомненно, могилы, относящиеся к незапамятным временам — «это остатки какого-то народа, который жил на этих местах до славян, а Рогачев — столица «людей, лежащих в курганах» и т. д.[21] Таковы были первые и весьма фантастические выводы, к которым приходил один из первых исследователей белорусских курганов. Как мы знаем, курганы под Рогачевом оставлены дреговичами в XI—XII вв.

Эпоха наполеоновских войн и особенно война 1812 г. подняли необычайно патриотические настроения русского общества, усилился интерес к древностям своей страны. Выход каждого тома «Истории» Н. М. Карамзина воспринимался событием и петербуржцы говорили, что ныне улицы столицы по вечерам пустеют, так как город погружается в эпоху Грозного [22]. «На Семеновском мосту только и встречаешь, что навьюченных томами Карамзина «Истории». Уж 900 экземпляров в три дня продано»,— писал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому (14 марта 1824 г.) [23].

В печати стали появляться статьи на тему о местных древностях. В 1819 г. М. Н. Макаров сообщал о «достопамятностях рязанских и пронских», год спустя он же — об археологических и палеографических редкостях России. В том же году Берх — о пермских древностях [24]. В 1821 г. директор иркутской гимназии сообщал о древностях Забайкалья [25] и т. д. Крупным событием того времени была находка клада золотых вещей на старорязанском городище, где после этого было осуществлено даже проверочное исследование генерал-губернатора и доктора Геммеля. Несколько шурфов поблизости там заложил К. Ф. Калайдович, обнаруживший даже слой (культурный) со стеклянными браслетами («винтообразно загнутое стекло в толщину гусиного пера») [26].

Памятники интересующей нас территории частично известны были уже Н. М. Карамзину (Борисов камень) [27]. Что касается курганов, то их обилие в Беларуси и Смоленщине в XIX в. впервые описал А. К. Бошняк.

ПУТЕШЕСТВИЕ А. К. БОШНЯКА (? —1831 гг.) ПО БЕЛАРУСИ В 1815 г.

Обилие курганов в белорусских землях поражало путешественников. В XIX в. стали обращать внимание не только на них, но и на городища. Много сведений о курганах занесено в дневники нерехтского помещика А. К. Бошняка, проехавшего эти земли в 1815 г.[28]. Товарищ В. А. Жуковского по Московскому университетскому пансиону, участник войны 1812 г., майор, путешественник-натуралист [29], он стяжал себе, кроме того, печальную славу слежкой за А. С. Пушкиным в 1825 г.[30], а также предатель-

ством декабристов. Являясь секретным осведомителем начальника военных поселений графа И. О. Витта, уже с апреля 1825 г. он вел тайные наблюдения за декабристами, вошел к ним в доверие, а затем их выдал. В 1831 г. А. К. Бошняк был застрелен кем-то при невыясненных обстоятельствах [31].

Проезжая в собственном экипаже («на долгих») через интересующие нас земли, А. К. Бошняк описывал ландшафт, любопытные черты крестьянского быта, заносил в дневники и описание археологических памятников (тщетно пытаясь выяснить их первоначальное назначение). Есть у него любопытные наблюдения и для археолога. Он заметил, например, что курганы в разных местностях бывают различной величины, что самые высокие насыпи чаще встречаются между речками Свислочь и Голынка [32]. Упоминает он и встречающиеся ему крепостные валы [33]. Несомненный интерес представляют и его этнографические наблюдения и заметки: «крестьянское строение в Литве вообще похоже на белорусское. За Бобруйском же примечается некоторая разность. Строение, хоть очень бедное и избы малые весьма редко с окнами на улицу, но с тесовыми кровлями...» И далее: «Еще около Игумена начинают примечаться сближение обычаев листовских с русскими. За Бобруйском и около Мозыря крестьяне говорят довольно чистым российским или, лучше сказать, малороссийским языком и несомненно показывают следы российского происхождения...» [34] Поражала путешественника и страшная бедность белорусов («лошади столь малорослы и вообще столь сморены, что кости из-под кожи видны..., коровы — также невелики... свиней держат несравненно более, чем в России» и т. д.) [35].

Первые десятилетия XIX в. были временем создания материальной научной базы для исследования по отечественной истории. Благодаря частной инициативе просвещенных лиц, главным образом придворной и титулованной (А. И. Мусин-Пушкин, Н. П. Румянцев) знати, было собрано и опубликовано большое количество древних рукописей. Собиратели интересовались и древними реалиями.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ РУМЯНЦЕВ (1754—1826 гг.)

Главная роль здесь принадлежала графу Н. П. Румянцеву, коллекция древностей которого составила обширнейший (так называемый Румянцевский) музей и при нем громадную библиотеку. Много сделал Н. П. Румянцев и для изучения древностей Беларуси. Несмотря на большую литературу об этом деятеле в прошлом, личность Н. П. Румянцева по достоинству в наше время еще не оценена и лишь не так давно и весьма успешно начала изучаться [36]. Н. П. Румянцев был сыном знаменитого полководца П. А. Румянцева-Задунайского. Получив домашнее воспитание, в 1774 г. он отправился в Лейденский университет, окончил его в 1779 г. и, вернувшись в Россию, посвятил себя дипломатической карьере. 15 лет служил за границей, в 1795 г., снова вернувшись в Россию, при Павле был опять послан за границу. При Александре I стал министром коммерции и всемерно стремился поднять экономику России. В 1810 г. он — первый председатель только что организованного Государственного совета. Выйдя в отставку (1814 г.) с пожизненным званием государственного канцлера, он обращается к научным разысканиям и в конце концов сколачивает вокруг себя кружок исследователей-энтузиастов. Последние 12 лет жизни Н. П. Румянцева были «самой блистательной эпохой изыскания наших

древностей. Вся тогдашняя историческая деятельность сосредоточивалась около этого великого человека и патриота и жила более или менее значительными его пожертвованиями» [37]. Сам граф писал в одном из писем: «Чувствую, что страсть к древностям меня совершенно охватила и в преклонных летах моих все прочее затемняет...» [38] И в другом: «Жаль, что мой жаркий и неутомимый дух действует так поздно; но повсюду же не давая покоя, не без пользы же моя к древностям алчность!» [39] Польза действительно была огромна. Пожертвования Н. П. Румянцева на разыскания древностей и напечатание найденных рукописей были значительны. Сам граф уже давно занимался отечественной историей и еще в 1793 г. издал по-французски «Краткий очерк русской истории». Вокруг ученого, как известно, сложился кружок ученых-энтузиастов — виднейших археографов и источниковедов (П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, А. Х. Востоков, митрополит Евгений Болохвитинов, П. И. Кеппен, Ф. П. Аделунг), историков (Ф. И. Круг, А. Х. Лерберг) и др. К основному ядру кружка примыкали многочисленные корреспонденты на местах. В целом это был «кружок людей наук на Руси по времени или, по крайней мере, по значению и связности. Преданные науке и отечеству, беспрестанно уважающие друг друга, рассеянные по разным местам широкой Руси, очень разнообразные по общественному положению и по возрасту, они тесно были связаны направлением мыслей и перепиской друг с другом ... Открывать и исследовать древние памятники...— такова была задача кружка»,— говорил на юбилее митрополита Евгения И. И. Срезневский [40]. Со смертью Н. П. Румянцева (1826 г.) кружок распался.

Н. П. Румянцева интересовали и древние реалии, по поводу которых он постоянно входил в переписку с провинциальными деятелями: просил уточнений, где стояло то или иное древнее здание, «какие были между ними улицы или сообщения», интересовался древней городской топографией, монетами и вещами «первобытных времен» и т. д.[41] Монеты он рассматривал как исторический источник: «кажется мне, что все они имеют особенную важность, что принадлежат калифам с VII в., бывают VIII, IX, X и XI вв., а далее не идут, из чего заключить можно, что появление татар в России сей торг уничтожило...» [42] Под татарами он понимал половцев, вторгшихся на Русь в 1068 г. Помимо нумизматики, Н. П. Румянцев интересовался раскопками, с увлечением описывал А. Ф. Малиновскому результаты раскопок в Киеве, сделанные на «иждивение» митрополита Евгения («обрытие» киевской Десятинной церкви). «Следы открывшегося фундамента,— писал он,— показывают уже отчасти его (храма) пространство, щебня среди церкви, мозаик...» [43]

Особый интерес проявлял Н. П. Румянцев к древностям Беларуси, где он имел свою сеть корреспондентов и где у него было основное имение. «Теперешнее к вам отправление,— писал он 3 декабря 1822 г. митрополиту Евгению,— я добавлю еще росписью, полученной из Москвы о монетах куфических, найденных близ нашего Могилева» и 29 декабря: «Г. Френ пишет ко мне, что найденные в Гомеле монеты суть арабские-куфические, что древнейшая из них — 896 г., а младшая — 943 г.» Ему же 25 декабря 1823 г.: «За Сожею у самого гомельского моста, когда работали плотину, нашли в земле глубоко начертанное на кости боковое изображение какого-то вельможи...» [44] Получив древнюю вещь, он прежде всего смотрел на ней дату и, выяснив, что ее нет, переходил к аналогиям из этнографии.

В Беларуси главным помощниками Н. П. Румянцева были: И. И. Григорович [45]— священник, ставший вскоре крупным специалистом-археографом, издавшим много документов, словарь белорусского языка и даже «опыт» о новгородских посадниках [46], штатный смотритель полоцких

народных училищ А. М. Дорошкевич [47], архимандрит Бельчицкого монастыря в Полоцке И. Шулакевич, переводчик могилевского магистратского суда Н. Г. Гортынский, служащий уездного казначейства в Полоцке И. Сыщанко и др. Помогали графу и другие лица, живущие или служащие в соседних землях,— преподаватель (с 1825 г. профессор) Виленского университета И. Н. Лобойко, генерал Е. Ф. Канкрин и другие [48].

Из местных деятелей белорусских помощников графа Н. П. Румянцева нас, естественно, более всего интересуют те, кто проявлял интерес к древним реалиям. В Полоцке в те времена жил Иоиль (Изоиаш) Шулакевич, который не только собирал древние документы, но даже и вел небольшие раскопки. Его упомянул в своей книге «Список русским памятникам» П. И. Кеппен как человека, интересующегося полоцкими древностями, и теперь Г. А. Кохановский пожалел, что «больше мы нигде известий о Шулакевиче не встречаем» [49]. Но он не прав: в литературе сведения о нем есть [50] и даже в новейшей [51]. Но обратимся к первоисточнику — дневнику П. И. Кеппена 1819 г., когда будущий ученый получил первые сведения о деятельности Шулакевича: «По словам директора училищ Витебской губернии Кирилла Афанасьевича Конаровского-Саховича, аббат Шулакевич в Полоцком Борисоглебском базилианском монастыре (лежащем от Полоцка по ту сторону Двины), отрыв под землей церковь, в коей и поныне показывает предел оной» [52]. Об этом полоцком энтузиасте он услыхал в Витебске, миновав Полоцк. Попытку встретиться с Шулакевичем предпринял в 1821 г., когда снова был в Полоцке, но и это не удалось. В его дневнике читаем: «В лежащем за Двиной Борисоглебском монастыре не нашел, к сожалению, аббата (архимандрита) Шулакевича, который занимается усердно древностями. При церкви сей есть какие-то древние грамоты, между прочим, одна какого-то Ярослава Изяславича. Сие сказывал мне преподобный ксендз У. С. Василия Великого Богослова, доктор и профессор Войдек в полоцком монастыре. От него узнал я, что аббат Шулакевич ездил незадолго перед сим в деревню Бездедовичи (в 20 верстах от Полоцка по ту сторону Двины к Дисне) к помещику Обрумпальскому для списания какой-то надписи на камне. Полагая, что камень сей может быть современником камням Диснинским (в начале XIII в.), я отправился туда 28 мая, но нашел только каменный гранитовый крест с надписью (дается рисунок.— *Л.А.*). Если последние буквы АХН означают год, то это 1650» [53].

Что касается грамоты Ярослава Изяславича, то это была жалованная грамота Борисоглебскому монастырю на Бельчицах. Оригинал ее исчез в 1870—1880-х годах, копия же сохранилась в архиве Н. П. Румянцева, которому ее переслал генерал-интендант 1-й армии Е. Ф. Канкрин [54]. Другая копия была получена К. Ф. Калайдовичем от полоцкого ксендза-иезуита Марцеловского [55]. Публикуя грамоту, И. И. Григорович сомневался в ее подлинности, но ссылался на П. И. Кеппена, который «без сомнения видел подлинник» [56]. Однако, судя по приведенному месту из дневника этого ученого, документ он явно не видел. Митрополит Евгений, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский признали грамоту подложной, написанной, по-видимому, в XVI в.[57].

Обратимся к храму, который откопал и показывал И. Шулакевич. Мы говорили, что фундамент какой-то церкви видел еще в XVI в. М. Стрыйковский. При А. М. Сементовском «на восточной стороне двора монастырского в 30 саженях от Борисоглебской и в 10 саженях от Параскевиевской церкви» «среди покрывающего двор дерна» виднелись «остатки фундамента от древней... церкви» [58]. По рисунку-акварели Трутнева (1866 г.), обнаруженной недавно О. А. Трусовым [59], видно, что это был большой

собор с тремя апсидами и, по-видимому, с шестью столбами. Трехапсидным изобразил его и А. М. Сементовский [60]. В наше время этот памятник изучался И. М. Хозеровым, Н. Н. Ворониным и М. К. Каргером [61]. Не приходится сомневаться, что это и есть тот самый большой собор, который «обрыл» И. Шулакевич. Однако в Полоцке в Бельчицах существовало и еще одно сооружение из плинф: «близь развалин этой церкви находятся другие развалины, тоже старинные. Судя по материалу, здание было ровесником самой церкви: здесь найдены кирпичи тех же размеров, что и в церкви...» И далее: «По преданию, здесь был жилой монастырский дом» [62]. Н. Н. Воронин опубликовал «Записку» XVIII в., где сказано, что «около 1790 г. к Полоцкой старинной Борисо-Глебской церкви пристраивалась ризница (и) из находящегося на подворьи бугра велено было брать песок для примеси с известью. Работники, накопавшись глубже, открыли каменную стену, а вскоре полное основание храма», выложенного, как можно понять из описания, из плинфы на цемянке. «Архимандрит, желая до основания выломать кирпич для другого употребления, не смог этого сделать...» [63] В документе имеется схематический рисунок плана храма — он был одноапсидным с двумя апсидообразными полукружиями по боковым сторонам. Это, несомненно, не монастырский дом, а церковь, как показал Н. Н. Воронин, типа триконх, аналогию которому можно найти на Руси только в Путивле. Итак, в Бельчицком монастыре некогда было не три, а четыре храма, но И. Шулакевича, видимо, больше интересовал большой собор и об остатках второй постройки П. И. Кеппену не сказали.

И. Шулакевич был связан и с Н. П. Румянцевым и по поручению графа участвовал в осмотре архивов Минской губ.[64]. Возможно, что именно И. Шулакевич, по предположению В. П. Козлова, в церкви св. Софии «обнаружил одну из древнейших славянских рукописей — Добрилово Евангелие 1164 г., которое было приобретено Н. П. Румянцевым за денежный вклад в монастырь» [65]. Софийской церкви в Бельчицах, правда, не было и, вероятнее, Шулакевич нашел Евангелие в полоцком Софийском соборе, так как в те времена этот храм принадлежал базилианам, т. е. единственному униатскому ордену, к нему принадлежал и Бельчицкий монастырь.

Итак, мы можем констатировать, что в последние десятилетия XVIII — первые десятилетия XIX в. в Полоцке были лица, интересовавшиеся не только археологическими древностями, но даже и пытавшиеся их раскапывать, однако никаких выводов из таких «раскопок» еще, естественно, не делалось — лишь удовлетворялось любопытство. В это время возник интерес к эпиграфическим древностям Беларуси, к Борисовым камням.

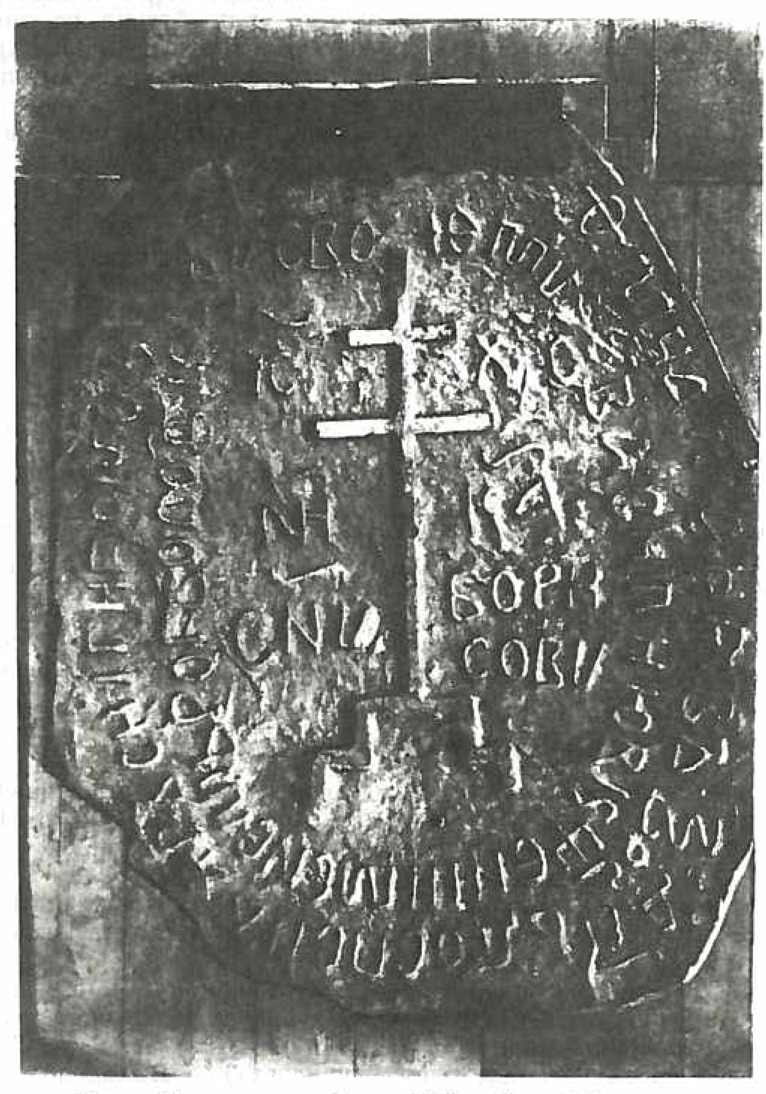
ЕГОР ФРАНЦЕВИЧ КАНКРИН (1774—1845 гг.)

Как известно, в Беларуси было девять камней с историческими надписями: шесть — по течению Западной Двины ниже Полоцка (с именами «Борис» и «Святополк-Александр») и по одному у Орши (с именем «Рогволод» и датой 1171 г.), у Высокого Городца (с именем «Борис»), в верховьях Вилии (с именем «Борис»). Все надписи, кроме «Святополк-Александр», принадлежат XII в. и для краткости камни с ними именуются «Борисовыми» [66].

Как мы видели, первый из этих камней был упомянут М. Стрыйковским (1582 г.), который, правда, его не видел и привел польский перевод надписи со слов «некоего купца из Дисны» (в обратном переводе: «Господи, помози рабу своему Борису, сыну Гинвилову») [67]. Выходило, что этот Борис был внуком Мингайло и сам, следовательно, принадлежал к литов-

ским князьям XIII в. Однако «сына Гинвилова» ни на одном из камней нет, что, впрочем, не мешало польским историкам XVII—XVIII вв. слепо воспроизводить его в своих сочинениях и иногда даже по латыни (Вьюк-Коялович и др.). Следом за ними в своем отчете о поездке в Беларусь в 1773 г. академик И. И. Лепехин также упомянул о том Борисовом камне и даже с фантастическими деталями (камня он не видел) [68].

В 1792 г.,когда был открыт знаменитый Тмутараканский камень с надписью 1068 г.[69], стал известен и второй по значению камень с надписью и датой — 1171 г. (Рогволодов камень вблизи Орши). По свидетельству П. И. Кеппена, это открытие якобы было опубликовано в «Санкт-Петербургских академических ведомостях» [70]. Т. Мальгин, давно занимавшийся родословием древнерусских князей, включил надпись новооткрытого камня в третье издание своего «Зерцала российских государей» [71] и после этого о ней, по-видимому, забыли.

Рогволодов камень с надписью 1171 г. Фото 1880-х гг.

Необыкновенный резонанс получило новое сообщение о Рогволодовом камне, появившееся в печати почти через 25 лет. В статье «Из Орши: от 2 сентября» газета «Северная почта» (1818, № 74) сообщала: «Нынешним летом посетил наш город г. Государственный Канцлер граф Николай Петрович Румянцев», далее, воздав должное «беспредельной любви» графа к отечеству, тому, что он «не щадит ни трудов, ни имущества на все, что может принести пользу», сообщалось, что «он приехал к нам 2 мая и пробыл у нас целый день, и вот по какому случаю. Он увидел года 3 или 4 тому назад в «Зерцале Российских государей» г. Мальгина на стр. 168, что Василий Святославич, внук Мономахов, скончался 1171 года, майя 6 числа по надписи, найденной на камне близь г. Орши. Граф Николай Петрович неоднократно обращался о сей надписи с вопросами ко всем антикварам и историографам, к книжникам и учителям», однако, «все отзывались незнанием». Все-таки «граф в искании не ослабевал... Наконец... он узнал здесь в Орше вице-ректора Иезуитской коллегии. Сей образованный и ученый патер Десидерий Ришардот... отыскал сие надгробие. Он совершенно удовлетворил, как стало известно, желанию графа Николай Петровича, прислав к нему ныне описание сего надгробия и рисунок онаго...» [72]

Сообщение Т. Мальгина попалось на глаза Румянцеву, по-видимому, в 1815—1816 гг. Во всяком случае граф засел за летописи с выяснением о Рогволоде, судя по сохранившимся его черновикам, в 1816 г. [73] и, видимо, уже потом обратился к поискам самой реликвии. Получив отрицательные ответы, Н. П. Румянцев приехал 2 мая в Оршу сам. Здесь его познакомили с Д. Ришардотом, и тот обещал отыскать уникальный камень.

В описании, посланном Н. П. Румянцеву, он вскоре писал: «Надгробие сделано из сероватого гранита и поставлено среди часовни в 24 верстах от Орши на дороге, ведущей к Толочину...» «Сей надгробный камень поддерживался четырьмя столбами, и многие старики помнят, что под камнем сим был проход... Видно, что сие надгробие опустилось, ибо оно теперь совершенно лежит на земле» [74]. Надпись Д. Ришардот читал так: «В лѣто 6679 (1171) месяца мая в 7 день успе. Господи, помози рабоу своему Василию, именем Рохволоду, сыну Борисову» [75]. В примечании к статье была выписка из письма к Н. П. Румянцеву «весьма ученого и в древностях российских сведущего преосвещенного архиерея», который был очень удивлен, что это — надгробие, полагая, что надгробий на Руси в XII в. не ставили (в чем он прав) [76]. Сообщив, что «надпись, упомянутая в сочинении г. Мальгина, хотя и имеет некоторое самое малейшее несходствие с сею надписью, но в самом существе она одна и та же — имя Рохволод и один и тот же в обеих надписях год доказывает сие ясно», автор кончал призывом сообщать Н. П. Румянцеву о подобных открытиях «толику нужных для истории Российской...».

Итак, по Ришардоту, Рогволодов камень — первоначально дольмен и лишь потом — надгробие русского князя, прах которого, следовательно, как-то удалось погрузить под дольмен (что кажется мало вероятным). Скорее должно быть что-либо одно: либо камень — дольмен, но не надгробие, либо наоборот. Правда, чтение Д. Ришардота ближе к истине, чем чтение Мальгина, но в нем много неверного: «успе(н)» прочтено, вместо «доспен», что заставляло считать памятник надгробным, а это вводило в заблуждение...

Как бы то ни было, публикация надписи «Северной почтой» имела широкий резонанс, о надписи заговорили. У Орши скрещивались два тракта — петербургский и московский, камень стали разыскивать многие и пытались читать надпись. Мы не знаем, был ли действительно «удовлет-

ворен» граф Н. П. Румянцев посланием Д. Ришардота, но в середине октября того же года, получив почту, он сломал печать на одном из солидных пакетов, адресованных из Шклова, и нашел в нем еще более подробное описание Рогволодова камня, его рисунки, а также камня, найденного под Изборском. Посылка сопровождалась письмом: «Сиятельный граф, милостивый государь. Известие о камне Рогволода, помещенное в «Северной почте», побудило здесь любителей древности осмотреть оный и при сем открылась существенная и важная разность, против объяснения патера Ришардота. Известное рвение Вашего Сиятельства к отысканию отечественных древностей мне в обязанность вменяет поднести Вам, милостивый государь, у сего особое полное и, может быть, слишком подробное описание памятника с присовокуплением об открытых следах другим подобным надписям. Чертеж камню сделан смотрителем магазейна Дембинским в Орше, бывшим землемером... По сему случаю я решился также представить Вашему сиятельству записку об изборских древностях, сделанную мною в 1806 году, или около онаго, позабытую в старых бумагах и ныне несколько справленную. Тамошние монограммы и надгробные кресты также стоили бы ближайшего осмотра, и записка моя только может возбудить, а не удовлетворить любопытство. Впрочем, если сии древности уже были известны, то всепокорнейше прошу извинения в моем невежестве...»

Письмо было написано писарской рукой, но принадлежало явно просвещенному человеку, имело дату 8 октября 1818 г. и в конце была собственноручная подпись — автограф «Егор Канкрин» [77].

Е. Ф. Канкрин

Имя генерала Е. Ф. Канкрина было, конечно, хорошо известно графу еще по войне 1812 г. Чем же объяснить, что этот военный деятель, ставший особенно знаменитым в будущую николаевскую эпоху как министр финансов, позднее граф Е. Ф. Канкрин — во втором десятилетии XIX в. оказался в глухом провинциальном Шклове да еще занялся подробным изучением окрестных древностей? (Исследования Е. Ф. Канкрина подобного рода отличаются вдумчивостью, обширными знаниями и, что особенно ценно, вполне научным подходом к предметам) [78]. К сожалению, имя этого замечательного человека в данной связи забыто (в недавно вышедшей подробной и интересной истории белорусской археологии Г. А. Кохановского не упоминается) [79]. А вместе с тем, как увидим, оно должно быть навсегда связано с историей изучения (ныне почти уже не существующих) Борисовых камней в Беларуси.

Егор Францевич Канкрин был образованнейшим человеком своего времени, прожившим сложную и разнообразную жизнь со взлетами и падениями. Он родился в Германии, там закончил курс в одном из университетов со званием доктора прав. В 1797 г. его отец, минеролог, служивший в России, вызвал его и эта страна стала его второй родиной. Сочинение «О военном искусстве» (1809) обратило на себя внимание военного министра М. Б. Барклая-де-Толли и известного военного теоретика Пфуля, и он был представлен царю. В 1812 г. он — генерал-интендант 1-й армии, в 1813 г.— всей армии. Благодаря своим талантам он обеспечил бесперебойное снабжение русских войск в войне с французами и вся кампания обошлась России всего в 400 млн. руб. [80] В Петербурге этого не оценили и он после войны вернулся к прежней деятельности в 1-й армии и жил при ее главной квартире попеременно то в Могилеве, то в Орше, то в Шклове. Напомнил он о себе в 1815 г., послав в Петербург «Записку» о постепенном освобождении крестьян. Острые места «Записки» не понравились Александру, в то время уже забывшему увлечения проектами М. М. Сперанского, и на Е. Ф. Канкрина стали смотреть как не беспокойного человека [81]. В 1820 г. оскорбленный Е. Ф. Канкрин вышел в отставку и стал простым членом Военного Совета. Но в 1822 г. о нем вспомнили — он стал членом Государственного Совета, а в 1823 г. министром финансов [82]. В Беларуси он и занялся Борисовыми камнями.

Записка Е. Ф. Канкрина «О Рогволодовом камне», посланная Н. П. Румянцеву, была почти полностью воспроизведена в «Северной почте», хотя многое (важное для истории науки) было опущено и сохранилось лишь в оригинале, хранящемся в архиве Н. П. Румянцева [83]. Проследим ход мысли Е. Ф. Канкрина.

Документ начинается с характеристики окрестностей, которые, как выясняет автор, «не показывают ничего отличного, только в полуверсте от часовни (построенной над Рогволодовым камнем.— *Л. А.*) видны два небольших кургана, через кои проходила уже соха». Описание самого камня Е. Ф. Канкрин начинает с опроса населения: «Еще до построения часовни и с самых древних времен, как уверяют жители, ежегодно в день Бориса и Глеба отправляемо было молебствие на сем камне, который для ограды от скота был обведен рвом. Во время покойного ген. Зорича шкловские кадеты обкопали камень сей и нашли его лежащим довольно глубоко в земле, по нынешнему положению часовни со стороны престола (с востока.— *Л. А.*), до 2,5 аршин и более, со стороны же дверей (очевидно, западных.— *Л. А.*) он тонее, что подтвердилось и при нас посредством щупа, впрочем, камень кругом обмощен досками, кои поднять можно».

«Камень сей остался, по-видимому, во всем в первоначальной своей фигуре,— переходит автор к описанию реликвии,— ибо письмена прино-

ровлены к краям его, кои не регулярны, итак, вероятно (только), одна поверхность его была выровнена выпукло, когда приступили к надписи».

Дальше решается вопрос о породе камня. «Памятник состоит не из гранита... Приходский священник уверял, что французы несколько раз разводили на нем огонь (что могли делать и пастухи), если бы был гранит (треской камень), то поверхность превратилась бы совершенно в хрящ. Напротив, он чрезвычайно и почти, можно сказать, до невероятности хорошо сохранен и только местами несколько полопался, особенно на одном важном месте, о чем будет объявлено особо. Довольно примечательно, отчего чуждый сей части России камень находится на сем месте, но величина и фигура онаго доказывают, что не есть привозный. В речке Дятловке между разными круглышами нашли, однако, и сей самый вид камня. Говорят, что близ Толочина находится подобный большой камень, но без надписи». Итак, камень, свидетельствует Е. Ф. Канкрин, не является гранитом, но камни подобной породы встречаются поблизости, следовательно, он местный. Далее любознательный генерал переходит к древнейшей истории камня и решает вопрос, был ли он первоначально дольменом: «Рассказы, будто бы сей камень лежал на столбах и можно было проходить под оным, суть явная басня, ибо и следов столбов нет, да и нижняя косая поверхность камня того не позволяет, сверх того и старожилы говорят противное».

Наконец, Е. Ф. Канкрин переходит к чтению надписи и вновь оспаривает Д. Ришардота. «Черты надписи,— сообщает он,— выдолблены довольно глубоко — шириной до 1/3 вершка, а в вышину до 3—4 вершков, самая надпись следующая:

«Въ лъ(то) 6679 месяца мая 7 день доспънъ (дважды подчеркнуто.— *Л. А.*) (а не «успе», как несправедливо сказано в описании патера Ришардота) (храм, или крест) сеи; Господи, помози рабу своему Василию въ крещении именем Рогволоду (а подле самого изображения креста) — сыну Борисову».

«Слово «доспънъ», лучше и чище всех других сохранившееся и даже красивее других вырезанное, уже показывает, что тут нет речи о смерти и надгробии»[84], но в слове «храмъ» или «крестъ», которое писано под титлом, повреждена та буква, которая должна и может быть «Х» или «К»; напротив, буквы «Р» и «Ъ» целы и титло наподобие крышки над обеими, хотя камень тут несколько поврежден довольно явственно. Также отломлены буква «Р» в слове «рабу» и буква «а» не очень ясна, но тут нет сомнения, ибо слог «бу» никакому другому толкованию не подвержен». Далее Е. Ф. Канкрин упоминает об изображениях на концах креста: «На побережках самого креста сверх того находятся под титлами известные буквы:

IC XC

NH .... Kа

Из сего-то открывается, что какой-то Рогволод или построил тут церковь или велел выдолбить крест на сем камне. Если церковь, то была она деревянная, ибо не видно следов фундамента, да и ландвойт уверил, что кадеты отыскивали таковой, но не нашли. Вероятнее, однако, что должно читать «крест», а не «храм», потому, что, если бы следовало написать «храм», то уповательно употребили бы все слова, а не три сии буквы «Л̎РЪ», из чего можно заключить, что они точно означают слово «крест», но тут не достает

еще буквы «Т», как обыкновенно пишется под титлом крест (К̆РТЪ), то нет сомнения, что поставлено оно было вверху под титлом таким же образом, как «Р» в слове «крещении» (КᴾЩЕNHI), но, к сожалению, то самое место камня, на котором изображено близко к краю «ᴬ̈РЪ», обломлено. Впрочем, что сии три буквы означают слово «крест», то подкрепляется еще и тем, что 7 мая есть праздник знамения небесного креста и потому надписи при том же, по всей вероятности, о нахождении тут когда-нибудь церкви, осталось бы в народе как предание, но его нет»[85].

Что касается назначения камня в самые отдаленные времена, Е. Ф. Канкрин допускает здесь, как он выражается, «догадку»: «Сей камень в противоположность всех гранитов, здесь часто встречаемых, не повреждающийся от огня, по свойству своему и пространству своему был замечаем еще во времена язычества и, что к нему обратилось какое-либо суеверие, что тут была священная роща и даже жертвоприношение на самом камне, по тогдашнему обычаю, и что Рогволод для истребления сего остатка древнего народного суеверия или построил, как часто делалось, церковь на сем месте, или велел только изобразить на оном знаки христианские. Не подвержено однако же сомнению, что это не гроб Рогволода, или памятник, что он тут убит, ибо под сим камнем и не мог никто быть похоронен, а об убитии не говорится. Стало быть, сей камень не столько касается светской истории, а есть один из древнейших памятников введения христианского закона в сем краю»[86]. Как видим, в этом заключении Е. Ф. Канкрин весьма недалек от тех выводов о назначении всех Борисовых камней, к которым приходят исследователи в самое недавнее время[87].

Далее, основываясь на недавно вышедшей «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (эту книгу «одну здесь имею»), Е. Ф. Канкрин делает справедливый вывод, что камень был использован для надписи Рогволодом-Василием, который был, по Н. М. Карамзину, вторым сыном Бориса Всеславича и внуком Всеслава Брячиславича. Имя Рогволод, добавляет автор в примечании, «а не Рогвольд..., вероятно, наподобие Всеволода, есть не варяжское, хотя к варягам перейти могло (Rogwald), а славянское, от слова Рог и владеть»[88]. Был ли в действительности Борис Рогволодович вторым сыном, это все-таки спорно, хотя такое предположение весьма вероятно[89], но утверждение, что Рогволод был русским князем, а не варягом, навеяно, конечно, не событиями XII в., а X в., где также говорится о Рогволоде, пришедшем якобы из-за моря[90]. О происхождении этого князя (русском, варяжском) ведутся споры и сейчас; Е. Ф. Канкрин был первым, высказавшим предположение о его русском происхождении.

От имени князя Е. Ф. Канкрин переходит к решению вопроса о его владениях. Листая Н. М. Карамзина дальше, он встретил сообщение: «Изяслав Мстиславич выдал свою (дочь) за Рогволода Борисовича» (1144 г.). И еще дальше — что этот князь, ранее изгнанный из Друцка минскими Ростиславичами (полочанами) и попавший в плен, бежал оттуда (по Карамзину в 1158 г.). «Святослав черниговский дал ему вспомогательную дружину и жители Друцка с великою радостию приняли его, выслав Глеба Ростиславича, ограбив дом бояр, друзей сего последнего...» и т. д.[91] «Вскоре же полочане его паки призвали для управления над ними,— заканчивал Е. Ф. Канкрин изложение Н. М. Карамзина.— Сын его назывался Глебом и о нем упоминается в 1181 году, когда он был союзником Давыда Смоленского против Святослава и именуется князем друцким...»[92] Далее следует интересное для наших целей дополнение: «Местечко же Друцк на реке Друце, где, как уверяют очевидцы, находится еще земляной городок, лежит от местечка Круглого, где также видны

остатки укреплений, в 10 от Толочина 19, а от камня Рогволодова до 46 верст»[93]. Все верно: возле Друцка есть действительно огромное городище, раскапываемое нами[94], а возле Круглого такого городища нет, но это и неважно — для нас существенно, что археологические памятники Е. Ф. Канкрин упоминал как бы в подтверждение своих мыслей. Дальнейшее логическое заключение ученого-генерала вытекало из всего выше им сказанного: «Из сего можно заключить,— писал он,— что камень лежит во владении друцком и что князь Рогволод Борисович есть тот, о коем гласит надпись камня, и что построенная им церковь или камень, снабженный знаками христианства, может быть был посвящен Глебу и Борису именно потому, что отец Рогволода назывался Борисом, а сын — Глебом. Сие подтверждается и тем, что, как выше сказано, прежде с самых отдаленных времен в день сих угодников ежегодно отправлялось на камне сем молебствие»[95].

Весь документ заканчивается следующей концовкой: «Нет вероятия, что сей памятник мог быть подделан сколько по трудности работы, так и потому, что содержание надписи с историею сходно»[96].

Е. Ф. Канкрин относился ко всем своим занятиям, как мы говорили, со всей возможной обстоятельностью. Этим, очевидно, и объясняется прилагающееся к его рукописи «Прибавление» (также написанное на нескольких страницах): «Когда сия записка о камне Рогволода уже была переписана, получил я любопытную выписку из истории польского сочинителя Стрыйковского о полоцких князьях, не имея сам сию книгу. Показания сего историка, судя вообще, весьма подтверждают наши догадки, ибо он, кроме разных других подробностей, именно пишет, что Рогволод умер в Полоцке. Впрочем, он показывает фамилию Рогволода будто бы из князей литовских, ибо отец его называется Борис Гинвилович, а не Всеславич, но, вероятно, тут скрывается какое-нибудь недоразумение. Разбор сих несогласий русских и польских писателей не принадлежит к моей цели»[97].

Однако М. Стрыйковский, как мы знаем, Рогволодова камня не знал, он говорил об одном из камней, лежащих ниже Полоцка в русле Западной Двины и это, конечно, не только не ускользнуло от Е. Ф. Канкрина, но и послужило к дальнейшим его изысканиям. Он писал Н. П. Румянцеву далее: «Любопытно, что Стриковский говорит о подобном камне с крестом, который находится от Полоцка по дороге в Дриссу с надписью: «Вспоможи, Господи, раба своего Бориса, сына Гинвиловича». О сем камне я спрашивал у чиновника, знакомого в том краю, который мне объявил, что сей камень в реке Двине существует действительно поднесь, в расстоянии от Дисны 7 в. по течению реки к Дриссе, напротив мызы помещика Келюша, близ одного острова, на котором выбит крест и есть какая-то надпись. Виден бывает в сухое время, когда вода малая. Сверх онаго камня находится еще, как сей чиновник объявляет, вверху р. Дрисенки, впадающей в р. Двину, три версты от Дисны, между островами в воде — несколько камней, на которых выбиты кресты и находятся какие-то надписи. Видимы же бывают в одно же время, что и помянутый камень»[98].

Концовка этого «Прибавления» для историка науки особенно важна: «А как сие открытие может вести к *дальнейшим объяснениям истории* (выделено мною.— *Л. А.*), то я взял меры об отыскании и осмотре тех камней. По получении достоверных сведений, не оставлю я сообразиться далее, а здесь только дополнение к суждениям о камне Рогволода присовокупляю, что таковые надписи могли быть обыкновением того времени, может быть, для одной памяти имени или владения поименованного. Егор Канкрин, 8 октября 1818 г. Шклов»[99].

Увлеченный предпринятыми изысканиями, крайне обязательный

в обещаниях, Е. Ф. Канкрин в самом деле «не оставил сообразиться далее», и в конце октября Н. П. Румянцев уже читал новое его послание, помеченное 24 октября 1818 г., со сведениями о других камнях с надписями (в отрывках опубликовано А. П. Сапуновым) [100]. Оказывается, «смотритель дриссенского провиантского магазейна» Катков уведомил его о существовании камня с надписью «Господи, помози рабу своему Борису» вниз по течению Западной Двины напротив «по правую сторону Наковников, а по левую — Березовой». Правда, надзиратель водной коммуникации подпоручик Дебональ «разрывал его порохом. Впрочем, надпись осталась, кажется, невредима». Другой камень с надписью и изображением креста, по свидетельству Каткова, находится «далее первого расстояния 3 версты против д. Болотки... но только еще покрыт водою на пол аршина ... также с изображением креста и надписью». «От сего камня в недальнем расстоянии лежит третий камень», а «равномерно на другом месте в речке Дисенке между двух островков... есть четвертый. Но оба они без надписей, с одними только небольшими крестами и покрыты водою». Дальше Е. Ф. Канкрин писал: «Подносся при сем почтеннейше Вашему Сиятельству полученный чертеж первого камня, который, кажется, не верен, не могу еще решительно полагать, тот ли он самый, о котором упоминается в истории польского писателя Стрыковского, ибо может быть, описанная им надпись: «Вспоможи, Господи, раба своего Бориса, сына Гинвиловича» не подтверждается ли при спадении воды на втором камне». Указав снова, что камень Рогволода не надгробие («теперь найденная надпись, кажется, довольно объясняет это»), Е. Ф. Канкрин говорит об их назначении: «все они служили одним знаком или владения, (или) памяти для истребления языческого суеверия, которое могло обратиться иногда на сии камни в воде, при проходе судов и рыболовстве». А далее переходит к охране этих уникальных реликвий: «Чтоб сии двинские памятники не были подвержены подобному вандализму, как первый, я прошу гг. окружного начальника водных сообщений фон Лауренберга и двинского полицмейстера Масальского. Но и Вы, милостивый государь, не изволите ли о сем объясниться с правящим должность директора путей сообщения г. генерал-инженером Деволантом...»

В конце декабря 1818 г. Н. П. Румянцевым было получено последнее письмо Е. Ф. Канкрина, написанное 31 декабря. Препровождая копию отзыва Масальского о разорванных на Двине камнях, он пытается там прочесть дату одного из них: «Год, по-видимому, плохо скопирован 6000, вторая (буква.— *Л. А.*) — «Ф» — 500, третья — «Л» — 30, а «Д» — 4 (т. е. 6534/1026.— *Л. А.*). Но тут не нахожу Бориса в истории. Если же считать 6634 (т. е. 1126 г.— *Л. А.*), то можно некоторым образом отнести сие к отцу Рогволда. Впрочем, сие одно предварительное заключение». Интересует далее Е. Ф. Канкрина камень у Креславки. Он «имеет что-то рыцарское и, быть может, сделан во время меченосцев», однако, заключает генерал, он сам «не смог дойти, кто тот отрасль Святополка Александр. Есть какой-то Святополк (1144), женатый на княгине моравской, но потомства от него не показывается, однако, отрасль не значит законного потомка».

Интересовала Е. Ф. Канкрина упоминавшаяся так называемая «грамота Изяслава». В копии Репина, которую он приложил к письму Н. П. Румянцеву, там стояли цифры, которые при желании можно было бы читать, как 6904, т. е. 1396 г., но в это время, пишет Е. Ф. Канкрин, «не было князей полоцких, а в последнем 996 нет Ярослава Изяславича. Вообще нахожу между князьями полоцкими только Изяслава Николаевича 1181 г., но сына Ярослава нет — разве потерялся в истории. Я писал прислать новую копию».

В заключительной части письма Е. Ф. Канкрин сообщал графу, что городничий Минска г. Щекалев по его просьбе, прочитав статью в «Северной почте», «сам прилежно искал (древности), но ничего не открылось» (поиски велись под Борисовом). Сам Е. Ф. Канкрин открыл между Старосельем и Кохановым у д. Голошевка «большой и самый древний из той породы, как камень Рогволода», у которого с одной стороны есть «следы большой буквы». К письму[101], кроме рисунков, прилагались: копия рапорта генерал-интенданту 1-й армии Канкрину смотрителя провиантского магазейна в Полоцке «13 класса Репина от 13 декабря 1818 г.», копия рапорта тому же лицу «полицмейстера Двинского судоходства г. надворного советника Масальского от 1 декабря 1818 г.» и выписки из дневников взрывов камней Дебоналя. В первом сообщалось об осмотре вместе с архимандритом И. Шулакевичем каменного креста во дворе имения Бездедовичи помещика Обремпальского и на «Екиманской земле» у Полоцка (дальнейших сведений не приводится), а также и о том, что со старинной грамоты, хранящейся у И. Шулакевича, Репин снял копию. Во втором рапорте Масальский сообщал, что, «имев порученность от начальства моего в производстве чистки реки Двины и впадающих в оную, во всех вредных судоходству местах, в числе коих состояли и находящиеся на самом форватере Двины ниже города Дисны, упоминаемые в отношении Вашего Превосходительства каменья с крестами и надписями, кои назначенным мною к чистке сей дистанции, смотрителем судоходства Дебоналем разорваны, один — октября 2-го, второй 25-го чисел и обломки оных, которые можно было, вытасканы на берег, какие же именно на оных существовали знаки и надписи, выписку из последующих ко мне донесений при сем представляя, имею честь доложить, что на предбудущее время предписано мною всем смотрителям судоходства, в заведывании моем состоящим, подобные сим каменьям не истреблять, а доносить предварительно об оных с подробными описаниями»[102].

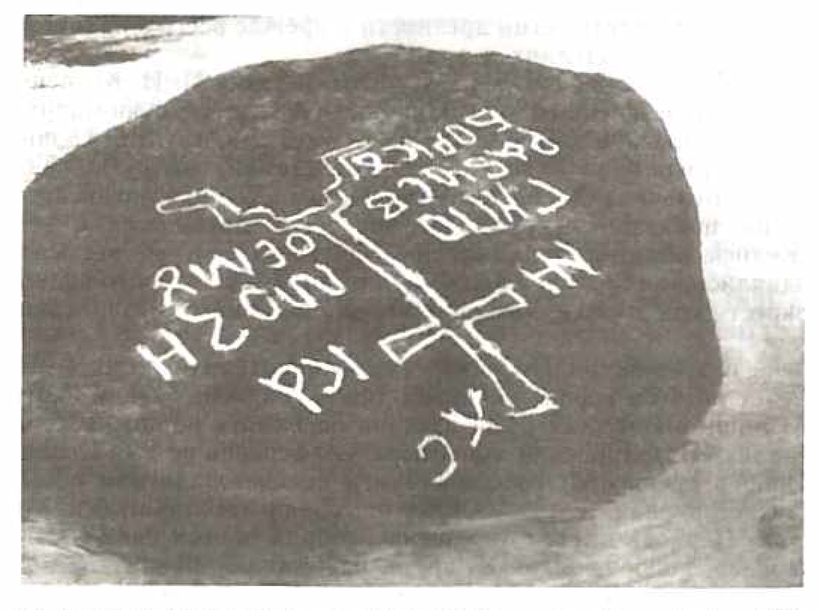
На этом письме переписка Е. Ф. Канкрина с Н. П. Румянцевым была, по-видимому, окончена, во всяком случае в архиве последнего ничего более нет. Любопытно, что поиски Борисовых камней и переписка получили весь-

Фотосъемка Второго Борисова камня в 1890-х гг.

ма подробное освещение в газете «Северная почта» (№№ 74, 89, 91 за 1818 г.), причем письма Е. Ф. Канкрина цитировались почти полностью: видимо, с его разрешения кто-то из его подчиненных посылал каждый раз подробнейшие известия в Петербург. Первое сообщение было послано (очевидно, другим лицом) из Орши 2 сентября и было написано в связи с приездом в Оршу («нынешним летом») Н. П. Румянцева, знакомством его с Д. Ришардотом и обнаружением Рогволодова камня с датой 1171 г.[103]. Корреспонденция эта, мы говорили, имела большой резонанс, как сообщал в одном из писем к Н. П. Румянцеву Е. Ф. Канкрин, более 12 местных деятелей посетили после этого камень. Как сказано в третьей корреспонденции, «при многотрудных занятиях своих» занялся разысканиями местных древностей и Е. Ф. Канкрин, который был «поощрен к сему примером известного любителя древностей отечественных графом Николаем Петровичем Румянцевым». Действительно, именно Е. Ф. Канкрин одним из первых осмотрел памятник, выверил чтение Д. Ришардота, написал Н. П. Румянцеву о его ошибках и предложил свое чтение, описание памятника в пространной, мы видели, «Записке». Резонанс первой статьи был так велик, что издатель газеты «Северная почта» все-таки поместил выдержки из нее в таком размере, что сам был вынужден в конце объяснить, что «Статья сия, без сомнения, по пространству своему и по документам, каковыми она должна быть сопровождаема, не принадлежит никаким газетам, а тем более к «Северной почте», по ограниченному ее пространству. Но издатели поместили сию статью для того, что... статья «Из Орши» подала случай и к дальнейшим изысканиям Рохвольдова камня...»[104] Вторая корреспонденция была послана кем-то другим, так как послана она была из Шклова, и так называлась: «Из Шклова от 25 октября»[105].

Третья корреспонденция — «Из Шклова от 2 ноября»[106] сообщает, что «известный любовью своею к наукам и просвещению» генерал-лейтенант Канкрин был здесь по службе и его «попечением» отыскано вновь следующее» (далее копируется текст письма Е. Ф. Канкрина от 24 октября) и есть любопытное заключение: «Дабы сих двинских памятников не могла

Третий Борисов камень с надписью XII в. (в 7 км ниже г. Дисны). Фото 1890-х гг.

коснуться рука разрушения, то здешние любители древностей приняли надлежащие меры к отвращению случиться могущих предприятий, кои носят на себе печать невежества и для того обратились они к кому нужно было с просьбами по сему предмету и со внушением, что в наших краях должно уважать науки и все, что учености касается, и не допускать вкрадываться у нас никаким обычаям средних варварских веков». Кто были эти любители древностей и к кому они обращались, мы не знаем, но все не уничтоженные взрывом Дебоналя камни с надписями были сохранены до середины 30-х годов XX в. В 1936 г. Рогволодов камень был взорван и употреблен на постройку магистрали Москва — Минск [107].

Такова была роль Н. П. Румянцева и Е. Ф. Канкрина в изучении древних белорусских памятников.

ПУТЕШЕСТВИЯ В БЕЛАРУСЬ П. И. КЕППЕНА (1819 и 1821 гг.)

Очень интересны и сохранившиеся в архиве АН РФ дневники члена кружка Н. П. Румянцева П. И. Кеппена (1793—1864 гг.), которые он вел при поездках [108]. Один из основателей Русского географического общества, ученый-статистик, библиограф, академик, а тогда еще только чиновник почтового ведомства, П. И. Кеппен воспользовался командировкой в Беларусь для ревизии почтово-перекладных станций (1819 г.), чтобы по просьбе и на средства Н. П. Румянцева обследовать местные древности для задуманной П. И. Кеппеном книги «Список русским памятникам». В архиве П. И. Кеппена хранятся две толстые тетради, заполненные аккуратным почерком пушкинской поры самого П. И. Кеппена и его спутника И. А. Гарижского, собиравшего материал для книги по истории Полоцкой земли [109]. Таким образом, Иван Андреевич Гарижский был первым, кто попытался исследовать по письменным и вещественным памятникам (Рогволодов камень) историю одной из интереснейших белорусских земель [110]. Напрасно было бы искать в этих записях каких-либо описаний археологических памятников — курганов, городищ, валов и т. д., в то время как, мы уже говорили, ученых интересовали предметы с «несомненными» признаками древности и прежде всего с надписями (на камнях, ювелирных изделиях и т. д.).

Как мне приходилось писать, в эту свою поездку П. И. Кеппен отправился мало подготовленным [111]. В Полоцке путешественники направились в иезуитский коллегиум для консультации с учеными иезуитами. Они прежде всего осмотрели не храм св. Софии XI в., упомянутый в «Слове о полку Игореве», не Бельчицкий и Спасский монастыри XII в., а латинские книги, которые им показали иезуиты. Из городских древностей в этот раз П. И. Кеппен обратил внимание на городской вал, но весьма бегло: «Мы поднялись на городской вал,— записал он,— с которого видны прекрасно окрестности города, лагерь близлежащей онаго артиллерии, реку Полоту...» [112]

Больше о древностях Полоцка — памятниках археологии — не говорится, текст об этом городе оканчивается описанием... копий картин Рубенса. И лишь в Витебске была сделана по памяти приписка с заголовком на полях «Базилианский монастырь, его церковь во имя Спаса»: «На вопрос наш о древностях города иезуиты посоветовали нам побывать в Базилианской церкви, в трех верстах от города находившуюся. Мы прибыли туда. Церковь внутри украшена изображениями священной древней живописи, попорченными во время пребывания французов в сем городе. Наверху по правую сторону (неразборчивое слово), где жительствовала основательница сей церкви св. Ефрозина, удалившаяся потом в Иеру-

салим. Сей церкви около 700 лет. Ныне готовится уже материал для поправления ее, но не в прежнем виде. Генерал имеет в сем месте пребывание, ибо церковь сия принадлежит монастырю, на сем месте находящемуся. У входа церкви сделана надпись славянским почерком и приложен здесь рисунок». И далее: «25 мая отправились мы из Полоцка в Витебск на другой день в ночь»[113].

Итак, со всеми справками исторического характера путешественники были вынуждены обращаться к монахам-иезуитам (они еще пребывали в Полоцке и были изгнаны из Беларуси в следующем году), монахи же показывали то, что считали нужным. В результате им даже не показали (или не сказали) о существовании креста Евфросиньи Полоцкой XII в. с надписями, датой и подписью мастера (крест этот в то время находился в Софийском соборе, принадлежавшем униатам, Спасский же храм, где, как верно отметили путешественники, жил генерал, с XVI в. принадлежал иезуитам и генерал был главою монастыря, ошибочно приписанного нашими учеными базилианам). По-видимому, исполнительный П. И. Кеппен, в эту поездку занятый ревизией почтовых станций, даже не смог осмотреть белорусских древностей, в спешке кое-что просто попутал.

В Витебске П. И. Кеппен и И. А. Гарижский продолжали тот же стиль изучения древностей. Здесь они узнали подробности о древностях только что оставленного Полоцка: «По сведениям директора училищ Витебской губернии Кирилла Афанасьевича Конаровского-Саховича,— записали они в дневнике,— аббат Шулякевич...» (далее об открытой им церкви см. выше). Подробно описав монастыри и костелы позднего средневековья, которые они осмотрели в Витебске, в дневник рукой П. И. Кеппена занесено: «При выезде из города еще видели мы Благовещенскую униатскую церковь, лежащую в части города, называемую замком» и далее: «Священник уверил нас, что церковь построена Ольгою в 974 г., на что, однако, не мог представить никаких доказательств»[114]. Доказательств и не могло быть: Ольга умерла в 969 г., но и это не бросилось в глаза первым исследователям белорусских древностей. В церкви хранились древние книги: тот же священник показывал им «Евангелие, подаренное церкви сей в 1508 г. октября в 11 день — неизвестно кем, ибо два листа из онаго потеряны»[115].

В Орше записывал И. А. Гарижский: «По приезде в Оршу отправились мы на другой день (осматривать) Оршанский или Борисов камень. Место, где он находится, лежит в 19 верстах по дороге, ведущей в Толочин... Сей камень не есть гранит, но (неразб. слово) песчаник... Мы сняли с сего камня рисунок, который здесь и прилагаем...»[116]

Как видим, поездка П. И. Кеппена 1819 г. дала мало интересного материала — исследователи почти не имели времени, да и предварительная подготовка была у них слабой.

Второй раз П. И. Кеппен был в Полоцке, как сказано, в 1821 г., когда возвращался из Митавы через Псков и Нарву в Петербург. Заезд в Полоцк был явно не по дороге, но это пришлось предпринять, так как П. И. Кеппен, по-видимому, был неудовлетворен предыдущей поездкой в этот город. Можно думать, что о древностях Полоцка ему было известно что-то новое. Ошибок в дневнике теперь уже не встречается. Как и в первый раз, заезд в Полоцк совершался, по-видимому, на средства Н. П. Румянцева, во всяком случае в архиве последнего хранится документ, написанный рукой П. И. Кеппена, где он подробно сообщает графу, к кому ему нужно будет обращаться, если он поедет в эти места[117]. «Полоцк я описывал в 1819 г.,— начинает он дневник,— при проезде с Иваном Андреевичем Гарижским. Скажу теперь о некоторых древностях онаго. В униатской кафедральной

Базилианской церкви св. Софии хранится дубовый крест, оправленный позолоченным серебром около 1161 г. Пожертвованный св. Евфросиньею церкви св. Спаса и Офросиньи близ Полоцка. Крест есть, сколько известно, единственный памятник художеств тех времен и (откован?) он не греком, а просто литовцем: Богши, каковое прозвище носят дворяне Минской губернии в Слуцком повете (как уверял меня г. Ходаковский — Богша-Бокша)». О кресте в дневнике более не говорится, не указано даже, срисовал ли автор надписи реликвии. Как я уже писал [118], некий анонимный автор в 1841 г. впервые издал рисунок креста [119] с указанием, что крест был срисован им «за 25 лет пред сим». Это не был К. С. Сербинович, как предполагал А. П. Сапунов (может быть, потому, что сестра К. С. Сербиновича была игуменьей Евфросиньевского монастыря? [120]), а П. И. Кеппен, он округлил цифру — вместо 20—25. В 1819 г. он не знал еще о кресте (иезуиты не обмолвились), в Петербурге же, приступив к написанию книги «Список русским памятникам», он связался с З. Доленга-Ходаковским, узнал, видимо, от него о реликвии и был вынужден сделать крюк в Полоцк в 1821 г. специально, чтобы повидать памятник. Книгу предполагалось издать с рисунками и нельзя сомневаться в том, что крест и его надписи были П. И. Кеппеном срисованы. Правда, книга вышла без иллюстраций. Дело в том, что П. И. Кеппену было сделано А. С. Березиным выгодное предложение поехать на несколько лет за границу для занятий историей (на средства А. С. Березина). 30 мая 1821 г. договор был подписан [121]. П. И. Кеппен спешно выехал и работу по изданию книги кончал очень этим недовольный К. Ф. Калайдович [122].

Авторство статьи о кресте Евфросиньи, как и другой статьи, вышедшей в том же году с рисунком Менцова (см. ниже), было скрыто П. И. Кеппеном, очевидно, потому, что в 1841 г. он не мог не видеть слабости своей зарисовки 1821 г. Известно, что митрополит Евгений резко отзывался о палеографических сведениях П. И. Кеппена в 1821 г. [123].

Крест, видимо, был главной целью заезда П. И. Кеппена в Полоцк, далее он описывает Евфросиньевскую церковь, которую бегло видел в 1819 г. Она «расписана точно так же, как и церковь в Старой Ладоге... и на Волотове. Но здешняя церковь больше прочих. Тут вверху и кельи Евфросиньи. Когда, однако, построена церковь сия? Волотовская построена в 1357 г., у здешней на восточной стороне, где алтарь — нет трех полукружий, которые есть еще и при Волотовской церкви...» (приложен рисунок — план храма с тремя апсидами) [124].

На с. 23 дневника П. И. Кеппен возвращается к кресту Евфросиньи и, изучив надписи, отмечает, что чтение Папеброхия в «Acta Sanctorum», на которое ссылается И. С. Ассемани, неверно. «Правильно читал только И. Стебельский»,— заключает он. Видел П. И. Кеппен и крест-подделку, принадлежавший якобы сестре Евфросиньи — Параскеве. К чести своей, он это понял: «Судя по подписи славянской и по форме букв, крест сей не может быть древнее XIV или XV вв.» [125] Действительно, как уже говорилось выше, крест был сделан в XVI в.

Интересны записи П. И. Кеппена о древнем Бельчицком монастыре в Полоцке (XII в.), где в то время был архимандрит И. Шулакевич, о раскопках которого упоминалось выше. Каким-то образом дожди помешали П. И. Кеппену осмотреть полоцкие архивы: «Беспрерывные дожди и грязь,— записал исследователь,— в городе не дали мне видеть городской архив, который, по словам некоторых жителей Полотска, во время революции (так называют здесь происшествия 1812 г.) по истории нашей занимает место не маловажное и история онаго составляет важную часть истории государства Российского. Желаем только,— прибавляет он далее,— чтобы

скорее вышло сочинение И. А. Гарижского «История Полоцкого княжества с обозначением литовских историков», которую стал он писать, занимаясь обьяснением списанного нами в 1819 г. Оршанского Борисоглебского камня...»[126] Далее автор переходит к поездке в Псков.

Чем же интересны дневники путешествия П. И. Кеппена в Белоруссию? Листая обе тетради, мы как бы стоим у самых истоков науки о древностях вообще и о белорусских древностях в частности. Прежде всего мы узнаем, что в то время знатоками местных древностей здесь были иезуиты и желающим узнать (просто посмотреть) эти древности приходилось обращаться прежде всего именно к ним. Но знания их были специфичны: они «знали» лишь о тех памятниках, которые имели отношение непосредственно к католицизму, и о прочих памятниках могли вовсе и не сообщать. Поняв это, во второй раз П. И. Кеппен приехал в Полоцк значительно более подготовленным. Он не только прочел, по-видимому, ряд важных для него книг, но, начав писать свою книгу «Список русским памятникам» (она вышла в 1822 г., следовательно, в 1821 г. уже многое было проработано и написано), он стал консультироваться у такого знатока, каким был З. Ходаковский, и от него-то и узнал об уникальном полоцком кресте.

Конечно, в то время ученый более всего интересовался не всякими древностями, а «несомненными» — с древними датированными надписями (Рогволодов камень, крест Евфросиньи и т. д.). Очень интересно, что на этой стадии науки ученый пытался сравнивать то, что он видел, с тем, что ему бесспорно известно. Но сравнения эти еще очень наивны: он сопоставляет белорусские архитектурные памятники XII в. с Успенским собором на Волотовом Поле в Новгороде, дата которого 1357 г. (не 1352, как он считает), хотя, как мы теперь понимаем, сходного там немного, да и апсид в новгородском памятнике не три, как полагает П. И. Кеппен, а одна (что скорее «сближает» эти далекие друг от друга церкви). Не вполне ясно, о какой церкви в Старой Ладоге говорит он, но совершенно очевидно, что и ладожские памятники XII в. сюда отношения не имеют. Но все это не удивительно, в те времена науки о древней архитектуре еще не было, и П. И. Кеппен пробивался вслепую.

Большой интерес представляет свидетельство, что в Бельчицком монастыре уже были известны остатки большого трехпритворного собора, разрушенного, по-видимому, в XVI в. Его остатки изучены в наше время И. М. Хозеровым, Н. Н. Ворониным, М. К. Каргером.

Как видим, дневники путешествий П. И. Кеппена приоткрывают первую страницу изучения древних памятников в Беларуси — в этом их основное значение.

ЗОРИАН ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКИЙ (1784—1825 гг.)

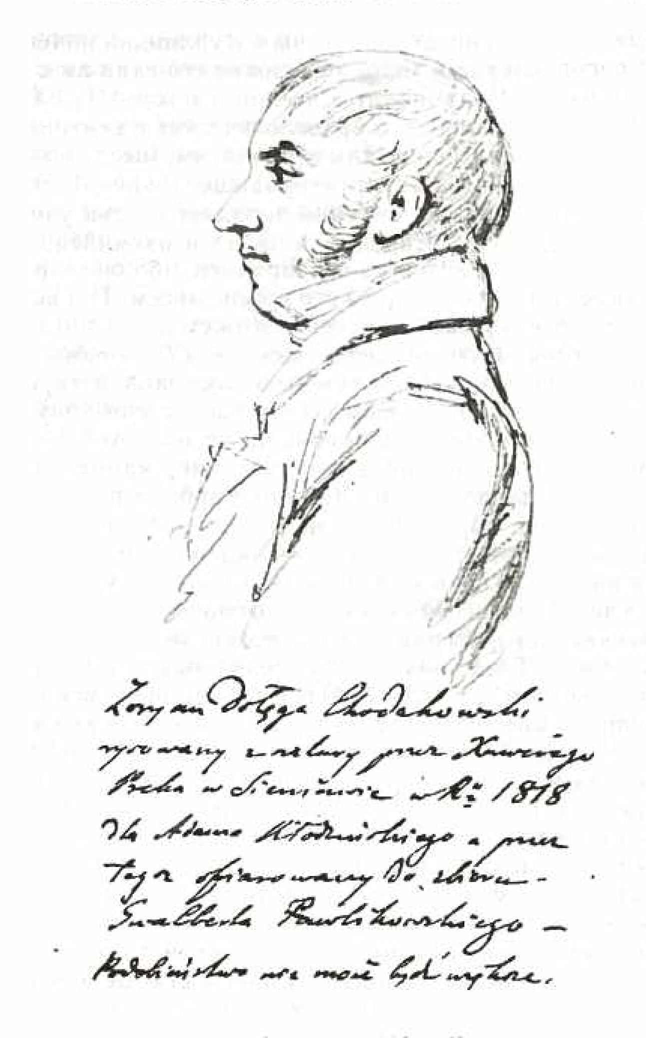
«Милостивый государь, князь Александр Николаевич! Принося искреннюю благодарность за новый знак Вашей лестной доверенности к моему мнению, имею честь повторить сказанное мною изустно Вашему сиятельству о пользе, которую могут принести изыскания г. Ходаковского. Не говоря о его догадках и заключениях, опровергающих Нестора и меня смиренного, я думаю, что он окажет немалую услугу любителям нашей истории, если, осмотрев на месте ее памятники, в особенности **городища**, издаст их верное описание. Вместе с лексиконом славянских урочищ, вместе с собранием народных преданий, старинных песен, сказок, относящихся к обычаям или мифологии славян, к их понятиям о природе, к их

сведениям по астрономии, в ботанике и пр., г. Ходаковский показывал мне тетради сочиняемого им словаря разных земель славянских, что может быть книгою любопытною и нужною для некоторых исторических соображений...»[127] — так писал Н. М. Карамзин министру народного просвещения кн. А. Н. Голицыну, ходатайствуя за первого археолога.

Как видим, Ходаковским владели идеи использования при исторических исследованиях данных новых источников — то, что мы теперь относим к топонимике, фольклору и главное — археологии. Он наивно полагал, что изобилующие у нас городища и курганы принадлежат только славянам и, картографируя их, можно обогатить историю. В Польше он не преуспел, в Петербурге надеялся на Н. М. Карамзина и других ученых. Необходимо «хранить случайные довольно частые находки в земле», убеждал он, потом «сосчитать и точно измерить все огромные могилы, пережившие века», снять «планы местностей, особенно выдающихся своею древностью», занести все это «в одну книгу, чтобы получить более отрадное представление о наших предках...»[128] «При обозрении всех насыпей на земле нашей...— писал он в другом месте,— мы откроем новый свет, который озарял первую эпоху славян»[129]. Обладая довольно верной интуицией, З. Ходаковский не мог вместе с тем сказать, каким же образом мы получим «более отрадное представление о предках», что даст историку это картографирование и подсчеты памятников (он полагал, что они все славянские) и т. д. В этом было слабое звено его концепции и его страстные проповеди рождали чаще всего и прежде всего протесты, хотя были у него и сторонники. В этом отношении любопытно проследить мнение некоторых крупных историков того времени, например известного митрополита Евгения Болохвитинова по его письмам к известному библиографу и переводчику В. А. Анастасевичу, который перевел на русский язык З. Ходаковского еще до его появления в обеих столицах.

В обширной переписке Евгения с Анастасевичем митрополит в 22 письмах упоминает Ходаковского. Его как старого исследователя, истинного историка крайне волновало появление «системы» Ходаковского, он многократно пытался для себя решить вопрос: действительно ли что-либо даст эта «система» или ее изобретатель просто «маньяк»? В первом письме Евгений отнесся к новым идеям настороженно: «Выписка Ваша об эпистолии Ходаковского для меня очень любопытна..., но надобно иметь досуг, чтобы сличить и рассмотреть ее точнее с картою Карамзина и Шлецера...» — писал он Анастасевичу 31 марта 1819 г.[130] В следующем письме, где он об этом говорит, написано 27 мая 1819 г.; здесь даже сквозит как бы симпатия к новатору: «Что Ходаковский не успевает в возбуждении охоты канцлера (Н. П. Румянцева.— *Л. А.*) городищ белорусских, это жаль, но, кажется, ему надоели уже все исследования»[131]. Однако обращение З. Ходаковского со своими идеями к министру просвещения (А. Н. Голицыну.— *Л. А.*) кажется ему дерзостью: «Ходаковский, дерзнувший и к министру адресоваться со своими гипотезами против Карамзина, мне кажется «est un tête exalitée, entetée et infatuée» (ум экзальтированный, упрямый и самовлюбленный). Канцлер, видно, хорошо рассмотрел его, когда отказал ему в ресурсе...» Занятия топонимикой и попытка по топонимам определить древние границы (чем увлечен, судя по письму Анастасевича, З. Ходаковский) кажутся Евгению фантастичными — в том же письме (от 22 августа 1819 г.) он пишет: «В истории не довольно сказать, но надобно доказать, иначе выйдет роман. А Литву древнюю разграничивать по нынешним поселениям сомнительно, ибо смежные часто переселяются...»[132] Дальнейшая деятельность З. Ходаковского кажется Евгению раздражающей чепухой. 19 сентября 1819 г. он пишет: «Я и прежде гадал,

что пустоголовый Ходаковский туп и презрен будет канцлером (Н. П. Румянцевым.— *Л. А.*). Педанты ко всему считают себя способными, все берутся поправлять, оспаривать и вновь затевать и везде остаются только педанты смешные, пусть он публикует свои парадоксы в Rocznikach варшавских...» [133] Но вот З. Ходаковский был в Пскове и посетил митрополита

З. Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий)

Евгения. Тон сведений об этом совсем иной: «...Сел было отвечать Вам, но в 12 часу нечаянно явился ко мне Ходаковский и до 7 часу вечера занимал меня чтением своих теорий, на другой день то же доканчивал и едет к Вам тем же занять Вас, приготовьтесь к терпению...» И далее: «Псковская моя история давно кончена...» и т. д.— ни слова критики по адресу Ходаковского (3 октября 1819 г.) [134]. Упоминает Ходаковского (и без критики) Евгений в письмах от 10 октября, 24 октября того же года. «Чем-то кончится Ходаковского географо-этимолого-аналогическое похождение, уведомьте меня»,— просит он 4 ноября 1819 г. И далее червь сомнения все-таки не дает покоя старому ученому: «А канцлер чуть ли не прав, что не понял его, как и я. Карамзину же некогда с ним и рассуждать о сих

мелочах: ему нужнее время для трудной в самом деле истории царя Грозного...»[135] Итак, «систему» Ходаковского после его визита к владыке в Псков тот не понял, но вновь ею заинтересовался... «Хвала Ходаковскому хоть за то, что он заохотил нашего В. Н. (Каразина. — *Л. А.*) к исследованию об украинских курганах или могилах...» и далее: «дивлюсь, что историограф (Н. М. Карамзин.— *Л. А.*) благосклонно принял Ходаковского, но думаю, кроме указания пределов Литвы в Курляндии ничего другого он не примет, ибо **городословие и городищесловие его едва ли к чему-нибудь в истории годятся»** [136]. Митрополит Евгений (историк!), следовательно, никак не мог себе представить, что археологические памятники — городища когда-либо окажутся историческим источником, мысль об этом З. Ходаковского он презрительно именует «городищесловием»! Это написано 11 ноября 1819 г. Но вот в руки Евгения попадает статья ученого: «Ходаковского статью в «Вестнике Европы» я читал и изумился, как она туда заскочила... Слог Ходаковского весь переправлен, ибо он по-русски весьма не мастер писать, как мне известно из его ко мне писем. Тон весь из жеманных загадок, вопросов и нерешимостей... Кажется, ни читатели, ни сам историограф не воспользуются сей темою...» (25 ноября 1819 г.) [137]. И в последующих письмах: «О пользе городословия и городищесловия Ходаковского я бы согласился с Вами, если бы все они приурочены были временем начала их существования и границами областей. Но без того это пустой словарь, ничего более не доказывающий, кроме единоназвания в разных сторонах... Я отгадал, что «Вестник Европы» поссорит его с историографом и помешает городищесловному путешествию...» (2 декабря 1819 г.) [138]. Однако Н. М. Карамзин, как мы знаем по письму в начале этого очерка, был на высоте и, несмотря на критику его З. Ходаковским, одобрил его труды, о чем Анастасевич немедленно сообщил Евгению. «Дивлюсь, что гордый русский историограф сдался польскому выходцу»,— отвечал ему тот 19 декабря [139]. Еще большее удивление вызвала поддержка Ходаковского правительством, 23 июля 1820 г. Евгений писал все тому же адресату: «Итак, вопреки моего гадания, Ходаковский снабжен уже на годовое путешествие 3000 рублей серебром, помощником с 1000 рублей серебром же указами Синода и Сената, нарядом подвод и проч. Кто ныне не играет с доверенностью правительства?!» [140] Мысль о З. Ходаковском не оставляет Евгения и дальше, 12 июня 1820 г. он пишет: «Что не мечтает Ходаковский о языческих могилах и городищах по Северу, но они ничто иное, как после побоища большие могилы!..» В последний раз он пишет В. А. Анастасевичу о Ходаковском 3 сентября 1820 г. Тон все тот же: «Ханжам и бродягам, подобным Ходаковскому, ныне честь и счастие, свиньинским рассказчикам — слава!»[141] Не понимали нового ученого старые историки, и положение его в их среде было мучительным.

Биогафические сведения о Ходаковском (в действительности Адаме Чарноцком) долго были туманны. Сам он создал себе вымышленную биографию (он якобы австрийский подданый, в «ретираде» французов под Борисовом будто бы был взят ими в плен, освободившись, приехал в Петербург и т. д. [142]). Этой биографии долго верили и лишь в 1840-х годах его разгадали [143]. Он родился в 1774 г. под Минском в семье шляхтича, учился в уездном училище в Слуцке, изучал право в Новогрудке, с 1807 г. он помощник новогрудского воеводы Гродненской губ., с азартом изучает местные архивы. Подозреваемый в намерении поступить в нелегальное польское войско в 1808 г. арестован, лишен дворянства, осужден на пожизненную солдатчину в Сибири. По дороге ведет дневник, где описывает жизнь встретившихся народностей, сообщает о памятниках древности. Через 4 года он — нелегально в Польше и вступает в армию Наполеона.

В 1817—1819 гг. путешествует (под своей фамилией А. Чарноцкий) по Украине, но фольклор собирает под выдуманной фамилией З. Ходаковский. В Кременце на него обратил внимание знаменитый Адам Чарторыйский, и по совету последнего он публикует первую работу «О славянстве до христианства», получившую большой резонанс. С рекомендацией А. Чарторыйского едет в Петербург к Н. М. Карамзину и через него попадает к министру просвещения и духовных дел кн. А. Н. Голицыну, получает от него, как мы видели, солидную сумму денег для «ученого путешествия» по Новгородской губернии.

К сожалению, «ученое путешествие» Ходаковского окончилось печально. Первичные результаты его работ (карта городищ и курганов, собранные большие материалы по топонимике и фольклору — из всего этого делать выводы было еще преждевременно) ученых не удовлетворили, ожидалось гораздо большее и финансирование было прекращено. «Исследования, хотя и любопытны,— значилось в донесении «эксперта» проф. (математики) Н. И. Фусса от 27 октября 1822 г.,— но польза оных весьма посредственна и отнюдь не такая, чтобы она могла вознаградить значительных издержек на продолжение путешествия потребных... Не лучше ли, как я думаю, употребить столь значительную сумму на предметы более полезные?..» К нашему удивлению, не обнаружил большой дальновидности и Н. М. Карамзин, ранее поддерживавший ученого: «Не имею нужды подробно излагать свое мнение о сих плодах его путешествия,— заключил он 23 декабря 1822 г.,— будучи весьма искренне согласен с мнением одного из членов ученого комитета...»[144] (т. е. Н. И. Фусса). Переписку З. Ходаковского, попавшего в безвыходное финансовое положение, невозможно равнодушно читать[145]. Неутомимая энергия, физические перегрузки, финансовые лишения («без денег целый год»), пережитая душевная травма, связанная с бездушием александровской аракчеевщины, и, наконец, внезапная смерть жены — все это подорвало силы сорокалетнего ученого и он вскоре умер, не сделав десятой доли намеченного, почти ничего не опубликовав. Если бы не специальные усилия М. П. Погодина, его имя было бы совершенно забыто. Оказав «необыкновенно важные услуги археологии, (Ходаковский) принялся за это дело преждевременно, когда в крае не была еще осознана потребность этой науки... и как воин, верный своему долгу, пал в бою за него»,— писал К. П. Тышкевич[146]. З. Ходаковский впервые перенес «систему исследования из письменной области на землю и ее памятники» (М. П. Погодин) и увлек энтузиазмом многих других[147]. Им самим и его трудами интересовались, как мы знаем, А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь[148]. Его мысль о городищах, в которых он сплошь видел славянские святилища, нашла подтверждение лишь в наши дни, хотя мы теперь знаем, что памятники эти чаще всего дославянские[149]. Литература о З. Д. Ходаковском довольно велика, но находки его наследия в архивах продолжаются[150] и капитальное исследование об этом оригинальном, несомненно талантливом ученом еще впереди.

Как мы видели, Ходаковский-Чарноцкий происходил из белорусской шляхты, родился в Минском уезде, учился в Слуцке, и можно не сомневаться, что Беларусь в его интересах играла немалую роль. Действительно, из письма Евгения Болохвитинова к В. А. Анастасевичу, он прежде всего обратился к владельцу Гомеля графу Н. П. Румянцеву с попыткой заинтересовать мецената «городищами белорусскими», но, к сожалению, в этом не преуспел. Судя по карте, составленной Ходаковским и опубликованной М. П. Погодиным, белорусские памятники были ему хорошо известны, например городище у д. Дороговичи Минской губ., Радомль Могилевской, Старое Село с курганами у городища Витебской губ. и т. д.[151]

Большая часть из них автором была обследована в натуре и лишь безвременная кончина не позволила ему изучить эти памятники более детально.

Литература

1. Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 20.
2. Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 50.
3. Архив князя Воронцова. М., 1877. Т. 12. С. 254, 255.
4. Муравьев М. Н. Опыт истории словесности и нравоучения. М., 1810. Ч. 1. С. 36.
5. Дмитриев М. А. Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса памяти. М., 1985. С. 208, 209.
6. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1803. С. 2.
7. Эйдельман Н. Я. Последний летописец... С. 50.
8. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. V. С. 448 и др.
9. Описание Тушинского лагеря, сделанное для Н. М. Карамзина. // «Русский Зритель». М., 1828. Ч. 1. С. 29—35 (письмо Н. М. Карамзина (факсимиле) и ответ К. Ф. Калайдовича со сделанным им планом).
10. Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начала XX в. Сборник документов. М., 1978. С. 28—33.
11. Там же.
12. Формозов А. А. Новые польские книги по истории археологии // СА. 1969. № 3. С. 287.
13. Там же.
14. Abramowicz A. Wiek archeologii. Warszawa, 1967. S. 10.
15. Kraushar A. Towarzystwo Warszawskie Przyjacól Nauk, 1800—1832. Krakow; Warszawa, 1900—1906. T. 1. S. 214.
16. Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1935—1841. T. 1—9.
17. ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 8; Хроника Быховца. М., 1966. С. 8.
18. Chodynicki K. Ze studiów nad dziejopisartwem, rusko-litewskim // Ataeneum Wileńskie. Wilno, 1926. Z. 10, 11. S. 388.
19. Нарбутт Т. Догадки о древних литовцах // Северный архив. СПб., 1822. № 6. С. 479, 480.
20. Narbutt T. Badania starożytności Literwskich. O kurchanach // Tugódnik Wileński. T. 6. 1818. N 123. S. 161—168.
21. Narbutt T. Dzieje... T. 2. S. 552.
22. Лорер Н. И. Записки моего времени // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 336.
23. Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. III. С. 19.
24. Макаров М. Н. Краткая записка о некоторых достопамятностях Рязанских и Пронских // Труды ОЛРС. 1819. Ч. 16; Он же. Письма к редактору // Вестник Европы. 1820. Ч. 114; Берх. Письма одному знаменитому любителю русской истории о следах русских древностей в Пермской губернии // Сын Отечества. 1819. Ч. 53.
25. Соловцов П. А. О Забайкальских достопамятностях // Казанский Вестник. 1821. Ч. II. № 5.
26. Калайдович К. Ф. Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1825. С. 4.
27. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. II. Прим. 386; СПб., 1817. Т. IV. Прим. 103. С. 328.
28. Бошняк А. Дневные записки путешествия А. Бошняка в разные области Западной и полуденной России в 1815 г. М., 1820. Т. I; М., 1821. Т. II.
29. О его коллекциях: Goroschankin J. N. Mémoire sur des herbies de L'Université imperiale de Moscou et de la société impériale des Naturalistes de Moscou // Bull. Soc. Nat. Moscou, 1884 P. 5. О нем: Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. М., 1947. Т. I. Известны рассказы А. К. Бошняка о его отце К. К. Бошняке (Русская Старина. 1882. № 1. С. 212—216).
30. Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором // «Парфенон». СПб., 1922.
31. См.: Шилов А. А. К биографии Пушкина // «Былое». 1918. № 2. С. 71; Сыроечковский Б. Е. Записки Бошняка // «Красный Архив». 1925. № 9.
32. Бошняк А. Дневные записки... Т. II. С. 91.
33. Там же. С. 61.
34. Там же. С. 75, 76.
35. Там же. С. 81.
36. Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981.
37. Старчевский А. О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории // ЖМНП. Ч. 49. 1846, январь.
38. Иконников В. С. Граф Н. П. Румянцев // Русская Старина. 1881. № 9. С. 58.

39. Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым. Воронеж, 1868. С. 46.
40. Срезневский И. И. Записка, читанная во Втором отделении АН в юбилей митрополита Евгения // Сборник статей, читанных в ОРЯС АН. Т. V. СПб., 1873 (без пагинации).
41. Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 31.
42. Переписка киевского митрополита Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым. Воронеж, 1868. С. 66.
43. Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 2. Отд. I. С. 302.
44. Переписка киевского митрополита Евгения... С. 68, 70.
45. См.: Улащик Н. Н. Очерки по археографии и историковедению Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 28—30.
46. Григорович И. И. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821.
47. В 1910 г. председатель Витебской ученой архивной комиссии В. С. Арсеньев обнаружил и опубликовал переписку Н. П. Румянцева с генерал-губернатором Н. Н. Хованским, где первый просит разрешить так же, как и в Могилеве (где происходила опись мстиславского архива), осмотр полоцких архивов в Витебске и сообщает, что вместо себя пошлет смотрителя полоцкого поветового училища А. М. Дорошкевича. По разрешению Н. Н. Хованского Витебское губернское правление 18 июля 1825 г. дало указание суду и магистрату «все требования Дорошкевича исполнять вскорости» (Витебские губернские ведомости. 1910. № 4). Вскоре вышло отдельное издание: Арсеньев В. Предшественники Витебской ученой комиссии. Из деятельности Н. П. Румянцева по исследованию витебской старины. Витебск, 1910. Письма А. М. Дорошкевича к Н. П. Румянцеву из Полоцка хранятся: ЦГАДА. Ф. 17. Д. 48.
48. Козлов В. П. Колумбы... С. 72; Алексеев Л. В. Е. Ф. Канкрин и история открытия «Борисовых камней» в Белоруссии // СА. 1991. № 2.
49. Каханоўскі Г. А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI—XIX стст. Мінск, 1984. С. 25.
50. В научную литературу И. Шулакевич попал в качестве довольно неприглядной личности, участвовавшей в борьбе с архиепископом Красовским, на место которого он, якобы, метил сам. Несмотря на доносы, Красовский был оправдан царем Александром I. Министр просвещения и духовных дел князь А. Н. Голицын требовал новых доказательств виновности Красовского. «Архимандрит Шулакевич держал себя в стороне, но действовал через пьяниц-монахов Борисоглебского и Ушачского монастырей. В январе 1822 г. донос им был написан, А. Н. Голицын передал Красовского суду, Шулакевич получил управление епархией» и т. д. (ЖМНП. 1889. Т. VI. С. 50—52).
51. Козлов В. П. Колумбы... С. 73.
52. Кеппен П. И. Дорожные записки. Архив АН РФ, фонд 30 (П. И. Кеппена), оп. 1, дело 131.
53. Кеппен П. И. Путевые записки 1821 г. Кн. II. Архив АН СССР. Ф. 30, оп. 1, № 136. С. 24, 25.
54. Хорошкевич А. Л. Полоцкие грамоты XIII—XVI вв. М., 1977. С. 19, 20.
55. Хорошкевич А. Л. Полоцкие грамоты...; Улащик Н. Н. Очерки по археографии... С. 27, 28.
56. Улащик Н. Н. Очерки по археографии... С. 28.
57. Хорошкевич А. Л. Очерки... Т. 1. С. 20.
58. Сементовский А. М. Белорусские древности. СПб., 1890. С. 113.
59. Трусов О. А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XII вв. // Архитектурно-археологический анализ. Минск, 1988. С. 23. Рис. 8.
60. Сементовский А. М. Белорусские древности... С. 114. Рис. 68.
61. Воронин Н. Н. Бельчицкие руины. АН. Вып. 6. М., 1956. С. 16.
62. Павлинов А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка // Труды IX археологического съезда в Вильне. М., 1895. Т. I. С. 12.
63. Воронин Н. Н. К истории полоцкого зодчества XII в. // КСИА. 1962. Вып. 87. С. 102.
64. Козлов В. П. Колумбы... С. 73.
65. Там же.
66. Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями в Белорусской ССР // СА. 1948. Т. VIII.
67. Stryjkowski M. Kronika polska, litewska, zmudska i wszystkiej Rusi. Kruliewec, 1582. S. 273, 274.
68. Таранович В. П. К вопросу... С. 253, 254.
69. Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979.
70. Кеппен П. И. Список русским памятникам. СПб., 1822. С. 45.
71. Мальгин Т. Зерцало российских государей. СПб., 1794. С. 168.
72. Северная почта. 1818. № 74.

73. Румянцев Н. П. О Рогволоде и князьях полоцких — выписки из летописей. 1816, автограф. ОРГРБ, ф. 255 (Румянцевых), картон 18, № 49.
74. Северная почта. 1818. № 74.
75. Там же.
76. В источнике Мальгина текст читался неясно: «Въ льто 6979 (1171) майя в 6 день уоспень ЛРСНІГ и помази ч...ібу своюму Василию Бі жень... памяти сынь рос... Володиме... сыны Борисовы» (Мальгин Т. Зерцало... С. 168).
77. ОРГРБ (Москва), ф. 255 (Румянцевых). Р.а.8.2. л. I; Алексеев Л. В. Е. Ф. Канкрин и история открытия Борисовых камней в Белоруссии... С. 256—266.
78. Канкрин Е. Ф. Монограммы или род гербовых знаков на стенах Изборского замка // Отечественные записки. 1827. № 81.
79. Каханоўскі Г. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI—XIX стст. Мн., 1984.
80. Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 12. С. 352.
81. Сементковский Р. И. Егор Францевич Канкрин. СПб., 1893. С. 23, 28.
82. Там же.
83. ОРГРБ. Р.а. 8.2, л. 7—17; Северная почта. 1818. № 89.
84. Е. Ф. Канкрин прав: в древнерусском языке слово «доспѣнъ» было и означало «сооружен» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. С. 710 («доспѣети»). М., 1958.
85. Там же, л. 11—15.
86. Там же, л. 13—14.
87. Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. // САИ. Е1-44. М., 1964. С. 26, 27.
88. ОРГРБ. Р.а.8.2, л. 14-об, прим.
89. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 252—253.
90. Там же. С. 238.
91. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. СПб., 1816. С. 189, 268.
92. ОРГРБ. Р.а. 8.2, л. 14-об — 15.
93. Там же. л. 15—15-об.
94. Алексеев Л. В. Полоцкая земля... С. 149—161.
95. 7 мая православная церковь отмечает «воспоминание» о явлении в Иерусалиме в праздник Пятидесятницы креста (352 г.).
96. ОРГРБ, Р.а. 8.2, л. 15-об — 16.
97. ОРГРБ, Р.а. 8.2, л. 16-об.
98. Там же, л. 17-об.
99. Там же, л. 18.
100. Сапунов А. П. Двинские или Борисовы камни. Витебск, 1890.
101. ОРГРБ. Р.а. 8.2, л. 5—6-об.
102. Там же, л. 28—28-об, 26—26-об.
103. Северная почта, 1818. № 74.
104. Северная почта, 1818. № 89 (6 ноября).
105. Там же.
106. Там же, 1818. № 91 (13 ноября).
107. Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды Прибалтийской экспедиции. М., 1959. Т. 1. С. 300.
108. Архив АН РФ, ф. 30 (П. И. Кеппена), оп. 1, № 131, 136.
109. Вместе с П. И. Кеппеном И. А. Гарижский снимал копии с надписей Изборского камня (Глинка Ф. Мои заметки о признаках древнего быта, найденных в тверской Карелии // РИСб., кн. 2. М., 1837. С. 27), а также и с Рогволодова камня (Труды I АС. Т. I. М., 1871. С. XXII).
110. Об этом первом исследователе полоцких древностей для написания книги по истории Полоцкой земли (не напечатана) удалось узнать немного; в журнале П. И. Кеппена «Соревнователь просвещения...» он опубликовал свои переводы А. Гумбольдта и А. Лерберга (Гумбольдт А. О водопадах реки Ориноко) // «Соревнователь просвещения и благотворения». Ч. 3. 1818. С. 180—203; Лерберг А. X. Исследования, служащие к объяснению русской истории // Там же. Ч. IV, 1818. С. 95—125; отдельное издание. СПб., 1819).
111. Аляксееў Л. Пачатак вывучэння помнікаў // ПГІКБ, Мн., 1984. № 4. С. 32, 33.
112. Архив АН РФ, ф. 30. оп. 1, № 131. Л. 18.
113. Архив АН РФ, ук. документ.
114. Там же, л. 26.
115. Там же, л. 27.
116. Там же, л. 28-об.
117. ОРГРБ. Р.а. 13.54 («Записка о почтовом пути от Риги до Орши»), листы 1, 1-об.
118. Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. // СА. 1957. № 3. С. 224—244.
119. Святыня города Полоцка: церковь св. Спаса и крест преподобной Евфросиньи // ЖМНП. 1841. 7. XXIX. Вып. VII, № I.

120. Сапунов А. П. Древности Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке // Полоцкие Епархиальные ведомости. 1885. № 10. С. 332. ЦГИАЛ, ф. 1661, оп. 1, № 741, № 333 и пр. К. С. Сербинович не мог быть автором опубликованной статьи с рисунком: он послал свой рисунок в 1841 г. епископу полоцкому Василию с просьбой выверить его по оригиналу, но епископ, как он сам пишет, садился уже в экипаж: «не имея ни времени, ни возможности исполнить это требование, и имевший в виду то, что из Москвы должен ехать я в Петербург, я велел ризничему священнику Богдановичу, прощавшемуся со мною, принесть мне с футляром оный и повез его с собою вместе со сказанным рисунком» (Василий Лужинский. Записки. Казань, 1885. С. 211—212). К тому времени, когда крест был в Петербурге, рисунок (П. И. Кеппена?) был уже издан. Ночами прибывшую реликвию рисовал уже художник Н. М. Менцов (16 сентября 1841 г.): см.: ЦГИА, в Санкт-Петербурге, ф. 1661, оп. 1, № 1260, л. 5 (записка Менцова Сербиновичу о ходе работы), л. 2 (то же, с запросом о гонораре).

121. Там же, ф. 30, оп. 1, № 133. См.: Потепалов С. Г. Путешествие П. И. Кеппена по славянским землям. // Из истории славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 8.

122. Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке // Сб. статей, читанных в ОРЯС АН. СПб., 1873. Т. 5. Вып. 2. С. 45.

123. Там же. С. 23 (письмо от 19 декабря 1821 г.).

124. Архив АН РФ, ф. 30, оп. 1, № 136, л. 21.

125. Кеппен П. И. Путевые записки 1821 г. Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1. № 36, л. 23.

126. Там же, л. 26.

127. Архив АН РФ, ф. 30, оп. 1, № 74, л. 7.

128. Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906. С. 334 и сл. З. Ходаковскому посвящена большая литература: Кеппен П. И. Материалы для истории и просвещения в России — Библиографические листы. СПб., 1825. С. 562—564. Rawita-Gawroński Fr. Zoryan Dołęga-Chodakowski, jego żytie i prace. Lwów, 1898. S. 69, 70, 149—160; Maślanka J. Zorian Dołęga Chodakowski, jego miejsce u Kulturze polskiej i wplyw na Polskie piśmienictwo romantyczne. Wroclaw — Warszawa — Kraków, 1965. Рецензии на эту книгу — Аксамитова-Малаш Л. А. Ценное исследование о З. Ходаковском // Советское славяноведение. 1967. № 1.

129. Погодин М. П. Историческая система З. Ходаковского // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. I. Вып. 3. С. 13.

130. Русский архив. 1889. № 6. С. 181.

131. Там же. С. 199.

132. Там же. С. 212, 213.

133. Там же. С. 218.

134. Там же.

135. Там же. С. 220, 224, 226.

136. Там же. С. 227 (подчеркнуто мною.— *Л.А.*).

137. Там же. С. 230.

138. Там же. С. 232.

139. Там же. С. 236.

140. Там же. С. 358.

141. Там же. С. 357 (от 12 июля), С. 367 (от 3 сентября).

142. Полевой Н. Записки о жизни Зориана Ходаковского // Сын Отечества, 1839. Т. 8. Ч. 2. № 4. Отд. 6. С. 89—90.

143. Ровнякова Л. И. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. Л., 1963.

144. Францев В. А. Польское славяноведение. Приложение: С.CXII, CLI.

145. Там же.

146. Тышкевич К. П. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна, 1865. С. 13.

147. Макаров М. Письмо к редактору // ВЭ, 20. 1820; Он же. Другая записка для Доленги-Ходаковского // ВЭ, 23. 1820; Боярнин А. Городище на р. Сарре // ВЭ, 20. 1820; Известно, что Ходаковский увлек даже военного литовского губернатора А. А. Римского-Корсакова и тот решил «отыскать черту, оканчивавшую русско-кривское наречие и литовского диалекта» (Погодин М. П. Историческая система... С. 40). См. также: Глаголев А. Записка о городищах, курганах и др. старых насыпях в Тульской губернии // ВЭ, 23. 1820.

148. Формозов А. А. Пушкин и Ходаковский // Прометей. Х. М., 1974. Н. В. Гоголь писал М. А. Максимовичу: «Я очень обрадовался, услышав от Вас о богатом присовокуплении песен из собрания Ходаковского. Как бы я желал быть с вами и пересмотреть их вместе» (9 ноября 1833 г.) // Гоголь Н. В. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 6. С. 224.

149. Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. М., 1953; Никольская Т. Н. Городище у с. Николо-Ленивец // СА. 1962. № 1. С. 240; Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963 и др.

150. Кохановский Г. А. Открытый лист З. Доленги-Ходаковского // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 453—455. (Лист был выдан Виленским университетом для изучения фольклора, этнографии, топонимики и для необходимых раскопок).

151. Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1872. Т. III. Карта археологических памятников З. Ходаковского (вклейка: карта З. Ходаковского).

3

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ В 30–40-Е ГОДЫ XIX В.

Небывалая иллюминация, вспыхнувшая в обеих столицах 26 июня 1826 г. по случаю коронации Николая I, ознаменовала новую эпоху. С декабристами было покончено, над страной нависла самая мрачная эпоха. Было создано Третье отделение, цензура, не отличавшаяся либерализмом и ранее при обскуранте А. Н. Голицыне, теперь при А. С. Шишкове должна была неограниченно свирепствовать. Правительству были нужны новые и вполне послушные деятели, деятели же либерального толка отсылались на должности в далекие провинции. После восстания декабристов «нравственный уровень общества пал, развитие было прервано, все передовое, энергическое было вычеркнуто из жизни. Дрянь александровского времени заняла первое место...» [1]

Что касается древностей, то теперь, в эпоху уваровской «официальной народности», правительство всемерно стремилось показать, что прошлое народа оно тщательно оберегает. «Остановитесь! И не смейте более прикасаться к древностям!» — зычно кричал император в Новгородской Софии, увидав живописцев на подмостках, расписывавших ее стены (1831 г.) [2]. Еще 31 декабря 1926 г. всем губернаторам было разослано «высочайшее повеление» о собирании в губерниях сведений «об остатках замков, крепостей и других зданий древности, и что строжайше было запрещено таковые здания разрушать» [3]. Но все это было чистой воды декорацией. На резонные запросы губернаторов о том, что же считать древностями, невежественный царь-иезуит вскоре сам себя разоблачил циничным заявлением: «разрушать их не должно, но и чинить ненужного ненадобно, а поддерживать одни ворота или такие здания, в которых есть нужные помещения» [4].

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ РЕГИСТРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ В «ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ»

В белорусских землях первые попытки регистрации древних памятников относятся ко второй половине 1830-х годов. Так, в октябре 1837 г. генерал-губернатор Северо-Западного края получил в Вильне следующее предписание:

«На основании продолжения Свода законов I тома статьи 1360 в канцелярии МВД производятся, в числе прочих, дела по собиранию сведений о древних зданиях и вообще находимых древностях... Покорнейше прошу Ваше превосходительство доставить мне о таковых зданиях, находящихся в Виленской губернии, как-то: монастырях, церквах, замках, домах, водопроводах, мостах, развалин стен, остатках других памятников древности ... точные и полные сведения с означением настоящего их положения и, если возможно, то доставить рисунки таковым древностям и изложить вкратце историю существования оных или преданий, кои на их счет сохранились.

Министр внутренних дел граф Блудов» [5].

И «пошла писать губерния!» 27 октября 1837 г. виленский генерал-губернатор разослал распоряжение всем уездным исправникам и гражданским губернаторам с указанием, чтобы «означенные сведения были бы доставлены ему» [6]. Результат ожидался целый год, но оказался плачевным, ибо собрано почти ничего не было. Вот характернейший ответ одного исправника:

«Участковые заседатели рапортами удостоверяют: известнейших курганов, древних могил или сопок в Упитском уезде по собранным сведениям **не обнаружено**, кроме токмо Клаванского прихода, расстоянием 30 верст от Паневежа к северо-западной стороне существуют в двух местах древние могилы..., но при оных, кроме огромных камней, примечательного не открыто. 5 ноября 1837 г.» [7]

Сбор подобных сведений явно требовал людей образованных. Пришлось увещевать предводителей дворянства в уездах, но и это помогало мало. Россия все еще, видимо, не созрела для таких начинаний. Собирание подобных сведений, писал один из губернаторов предводителю, «возложено было на градскую и земскую полиции, но, к сожалению, одни из них доставили весьма немного..., другие отозвались совершенным неимением таковых, тогда как мне самому известны немаловажные древности, которые полиция из виду упустила». «Озабочиваясь скорейшим и точнейшим по возможности исполнением поручения начальства,— пишет губернатор далее,— я признал нужным покорнейше просить Ваше превосходительство собрать и доставить в Виленский губернский статистический комитет без малейшего отлагательства времени... Я не сомневаюсь, что Вы, милостивый государь,— кончал он свое обращение к предводителю,— не только по долгу Вашего звания, но и по доказанному Вами усердию к пользам службы Его императорского величества и знанию дел обратите особенное внимание, дабы требуемые от Вас сведения о древностях вполне соответствовали желанию начальства...» [8] Как видим, к образованному классу приходилось обращаться с увещевательным письмом, весьма близким к просьбе. С подобной же просьбой и в том же просительном тоне («Не находя способнее Вас человека...») обратился тот же губернатор 31 октября 1838 г. и к издателю газеты «Литовский Вестник» [9]. Но все это давало мизерные результаты.

Подобное же предписание в октябре 1837 г. получил и витебский генерал-губернатор. История повторилась. Ответы полицейских чинов

и... земских судов (куда, видимо, тоже пришлось обращаться гражданскому губернатору) сообщали самые общие сведения: в Режице есть развалины замка, в Люцине — крепость в развалинах. Анекдотичная отписка была получена от полоцкой полиции, сообщившей, что в этом древнейшем белорусском городе есть только дом, где по преданию останавливался Петр Великий, а других древностей не имеется. Потребовался грозный окрик губернатора с указанием на Евфросиньевский монастырь, чтобы усердие полиции утроилось и прислано было не только описание Спас-Евфросиньевского монастыря, но и Бельчицкого [10]. Серьезно отнеслась лишь Велижская уездная полиция (Витебская губ.): в Велиже над Двиною и ручьем Коневцом «в древнее время был замок, около которого с одной стороны от ручья в Двину протекал и протекает теперь ручей, через окоп и ручей были мосты (последние существуют и теперь), а над ними со внутренности замка при выезде имеется с жилыми покоями о двух этажах две со въездными воротами башни. Из всего замкового строения уцелел один каменный, крытый черепицею дом, купленный от казны дворянином Павлом Яцкевичем» [11]. Казенные начинания в деле собирания сведений о памятниках древности тут же разбивались о тот же казенный чиновничий аппарат самодержавной России. Дело можно было сдвинуть с мертвой точки лишь частной инициативой отдельных подвижников.

Дело о регистрации памятников слабым огнем вспыхнуло еще через десятилетие — в 1846 г., по тем же каналам и с тем же успехом. Редактор «Виленского вестника» А. Марциновский, занимавшийся древностями, запросил за это 2 тыс руб. «ежегодно и безотчетно». В ответ на сообщение об этом Министерство внутренних дел уведомило губернатора, что в Виленской губ. находится на службе «до 70 молодых людей, большей частью воспитывавшихся в казенных учебных заведениях»; «Я предлагаю Вам,— писал министр,— поручить опытнейшему из них доставление описания древностей, снабдив их для руководства надлежащими наставлениями и, распределив между ними предметы занятий...» 24 января 1847 г. губернатор запросил А. Марциновского, где собирать (другого осведомленного в этом лица не нашлось). Тот ответил в самой общей форме с явной издевкой: в монастырях, костелах, церквах и т. д. Так все и кончилось [12].

Если попытки регистрировать памятники по казенным каналам неминуемо терпели фиаско, то частная инициатива приводила к лучшим результатам. Еще в 1832 г. некто Я. Липоман издал в Вильне книгу о местных древностях [13]. Через четыре года в Петербурге опубликована статья о памятниках «литвинов» [14], а еще через год «Сын Отечества» писал о раскопках: «В 1833 г., услышав в первый раз такие чудесные рассказы, я не преминул отправиться к означенным горам, чтобы на опыте убедиться, действительно ли состоят они из одного песку. Приказал я разрыть на несколько саженей глубиною землю и оказалось, что эти горы природные, а не изделие человеческих рук. Ибо первый слой был органический (почвенный.— *Л.А.*), а следующие за ним состояли из песку и горшечной глины и содержали в себе множество камушков». Далее тот же автор говорил о раскопках на границе приходов Дорбянского и Лукожемского курганов со «склепом», вокруг которого якобы лежали «60 черепов в симметричном порядке». То же открыл будто бы и помещик Наркевич в имении Герджели и т. д.[15] Год спустя тот же «Сын Отечества» сообщал о «древних могилах Минской губернии и в Минске» [16].

В те же 30-е годы на археологические памятники все больше обращают внимание путешественники по Беларуси, о курганах, например, писал Ф. В. Булгарин, проезжавший здесь в 1835 г.[17] В 1837 г. делаются первые записи белорусских обрядов, легенд, песен, которые заносят на

бумагу воспитанники Себежской гимназии [18]. Археологическими памятниками заинтересовался смотритель Молодечненского училища В. Игнатович, стремившийся выяснить, «кто сооружал, когда и против каких врагов» распространенные в Вилейском уезде «земляные окопы» [19]. Напомним, что именно в это время, в 1838 г., в им. Черногрязье Н. А. Толстого (Звенигородский у.) в центральной России были произведены первые раскопки курганов и вышла первая публикация их с точным воспроизведением найденных вещей [20]. «Русский исторический сборник», где это было напечатано, пользовался достаточно широкой известностью.

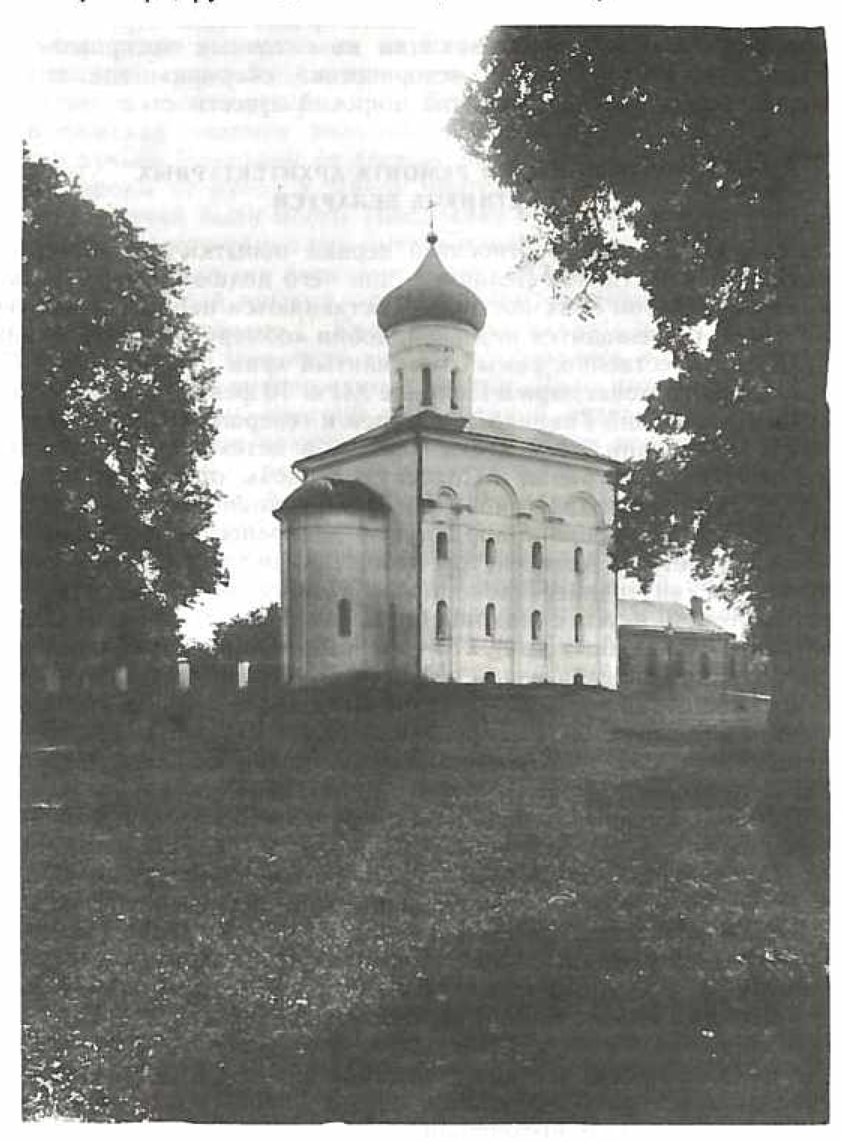
ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ РЕМОНТА АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ БЕЛАРУСИ

К началу 1830-х годов относятся первые попытки ремонта древних архитектурных памятников Беларуси, для чего делаются первые наблюдения над характером этих построек, составляются первые исторические справки о них, производятся первые подобия «обмеров». Центром внимания оказался, естественно, самый знаменитый храм преображения Спас-Евфросиньевского монастыря в Полоцке XII в. 10 февраля 1832 г. епископ Полоцкий и Витебский Гавриил обратился к генерал-губернатору с письмом: «При посещении моем в сем 1832 г. в истекшем генваре месяце города Полотска осматривал я Спасскую церковь, отстоящую от города Полотска в двух верстах. Церковь сия, построенная преподобной Евфросиниею княжной полоцкою праправнукою равноапостольного князя Владимира в 12 столетии... Архитектура, необычайная толстота стен с малыми узкими окнами, внутреннее иконописное расписание всей церкви в старинном греческом вкусе с надписями древнерусского письма. При сей церкви, как из Степенных книг 273 страница видно, погребались православные полоцкие епископы, при сей церкви устроен был женский монастырь и в самой церкви на хорах ныне уцелели две маленькие крестообразные келии, где преподобная Евфросинья с сестрою своею Градиславою, в инокинях Евдокиею, совершала иноческие подвиги прежде, чем отправиться в Иерусалим... Монастырь сей... существовал до времен польского короля Батория, который, покоривши вооруженной рукою город Полоцк, отдал его... во владение иезуитам» [21]. Указав, что храм находится ныне в руках «арендатора поиезуитских имений», что «иноверцы» за ним не следят и «легко может от небрежения... или от недоброжелательства к правоверию потерпеть повреждение в стенах и в живописи, которая, к удивлению ... сохранилась доселе с ясными признаками древнего несовершенного (!) российского искусства», архиерей просил о покрытии церкви «для сохранения ее от повреждения в ненастное время на щет казны» и передать ее «в ведение полоцкого мужского Богоявленского монастыря». Как видим, местные церковные власти до некоторой степени интересовались историей памятника, читали кое-какую литературу (степенную книгу), но художественная ценность их в то время для них была закрыта, к тому же за древнюю «несовершенную» живопись они принимали сравнительно поздние ее записи (раскрытие фресок памятника было осуществлено лишь в наше время и то далеко не полностью).

Впрочем, какие-то приготовления к ремонту его делались и ранее [22], для чего была составлена и опубликована историческая справка о нем и о церкви (правда, с опозданием на год) [23]. Годом позднее в «Журнале Министерства внутренних дел» были вновь сообщены краткие сведения о храме и впервые приложен рисунок-чертеж памятника. Там же сообщалось о «стенном писании в старинном греческом вкусе» и вкратце о пере-

делках, которые были осуществлены перед освящением храма 7 августа 1833 г. Оттуда же мы узнаем об указании Николая I рассмотреть в Строительном комитете планы большого ремонта церкви [24].

Ремонтные работы велись в Евфросиньевском храме весьма недолго. Архитектор Порт, руководивший ими, не понял сущности памятника, не

Собор Евфросиньевского монастыря в Полоцке после «реставрации» архитектором Портом (30-е гг. XIX в.) Фото 1890-х гг.

уловил его первоначальный художественный образ (хотя данные для этого полностью сохранились): он повысил верх и скрыл чердаком такую важную для художественного восприятия памятника деталь, как массивный декоративный постамент под барабаном. Исключительную толщину стен и столбов храма замечали все, об этом писали, но для чего это было сделано (что это было связано с декоративным постаментом под барабаном),

оставалось непонятным. Чердак окончательно закрыл все возможности к пониманию памятника, и лишь в 1924 г. все прояснилось благодаря аспиранту Н. И. Брунову, когда он открыл там этот декоративный постамент [25]. Итак, ремонт храма архитектором Портом был действительно только ремонтом, хотя памятник был, судя по опубликованной в 1833 г. гравюре, довольно точно «обмерен» и его историей занимались многие. Такова, видимо, судьба всякого научного исследования на самых первых порах.

В 40-е годы николаевская чиновничья Россия вступила в полосу своего расцвета. По созданной системе всякая местная «администрация (стала) ветвью дерева, державшегося своими корнями в Петербурге. И этого было вполне достаточно, чтобы парализовать все благие намерения и мешать всяким местным самородным проявлениям общественной жизни и прогресса» [26]. Местные власти смотрели на «все прежде всего с чиновничьей точки зрения. Раньше всего возникал у них вопрос не о том, насколько то или другое полезно для края, а о том, что скажет начальство там (в Петербурге.— *Л.А.*), как взглянут на это начинание заправляющие правительственной машиной» [27]. На улицах часто видели гневного императора, не терпевшего штатского платья — пуховых шляп, кашне, просто пальто... [28]

Что касается древностей, то прежнее отношение к ним правительства продолжалось. Архитектурные сооружения не разрушались, но использовались для местных нужд. В 1844 г., например, последовало высочайшее разрешение приспосабливать смоленские башни под архивы, но с сохранением их внешнего вида [29]. 14 февраля 1848 г. был издан указ Правительствующего Сената (№ 8520), где было «изъяснено» «высочайшее повеление» о наблюдении за сохранностью в целости памятников древности, а в феврале 1848 г. губернаторы империи получили копию «Рапорта главноуправляющего путями сообщений, направленного в Сенат, о повреждении, оказавшемся в древней крепостной стене в городе Коломне и о дозволении разобрать ветхую часть ее», что возмутило Николая: «Стену исправить и содержать в надлежащем состоянии»,— был грозный ответ. При этом царь «повелеть соизволил: строго воспретить разрушать памятники древности и непременно блюсти за их состоянием». Губернаторы информировались об этом специально [30].

В 1838 г. в 42 губерниях начали выходить «Губернские ведомости». Осуществилась по А. И. Герцену «оригинальная мысль приучать к гласности в стране молчания и немоты», которая принадлежала министру внутренних дел Д. Н. Блудову [31]. Что касается «Губернских ведомостей» белорусских губерний, то там исторические статьи в 1840-х годах встречаются довольно редко: о башне в Каменце Литовском (1845), руководство к отысканию древностей (1845), о камнях с надписями (1846), о древнем Новогрудке (1846), о Замковой горе в Бельске (1847) и т. д. [32]

Любопытные описания мстиславских археологических памятников находим в «Могилевских губернских ведомостях» за 1847 год [33]. Принадлежат они преподавателю Могилевской мужской гимназии Виктору Ивановичу Прахову — родоначальнику известного рода потомственных историков и искусствоведов из Мстиславля [34]. Уроженец этого города, он описывал хорошо ему известные Девичью и Замковую горы (как мы теперь знаем, первое — городище раннего железного века, второе — детинец средневекового города XII—XVII вв. [35]), которые, исходя из географического расположения, датировал временем борьбы Литвы с Мос-

квой. Основным источником его был, как он сам указал, Н. М. Карамзин. Описание истории города он доводил до 1654 г., когда воевода Трубецкой предал огню и укрепления Мстиславля. В 1847—1848 гг. «Могилевские губернские ведомости» помещали и другие исторические статьи В. И. Прахова [36]. Нельзя не пожалеть, что в специальной сводке о семье Праховых С. В. Букчину остался неизвестным родоначальник этого замечательного мстиславского семейства — автор, как мы видели, ряда работ по истории Мстиславщины — Виктор Иванович Прахов [37].

ПОЕЗДКА ВАСИЛИЯ ЛУЖИНСКОГО В МОСКВУ И ПЕТЕРБУРГ С КРЕСТОМ ЕВФРОСИНЬИ ПОЛОЦКОЙ (1841 г.)

В начале 1840-х годов в Беларуси и обеих русских столицах произошло событие, связанное со знаменитой реликвией XII в.— крестом Евфросиньи Полоцкой, которую знаменитый «воссоединитель» униатов (1839 г.) архиепископ полоцкий Василий вывез в Москву и Петербург для сбора средств на ремонт восстановленной епархии. Поездка вызвала огромный интерес и оживила интерес к истории «Западнорусских земель». В своих мемуарах иерарх немало места уделил этой поездке [38].

На кресте, мы помним, была древняя надпись о неотчуждении со сложным заклятием, и нам трудно понять, как владыка решился самовольно вывезти уникальную реликвию: еще в 1833 г. по высочайшей воле было отказано генерал-губернатору кн. Н. Н. Хованскому лишь перенести ее в Евфросиньевский храм и дано указание хранить ее в Полоцке в Софийском соборе. Можно думать, что полоцкий архиерей надеялся на заступничество всесильного митрополита Филарета. Сам же Василий объяснял этот поступок так: «Когда я садился уже в экипаж, почтальон подает мне свиток и письмо на мое имя от г. директора хозяйственного управления при святейшем Синоде К. С. Сербиновича, который просил меня проверить самым тщательным образом и исправить рисунок упомянутого креста, препровожденный в свитке, с подлинником. Не имея времени, ни возможности исполнять это требование..., я велел ризничему священнику Богдановичу, прощавшемуся со мною, принести мне в футляре оный и повез его с собою вместе со сказанным рисунком...» [39] Иерарх не скрывает, что действительно надеялся на заступничество митрополита Филарета.

В Москве крест был положен «на устроенном для него прекрасном налое» в Успенском соборе Кремля. Для поклонения храм был открыт с 5 часов утра до 10 часов вечера. При кресте все время стояли два священника. Опускать крест в воду при водосвятии было воспрещено, ее святили другим крестом. «С разрешения митрополита Филарета соборное духовенство развозило ночью с особым благоговением упомянутую святыню по домам чиноначалий, вельмож, князей, графов и богатых купцов для совершения в их помещениях молебствий с водоосвящением». «Я сам возил сей крест,— дополняет Василий,— только в некоторые богоугодные заведения и к благочестивому знаменитому вельможе, действительному тайному советнику князю Сергею Михайловичу Голицыну, совершал сам в его домовой церкви на даче под Москвою молебствие с водоосвящением...» [40] Архиепископ с огорчением сообщает далее, какие громадные суммы были получены в Успенском соборе, служители которого ему их так и не отдали. И многие, узнав об этом, стали жертвовать на построение Евфросиньевского монастыря лично ему. Все полученные деньги, масса богатств были поделены по распоряжению обер-прокурора Синода Н. А. Протасова с Литовской воссоединенной епархией [41].

8 сентября 1841 г. Василий Лужинский выехал в Петербург и там поместил крест в синодальную церковь. По указанию вернувшегося в это время из-за границы царя реликвия была перевезена в Казанский собор. Стечение народа в соборе было огромное. «В алтаре было со звездами столько высокопоставленных сановников, что с трудом могли проходить между ними прислужники церковные»,— писал Василий [42].

Судя по сохранившимся архивным документам, ночами в Казанском соборе производилась и зарисовка креста. «Имею честь уведомить Ваше превосходительство,— писал художник Н. М. Менцов К. С. Сербиновичу,— что лицевую сторону креста (кроме боковых надписей) я с Божьей помощью уже кончил, оборот начал только сейчас и надеюсь к часу ночи окончить его, а надписи боковые проверить мне может быть, если нужно будет, то я вновь написать постараюсь завтра, придя в церковь в пятом часу утра. Н. Менцов, 16 сентября (1841 г.)» [43]. Из этой записки нам становится ясным, почему боковые надписи креста Евфросиньи, судя по изданию, были сделаны Н. М. Менцовым так не точно — у него не было удовлетворительных условий работы, а точность в палеографии, возможно, и не требовалась... Так был получен рисунок прославленной реликвии [44], в том же году опубликованный [45]. Дата записки Н. М. Менцова — 16 сентября показывает, что Василий Лужинский не случайно спешил в Петербург к этому времени: выехав в своей карете из Москвы, он прибыл в северную столицу через несколько дней, а 15 сентября православная церковь празднует день Воздвижения креста (откуда и такое стечение народа в Казанском соборе). На всем пути через Москву в Петербург и затем в Витебск он совершал богослужения с водосвятием и крест видела огромная масса верующих. Путешествие полоцкого владыки с уникальной реликвией по городам России (о чем писалось много в газетах [46]) — большое событие, оно всколыхнуло интерес к западнорусской истории, к истории Полоцка и к его древностям, что немедленно отразилось в тогдашней печати.

Если в царских чиновниках николаевского времени мы встречаем лишь тупое равнодушие к истории и к памятникам и, подобно бонапартистам в известном изречении М. Е. Салтыкова-Щедрина, они «путали понятие Отечество с понятием Ваше Превосходительство», то совсем иначе относилась к делу местная, в западнорусских землях в основном польская, интеллигенция. Для последней катализатором явился разгром польского восстания 1830—1831 гг. Ненависть царя к Польше теперь легла тяжелым бременем на все западнорусские земли. После 29-летнего существования был закрыт оплот просвещения в Западном крае — Виленский университет (1832 г.), закрывались почти все польские газеты и журналы, началась секвестрация имущества польских помещиков, замешанных в восстании. Художественные сокровища польской знати безостановочно доставлялись в Петербург, лично просматривались Николаем и большей частью уничтожались [47]. Все это не могло не послужить новым стимулом развития патриотических настроений среди польской общественности, неизбежно повысился интерес к прошлому своей страны, своего края, к древностям «литовско-белорусских» земель.

БРАТЬЯ ТЫШКЕВИЧИ

К 1830—1850 гг. относится деятельность белорусских магнатов К. П. и Е. П. Тышкевичей. Их отец граф Пий Тышкевич прожил большую жизнь (1758—1858 гг.), интересовался древностями и был даже избран

почетным членом Виленской археологической комиссии [48]. Сам католик, он не только не притеснял своих крестьян-некатоликов, но даже отстроил для них униатскую церковь [49]. Их мать Августа (урожденная Платер) также была просвещенной женщиной, поклонницей наук. Она создала обширную коллекцию документов, книг, медалей, «разных предметов искусств и художеств». Помимо уникальных рукописей, двухсот картин итальянской живописи, в ее коллекции было большое собрание «этрусских ваз», а также предметов из Помпей и Геркуланума. Ее библиотека состояла из 3 тыс. томов польских и французских книг, из которых 500 было древних [50]. Есть сведения, что в Логойском дворце Тышкевичей хранилось много старинного оружия (мечи, копья, бердыши, шлемы, щиты, латы, кольчуги) [51]. Не было там лишь предметов местной археологии. За пополнение ими музея и взялись братья Тышкевичи — основатели белорусской научной археологии.

Старший — Константин Пиевич Тышкевич (1806—1868 гг.) родился в родовом имении Логойск и первоначальное воспитание получил в домашних условиях под руководством некоего Гуссека. Затем учился в Полоцком иезуитском коллегиуме. Окончив курс в Виленском университете, переехал в Варшаву, где служил в Министерстве финансов. В 1830-х годах

К. П. Тышкевич

вернулся в отцовское имение Логойск и стал заниматься науками. Он собрал большое количество книг и редчайших рукописей, обратившись по примеру младшего брата к местным древностям, занялся раскопками курганов в Логойском графстве, создал замечательную археологическую коллекцию местных древностей и весьма большую часть ее передал в Румянцевский музей (откуда она попала в Исторический музей в Москве и ныне хранится там). К. П. Тышкевич принимал активнейшее участие в деятельности младшего брата Евстафия и пожертвовал его музею много экспонатов. В 1857 г. К. П. Тышкевич предпринял уникальное путешествие — плавание по реке Вилии (682 версты) от ее истока (в борисовских лесах) до устья в Ковне. Сделано это было на свои средства, на своем судне; путешествие продолжалось четыре месяца. Сопровождали графа (кроме гребцов и т. д.) «весьма способный землемер» и художник. Это «единственное в своем роде» плавание легло в основу обстоятельной книги К. П. Тышкевича «Вилия и ее берега» [52]. В этой книге и в ряде других изданий получили отражение раскопки автора, которые он проводил во время путешествия. Книга вышла посмертно. Тяжелые времена настали для Тышкевичей после польского восстания 1863 г.

При жизни К. П. Тышкевич, кроме ряда мелких работ, успел опубликовать лишь несколько более крупных, самая значительная из которых в 1865 г. была издана по-русски, а в 1868 г. с дополнениями по-польски [53]. Если младший брат его ограничивался раскопками курганов, то К. П. Тышкевич обратил внимание и на городища, его первая работа по археологии посвящена именно им [54]. В ней мы встречаем не только описание десяти обследованных городищ, но и первые топографические планы памятников и даже попытки их формальной классификации. Древние городища ученый делил на «укрепленные замки», куда были отнесены все мысовые городища (на многих сохранились ямы «от замковых строений»), «жертвенные городища» (горожища с валами по периметру площадки) и «окопы не судилища» (городища с валами ниже площадки). Как видим, классификация эта была наивна, ибо автор не представлял, что обследованные им памятники относятся к совершенно разным эпохам и возведены даже этнически различным населением (городища с валами ниже площадки, как мы знаем теперь, принадлежат раннему железному веку, городища же — замки — на тысячу лет позднее и т. д.), однако самое стремление классифицировать археологические памятники с тем, чтобы как-то в них научно разобраться, было для развития науки важно. В далекую эпоху, когда жили братья Тышкевичи, никакого понятия о культурном слое еще не существовало и серьезной попытки раскопок городищ никто не предпринимал.

Много исследовал К. П. Тышкевич и белорусских курганов. «В продолжение двадцати с лишним лет постоянного, так сказать, исследования нашего прошедшего, разрыв собственноручно значительное число могил на Литовской Руси, в Литве собственно и в Белоруссии,— говорит К. П. Тышкевич,— я пристрастился к этой науке...» [55] Итак, раскопки «могил», по мнению ученого,— это уже наука! Он начал ею увлекаться 20 лет назад, т. е. в 1833—1834 гг.— тогда же, когда к ней обратился и его брат Евстафий Тышкевич — в те же 30-е годы. К. П. Тышкевич раскапывал курганы главным образом в своем Логойском графстве и сам признается, что раскопал их «сотни». Итоги всему этому подводила его капитальная книга «О курганах в Литве и западной Руси», вышедшая в Вильне в 1865 г. Как и городища, он подверг этот вид памятников классификации и тоже с современной точки зрения достаточно фантастичной: курганы он делил на пять групп — «уединенно стоящие» (насыпанные,

как он полагал, «народом в честь вождей»), «сгруппированные» (погребения воинов, падших в бою), «сторожевые» (вероятно, окружающие собой территорию племени), на которых располагалась якобы племенная пограничная охрана, «дорожные или путевые» («среди наших лесов сияли, м. б., не довольно ярко..., составляя верную примету, указывая дороги шествовавшим наудачу военным и торговым людям»), «гробовые» («кладбища племен, здесь обитавших»). Теперь мы знаем, что все курганы были древними могильными насыпями, которые насыпались на нашей территории вплоть до XIII в. Все догадки ученых прошлого, вроде классификации К. П. Тышкевича курганов и городищ,— все это этапы роста науки. Е. П. Тышкевич был намного осторожнее своего старшего брата в подобных выводах.

К. П. Тышкевич уделял внимание и методике раскопок, которую он постоянно стремился совершенствовать. Он первый сформулировал конкретную задачу раскопок — напластования должны быть «с точностью рассечены так, чтобы они обнаружили верно слои, из которых они сложены». Ведя детальные дневники раскопок, он сделал много верных наблюдений над погребальным обрядом белорусских курганов, многие из которых важны и сейчас (между Березиной, Гайной и Вилией трупосожжения встречаются реже, чем на соседних территориях; в Вилейском уезде и далее вниз по Вилии в курганах изобилуют серпы и пр.). К. П. Тышкевич первый в отечественной археологии обратил внимание на гончарные клейма курганных горшков, однако действительного назначения их не понял. Он считал, что эти знаки на горшках имеют чисто символическое значение, связанное с религией, и сопоставлял их со знаками на товарных пломбах из Дрогичина. Возникла дискуссия. А. А. Котляревский считал, что клейма следует связывать с институтом частной собственности, а также и с ремеслом: горшки выделаны на гончарном круге, «знаки, на них изображенные,— нет сомнения — принадлежат уже фабричным клеймам» [56]. Эта точка зрения была, как мы теперь знаем, более верной.

Нельзя пройти мимо и других заключений К. П. Тышкевича, также характерных для начальных этапов науки. Мало еще зная о курганах, он предлагает, например, избирать для раскопок те курганные группы, о которых в народе «сохранились предания, доказывающие... их древность» [57]. Любопытно, что и отношение к новой науке — археологии у него было еще весьма двойственным: он понимал, что при раскопках курганов «отверзается для нас заря новых познаний», чтобы «изучить прошедшее, мы разрываем могилы...», что «главнейшее существенное условие (археологии. — *Л.А.*) состоит в беспрестанном сравнении, посредством которого она... составляет некоторую основу для событий эпохи, не доставившей нам... письменными памятниками»; с другой стороны, он писал, что в науке археологии — «все без верных данных, создается на догадках более или менее вероятных, все составляет род какой-то гипотезы». Мысль немецких ученых «определять по горшкам эпоху существования могилы» — метод, которым мы широко пользуемся теперь — кажется ему «замысловатым средством», оправдывая сложность и гипотетичность которого, автор добавляет, что «ничего нельзя было придумать лучше в науке столь темной и неопределенной, какова археология» [58]. Не забудем, что все это было высказано у самых истоков науки. Весьма важно, что все эти вопросы уже тогда ставились К. П. Тышкевичем, хотя разрешить их тогда было невозможно.

Раскопками в Логойском графстве в 1837—1842 гг. младший из Тышкевичей — Евстафий Пиевич Тышкевич (1814—1873 гг.) — первый из брать-

ев заложил основы белорусской научной археологии [59]. Объясняя причины, побудившие его впервые обратиться к раскопкам, Е. П. Тышкевич писал: «Желание выяснить истину и противопоставить ее представлениям простого народа и наивных соседей внушило мне мысль потревожить места, предназначенные вечному упокоению. Здесь мне встретилось немало трудностей: я должен был щедро платить своим же собственным крепостным и работать наравне с ними, лишь бы они согласились на такой грех. (Только таким образом) удалось раскопать один из самых больших курганов...» [60] Уже тогда ученый понял, что раскопанные им в Логойске 11 насыпей содержали не братские могилы воинов, а являлись древними погребениями, как он полагал, «какого-то знатного рода славян». Ученый призывал в заключение к серьезным раскопкам курганов и в дальнейшем: «Это наш Геркуланум, хоть и возникший не под таким чудным небом, но долженствующий быть для нас еще более драгоценным...» [61]

Е. П. Тышкевич родился в Логойске, получил домашнее воспитание, затем, кончив Минскую гимназию, служил в Петербурге в орденском капитуле Сената и интенсивно занимался в Публичной библиотеке, выявляя там материалы по истории своих родных мест. Вскоре он переехал в Вильну, служил в губернском правлении, в Минске и даже недолго

Е. П. Тышкевич

в Харькове. В 1842 г. вышел в отставку. В 1848—1854 гг.— куратор Минской гимназии и предводитель (маршалок) дворянства Борисовского уезда, входил в состав Временной комиссии для публикации архивных дел Минской губ. По свидетельству Н. Н. Улащика, среди членов комиссии граф Е. П. Тышкевич был единственным, кто имел представление об археографической работе и был «чем-то вроде главного редактора издания» [62], вышедшего в 1848 г.[63]

Важное жизненное дело Е. П. Тышкевича — создание Виленского музея древностей и при нем Археологической комиссии. Проект этих учреждений был им разработан еще в 1851 г., т. е. за много лет до возникновения музея в таком историческом городе, как Новгород [64]. Генерал-губернатор И. Г. Бибиков отнесся к идее создания в Вильне музея весьма сочувственно и запросил в Петербурге разрешения на это «важное для Западного края дело». Несколько двойственная и лаконичная резолюция царя — «не вижу препятствия, но должной разборчивостью» [65] — позволила местным чиновникам-шовинистам воспрепятствовать прогрессивному начинанию. В специально составленном протесте помощник попечителя Виленского учебного округа П. Н. Батюшков (брат поэта) доказывал, что «Литвы, как термина, законом установленного (sic!), не существует», что «утверждение проекта дает возможность составить антирусскую коалицию» и т. д.[66] В результате проект был отклонен, и его осуществления Е. П. Тышкевич добился лишь после смерти Николая I (18 февраля 1855 г.). Александр II утвердил «Положение о музеуме древностей... в Вильне» только 29 апреля 1855 г. Дело это тянулось, следовательно, с ... 1851 г.

Проект Е. П. Тышкевича «Положение о музеуме» рисует крайне широкие задачи, поставленные перед новым учреждением его основателем [67]. Музей и Археологическая комиссия при нем были созданы на его собственные средства и лишь частично на некоторые частные пожертвования. Ядро музея составила обширная коллекция древностей Е. П. Тышкевича, собиравшаяся им всю жизнь, а также часть его личной библиотеки в 3 тыс. томов [68]. Две тысячи предметов представляли самостоятельную археологическую коллекцию, впервые собранную в крае с научными целями и положившую начало большому и важному делу. Ее недостатки стали очевидными лишь в дальнейшем развитии науки, и было несправедливо много лет спустя инкриминировать их Е. П. Тышкевичу [69]. Виленский музей был открыт 1 января 1856 г. в здании Виленского университета [70]. По положению, «Музеум и Комиссию» составляли председатель (Е. П. Тышкевич), вице-председатель (М. Балинский) и члены в «неопределенном числе» — «действительные», «почетные» и «члены-сотрудники» [71]. Из известных лиц членами комиссии были: историк Ф. Е. Нарбутт, П. В. Кукольник (брат поэта), А. К. Киркор, К. П. Тышкевич, писатель И. Крашевский и пр. Среди почетных членов был уже упоминавшийся Пий Тышкевич, а также археолог А. С. Платер и др.

«Программа действий» комиссии, написанная Е. П. Тышкевичем, предусматривала, что «все предметы древности, отысканные в земле или сохранившиеся другим образом, должны служить верным изображением... жизни древних народов». «Комиссия,— говорилось далее,— должна начать с обозрения успехов, сделанных в Западном крае до сего времени»: «составить подробное руководство... с указанием способов как отыскания предметов в курганах и вообще в земле находящихся, так равно и сохранение их...», составить «указатели всех существующих в Западных губерниях курганов, городищ, разных древних земляных укреплений» также и «по части архитектуры». Задача комиссии — в «собирании полных сведений

о местах и частных лицах, владеющих памятниками древности...» Предполагалось, что комиссия займется затем обобщением всего собранного материала, а также будет выявлять и публиковать «независимо от занятий археологией» различный актовый и другой материал. Таков был первый программный документ археологических исследований в Западном крае [72]. Если бы комиссии была дана возможность выполнить все предначертания ее основателя, археология в Западном крае шагнула бы далеко вперед.

Деятельность Виленской археологической комиссии падает на 1855—1865 гг. Она объединяла лиц, интересующихся местным краеведением, проводила раскопки, выдавала разрешения на них, собирала и изучала древности в самом широком смысле этого слова. На ее заседаниях, проводившихся крайне торжественно (где, по свидетельству Э. Ожешко, члены заседали даже в специальной торжественной синей форме с золотыми пуговицами), читались рефераты, главным образом по местному краеведению, решались организационные вопросы и т. д. На годичных собраниях зачитывались подробные отчеты о деятельности комиссии, статистическая часть которых позволяет судить, как постепенно росла ее популярность — увеличивалось количество ее членов, количество пожертвований и т. д. Комиссия издала несколько томов своих «Записок» и ряд краеведческих изданий (по истории Вильны и др.) [73]. Работа комиссии получила широкий размах; любопытно, как сам Е. П. Тышкевич относился к мытарствам, которые ему пришлось вынести при ее создании. Открывая через год новый отдел в музее, он говорил: были люди, «кои в самых благих начинаниях хотели видеть одну злонамеренность..., были и такие, которые по невежеству не понимали истинных целей народного образования... не доверяли нам... Забудем это!» [74] Это говорилось 11 июня 1857 г. при открытии нового орнитологического кабинета, который открывался на базе подаренной коллекции К. Тизенгауза. Все заседания происходили по одиннадцатым числам каждого месяца, информация о них регулярно освещалась в прессе, и мы можем без труда следить за ходом занятий комиссии, определить, в каком ключе делались доклады и т. д. [75] 11 января 1858 г., например, после доклада Е. П. Тышкевича по текущим организационным делам был заслушан доклад А. К. Киркора о Святовиде (копия статуи которого была только что получена) [76]. На следующем заседании 11 февраля 1858 г. некто Адамович читал свой реферат об открытии в Лидском уезде нового топлива лигнита и автор доказывал, что в качестве топлива он не годится. Тот же автор сообщил о новом металле алюминии и способах его добывания. 11 марта того же года комиссия заслушала сообщение о смерти академика М. А. Коркунова [77], а в 1859 г. на заседаниях, кроме текущих организационных дел, зачитывались письма К. П. Тышкевича из-за границы, адресованные им специально комиссии (на заседаниях 11 июля и 11 августа — о сравнении археологических коллекций Дрезденского музея с коллекцией Виленского) [78]. Как видим, заседания комиссии были посвящены научным темам, тон их был вполне мирный и обвинения в злонамеренности, которые впоследствии были предъявлены ей, никакой почвы под собой не имели.

Литература

1. Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. IX. М., 1956. С. 56.
2. Труды XV археологического съезда в Новгороде. Т. I. М., 1914. Протоколы. С. 61.
3. Охрана памятников истории и культуры в России XIII — начала XIX в. // Сборник документов. М., 1978. С. 39.
4. Данилов Д. Правительственные распоряжения относительно отечественных древностей // Вестник археологии и истории. СПб., 1886. Вып. VI. С. 17 (указ 14 декабря 1827 г. № 1613).

5. ЦГИАЛИТ. Ф. 388, оп. 1, № 11, л. 1.
6. Там же, л. 4.
7. Там же, л. 11.
8. Там же, л. 20.
9. Там же, л. 23.
10. Слезкин Н. Ф. Из архивных дел Витебского губернского правления // Труды Витебской ученой архивной комиссии, кн. I. Витебск, 1910. С. 4—5. Любопытно, что получив нагоняй, полоцкая полиция где-то разыскала и приложила копию искового прошения Иосафата Кунцевича (? —1623 гг.) к Корсакам об имениях Борисоглебского униатского монастыря: «Древнее предание о Борисоглебском монастыре, составленное полоцким архиепископом Иосафатом Кунцевичем в деле с Корсаком» // Там же.
11. Слезкин Н. Ф. Из архивных дел... С. 5.
12. ЦГИАЛИТ. Ф. 388, оп. 1, № 11, лл. 67, 68, 75, 77, 78.
13. Lippoman J. Zastanowienig się nad mogilami, pustymi siedliskami i zamczaskami okopanymi... Krotki rys historyczny. Wilno, 1832.
14. Góry o groby litwinów // Tygodnik Peterburski. 1836. N 32.
15. Юцевич Л. Исполинские горы и могилы в Литве // Сын Отечества. 1837. 185. С. 292.
16. О древних могилах в Минской губернии и в Минске // Сын Отечества. 1938. Т. VI. С. 292.
17. Булгарин Ф. В. Путевые заметки на поездку из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года // Северная Пчела. СПб., 1835. № 214. С. 856.
18. Обнаружено Г. А. Кохановским (ЦГИА РБ, ф. 1430, оп. 1, № 14455, л. 14; ф. 2507, оп. 1, д. 75, л. 5462).
19. Каханоўскі Г. Археалогія... С. 41.
20. Чертков А. Д. О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении гр. Н. А. Толстого. РИСб. М., 1838. Т. III.
21. Состояние Спасской церкви близь Полоцка в 1832 г. // Витебские губернские ведомости. 1910. № 108.
22. Ремонт церкви Евфросиньи в 1831 г. // ЦГИА БССР. ф. 1297, оп. 1. № 5891.
23. Г-в И-н. Полоцк 8 августа 1832 г. // СПб. губернские ведомости. 1832. № 212.
24. О церкви всемилостивого Спаса близ Полоцка в Витебской губернии // ЖМВД. СПб., 1833. отд. 5. С. 526—529.
25. Брунов Н. И. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск. М., 1926.
26. Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 204.
27. Там же. С. 205.
28. Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 175.
29. «Русская старина». 1890. Декабрь. С. 737.
30. СОГА, 1848. ф. 1, оп. 2, № 603, лл. 2, 3.
31. Герцен А. И. Былое и думы. Собрание сочинений в 30 томах. Т.VIII. М., 1956. С. 304.
32. Игн. К. Башня в Каменце Литовском // Гродненские губернские ведомости. 1845. № 32; Крашевский И. Руководство к изысканию древностей в Западной России // Там же. № 24—26; (Нарбутт Т.). Древние камни с надписями, находящиеся в Западной Двине // Витебские губернские ведомости. 1846. № 14; Лишков М. Древний Новогрудок // Гродненские губернские ведомости. 1846. № 35, 36; Замковая гора в Бельске, в старину — Козище // Гродненские губернские ведомости. 1847. № 26 и др.
33. Прахов В. В. Остатки древних укреплений Мстиславля // Могилевские губернские ведомости, ч. неофициальная. 1847. № 8. С. 165—167.
34. «Прахов В. В. (9 класс) — кандидат словесных наук в Могилевской гимназии» (Месяцослов и общий штат Российской империи на 1839 г., ч. 1. СПб., 1839. С. 643). Его старший сын — М. В. Прахов — историк, филолог, поэт, один из первых переводчиков Гафиза и Г. Гейне. С 1863 г. вел работу над переводом С. Герберштейна и пользовался советами академика А. А. Куника (Сборник статей, читанных в ОРЯС АН. СПб., 1867. Протоколы). Младший сын Адриан, как и все Праховы, уроженец Мстиславля, известный искусствовед, профессор, раскапывавший на Могилевщине курганы радимичей (ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1. 2. СПб., 1896. С. 123). Внук В. В. Прахова — Н. А. Прахов — автор интереснейших воспоминаний (Прахов Н. А. Страницы прошлого. Киев, 1958).
35. Алексеев Л. В. Городище «Девичья гора» в Мстиславле // КСИА. 1963. Вып. 94; Он же. Древний Мстиславль // КСИА. 1976. Вып. 146.
36. Могилевские губернские ведомости. 1847. № 2 (о грамоте мстиславльского старосты 1614 г. священнику Евстафию); Прахов В. Род князей Мстиславских // Там же. 1848. № 47—51.
37. Букчын Сямён. Прахавы // ПГКБ. Мн., 1971. № 1.
38. Из записок Василия Лужинского — архиепископа Полоцкого. Казань, 1885.
39. Лужинский Василий. Из записок... С. 211, 212.
40. Там же. С. 204, 205.
41. Там же. С. 207.
42. Там же. С. 210.

43. ЦГИА в Санкт-Петербурге. Ф. 1661 (К. С. Сербиновича), оп. 1, 1715—1874, ед. хр. 1260, л. 5.

44. В том же деле хранится другая записка Н. М. Менцова, датированная 31 октября 1841 г., где он спрашивает К. С. Сербиновича, откуда и когда он может получить вознаграждение за рисование креста // ЦГИА в Санкт-Петербурге... л. 1.

45. Исторические сведения о жизни преподобной Евфросиньи княжны Полоцкой. СПб., 1841 (вклейка).

46. Алексеев Л. В. Лазарь Богша... (библиография креста).

47. Врангель Н. Н. Искусство и государь Николай Павлович. Пг., 1915. С. 6.

48. ЖМНП. 1858, ноябрь. Отд. 7. С. 195.

49. Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник. 1854. Т. 48. С. 54, 55.

50. Там же. С. 56.

51. Минское Слово. 1912. № 1525. С. 2.

52. Tyszkiewicz K. Wilija i jej brzegi. Drezno, 1871.

53. Tyskiewicz K. Wiadomość Historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi litewskiej // «Teka Wileńska». 1858; Отд. изд. Wilna, 1859.

54. Tyszkiewicz hr. K. Wiadomosc historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi litewskiej. Wilna, 1959.

55. Тышкевич К. О курганах на Литве и Западной Руси. Вильна, 1865. С. 15.

56. Тышкевич К. П. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогочина // Древности. ТМАО. Т. I. М., 1867; Котляревский А. Заметки к статье К. П. Тышкевича // Древности.... С. 247.

57. Раскопки курганов в Минской губернии // Виленский Вестник. 1867. № 20.

58. Тышкевич К. П. О курганах... С. 65.

59. В вопросе о том, кто первый из братьев начал копать курганы, полной ясности нет. К. П. Тышкевич, мы видели, начал заниматься этим, как он говорит, за 20 лет до написания книги 1865 г., т. е. в 1834—1835 гг. Маститый археолог А. К. Киркор, работавший в поле с братьями не однажды, писал, что «честь призвания к жизни литовской археологии принадлежит (Е. П. Тышкевичу)... В 1837 г., разрыв первый курган, он, так сказать, сросся с древностями... изъездил почти весь край, изрыл тысячи курганов...» (Киркор А. К. Значение и успехи археологии в наше время . Записки Виленской археологической комиссии. Т. I. Вильна, 1856. С. 32). По-видимому, прав А. К. Киркор.

60. Tyszkuewicz E. Wiadomosc o kurchanach // Tygódnik Peterburski 1837. N 94. S. 562, 563.

61. Tyszkiewicz E. Wiadomosc o kurchanach...

62. Улащик Н. Н. Очерки по археологрaфии и источниковедению Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 51.

63. Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Мн., 1848.

64. Новгородский музей был создан по идее краеведа Н. Г. Богословского в 60-е годы XIX в. (Передольский В. С. Новгородские древности. Новгород, 1898. С. 4).

65. Турцевич Ар. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864—1906. Вильна, 1906. С. 67.

66. Гильдебрант П. А. О рукописном отделении Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1871. С. 3.

67. ПСЗ. Собрание второе. XXX. СПб., 1856. Ст. 29267. С. 304—306.

68. Записки Виленской археологической комиссии. I. Вильна, 1856. С. 6.

69. Петров Н. Из путешествия в Северо-Западный край // Киевская старина. 1889. XXIV. Февр. С. 475.

70. Данилов И. Правительственные распоряжения относительно отечественных древностей // Вестник археологии и истории. СПб., 1886. VI. С. 35.

71. ПСЗ. С. 304.

72. Записки Виленской археологической комиссии. I. С. 12—17.

73. Информации о заседаниях и деятельности Виленской археологической комиссии // Виленский Вестник. 1857. № 15, 17 по 1865 (№ 26), также 1869, № 30.

74. ЖМНП, XCIV, апр., 1857. Отд. 7. С. 30—32.

75. Заседания Виленской комиссии освещались в газете «Виленский Вестник»: 1857. № 15; 1858. № 1—3, 21, 22, 40, 48, 68, 69; 1860. № 1, 5, 6, 12, 47, 64, 73, 90, 91; 1861, 14, 22, 23, 32, 34, 39, 40, 65, 90, 98, 99, 101; 1862. № 6, 15, 16, 23, 24, 31, 39, 55, 65, 72, 81, 90; 1863. № 6, 19, 56, 84; 1864. № 16, 25, 30, 46, 132, 147; 1865. № 26; 1869. № 30.

76. ЖМНП, 1858, март, отд. VII. С. 157, 158.

77. ЖМНП. 1858, март, отд. VII, С. 158, 159.

78. ЖМНП, 1858, ноябрь, отд. VII, С. 93—101.

4 АРХЕОЛОГИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ В ПРЕДРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ

Разгул реакции стал особенно ощутим в последние годы жизни императора Николая I. Даже граф С. С. Уваров — министр просвещения, сам реакционер, третируемый «надцензурным» Бутурлинским комитетом (особым комитетом надзора за печатью), дойдя в борьбе с одним из его членов С. Г. Строгановым, как тогда говорили, до «полупаралитичного состояния», в 1849 г. подал в отставку. Услужливый товарищ министра П. А. Ширинский-Шихматов — реакционер и обскурант направил царю «Всеподданнейшую записку» о необходимости ликвидации всех «умствований» в университетах, перехода преподавания там на основы истин богословия и тут же был сделан министром просвещения (1850 г.) [1]. Запрещение преподавания истории философии в этом документе объяснялось следующим образом. Преподавание этой дисциплины «могло бы быть допущено в видах предостережения молодых слушателей от заблуждений с условием, однако, чтобы опровержения были сильнее доказательств, над которым трудились великие, хотя заблудшиеся мыслители, но, как это редко может быть выполнено..., то гораздо полезнее и безопаснее вовсе не касаться философских систем» [2]. Нечего и говорить, что цензура «казалась таким же необходимым устоем благополучия России, как крепостное право»,— вспоминал впоследствии бывший министр просвещения А. В. Головнин [3]. В результате посыпались распоряжения одно анекдотичнее другого. В 1851 г. запрещено допускать «неприличные выражения», могущие нарушить в читателях должное уважение к правительственным учреждениям [4], в 1853 г. добрались и до местных изданий — губернских ведомостей. «Курские ведомости», например, в № 11 за этот год поместили серию народных загадок губернии (родился — не крестил-

ся, умер — не спас, богоносцем был — осел). «Собрание подобных материалов,— писал министр народного просвещения А. С. Норов (сменивший П. А. Ширинского-Шихматова после его смерти в 1853 г.) председателю Петербургского Цензурного комитета,— весьма полезно... но при всем том едва ли следует допускать печатание без разбора, а тем более в губернских ведомостях, что сохранилось в изустном предании, в особенности же, если им нарушаются добрые нравы и может быть дан повод к легкомыслию или превратному суждению о предметах священных...» А. С. Норов рекомендовал «принять все зависящие меры к отклонению на будущее время пропуска цензурою преданий, которых, конечно, нет никакой пользы сохранять в народной памяти через печать...» [5] В следующем году директор Саратовской гимназии поплатился гауптвахтой за напечатание нескольких народных песен «не совсем нравственного содержания» [6].

Подобные меры мало способствовали увлечению местной этнографией и фольклором и в интересующем нас регионе. При редакторе «Могилевских губернских ведомостей» Дубенском (1855—1865 гг.) было напечатано много статей по топографии и геологии края [7].

Однако изучение древностей не было, в отличие от занятий по этнографии и фольклору, одиозным — археологическими раскопками увлекался даже министр внутренних дел (с 1852 г. министр уделов) граф Л. А. Перовский. При нем, например, возникла первая мысль о раскопках в таком городе, как Новгород. В 1852 г. Л. А. Перовский обязал всех губернаторов сообщать ему о всем новонайденном для показа государю [8]. Не случайно в местных и столичных изданиях в 1850—1860 гг. публиковались интересные статьи о древностях Беларуси: Полоцке, Каменецкой веже, Коложской церкви в Гродно и пр.[9] Писали их чаще образованные учителя, заинтересовавшиеся местными памятниками: Э. Ф. Эвальд, например, окончив Петербургский педагогический институт, три года, по его свидетельству, служил в Дворянском училище в Полоцке [10]. Позднее в Петербурге лекции этого талантливого человека, по свидетельству И. Е. Репина, пользовались у молодежи необычайной популярностью [11].

В 1850-х годах в Вильне деятельностью по изучению истории местного края выделился «интимный кружок местных писателей и артистов», в который входили историк, этнограф, археолог, журналист А. К. Киркор, поэт Вл. Сырокомля, П. В. Кукольник, поэт и музыкант Лопатьинский и др. Кружок устраивал музыкально-литературные вечера, его некоторые члены занимались местной историей и даже раскопками (А. К. Киркор, Вл. Сырокомля). Раскопками особенно увлекался А. К. Киркор.

АДАМ КАРЛОВИЧ КИРКОР В ВИЛЕНСКИЙ ПЕРИОД ЕГО ЖИЗНИ (1838—1866 гг.)

Имя младшего современника братьев Тышкевичей А. К. Киркора (1819—1886 гг.) известно всем, интересующимся прошлым Беларуси и Литвы. Человек большой учености и энергии, он оставил огромное количество печатных трудов. Ряд архивов обладает его неопубликованными рукописями, письмами к известнейшим ученым и т. д. Ему посвящено несколько специальных работ, но разносторонняя деятельность А. К. Киркора изучена еще мало и солидная монография о нем еще впереди. Много пробелов и в его биографии — появление каждого нового документа о нем весьма ценно и важно. Еще недавно велись споры о месте его

рождения. Однако теперь мы это знаем благодаря опубликованному документу: «Двор Сливин. 1819 года, генваря 1-го дня, я, иеромонах Кармелитского ордена, настоятель Мазыкского костела Лука Барщевский, окрестил младенца именем Адам, сына благородных супругов Карла Киркора и матери Теклы, урожденной Волковичевой. Воспреемниками при крещении были г. Адам Голынский с госпожою Фаустиною Статкевичевой...

Подписи (ксендза, секретаря, столоначальника)» [12].

Итак, А. К. Киркор родился в 1819 г. в Могилевской губернии и принадлежал к роду старинной, осевшей здесь татарской шляхты, корни которой уходили в XVI в.[13] В 1832—1834 гг. он учится в Могилевской гимназии, поступает затем в Виленский Дворянский институт, который и кончает в 1838 г. экстерном.

Юноша попал в Вильну в тяжелое время реакции после польского восстания 1830—1831 гг., но молодой, демократически настроенный воспитанник Дворянского института, видимо, понимал положение. Среди рукописей, купленных в начале XX в. И. С. Абрамовым у А. Н. Невостру-

А. К. Киркор

ва, была тетрадь с надписью «АДАМЪ КРКРЪ», куда 19-летний Киркор с азартом заносил бесчисленные стихи А. С. Пушкина и переписал даже всю «Русалку». Гибель поэта произвела на юношу удручающее впечатление. Он негодовал, когда О. Сенковский вторым поэтом назвал... Е. П. Ростопчину: «Бессовестный человек этот Сенковский,— восклицал он,— подлец! Какая-то баба написала два плохих стихотворения... и он осмеливается утверждать, что она заступит место бессмертного певца» [14]. Еще будучи учеником, А. К. Киркор проявил интерес к белорусской этнографии и посвятил ей первую статью [15]. Поступив на службу канцеляристом, он вскоре начал печатать статьи и по другим темам. В 1842 г. вышла его первая театральная рецензия [16], а год спустя мы видим его издателем сборников «Radegast» и «Pamiętnik Umysowy».

«Радегаст» (Радегаст — бог войны племени западнобалтийских славян — бодричей [17]) получил цензурное разрешение в 1843 г., он был задуман как непериодический сборник. В выборе участников издания А. К. Киркор руководствовался не принципиальными взглядами того или иного писателя, а популярностью его имени. Период увлечения театром не был долговечным. Суровые рецензии, несчастливый брак с актрисой, красавицей Еленой Маевской (вскоре бросившей его), значительно его охладили. Начались поиски издательской деятельности. В течение отпуска 1845 г. А. К. Киркор обратился в Цензурный комитет с предложением издавать в Одессе «Литературный журнал» [18].

В 1846 г. он уже советник казенной палаты, побывал в Петербурге и опубликовал «Путербургские впечатления», где описал некоторых столичных деятелей, в частности Ф. В. Булгарина [19]. У этого «казенного литератора» он действительно был и удалось даже узнать по какому делу. Сохранилась любопытная, мало известная переписка: «Осмелюсь просить Ваше превосходительство о покровительстве подателю сего письма г. Киркору — юноше-литовцу, воспитанному по новой системе в русском духе... Человек он надежный и весьма благонамеренный»,— так писал Ф. В. Булгарин Л. В. Дубельту 10 января 1846 г., сообщая, что А. К. Киркор собирается издавать в Петербурге журнал «Невское эхо». В предприятии А. К. Киркора Ф. В. Булгарин «нашел то же искреннее желание к примирению и соединению Польши с Россией, которое и меня одушевляет» [20]. Всесильный Л. В. Дубельт был недоволен заступничеством В. Ф. Булгарина за «юношу-литовца»: польская газета в столице уже была, разрешения на вторую не последовало, а испуганный Ф. В. Булгарин спешно строчил извинительную записку [21].

С 1849 г. как член Губернского статистического комитета А. К. Киркор смог уже вплотную заняться белорусской («литовской») историей и краеведением. Редактируя «Памятные книжки» губернии (1850—1854 гг.), он поместил там обширнейшие материалы по истории и статистике края, уделяя особое внимание белорусским уездам: Лидскому, Ошмянскому и Виленскому. В 1855 г. был, наконец, открыт Виленский музей и при нем Временная археологическая комиссия (см. выше), и А. К. Киркор стал хранителем музея и секретарем комиссии. Наступило новое царствование (1855 г.), он вновь обратился с прошением о разрешении издавать журнал теперь уже в Вильне. Генерал-губернатор края В. И. Назимов и глава местной цензуры Врангель не возразили и переслали прошение на утверждение в Петербург. Тем временем А. К. Киркор получил много материалов для своего издания от известнейших местных деятелей — Ф. Нарбутта, И. Крашевского, А. Одынца, А. Плуга, Вл.Сырокомли и др. Но разрешения опять не последовало. Скопившиеся труды удалось, однако, издать в шести непериодических сборниках «Teka Wileńska» («Вилен-

ский портфель»), в одном из которых было помещено первое описание истории Минска (автор — Вл. Сырокомля). Все же за публикацию письма участника восстания 1830—1831 гг. эмигранта И. Лелевеля в 1858 г. и это издание было прекращено. А. К. Киркор был удручен и получил много соболезнований от местных и иностранных деятелей.

Родившись в Беларуси, зная хорошо народ, он мечтал о возрождении белорусского языка, культуры и литературы. В 1858 г. он писал одному из издателей о своей «славянской идее»: «Пусть русский, поляк, чех, словак и так далее будет верен своей национальности, пусть не чуждается и уважает национальность всех других родовых кровных племен... Пусть видит залог благоденствия и средство сохранения своей национальности в тесном союзе со своими братьями-славянами, пусть собственные интересы соединит крепкою и неразрывною цепью с интересами всего славянского мира — тогда только мы угостим счастливую будущность и шагнем вперед по пути умственного развития...» [22] Что и говорить, в условиях того времени идеи ученого были в высшей степени прогрессивны. Вокруг виленского издателя и ученого сплотилось в то время много передовых людей. На его литературных «субботах» можно было встретить таких деятелей культуры тех мест, как поэт Вл. Сырокомля, В. Боротынский, А. Вериго-Даревский, В. Дунин-Марцинкевич и многих других.

Научная деятельность А. К. Киркора «Виленского периода» (1838—1866 гг.) была плодотворной. В 1858 г. в «Этнографическом обозрении» вышла его крупная работа «Этнографический взгляд на Виленскую губернию», написанная по свидетельству специалистов на «довольно высоком профессиональном уровне», она дает «правильное представление о жизни белорусов Виленской губернии, хотя фактический материал ее и ограничен» [23]. Много времени уделял А. К. Киркор и археологии, в частности раскопкам — им было раскопано свыше тысячи (!) курганов. Многие сотни вещей он передал в Виленский музей. Много курганов раскопано А. К. Киркором вместе с братьями Тышкевичами в Логойском графстве для их знаменитого музея в Логойске. Ряд его трудов этого времени посвящен истории края, Вильне [24].

В своих археологических воззрениях А. К. Киркор шел дальше братьев Тышкевичей. У него есть первые соображения относительно датировки раскапываемых курганов: он берет за отправную точку дату принятия христианства, которое проникло, по его мнению, на интересующие его территории в XI в. Таким образом, «языческие», по убеждению исследователя, курганы Логойской пущи надлежит датировать временем до этого, т. е. до XI в.[25] Однако принятие христианства, по мнению А. К. Киркора, не единственный критерий датировок. Курганы у д. Копачи Ошмянского уезда он датировал «более точно»: 1433 годом, так как вблизи их расположения произошла битва Ягайлы со Свидригайлом [26]. Итак, у А. К. Киркора все-таки не было устойчивого мнения о датировке курганного обряда в тех местах, где он копал. Иногда он стоял на совершенно верных позициях, считая, что время принятия христианства может быть одной из отправных точек для дотировок курганов, но тут же побочные, косвенные данные могли его свернуть в сторону и обычные курганы он мог отнести даже к ... XV в. Все это, конечно, не может не удивлять, так как в белорусских курганах постоянно должны были встречаться находки монет... Для определения этноса погребенных А. К. Киркор пытался привлечь погребальный обряд: «система могил убеждает нас,— писал он,— что литовец зарывал дорогие останки своего сочлена глубоко в землю, кривичанин клал их на самой поверхности, насыпая курган сверху, чернорусин укладывал их в середине кургана, литовец сжигал на ко-

стре...»[27] Нужно отметить, что научные взгляды ученого все время эволюционизировали. Если в 1850-е годы он еще туманно представлял назначение археологических памятников, под влиянием Тышкевичей классифицировал их на дохристианские, боевые и жертвенные, не верил в трупосожжение у славян, усматривал в городищах «котлище из насыпанного чернозема»[28], то к концу жизни, с развитием науки, он уже понимал, что большая часть раскапываемых им литовских и древнерусских курганов относится не только в 800-летней давности, но и к более отдаленной эпохе[29], правильнее представлял назначение городищ (места поселения, убежища, святилища)[30]. В методике раскопок А. К. Киркор применял метод вскрытия насыпи не колодцем, как делалось другими чаще всего, а крестообразными траншеями, что было гораздо более прогрессивным, так как насыпь вскрывалась почти целиком и профили траншей могли быть полезны для исследователей.

Итак, для нас важно, что, в отличие от своих предшественников, А. К. Киркор при археологических исследованиях ставил целый ряд важных для научного вскрытия кургана вопросов: о датировке найденного, об этнической принадлежности погребенного, о методике вскрытия памятника. Такой подход к раскопкам был в то время новым, во всяком случае, в западнорусских землях.

Успешные исследования А. К. Киркора и др. сделали идею раскопок археологических памятников в 1850—1860-х годах весьма популярной. «В последнее время нашлось много охотников разрывать, вернее, лучше сказать, портить курганы,— жаловался К. П. Тышкевич.— Неприспособленные и непосвященные в таинства науки, они, конечно, не в состоянии извлечь малейшую пользу из своих изысканий»[31]. Таким дилетантом был, например, Ф. С. Вильчинский, копавший в Беларуси начиная с 1830-х годов[32]. В феврале 1847 г. он предлагал Археолого-нумизматическому обществу «свои услуги по части археологических поисков в Литве». Вильчинский писал, что с давнего времени занимается разрытием местных курганов и уже открыл в них довольно значительное число железных копий и топоров, серебряные ожерелья, запонки и т. п. На искусственном холме, называемом по-литовски Пилькальнис, где по преданию проживал литовский князь Утенес и другие князья, Вильчинский нашел железное копье, обломок медного котла и олений рог, о чем и писал в санкт-петербургской польской газете...[33] Действительно, в 1836 г. Ф. С. Вильчинский сообщал нечто подобное в петербургской газете[34]. О том, как вел раскопки Ф. С. Вильчинский, можно судить по следующему его описанию: «Близь имения моего Раловщины (Виленская губ., Ошмянский у.) 1 ноября 1847 г. **посланные мною** 10 человек работников разрыли значительное число курганов, находящихся в лесах, но ничего в них не отыскали»[35]. Подобным образом и, видимо, без его личного участия были раскопаны Ф. С. Вильчинским восточнолитовские курганы с сожжением у д. Клевицы, Сурдегяй, Ужпаляй, Семенишкес, несомненно, весьма важные для науки, но полностью для нее пропавшие[36]. Какие-то вещи из курганов у д. Ушполе (Ужпаляй) Ковенской губ. (два железных топора, копье, два серебряных браслета, медный гвоздь (?), железное копье) Ф. С. Вильчинский передавал в музей Русского археологического (ранее — Археолого-нумизматического) общества в 1857 г.[37] Есть сведения, что этот неутомимый дилетант вел еще раскопки курганов у д. Поули Лепельского уезда Витебской губ. (1853 г.)[38]; в письме от 1 марта 1849 г. в Археолого-нумизматическое общество он указывал, что собрал 600 экз. каменных «молотов» (очевидно,

топоров), что попадаются они «не в курганах», а на полях под землею [39].

Другой дилетант и коллекционер (учитель Слуцкой гимназии, преподавал рисование и чистописание) И. Х. Гессе прибыл из Пруссии в Слуцк в 1837 г. «Прожив безвыездно в Слуцке (в течение 30 лет.— *Л. А.*), — писал В. Волчанинов,— раскапывая курганы и скупая археологические находки у окрестных крестьян, успел... собрать замечательную коллекцию памятников старины, преимущественно из древних золотых и серебряных монет, а также принадлежностей домашнего быта... Коллекция эта, размещенная систематически в двух обширных залах приходского дома лютеранской коллегии..., оцениваемая знатоками в десятки тысяч рублей..., к несчастью для науки не просуществовала долго». Ее уничтожил пожар 1860 г. Это надломило его здоровье. В это время В. Волчанинов (городничий Слуцка) подружился с И. Х. Гессе, жалел его потерю и тот, по словам В. Волчанинова, «научил» его раскопкам. Наняв 20 человек рабочих, они отправились за город «к курганам» (было найдено трупоположение на грунте «с одним медным колечком. Другой курган оказался не лучше») [40].

Среди занимавшихся историческим краеведением не все были дилетанты — были и серьезные историки, изучавшие историю края и его древности. В Могилевской губ. в конце 1840-х годов к изучению местных древностей обратился профессор Могилевской духовной семинарии С. И. Соколов, который в 1840—1855 гг. был к тому же и редактором «Могилевских губернских ведомостей», а позднее — секретарем Губернского статистического комитета. Деятельность С. И. Соколова как редактора ведомостей была направлена почти всецело на собирание и печатание актов по истории местных монастырей и городов с магдебургским правом [41]. Им написано огромное количество статей по местному краеведению, что было уже отмечено в свое время Е. Р. Романовым (Е. Радимич) [42]. В 1848—1850 гг. в 24 номерах Могилевских ведомостей появилась его первая обширная работа по истории Могилевской губ., которая вместе с его второй большой работой (в восьми номерах ведомостей) легла в основу обширной рукописи на ту же тему, носящая крайне клерикальный характер. Древнейшая история края дана в ней необычайно кратко (что уже видно по ее названию) [43], но это и не удивительно — данных в то время было мало. Описывая свое путешествие в Гомель, он неоднократно упоминает археологические памятники, но назначение их оставалось для него не ясным. В 1857 г. он опубликовал работу о роде князей Мстиславских (повторенную затем в 1862 г.) [44]. История губернии и ее древности интересовали С. И. Соколова и в дальнейшем: в 1858 г. были напечатаны «краткие» историко-статистические описания городов Могилевщины. Став редактором «Памятных книжек губернии», он повторил эти сведения и в этом издании [45]. Появлялись краеведческие работы С. И. Соколова и позднее [46]. Все они опирались на доступные автору в провинции исторические издания и были ориентированы на ознакомление с историей края самого широкого читателя.

МИХАИЛ ОСИПОВИЧ БЕЗ-КОРНИЛОВИЧ (1796—1862 гг.)

В 1855 г. в Петербурге вышла первая обширная книга о древностях Беларуси. На ее обложке значилось, что труд принадлежит перу генерал-майора М. О. Без-Корниловича [47]. Целью книги, скромно говорилось в предисловии, является «ознакомить читателей с Белоруссией, а также доставить материалы тому, кто примет на себя труд составить о ней

подробное описание». После экскурса в историю Полоцкого княжества на основе летописей (18 страниц) автор посвятил 32 страницы истории Витебска и его древностям, рассматривал далее земли западных уездов Витебской губ. (ныне — Литва), далее, выделив 35 страниц истории Полоцка и его памятникам, переходил к другим городам Витебской губернии, затем к Могилеву и городам его губернии и кончал книгу обширными этнографическими сведениями о Беларуси (ее национальном составе, занятиях населения, верованиях и пр.). Упоминает автор и белорусские курганы: «события (истории) остались в преданиях жителей, объясняющих происхождение находящихся на полях курганов, из которых только малая часть раскопана — остальные уцелели, в особенности на тех местах, где время вырастило лес» [48]. Из этого нельзя заключить, что он считал их возможным историческим источником. Читая книгу М. О. Без-Корниловича, следует обратить внимание на сравнительно обширный круг источников, которым он пользовался: здесь и Ян Длугош, и М. Стрыйковский, и А. Гваньини, здесь также В. Кадлубек, М. Меховский, Ст. Богуш-Сестренцевич, Н. М. Карамзин, даже Екатерина II и пр. Много времени занимался автор, по-видимому, и в местных белорусских архивах. Использует он, наконец, и свидетельства населения (например, о бегстве жителей из Витебска в 1812 г.).

Кто же этот автор? В истории белорусского краеведения лишь сравнительно недавно стало известно, что он был старшим братом знаменитого ученого декабриста А. О. Корниловича (1800—1834 гг.) [49].

М. О. Без-Корнилович

В официальных бумагах, в отличие от брата, он числился «Бескорнилович», став генералом, он обращался в Департамент герольдии и к царю с просьбой именоваться Корниловичем, но получил отказ и так именовал себя только в газетах. Он родился в Могилеве-Подольском в дворянской семье. Отец рано умер, значительную материальную помощь вдове оказывал двоюродный брат отца — военный топограф С. И. Корнилович. Вторая четверть XIX в. была временем обширных топографических съемок европейской России. За руководство мензульной съемкой Бессарабии (1816—1823 гг.) С. И. Корнилович получил чин генерала. Его влияние на племянников (воспитанием которых он руководил) было велико, и не удивительно, что один из них — М. О. Без-Корнилович пошел по его пути. В Турецкую войну 1828—1829 гг. он производил съемки в районе военных действий на Балканах и был награжден [50]. В 1830-х гг. под руководством известного геодезиста Ф. Ф. Шуберта он производил тригонометрическую съемку Новгородской [51], Витебской, Минской, Волынской губерний и позднее Белостоцкого округа (1844—1846 гг.) и, при огромной трудоспособности, накопив опыт, выдвинулся в число лучших офицеров генерального штаба.

Занимаясь съемками, он одновременно проявлял глубокий интерес к истории, этнографии, статистике края, которым он занимался, и результаты своих занятий (главным образом исторических) отражал в печати [52]. В своей крупнейшей работе — военно-статистическом обозрении Витебской губернии, вышедшей в 1852 г., при описании городов он счел нужным в исторических справках сообщать об остатках древности (например, о «земляном укреплении» в Городке, где видны каменные фундаменты, «свидетельствующие о существовании на том месте» каменного замка) [53].

По воспоминаниям внука А. Н. Радищева Н. П. Боголюбова, служившего в 1847—1848 гг. при своем дяде витебском губернаторе А. А. Радищеве, там в то время с подведомственными ему офицерами генерального штаба М. О. Без-Корнилович («умный человек и приятный собеседник») производил военно-топографическую съемку губернии [54]. В эти же годы М. О. Без-Корнилович, по-видимому, перешел к историко-статистическому изучению Витебской губернии — в 1852 г. об этом вышла его первая работа [55].

Огромное влияние на научные интересы М. О. Без-Корниловича оказал его талантливый младший брат декабрист А. О. Корнилович. Детальное изучение их переписки еще ждет своего исследователя, мы же остановимся лишь на некоторых моментах. К следственному делу декабристов М. О. Без-Корнилович не привлекался, но был к ним близок. Переписка его с братом началась тогда, когда брат сидел еще в Петропавловской крепости (связь эта была небезопасна и многие на это не шли), и продолжалась до смерти А. О. Корниловича на Кавказе в 1834 г. Брат-декабрист из тюрьмы побуждал М. О. Без-Корниловича к научным занятиям. 3 февраля 1832 г. он пишет: «Край, в котором ты находишься, чрезвычайно любопытен» (имеется в виду Новгородский край). «Знаешь, это колыбель русской державы и один уголок России, куда не заходили монголы, а потому, весьма вероятно, что в глуши, поодаль от большой дороги сохранились в простом народе остатки древней коренной нашей старины. Откроется тебе богатое поле для наблюдений над нравами, обычаями, языком жителей. Возьми себе за правило вести дневник, записывать все, что увидишь, также имена урочищ, названия речек и лесов и пр. Вообще наша древняя география весьма мало объяснена. Сам Карамзин, источник нашей истории, делает в этом отношении большие промахи» [56]. 9 марта того же года

он уже прямо приступает к делу: «Мы, младшие братья в семье европейцев, по необходимости принуждены от них заимствовать просвещение. В одном можем и должны их превзойти — в познании отечества. Поле, на которое зову тебя,— богатое и мало обработанное — приложи лишь руки и старания...»[57] «Не забудь о дневнике,— напоминает брат 31 мая 1832 г.,— и для пополнения его советую тебе сажать подле себя ямщиков и проводить все время в пути... в разговорах с ними, разумеется, о предметах, кои для них доступны. От них почерпнешь немало драгоценных сведений, какие не найдешь ни в какой книге, и сведений достоверных, потому, что сообщающие оные не имеют причины к утайке истины...» И там же: «Всю страну от Новгорода и Старой Руссы до самого почти Торжка занимают не старожилы, а переселенцы из русских губерний, переселенные при Грозном. Я желал бы, чтобы ты обратил преимущественное внимание на глушь, на полосу, прилежащую к Псковской губернии: берега Мсты, Ловати, Поли, Шелони. Там, полагаю, встретишь потомков древних первобытных новгородцев и, может быть, найдешь остатки коренной, истинно русской старины...»[58]

Советы ученого младшего брата ложились, несомненно, на благодатную почву, М. О. Без-Корнилович внимательно прислушивался к тому, что ему говорилось. Методика работы, к которой призывал его декабрист, была для тех времен очень нова и необычайна и брату-топографу казалось, по первоначалу, что результатов она не дала. На его жалобу по этому поводу А. О. Корнилович отвечал из крепости (14 июля 1832 г.): «Жалуешься, милый, на бесплодность твоих расспросов, но не происходит ли это от того, что на вопросы твои не могут отвечать лица, к коим обращаешься? Говоря с крестьянами, беседуй с ними о предметах, которые им должны быть известны — об их замыслах, занятиях, житье-бытье. Таким образом, соберешь множество полезных сведений для статистики и в то же время ознакомишься с бытом поселян Новгородской губернии, узнаешь их нужды, потребности и поставишь себя в возможность пользоваться ими при случае...»[59]

Это была, таким образом, целая программа интереснейшей работы в тех местах, куда ездил М. О. Без-Корнилович для топографической фиксации местности. Так в переписке с братом формировался один из первых исследователей Новгородских земель и Беларуси. Все, о чем говорилось в письмах брата, умершего в следующем году (1834), М. О. Без-Корнилович рассматривал, по-видимому, как завещание, которому он и должен был следовать в течение всей оставшейся жизни. Он не обладал ярким талантом брата, но всеми силами стремился выполнить завещанное. Во всех его трудах чувствуется большая заинтересованность историческим прошлым той страны, которую он описывает, стремление охватить как можно больше доступных ему источников. Он детально изучает летописи (опубликованные и неопубликованные в то время), по ним пытается определить, например, историю «Корсунских врат» (правда, безуспешно), он старательно пересматривает на местах древние монастырские документы, на которые постоянно делает ссылки («летописи, хранящиеся в Святодуховском Боровицком монастыре», «извлечение из записок монастырских» — в Устюжне, в Тихвине и т. д.), старательно знакомится со статистическими данными по городу и области, которые предполагает изучить и описать («по имеющимся в городе (Боровичах — *Л. А.*) межевой книге и городскому плану, числится под строениями...» и т. д.). Внимательное рассмотрение названной книги о древностях Беларуси показывает, что, работая над ней, он полностью использовал советы своего брата[60].

Книга М. О. Без-Корниловича не прошла незамеченной и получила

несколько рецензий. Более суровая была напечатана в журнале «Отечественные Записки»: «В книге Без-Корниловича собрано в виде неразработанного материала до 140 статей... По малоисследованности этого края, по разнообразию источников, которыми пользовался автор, и многочисленности подробностей, собранных им, очевидно, на месте, «Исторические сведения...» могут возбудить любопытство читателя, если он будет смотреть на этот сборник, как на запас фактов, еще не подвергнутых критической оценке. В способах изложения этих фактов заметна искусственность слога, часто переходящая в напыщенность и чувствительность, также недостаток грамматической правильности языка...» и т. д.[61] Иначе подошел к книге рецензент из «Северной Пчелы»[62]. «Свидетельство очевидца важнее всего, и скорее можно поверить указанию русского мужика о его деревне, нежели свидетельству какого-нибудь высокоумного ученого, выписанному из старых книг... Тем важнее известия, собираемые людьми образованными в месте их жительства. С такой точки зрения книга г. Без-Корниловича любопытна и полезна». Далее тот же рецензент сетовал на описание автором городов, где «мало нового» и описания их «не везде отличаются критикой материалов, на которые указывает автор» и т. д. В этом пункте оба рецензента, мы видели, сходились и, с нашей точки зрения, были безусловно правы: источников в книге использовано множество, но к каждому автор подходил с минимальной критикой. Книга М. О. Без-Корниловича не была совершенной, но она была первой, и в этом ее большое значение.

Вряд ли не под влиянием книги М. О. Без-Корниловича через два года О. В. Турчинович, недавно опубликовавший книги о поземельной собственности на Руси и историю сельского хозяйства России[63], взялся за написание истории Беларуси[64], которую, кстати, он прямо начинает с описания Ф. Е. Нарбуттом раскопок белорусских курганов под Рогачевом. «Следы народов (живших в Беларуси.— *Л. А.*) и их обрядов останутся доныне на своем первобытном месте в очевидных памятниках их могил»,— пишет он, цитируя летопись Дубровского по Нарбутту. О. В. Турчинович, следовательно, понимал значение курганов как исторического источника. Книга эта была далеко несовершенна, ее заключения наивны, она носила явно популярный характер, но значение ее все-таки велико: как и книга М. О. Без-Корниловича, она поднимала интерес к западнорусским землям и их истории.

Литература

1. «Теперь просвещению не только шах, но и мат»,— острили тогда.
2. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1876. Т. II. С. 510—514.
3. Джаншиев Гр. Эпоха великих реформ. М., 1898. С. 361—362.
4. Лемке М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1904. С. 272.
5. Лемке М. Очерки... С. 293, 294.
6. Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. I. С. 385.
7. Могилевские губернские ведомости. 1893. № 25 (указатель).
8. ДАК, 1852. № 217.
9. Эвальд Э. Полоцкая старина // Санкт-петербургские ведомости. 1854. № 229; Л. Е. Каменецкая башня в Каменец-Литовском // Памятная книжка Гродненской губернии на 1856 г. Гродно, 1856; Коложа // Виленский Вестник. 1864. № 17—19; Алексеев Е. Полоцк и его примечательности // Иллюстрация. СПб., 1861. Т. VII, № 173, 174.
10. Эдуард Федорович Эвальд (1832— ? гг.) был преподавателем русского языка и словесности, учился у А. Х. Востокова и Ф. Ф. Эвальда «которым всем обязан» (Знакомые. Альбом Семевского. СПб., 1888. С. 260, 261). За выдающиеся заслуги в преподавании в 1857—1865 гг. учил литературе и русской словесности наследника царя (будущего Александра III и двух великих князей) // Там же.
11. «Самые полные по численности слушателей были лекции Эдуарда Эвальда,— вспоминал И. Е. Репин.— Он был очень симпатичен и прекрасно читал. Любимыми авторами

его были: Гоголь и С. Т. Аксаков...» Репин И. Далекое — близкое. М.; Л., 1944. С. 137.
12. Stolzman Magorzata. Czasopisma wileńskie Adama Honorego Kirkora. PWN. Warszawa — Kraków, 1973. S. 16, 17.
13. «У меня хранится грамота короля Сигизмунда-Августа от 30 ноября 1569 г., данная Павлу Киркору,— писал А. К. Киркор о своем предке,— коею дарится ему местность в Сухаревичах при р. Басе за его воинские заслуги и, что любопытнее, за то, что он владел иностранными языками. В грамоте сказано: «а к тому же, ведаючи о нем, же ся и в инших разах служ-бами своеми сгодыты можеты, по у многых посторонных землях бывалых и разных языков — турецкого, татарского, больгарского, сербского и волоскаго маетны...» (См.: Живописная Россия. СПб., 1882. Т. III. С. 421.)
14. Абрамов И. С. К характеристике читателя пушкинского времени // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Т. XVI. С. 100—104.
15. Киркор А. Остатки языческих обыкновений в Белоруссии // Опыты русской словесности воспитанников Белорусского учебного округа. Вильна, 1839. С. 481—487.
16. Kirkor A. Nowiny z Wilna. Tygódnik Peterburski. 1842, listopad, 3/15.
17. Stolzman M. Czasopisma wileńskie Adama Honorego Kirkora. PWN, Warszawa-Kraków, 1973.
18. Brenztejn M. Adam-Honory Kirkor. Wilno, 1930. S. 15.
19. Atheneum. 1846. IV. S. 207—227.
20. Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. б. м. 1908. С. 315, 316.
21. «...программу г-на Киркора представлял я Вашему Превосходительству не для того, чтобы испрашивать позволение на издание журнала на польском языке — знал, что это принадлежит Министерству просвещения, которое, разумеется, не позволит, но эта программа представлена мною только для сведения» (!). Стремясь загладить неудачный ход, далее Ф. В. Булгарин сообщал: «благосостояние в Польше зависит от тесного соединения с Россией, разумеется, если бы в крае не было чиновников, как, например, киевский Писарев, о которых анекдоты гораздо занимательнее и ужаснее «парижских тайн». Но, как мое дело — сторона, то я и молчу!» (Лемке М. Очерки истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 402, 403.)
22. Тальвирская З. Я. Некоторые вопросы общественного движения в Литве и Белоруссии в конце 50-х — начале 60-х годов и подпольная литература // Революционная Россия и революционная Польша. М., 1967. С. 16.
23. Бандарчык В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі. Мінск, 1964. С. 34, 37.
24. Киркор А. Очерк городов Виленской губернии. ПК Виленской губернии на 1851 год. Вильна, 1851. Ч. 2. С. 1—61; Он же. Хронологический свод достопримечательных событий в Виленской губернии до 1852 г. Там же. Вильна, 1852; Он же. Материалы для историко-статистического описания города Вильна. ЖМВД, 1854. Т. V. С. 103—127 и др.
25. Киркор А. К. Археологические разыскания в Виленской губернии. ИРАО. СПб., 1859. Т. I. С. 17.
26. Киркор А. К. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник. СПб., 1858. Вып. 3. С. 184, 185.
27. Киркор А. К. Археологические разыскания... С. 19.
28. Киркор А. К. Этнографический взгляд... С. 184; Тышкевич К. П. О курганах на Литве и Западной Руси. Вильна, 1865. С. 11. Прим. А. К. Киркора; Киркор А. К. Археологические разыскания... С. 17.
29. К такому выводу можно было прийти после раскопок восточно-литовских курганов, которые А. К. Киркор неоднократно копал.
30. Киркор А. К. Белорусское Полесье // Живописная Россия. СПб., М., 1882. III. С. 240, 242.
31. Тышкевич К. П. О курганах... С. 11.
32. Wilcziński Fr. Wędrówki do gór Litwy zaożyciela Ucian // Tygodnik Peterburski. 1836. CLYYII. S. 221—228.
33. Вильчинский Ф. Археологические поиски в Литве. // Записки Археолого-нумизматического общества. СПб., 1850. Т. II. С. 411, 412.
34. Wilcziński Fr. Wędrówki...
35. Вильчинский Ф. Археологические поиски... С. 412.
36. См.: Таутавичус А. З. Восточно-литовские курганы // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959. Т. I. С. 147 (№ 15), С. 150 (№ 51), С. 153 (№ 92, 94).
37. История императорского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846—1896. Составил Н. И. Веселовский. СПб., 1900. С. 339 (см. также: С. 327, 338).
38. Вильчинский Ф. Курганные раскопки в Лепельском у. Витебской губ. близ л. Поулли // ЗАО. СПб., 1853. Т. V. С. 33.
39. Вильчинский Ф. Археологические поиски... С. 414.
40. Волчанинов В. Нечто по поводу наших курганов // Виленский Вестник. 1873. № 62 (ср.: Пам. кн. Минской губ. на 1865 г. 1865. С. 100).

41. Фурсов М. Добавление к статье... о типографском деле в Могилевской губернии. Могилев, 1893. С. 25.

42. Радимич Е. Что сделано по изучению Могилевской губернии и что еще предстоит сделать // Могилевские губернские ведомости. 1898 (Археология. № 15, 16, 22).

43. Соколов С. Историческое обозрение Могилевской губернии. МГВ, 1848. Прибавление к №№ 1, 3—6, 7, 10, 11; 1849. №№ 18, 19, 21, 23, 49, 50, 51; Он же. Дорога из Могилева через Старый и Новый Быхов до Гомля // МГВ, 1850. № 49; 1851, № 2, 3, 5, 6, 9, 12, 17; Он же. История Могилевской православной епархии... ЦГИАЛ, опись архива Святейшего Синода. № 1757.

44. Соколов С. Род князей Мстиславских // Могилевские губернские ведомости. 1857. № 1—3; Он же. Памятная книжка Могилевской губернии на 1863 год. Могилев, 1862.

45. Соколов С. Краткие историко-статистические сведения о городах и местечках Могилевской губернии // Могилевские губернские ведомости. 1858 г. № 1—4, 6—10, 12. // Памятная книга Могилевской губернии на 1861 г. Могилев, 1861. С. 107.

46. Соколов С. Правдоподобные догадки о заселении Могилевской губернии // Могилевские губернские ведомости. 1860. С. 52.

47. Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии. СПб., 1855.

48. Без-Корнилович М. О. Исторические сведения... С. 19.

49. Аляксееў Леанід. Вяртаючы народу мінулыя стагоддзі... // Полымя, 1969. № 12. С. 192.

50. Корнилович А. О. Сочинения и письма. М., 1957. С. 494, 495.

51. Шуберт Ф. Ф. Тригонометрическая съемка губерний Санкт-Петербургской, Псковской, Витебской и части Новгородской (1820—1832) // Записки Военно-топографического депо. СПб., 1838. Ч. 2; 1840. Ч. 4; 1841. Ч. 4; 1842. Ч. 7.

52. Корнилович М. О. Историко-статистическое описание уездного города Валдая // Северная Пчела. 1832. № 288; Он же. О так называемых Корсунских вратах, находящихся в Новгородском Софийском соборе // Северная пчела. 1832. № 288; Он же. О древних и новых зданиях архиерейского дома, о бывшей новгородской Грановитой палате // Северная Пчела. 1833. № 211; Он же. Нашествие литовцев на Устюжину — уездный город Новгородской губернии // Северная Пчела. 1836. № 110; Он же. Шведы в Тихвине в XVII столетии // Северная Пчела. 1837. № 55.

53. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Витебская губерния. По рекогносцировкам, собранным на месте, составлял генерального штаба генерал-майор Без-Корнилович. СПб., 1852. Т. 8. С. 267. (О древностях Городка, остатках замка. С. 225).

54. Боголюбов Н. П. Из виденного, слышанного, испытанного // ОРГРБ, фонд 178, № 3196. С. 126, 127; Аляксееў Л. В. Вяртаючы народу мінулыя стагоддзі... // Полымя. 1969. № 12. С. 192.

55. Без-Корнилович М. Военно-статистическое обозрение Витебской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. 1852. СПб., T.VIII.

56. Корнилович А. О. Сочинения и письма... С. 310.

57. Там же. С. 316.

58. Корнилович А. О. Сочинения и письма... С. 326, 328.

59. Там же. С. 336.

60. Со своей стороны М. О. Без-Корнилович всячески поддерживал брата в беде: живя с семьей лишь на жалованье, он все время посылал ему деньги, книги и т. д. По успешном окончании съемок Новгородчины взамен обещанного ему чина полковника он ходатайствовал о переводе брата из Петропавловской крепости (что лишь навлекло на него служебные неприятности). Смерть брата на Кавказе его потрясла. Он долго разыскивал очевидцев, расспрашивал о кончине брата декабриста В. Голицына и др. (Корнилович А. О. Сочинения и письма... С. 328, 470).

61. Отечественные записки. 1857. № 12. С. 56—58.

62. Северная Пчела. 1856. № 33.

63. Турчинович О. В. О поземельной собственности и наследстве в Древней Руси. СПб., 1853; Он же. История сельского хозяйства в России от времен исторических до 1850 г. СПб., 1854.

64. Турчинович О. В. Обозрение истории Белоруссии. СПб., 1857.

5 АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В “ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ”

60-е годы XIX в. начались «эпохой великих реформ»: освобождение крестьян (1861 г.), отмена телесных наказаний (1863 г.), введение университетской автономии (1863 г.), земского управления (1864 г.), судебная реформа (1864 г.), реформа цензуры (1865 г.) [1]. Однако с 1866 г. темные силы победили не слишком смелого царя — в силу вошел М. Н. Муравьев-вешатель, только что расправившийся с польским восстанием 1863 и в 1866 гг., призванный для следствия над Д. В. Каракозовым. «Теперь,— писал А. И. Герцен,— в России с одной стороны Катков указывает, с другой — Муравьев приказывает...» [2]

Общество сопротивлялось. Вошедший в моду «нигилизм» мало ценил историю. Старый девиз А. С. Пушкина: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим» был забыт и сменен известным суждением кумира молодежи Д. И. Писарева: «В наше время, когда надо смотреть в оба глаза и работать обеими руками, стыдно и предосудительно уходить мыслью в мертвое прошедшее, с которым всем порядочным людям пора разорвать всякие связи...» [3] Молодая часть русского общества бросилась изучать «полезные» науки — естественные. «Имена Чернышевского, Лассаля, Дарвина, Бокля не сходили у них с уст... никаких авторитетов они не признавали (но раболепствовали до смешного перед авторитетом своих вожаков)»,— писал современник [4]. От исторических дисциплин они временно отвернулись, но поступательное развитие интереса к зарождавшейся археологии, к краеведению остановить было невозможно, и многие продолжали этим заниматься.

В сложившейся обстановке при изучении древностей огромную роль сыграло преобразование

в России местных статистических комитетов, а в западнорусских губерниях и создание Виленской археографической комиссии 1864 г. Специальным положением 1861 г. были расширены материальная база и круг деятельности местных статистических комитетов, которым теперь вменялось в обязанность изучать «быт, производительные силы и местные потребности губерний», рекомендовалось обратиться к научным занятиям в своем крае. По «циркулярному предложению министра внутренних дел»[5], «ищущий места секретаря комитета должен был иметь не только высшее образование, но и зарекомендовать себя «на деле любовью к статистическим работам». «Губернские ведомости», для которых редакторы еще недавно затруднялись найти материал, все чаще помещают статьи по местному краеведению в широком смысле этого слова.

Важность губернских ведомостей, памятных книжек губернии, других местных изданий осознавалась в это время уже многими современниками. Так, известный провинциальный деятель М. де-Пуле в 1866 г. писал: «В массе губернских ведомостей, в этих страшных ворохах печатной бумаги, набравшихся почти за 30 лет, найдется множество самых любопытных исторических, статистических и этнографических сведений, которые со временем сделаются, а некоторые уже сделались, драгоценным достоянием науки... Не следует забывать, что губернские ведомости в некоторых местностях некоторую пору имели литературно-цивилизующее значение: будущий историк их непременно это докажет...»[6] Не меньшее значение имел тогда и орган статистических комитетов «Памятные книжки», но здесь было сложнее. М. де-Пуле пишет: «История памятных книжек иная — они возникли гораздо позже, не более 10 лет назад, и судьба их теснейшим образом связана с губернскими статистическими комитетами... Есть много причин неудовлетворительности наших памятных книжек, обусловливаемых главнейшим образом личным составом губернских статистических комитетов. Чем дельнее, чем образованнее к литературно-ученым занятиям секретарь статистического комитета, чем из большего числа подобных же членов состоит этот последний, тем плодотворнее бывает его деятельность, проявляющаяся обычно в «Памятных книжках». Но, к сожалению, в настоящее время если нельзя безусловно жаловаться на секретарей статистических комитетов, то состав комитетов оставляет желать весьма многого и не по неспособности членов, а потому, что большая часть их обременена множеством других занятий... В настоящее время вся тяжесть составления памятных книжек падает почти исключительно на одного секретаря»[7].

Оживление деятельности по историческому краеведению прежде всего отразилось в местной печати. Так, в 1861 г. в Могилеве стал публиковаться Г. Дубицкий, напечатавший в губернских ведомостях о своей поездке в Чечерск (1861, № 2), в Белыничи (№ 50). Дальнейшая его деятельность протекала в Смоленске, где он в местных ведомостях напечатал разбор памятных книжек Могилевской, Витебской и Смоленской губерний на 1863 г. (1864, № 17), рецензию на работу С. Соколова «О роде князей Мстиславских», опубликованную ранее в «Могилевских губернских ведомостях», а теперь перепечатанную в Смоленских (1864, № 17). В № 29 за тот год он издавал «Дополнения к историческому введению в сочинение г. Цебрикова»[8]. Усиленно занялся «археологическими разысканиями» член статистического комитета Смоленска А. В. Верещагин, обнаруживший на Евангелии надпись царя Михаила Федоровича и вступивший даже в ученую переписку с И. Е. Забелиным. Профессор-магистр смоленской семинарии Н. В. Трофимовский опубликовал исследование по истории Смоленской епархии[9]. П. П. Муромцев — владелец

мест. Пропойск, член ОЛЕАЭ, а потом и участник I Археологического съезда, предложил в музей Могилева «научную коллекцию местных руд с исследованием подпочвы и химическим анализом руд» (1867 г.). Отчет этого автора о геологическом строении Могилевской губ. был издан в «Могилевских губернских ведомостях», что легло в основу соответствующего раздела многотомного труда под редакцией могилевского губернатора А. С. Дембовецкого. П. П. Муромцев известен в белорусской археологии как автор первой работы о курганах, городищах, находках монет и каменных орудий в Могилевской губернии [10]. В 1867 г. в «Могилевских губернских ведомостях» начал печатать пространные статьи о крестьянской жизни в Мстиславском уезде И. Сердюк (И. Сердюков), заслуживший потом скандальную известность благодаря доносу Ф. В. Булгарина. Тогда были обнародованы в Вильне «Записки игумена Ореста» — могилевского деятеля, составленные в виде местной летописи, доведенной до 1844 г. «Записки» содержат много любопытных сведений по истории Могилева (первые их части составлены по так называемой летописи Трубницкого, кончившего изложение более ранним временем, все же последующее написано Орестом по собственным наблюдениям) [11].

В январе 1863 г. в Королевстве Польском, Литве, части Беларуси и правобережной Украины началось польское восстание, жестоко подавленное в 1864 г. М. Н. Муравьевым. Наступившая следом реакция вскоре обрушилась и на деятелей науки. Восьмидесятилетний, глухой, потерявший в восстании сына, Ф. Е. Нарбутт, ранее преследовавшийся властями, теперь был насильно вывезен из Лидского имения в Вильну, где тут же и умер. А. К. Киркор в конце восстания был разорен, лишен права издания «Виленского Вестника», пострадали и многие другие ученые. Дошли репрессии и до Виленского музея Е. П. Тышкевича.

РАЗГРОМ ВИЛЕНСКОГО МУЗЕЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1865г.)

Это нашумевшее в свое время дело было инспирировано М. Н. Муравьевым. С 1864 г. на заседаниях Виленской комиссии стали появляться официальные лица. Судя по «Виленскому Вестнику», 17 февраля там присутствовал гражданский губернатор С. Ф. Панютин (1864, № 25), 11 сентября — попечитель округа И. П. Корнилов, который «предложил» избрать почетными членами комиссии будущего гонителя ее, русофила А. Д. Столыпина, а также В. Ф. Ратча, полковника П. О. Бобровского, настоятеля местного собора Антония Пщолко (1864, № 32) [12]. До этого комиссия не заседала 4 месяца, по-видимому, не случайно. Был И. П. Корнилов и на следующем заседании 12 октября, где Е. П. Тышкевич сообщал о водолее, переданном по указанию М. Н. Муравьева в музей. Явно назревал скандал. Музей был объявлен средоточием полонизма, ревизовать его надлежало комиссии доверенных лиц: И. П. Корнилову, М. В. Глебову-Стрешневу (свойственнику М. Н. Муравьева), директору училища этнографу П. А. Бессонову, архивариусу архива Н. И. Горбачевскому, тому же А. Пщолко и попечителю музея, его основателю графу Е. П. Тышкевичу. Комиссии надлежало для консультации заседать в присутствии, а позднее и под председательством «свиты его величества генерал-майора» А. Д. Столыпина (отца известного министра внутренних дел).

Первое заседание открыл председатель комиссии И. П. Корнилов 3 марта 1865 г. Было зачитано «Предложение» начальника Северо-западного края М. Н. Муравьева от 27 февраля этого же года на имя председателя комиссии. Там говорилось, что музей, созданный еще в 1856 г., должен

был содействовать «вящему скреплению уз, соединяющих бывшии литовские губернии с прочими областями России». Вместе с тем большая часть музейной коллекции этому не удовлетворяет, так как относится к «чуждой этому краю польской народности». М. Н. Муравьев далее предлагал в первых залах поместить «живые свидетели искони присущей здешнему краю русской народной жизни», во второй «разряд» «поместить предметы, относящиеся к литовскому началу», в третьем же «разряде» соединить вещи, «составляющие предметы общенаучные». «Что же касается предметов, принадлежащих к польской народности, а особенно портретов польских королей... собрать особо и разместить в отдельном зале впредь до дальнейших об оных распоряжениях» [13]. Комиссия закрыла музей и потребовала каталоги... Острые дебаты на всех заседаниях комиссии «не сохранили спокойствия, приличного научным рассуждениям» [14], и проходили в такой форме, что в ряде случаев, сказавшись больным, Е. П. Тышкевич на них не присутствовал. В конце работы комиссии он подал «Протест», где, отмечая отдельные недостатки в музее, указывал, что при основании его имелись в виду «древности и памятники не польские, но местные, т. е. литовско-русские», что собирая предметы, он заботился не о том, чтобы они представляли только светлые моменты истории...», но «чтобы они... служили точными снимками прошлого на непреложных началах истории». В резком ответе А. Д. Столыпина Е. П. Тышкевич обвинялся в непонимании, «в чем состоит дело русское, неразрывное с делом правительственным» и т. д. В результате Е. П. Тышкевич вышел из состава комиссии, в дальнейших заседаниях участвовать отказался и в конце концов снял с себя обязанности попечителя созданного им музея. Уже без Е. П. Тышкевича 256 предметов из экспозиции музея были изъяты, а сам музей передан в ведение Виленского учебного округа. Протест Е. П. Тышкевича показывает, каким неквалифицированным и субъективным был состав комиссии и как предвзято она отнеслась к собранным в музее коллекциям. В изъятые польские вещи, например, попали даже скульптуры, восхваляющие царизм, но сделанные поляками; портрет генерала Коссаковского был изъят за его польскую фамилию, хотя он был казнен в Вильне за приверженность к Екатерине II (1794 г.), и даже были изъяты знаки масонских лож [15]. Из музея изъята копия Збручкого идола [16]. М. Н. Катков торжествовал [17]. Дело комиссии продолжили никому не известные Перовский, Кириллов, Владимиров и П. Гильдебрант, руководимые П. А. Бессоновым. Тогда еще не снятый А. К. Киркор вынужден был опубликовать клеветническое письмо [18]. Реакционная пресса злорадно улюлюкала, некоторые деятели музея беззастенчиво печатали статьи против основателя музея Е. П. Тышкевича и др. [19]

Несколько лет спустя, в 1868 г., в бумагах музея его новые управители обнаружили неизвестный ранее документ, издевательски его обнародовали в газете «Виленский Вестник», на страницах которой он и затерялся. Документ написан самим Е. П. Тышкевичем в 1864 г. и настолько интересен, что его нужно привести почти полностью [20]. «Состоящая под председательством моим Виленская археологическая комиссия в постоянном стремлении своем собирать все памятники древности, коими так богат здешний край, в настоящее время предполагала бы издать особый сборник статей с рисунками. В состав сего сборника могут войти следующие описания:

1. Камень Рогволода в Борисовском уезде.
2. Камни в Двине с надписями.
3. Столб Ярослава в Каменце-Литовском.
4. Замок Изяслава в окрестностях Минска.
5. Древние замки и городища в землях литовско-русских.

6. Сукромна — место судилища у древних русинов.

7. Древнейшие церкви в здешнем крае: Коложская, в Супрасле, в Новогрудке, в Вильне — собор Пречистой Богородицы, Пятницкая и др.

8. Надгробия со славянскими надписями.

9. Славянские кресты и другие предметы первых времен христианства в северо-западных губерниях.

10. Шрифты древнейших русских типографий в здешней стране.

11. Литовский статут на русском языке.

12. Древнейшие грамоты на русском языке.

13. Елена, великая княгиня, по документам, хранящимся в Виленском музеуме.

14. Победа над татарами на Шебак-поле.

15. Разные предметы древности, хранящиеся в Виленском музеуме: кольчуга со славянскими надписями, каменное и металлическое оружие, предметы, имеющие мифологическое значение, урны, могильные горшки, слезницы и т. п.

Примечание: Почти для всех этих статей в музеуме находятся соответственные рисунки, издание которых вместе с описаниями придало бы особенный интерес сочинению».

К этому проекту приложен небольшой листок бумаги, писанный рукой Е. П. Тышкевича: «Камень Бориса Всеволодовича, князя Минского, основателя Борисова в 1102 г., камень Рогволода Борисовича, князя Полоцкого 6672 (1171) [21]. Надгробие Остафия Тышкевича 1542 г. Столб в Каменце-Литовском, построенный Волынским князем Владимиром в 1276 г. Прибавятся рисунки Супрасльской, в Вильне — Спасской и Пятницкой (церквей.— *Л. А.*). Замок резиденциональный Рогнеды — супруги Владимира Великого, называемый Заслав, т. е. Изяславль, от имени сына Изяслава, умершего в 1101 г., замок построен в 986 г. Н. М. Карамзин ошибается, ибо не в Витебской губернии, а в 20 в. от Минска. Приготовленные к печати: песни русского народа в литовских губерниях, употребляемые при обрядах свадьбы, похорон, праздничные, любовные и т. п. Пословицы простонародные русско-литовского народа». Автор статьи в конце комментировал, что все это не состоялось: «М. Н. Муравьев назначил комиссию для приема музея в русские руки». Как было на самом деле? Действительно ли Е. П. Тышкевич, создавая проект этого издания древнейших памятников на территории, где он жил, руководствовался лишь соображениями спасения музея, гибель которого он, по уверению недругов, предвидел, или же просто хотел издать древнейшие памятники этих мест (а в то время они должны были быть только русскими!) — решить не берусь. Для меня лишь несомненно, что братья К. и Е. Тышкевичи были людьми науки и, безусловно, честными. А. Н. Пыпин по этому поводу писал: «не будем думать, что польские основатели музея были какие-нибудь радикалы, которые со злонамеренной тенденцией хотели удалить из музея след русской старины; напротив, это были местные патриоты... далеко не чуждавшиеся русской науки: граф Тышкевич принимал участие в работах Московского археологического общества... Киркор доставлял свои труды в Географическое общество в Петербурге... Труды писателей этого круга долго служили для русских исследователей полезным руководством в изучении западно-русской старины...» [22] Дополним от себя, что Е. П. Тышкевич был действительно в дружеских связях с русскими учеными, Петербургскую академию наук считал «своею», в письмах называл ее «нашей», о чем свидетельствует записка его к академику А. А. Кунику: «Вильна, 22 августа 1864 г. Милостивый государь Арист Аристович! Пересылая Вам нижайший и дружеский поклон, честь имею рекомендо-

вать виленского жителя г-на Антокольского, одарованного чрезвычайным талантом скульптора. Трудолюбив и отличного поведения, отправляется в Ак(адемию) художеств, но как очень бедный, то м. б. в нашей Академии или в Ермитаже найдется какая-нибудь работа, а Вы очень можете быть полезны и благодетелем молодого таланта, который грешно допустить упадать. Простите мне, что я Вас беспокою, и примите уверения неизменного почтения и дружбы. Граф Евстафий Тышкевич»[23]. Документ этот, насколько известно, биографами скульптора не использовался. Он важен как для М. М. Антокольского и его биографов, так и для алиби Е. П. Тышкевича.

Виленский музей попал теперь, видимо, в недобрые русификаторские руки. По описанию тех, кто его посещал после перехода музея в ведение учебного округа, детище Е. П. Тышкевича было преобразовано в Публичную библиотеку, собрание же древностей стало плохо организованным при ней придатком (как и кабинеты Орнитологический, Нумизматический и Минералогический). Збручский идол был принят за польский и вынесен «в какой-то сарай»[24]. Не оказалось в музее ни чучел зубров, ни медведей — по недосмотру все это было съедено молью, шинель Мицкевича «сочли ветошью и, кажется, выбросили»,— писал современник. Попытки заведующего Публичной библиотекой Владимирова и его заместителя И. Я. Спрогиса защититься от нападок через печать успеха не имели[25]. Наступление русификаторов, особенно при генерал-губернаторе К. П. Кауфмане (сменившем М. Н. Муравьева), необычайно усилилось. С. С. Окрейц, в то время второй библиотекарь Публичной библиотеки в Вильне, вспоминал: «Некий не в меру усердный чиновник Рачинский добыл на каком-то кладбище надгробную плиту одного из графов Тышкевичей, несомненно доказывающую, что погребенный под оной Остафий Тышкевич был православный. Плиту вставили в стену приемной здания музея... На освящение здания приехал Кауфман со свитою, в которой был и граф Тышкевич. Подойдя к плите, генерал-губернатор громко прочел надпись на плите и обратился к Тышкевичу:

— Граф, ваш предок был православный. Что бы и вам вернуться к вере ваших предков? А! Как вы думаете?

Рачинский, Кулин (помощник попечителя учебного округа) и другие с понятным нетерпением ждали, что ответит Тышкевич. Но граф не смутился и с поклоном хладнокровно ответил, что он, пожалуй, и не прочь вернуться к вере своих предков, но встречается затруднение.

— Какое же может быть затруднение? — удивился Кауфман.

— Мои предки точно были в XVI в. православными, но еще раньше были язычники. Я и затрудняюсь, к какому верованию из моих предков мне присоединиться!..

Ответ был удачный. Помолчав минуту, Тышкевич с новым поклоном добавил:

— Я просил бы, ваше высокопревосходительство, камень с могилы моего предка Остафия Тышкевича вернуть обратно из передней музея, где ему быть вовсе не место. Ограбление могил по русским законам не допускается.

Пресловутый надгробный камень Остафия Тышкевича, однако же, убран не был. Уезжая из Вильны в 1869 г., я сам его видел в стене прихожей музея. Кауфмана сменил граф Баранов, более умеренного и примирительного образа мыслей»[26],— заключал мемуарист.

Русские прогрессивные ученые, возмущенные действиями М. Н. Муравьева в Западно-Русском крае, всемерно поддерживали пострадавших там ученых. Подтверждением этому может служить благодарственное

письмо, написанное К. П. Тышкевичем слависту А. А. Котляревскому за год до смерти — 21 июня 1867 г. (после возвращения из Москвы):

«Предобрейший Александр Александрович, после долгих странствий я, наконец, вновь у себя дома, посреди своей семьи. Возвратившись на родину, я с радостью рассказываю землякам, что среди москвичей я встретил ту братскую приветливость, которую мы так напрасно ищем у себя; рассказываю им, что для людей, трудящихся наукою, я нашел среди вас ту признательность, которая укрепляет дух и побуждает людей к полезному трудолюбию. Глубоко проникнувшись этим чувством, мысль моя постоянно обращается к Вам, неоценимый Александр Александрович, я постоянно рассказываю то расположение Ваше ко мне и то откровенное и истинно дружеское обращение со мною, которое оставило на мне неизгладимое впечатление...» Далее, после деловой части, касающейся научных дел, кончая письмо, К. П. Тышкевич снова обращается к тому, как он в Москве был принят адресатом:

«Примите уверения в совершенном уважении к Вам и продолжайте Ваше дружеское расположение ко мне, которым Вы меня так обязали в Москве. Если бы я мог дождаться той минуты, чтобы мог Вас иметь у себя в Логойске, я отнес бы это к счастливейшим моментам моей жизни. Позвольте же мне подписаться Вашим, Александр Александрович, искренним другом. Гр. К. Тышкевич» [27].

В том же архиве находим мы еще одно письмо К. П. Тышкевича к А. А. Котляревскому; написано оно через год, незадолго до смерти К. П. Тышкевича:

«Добрейший Александр Александрович, от четырех уже недель лежу глубоко в постели, слаб и жестоко страдаю, тем более, что постоянно пред собою имею грустную картину моего неминуемого разорения, если что-нибудь чрезвычайное не спасет меня от общей гибели. Помните, Александр Александрович, как я Вас просил в Москве о написании статьи обо мне в периодических изданиях. Вы мне прислали по этому предмету вопросы, из коих я усматриваю, что Вам казалось, что мое самолюбие того требует. Если так, то ошибаетесь, добрый друг: Вы не так меня поняли. Есть у меня самолюбие, но не с той точки зрения. Где нужно быть полезным для человечества и науки, там мое крайнее самолюбие. Но я желал бы, чтобы Вы написали обо мне статейку, не говоря ничего о моей жизни и личности, а только чтобы Вы написали обо мне, как о человеке, который со всей готовностию, со всем радушием приходит в помощь науке, которую бы душевно желал в ученых наших обществах положить заслуги трудами своими, опытностью и представлением предметов для наших отечественных музеев. Присланные мною в последний раз предметы для нашего музея из раскопок могут Вам послужить поводом для этой статейки. Вы не можете понять, любезнейший Александр Александрович, какой это для меня важный документ: с ним в руках я решусь хлопотать в высших сферах администрации, чтобы пощадила меня, как человека, который уже положил заслуги на поприще отечественной науки. Статью эту желал бы я видеть не слишком пространною, чтобы не утомляла читателей, как можно короче, и чтобы была помещена в одном из лучших московских или петербургских журналов, исключая «Вести» и «Новое Время»... [28]

Письмо было написано чужой рукой и только старческая рука К. П. Тышкевича проставила подпись и число (8 июня 1868 г.). В том же году К. П. Тышкевича не стало. Статья А. А. Котляревского была уже не нужна.

Не лучше было положение А. К. Киркора. В 1859 г. он приобрел в соб-

ственность типографию, а в 1860 г. арендовал газету, которую издавал по-польски и по-русски («Виленский Вестник»). Прорусская ориентация газеты А. К. Киркора, всегда лояльного по отношению к власти, в то тяжелое время кануна восстания 1863 г. многих передовых людей возмущала и расценивалась как угодничество. Некоторые не вполне принципиальные поступки А. К. Киркора развели его с рядом прежних друзей. Но царским литературным лакеем он не был, последствия восстания губительно отразились и на его деятельности. Газета не была популярной, а ряд действий Муравьева-вешателя (перевод ее только на русский язык, требования издавать приложение к ней «Виленский полицейский листок» с обязательством всех учреждений губернии и богатых домовладельцев подписки на то и другое) поставили А. К. Киркора в невозможные для него условия работы и окончательно подорвали бюджет. А. К. Киркор метался. 7 августа 1864 г. он подал прошение об отпуске, 28 августа — о полном освобождении от службы, 10 сентября — о пенсии по выслуге лет «с правом ношения мундира». 11 ноября, запросив министра финансов, М. Н. Муравьев писал разрешение...[29] В 1865 г. последовал новый удар: муравьевская ревизия Виленского музея фактически его расформировала, а Е. П. Тышкевич и А. К. Киркор устранены. Осталось уехать, но куда? «Да, хорошо поселиться у Вас,— писал А. К. Киркор А. А. Котляревскому в Москву,— но вопрос, чем жить? У меня есть типография, она не очень богата, но все же более 300 пудов шрифтов. Теперь на нее положено запрещение за долг... Надеюсь, что дело разъяснится и типография будет свободна. Найдется ли в Москве для моей типографии работа?» (15 декабря 1865 г.).

В том же письме о Е. П. Тышкевиче:

«Позвольте принести нашу душевную благодарность благородному графу Алексею Сергеевичу (Уварову.— *Л. А.*) и Вам за Ваше сочувствие к графу Евстафию Пиевичу. Он жив еще. Уехав из Вильны и расставшись со своим детищем-музеумом, понятно, он слег и чуть не умер. Я сейчас же написал к нему и сообщил выписку из Вашего письма. Для него это большое утешение...»[30]

Значит, такие деятели археологии, как А. С. Уваров, были не согласны с действиями Муравьева-вешателя и пытались поддержать своих виленских коллег!

В 1866 г. арест с типографии А. К. Киркора был снят, но дела его были невеселы. 10 мая 1866 г. он писал А. А. Котляревскому: «...продаю вещи, лошадей, экипажи и этим живу... Ежели бы добыть деньжонок хотя тысячи две, я бы бросил все и сейчас перетащил бы ее (типографию.— *Л. А.*) к Вам. Мне ведь должны около 10 тысяч, но как теперь добыть! Нет ни лиц, ни их имений...»[31] Так кончился для виленских ученых-историков разгром Виленского музея и комиссии. К. П. Тышкевич слег в постель и вскоре умер, Е. П. Тышкевич вынужден был искать прибежища в замке родственника Михаила Тышкевича-Бирже. А. К. Киркор вывез свою типографию в Петербург, где рассчитывал заняться издательским делом (и снова неудачно).

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД А. К. КИРКОРА (1865—1870 гг.). ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В Петербурге А. К. Киркор решил издавать «большую» газету «западно-русского» направления под названием «Переход», имея в виду переход «от революционного террора к спокойствию и правильной гражданской жизни». Будущий секретарь газеты С. С. Окрейц возражал, находя, что до «перехода» еще далеко, и предложил название «Новое Время», на чем порешили[32]. Газета начала выходить в 1865 г., первоначально идеи ее

редактора нравились, газете открыли кредит, ей помогал даже в финансовом отношении известный историк Н. И. Костомаров. Но продержаться долго не удалось, тираж стал падать. Спасая реноме газеты, А. К. Киркор кинулся на поиски даровитых авторов; Юматов, с которым они по очереди (понедельно) выпускали газету, стал бороться за розничную продажу и уровень газеты сильно понизился. Особый удар престижу газеты в феврале 1868 г. нанес игривый фельетон Юматова, смаковавший «злачные места» столицы (с указанием даже адресов!). А. К. Киркор о готовящемся фельетоне Юматова не знал. Тираж данного номера газеты подскочил до невиданных в то время размеров — 5 тыс. экземпляров, но «Новое Время» потеряла авторитет [33]. А. К. Киркор был в отчаянии, Юматов ушел из редакции. Газету обновили и удалось получить новые займы, но долго газета не продержалась. В 1870 г. А. К. Киркор объявлен был несостоятельным должником, газета поступила на конкурс, переходила из рук в руки и, наконец, «в день Кассиана» (29 февраля 1876 г.) вышел первый номер «Нового Времени» [34], принадлежавшей теперь А. С. Суворину,— так родилась знаменитая реакционная газета, которая в руках А. К. Киркора носила совсем иной характер. Кредиторы кинулись ко взысканию. А. К. Киркор тайно выехал в Краков.

«Новое Время» под редакцией А. К. Киркора уже 27 ноября 1868 г. получила «официальное предупреждение» за то, что в ней «неоднократно появлялись резкие и неприличные отзывы о действиях управления в Царстве Польском и западных губерниях», также постоянно «перепечатываются из иностранных газет превратные и даже враждебные сведения о высоких правительственных лицах и положении дел в нашем отечестве» [35]. Газета была задумана оригинально и, как полагал А. К. Киркор, с большой пользой для «Западно-русского края», но расходы по газете скоро превысили доходы с нее...

Все имущество А. К. Киркора пошло с молотка за бесценок и, как он писал, «расхищено, растащено». Конкурсное управление признало его «злостным банкротом», с чем согласился и коммерческий суд. Дело тянулось 10 лет. Окружной суд «потребовал от австрийских властей выдачи... «уголовного преступника». Допросив его, Краковский уголовный суд передал дело в Верховный суд. Обер-прокурор не нашел фактов, обвиняющих А. К. Киркора в злостном банкротстве, а «признал несостоятельность только неосторожною и несчастною». 10 января 1881 г. австрийский Верховный суд оправдал А. К. Киркора и отказал в иске [36]. А. К. Киркор был спасен, но какой ценой!

Конец ученого трагичен. Оторванный от родины, в полном одиночестве, ежедневно борясь с нищетой и всегда на пороге голода, он — член Краковской академии — издавал работу одну за другой, причем большая часть их была посвящена Беларуси. Наиболее крупными были белорусский том в издании «Живописная Россия» (СПб., 1882 г.) и две книги по истории современной русской и славянской литератур [37]. Первая представляет проникновенный рассказ о Беларуси — ее народе, памятниках и истории. Книга же по истории русской литературы, изданная в Познани (тогда еще прусской) и по-польски, лишь сейчас получила справедливую оценку как выдающееся явление того времени. Написанная с позиций В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, она содержала поразительный по глубине анализ передовой русской литературы. Многие явления в ней были подмечены, а частично и разработаны почти впервые (например, о тесных сношениях А. С. Пушкина с декабристами, о его роковых связях с Двором и т. д.) [38]. Как считают сейчас специалисты, «демократические симпатии А. К. Киркора, его глубокие познания в русской культуре позволили ему

выступить с оригинальной концепцией развития русской литературы, которая несомненно явилась одним из высших достижений польской критической мысли XIX в. Критик постоянно подчеркивал, что русская литература связана с историей русского народа и что она развивалась и крепла в ожесточенной борьбе с силами деспотизма» [39].

Итак, в 70-х годах А. К. Киркор был в самом расцвете творческих сил, которые на родине не могли развернуться. Мало нужен был он и на чужбине, тоска не проходила, бедность одолевала. Письма этого времени невозможно хладнокровно читать. «Удивит тебя это письмо,— писал он А. А. Котляревскому, с которым теперь был «на ты».— Катастрофа, которая со мною случилась, до того меня расстроила, что я едва начинаю приходить в себя. Я отдал все, что было, и уехал с 200 рублями, а в день выезда у меня было около 5 тысяч — значит, я мог ими воспользоваться, ежели бы хотел... Знаю, что про меня Бог знает что говорят... Я уехал на том основании, что лучше скитаться по миру, нежели сидеть в долговом отделении... Да я многим виноват...— слишком верил в людей, слишком надеялся на собственные силы...» [40] Через три года ему же: «Трудно жить, душа моя! Иногда просто хоть с голоду помирай. Работаю, как каторжник... Одиночество убивает, умирать хочется не в шутку, а смерть нейдет, а пора бы уже, стар я стал и силы нет. Приезжай, друг сердечный, отогрей душу!» (24 апреля 1875 г.) [41] В городе жить стало дорого: «Живу теперь немного подальше от города, два-три дня души человеческой не вижу. Один-одинешенек. И хорошо мне с этим... так не удивляйся же, что я так много пишу — душу отвожу, вот что!» (Ему же 1 мая 1875 г.) [42] Болезнь старого друга (А. А. Котляревского) взволновала его: «Тебе бы надобно уехать куда-нибудь да серьезно полечиться. Напиши словесно, как и что с тобою, и поверь, что мое сочувствие и уважение к тебе стоят этого с твоей стороны внимания» (Ему же, 28 июня 1880 г.) [43] Но болезнь А. А. Котляревского оказалась смертельной и в 1881 г. его не стало. А. К. Киркор остался один. «Теперь меня забыли,— писал он Д. Я. Самоквасову,— хотя и состою членом Петербургского, Московского, Одесского и Рижского археологических обществ. Пока был секретарем Герц, по крайней мере, присылали «Древности»... [44] Но планов на научную работу по-прежнему много: «Позвольте мне, Ваше превосходительство, напомнить Вам о себе,— пишет он 13 мая 1886 г. академику А. А. Кунику.— Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбою. Дело в том, что стар уже я, здоровье плохо, а перед смертью, по крайней мере, хотелось бы покончить начатое. Хотелось бы мне распространить и дополнить статью мою, известную Вам, о монетном деле в Литве. Но для этого необходимо издание о медалях... Иверсена. 1879—1882 — 5 томов. Купить, право, не за что, но если бы я мог получить даром, я бы счел это большим для себя одолжением. Ежели же нельзя, то, может быть, по уменьшенной цене? Не откажите мне, Ваше превосходительство, в этой милости... Теперь с гр. Войтехом Дедушицким предприняли мы большой труд: составить мифологический славянский календарь на целый год...» [45] Да, планы! Но смерть уже стояла за плечами...

«Киркор как-бы замыкает собою тот длинный ряд бескорыстных и самоотверженных деятелей на поприще белорусской науки, который так достойно был начат... Ходаковским и продолжен братьями Тышкевичами...» «Люди, подобные Киркору,— продолжал в его некрологе Н. А. Янчук,— ищут не собственной славы, не личной выгоды... Они, правда, не пролагают в науке новых путей, не оставляют после себя капитальных произведений, ... но вся их жизнь — капитальный труд. Этот труд черновой, но в высшей степени полезный потому, что на таком труде

зиждется последующая наука...»[46] Это в основе верно, но теперь кажется уже недостаточным. Мы видели, к каким поразительным открытиям привело недавнее исследование специалистами литературных взглядов А. К. Киркора. Недостаточно еще и потому, что его труды, посвященные самым разным отраслям гуманитарного знания, еще далеко не собраны, не обобщены. Кое-что уже сделано[47], но это кажется каплей в море. Труды этого ученого, его переписка с исследователями самых разнообразных специальностей, рассеянная по архивам Санкт-Петербурга, Москвы, Литвы, Польши (Кракова и др.), еще ждут своего кропотливого исследователя. Всесторонняя объективная оценка громадного наследия А. К. Киркора — наш моральный долг.

После восстания 1863 г. петербургские власти окончательно решили русифицировать «Западный край империи» и прежде всего разыскать его древние корни. В Вильне в 1864 г. создана специальная Виленская археографическая комиссия[48], из центра в Северо-Западный край теперь направлялись лица, отыскивавшие и фиксировавшие древности, усилилась деятельность и местных русификаторов.

И. П. Корнилов

Если дело по публикации «западнорусских» памятников письменности, начатое прот. И. И. Григоровичем в 1824 г. по инициативе графа Н. П. Румянцева, двигалось не интенсивно, то теперь в Вильне возникло учреждение, в задачу которого входило выявление и публикация именно этих памятников. Возглавлял работу попечитель округа И. П. Корнилов. Результаты не замедлили сказаться уже через год изданием актов Гродненского суда (1865 г.), через два года — Брестского суда (1867 г.) [49] и т. д. Не менее важными были мероприятия И. П. Корнилова по организации экскурсий для собирания древностей (1865—1866 гг.), что продолжило дело Археографической комиссии П. М. Строева (1829—1832 гг.) [50]. Сверхштатный учитель, «замечательно даровитый и любознательный, ... с увлечением занимавшийся западнорусской археологией и историей», Н. И. Соколов вместе с учителем рисования Виленской гимназии В. В. Грязновым, разъезжая в каникулярное время по Беларуси, нашли в Турове знаменитое Туровское Евангелие XI в. [51], в Полоцке А. В. Рачинский обнаружил Летопись Авраамки [52].

Из новых деятелей Виленского музея назовем ученика прибалтийского археолога Фр. Крузе — К. И. Шмидта, служившего в 20-х годах в Полоцке, а в 1860-х годах — заведовавшего Отделом археологии в Виленском музее. К 1869 г. он раскопал в Гродненской и Ковенской губерниях свыше 100 погребений [53], создал большую коллекцию древностей [54] и написал обширную статью о Двинских камнях с надписями [55]. К раскопкам он относился серьезно и всемерно старался выяснить историю литовского народа.

КСЕНОФОНТ АНТОНОВИЧ ГОВОРСКИЙ
(1821—1871 гг.)

Среди шовинистически настроенных людей, которых неизбежно выдвинула эпоха М. Н. Муравьева, был и известный историк К. А. Говорский. Окончив духовную семинарию (1835 г.), он получил назначение в Полоцкую духовную семинарию (1840 г.), где преподавал в 50-е годы церковную археологию. В 1857—1858 гг. он редактировал «Витебские губернские ведомости». С 1862 г. в Киеве издавал журнал «Вестник Юго-Западной России». В эпоху М. Н. Муравьева нашел более выгодным для себя переехать в Вильну, где издавал журнал под названием «Вестник Западной России» (с августа 1864 г.). Скончался из-за тяжелой душевной болезни в 1871 г. в Вильне [56].

Наиболее ранняя статья К. А. Говорского написана в 1851 г. в связи с освящением реставрированного полоцкого Софийского собора 28 октября 1851 г. 3 ноября того же года она была направлена К. С. Сербиновичу для публикации и осталась в архиве последнего [57]. Вторая статья направлена К. С. Сербиновичу 25 мая 1852 г. [58], в ней говорилось о полоцком Богоявленском монастыре, но и она опубликована не была, как и следующая за ней — «Описание Борисоглебской церкви», которую он послал в Русское археологическое общество [59]. Но К. А. Говорский не унывал: 18 июня 1852 г. он совершил поездку в Полоцк для обследования некоторых археологических памятников. Результаты были им опубликованы в «Витебских губернских ведомостях», а оттуда весь материал попал в «Журнал Народного Просвещения» [60]. Эту археологическую публикацию, по-видимому, и следует считать первой печатной работой К. А. Говорского. 14 сентября того же года он совершил новую экскурсию в район к югу от Полоцка для знакомства с остатками так называемой Ольгердовой дороги [61]. В пути он собирал древние вещи и монеты, вел дневниковые записи. Сохранился

документ, где К. А. Говорский обращается к витебскому, могилевскому и смоленскому генерал-губернатору с просьбой переслать обнаруженные им предметы на высочайшее воззрение: меч, найденный в д. Болотовка Полоцкого уезда (раскопки так называемых «Лицевских могил»), саблю из кургана у м. Селище Лепельского уезда и 28 древних монет, «найденных

К. А. Говорский

при разрытии могил и курганов в окрестностях г. Полоцка» [62]. Как можно понять по описи, там была медная монета Птолемея IX — начала II в. до н. э., найденная на берегу р. Нача у погоста Шпаковщина, «оттоманская пара» из кургана у д. Селище, остальные — поздние. Эти же, по-видимому, 28 монет, как и другие предметы, полученные от К. А. Говорского («мусульманские, еврейские и русские монеты», также «наголовник от шлема» и каменный топор), поступили затем в Петербургское археологическое общество [63] (в «высочайшем же воззрении» было ему отказано). В следующем году в печати К. А. Говорский сообщил о своих разысканиях южнее Полоцка и о раскопках 10 курганов [64]. Первый, «домуравьевский» период увлечения К. А. Говорского белорусскими древностями кончился в 1853 г. написанием по тому времени обширной «Истории Полоцкой епархии», тщательно им переписанной в двух экземплярах и пересланной (вероятно, через того же К. С. Сербиновича) в Синод с просьбой опять о показе государю (в чем снова ему было отказано) [65]. В настоящее время оба экземпляра рукописи Говорского обнаружены мною в ЦГИАЛ [66]. Опубликовать рукопись не удавалось, и в конце 1850-х годов К. А. Говорский решил

печатать ее по частям [67]. В 1917 г. она уже набиралась в I томе «Трудов Витебского церковно-историко-археологического общества» с предисловием А. П. Сапунова, но издать его не успели [68]. Как отметил А. П. Сапунов, номера «Витебских губернских ведомостей» за 1858, 1859, 1860 гг. «весьма ценны, так как здесь впервые начали появляться документы, касающиеся Витебска. Изданием этих документов заведовал известный Говорский, помещавший в тех же ведомостях и свои исследования о витебской (и полоцкой.— *Л. А.*) старине» [69]. Там же вышли и другие его работы [70].

Обращаясь к историческому наследию К. А. Говорского, нужно сказать, что, несмотря на неприглядную позицию его в общественной жизни [71], он оставил все-таки в историографии известный след. Особенно важны его статьи, в которых он использовал местные, погибшие ныне монастырские архивы. Одной из них является обстоятельная статья, посвященная уничтоженному в 1930-х годах полоцкому Бельчицкому монастырю, где автор использовал не дошедший до нас монастырский архив. Этой статьей широко пользовался Н. Н. Воронин [72]. К. А. Говорский свидетельствует, что монастырь был обнесен каменными стенами: «каменная стена эта с бойницами и башнями существовала еще во времена полоцкого униатского архиепископа И. Кунцевича, т. е. в начале XVII столетия» (далее описывается, как «ктиторы монастыря Корсаки, Щиты и другие православные бояре», не желая принимать унию, «поставив на бойницах пушки, засели в нем, отражая приступ И. Кунцевича») [73]. Об укреплении монастыря больше сведений нет (раскопок не было). Отметим, что К. А. Говорский внимательно присматривался и к монастырской кладке из плинф: кирпич Борисоглебской церкви, указывал он, «не толще вершка, в длину — 6 и 3/4 вершка, в ширину — 5 и 1/4 вершка, а цемент (цемянка.— *Л. А.*) наложен слоем вдвое толще кирпича» (он говорит, несомненно, о кладке с утопленным рядом, характерной для XI в. в других городах и для Полоцка еще и в XII в.) [74].

К. А. Говорский первый в Беларуси при раскопках курганов изучал не только остатки погребений, но строение их насыпи, пытаясь здесь сделать чисто археологические обобщения. Он писал, что «обгорелые кости» «расположены в длину по одному направлению всегда от востока к западу» и что «из положения костей можно заключить, что трупы возлагаемы были на костер рядом, один подле другого, поверх их клали дрова и таким образом тела предавались сожжению», что иногда им «встречались кости, расположенные в два и три яруса, переложенные слоем углей и золы». Эти редкие в то время подробные описания К. А. Говорский сопровождал еще наблюдениями над высотой кургана и количеством погребенных, отмечал, что «в середине» кургана обычно «находились небольшие грубой работы (очевидно, лепные.— *Л.А.*) глиняные горшечки», и верно определял их назначение. Наконец, и это очень важно, он отмечал, что «для сожжения трупов сперва делали более или менее высокую земляную плоскую насыпь», на которой «сожигали труп», «угли и золу потом засыпали землею» [75] и т. д.

Наше знакомство с рукописью К. А. Говорского «История полоцкой епархии» показывает, что при сравнительно широком использовании источников (Ипатьевская и Густынская летописи, Киево-печерский патерик, «Похвальное слово митрополита Иллариона», Н. М. Карамзин, Стебельский и пр.) она носит конкретный и чисто клерикальный характер [76] (как это видно и из названия). Это выборка из источников всего, что относится к теме без какой бы то ни было попытки анализа источников или обобщения материала. У нас нет уверенности, что, если бы в 1917 г. рукопись К. А. Говорского была бы напечатана, это имело бы какое-

либо значение для знакомства с историей местного края — слишком узок и ограничен был кругозор автора. Впрочем, от человека с жизненной позицией К. А. Говорского иной работы ждать и невозможно.

ЭКСКУРСИИ И. И. ГОРНОСТАЕВА И Д. М. СТРУКОВА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ БЕЛАРУСИ

Насильственная русификация «Западнорусского края» при всем возмущении, которое она у нас вызывает, имела, пожалуй, одну положительную сторону: выявляя «русские корни» страны, впервые было обращено пристальное внимание на ее памятники древности. Правда, надо сказать, что искусство русской древности тогда было еще известно мало и приблизительно, за «корни» принималось многое, что к ним отношения имело мало, но все-таки древностью начали интересоваться, ее стали выявлять.

В 1864 г. к этому обратилось Русское археологическое общество в Петербурге, деятельность которого, по неимению у государства средств после Крымской войны, крайне захирела. Желая ее поднять, Г. Г. Гагарин, сменивший на посту умершего председателя общества Д. Н. Блудова (1864 г.), добился у М. Н. Муравьева средств для изучения русских древностей в «Западном крае». Специально избранная обществом комиссия (В. В. Вельяминов-Зернов, А. А. Куник, И. И. Срезневский и др.) в особой записке представила программу изучения памятников в этой стране. Указывая на необходимость организации экскурсий по Беларуси, там разрабатывалась их цель: «1) разыскать русские и православные достопримечательности Западного края; 2) снять с них точные виды, рисунки и снимки; 3) составить верное описание настоящего положения памятников с приложением ... основательных исторических исследований об их происхождении и прежнем состоянии» [77]. Записку эту конкретизировал И. И. Срезневский, наметив два маршрута по «Краю»:

1. Дрисса, Полоцк, Витебск, Орша, Мстиславль, Могилев, Слуцк, Минск, окрестности.

2. Гродно, Белосток, Брянск, Дрогичин, Брест, Кобрин, Каменец и окрестности.

(«Другие пути, например в Пинск, Туров, Слоним и т. п., обозначались бы легче потом»,— писал И. И. Срезневский [78].) По его рекомендации в экскурсии следовало посылать двух лиц, одно из которых выявляло бы и фиксировало памятники, другое же занималось находимыми древними предметами, делало бы с них снимки, слепки, рисунки. Согласие выехать по этим маршрутам выразили член общества, архитектор, профессор Академии художеств Иван Иванович Горностаев (1821—1874 гг.), бывший одновременно заведующим Музеем православного иконописания в Петербурге (при Академии художеств) и много ездивший по древним церквам и монастырям [79], и известный художник Московской оружейной палаты Дмитрий Михайлович Струков (1828—1899 гг.). Струков многократно бывал в Беларуси и обследовал большое количество памятников. Первый раз он был там, по-видимому, летом 1864 г., когда ездил туда за собственный счет. В том же году в сентябре его в сопровождении художника-помощника С. А. Покровского направило в Беларусь Русское археологическое общество [80].

Вместо предполагаемых двух месяцев он с разрешения общества пробыл там более трех и осмотрел: восточную часть Виленской губернии, западную часть Могилевской и Минской губерний. И. И. Горностаев пробыл в Беларуси всего месяц, его чертежи церквей Северо-Западного

края демонстрировались в 1872 г. на выставке в Московском политехническом музее, но изданы не были. Альбом Д. М. Струкова, приложенный к его отчету, на 200 листах по просьбе Виленской комиссии по устройству публичной библиотеки общество выслало в Вильну с просьбой вернуть (1875 г.), однако альбом возвращен не был [81] и так и хранится в Виленской публичной библиотеке [82]. По свидетельству Е. Р. Романова, Д. М. Струков зарисовывал не только церкви, но и археологические памятники, например «доисторические овальной формы и находящиеся у его подножья курганы» у Старого Села на Западной Двине [83]. В Полоцке он нарисовал и вычертил 31 лист ватмана (виды города, план Кадетского корпуса, Никольского собора, Евфросиньевской церкви и церквей Бельчицкого монастыря, также «планы, фасады и разрезы тех же церквей и монастырей»). Только Спас-Евфросиньевскому монастырю было посвящено 12 рисунков, Витебску — 27 (из них 6 — церкви Благовещения) [84].

От поездок Д. М. Струкова в «Западный край» в последующие годы, вплоть до 1896 г., сохранились архивные материалы [85]. В «Воспоминаниях» о поездке в 1867 г. художник живо рассказывает, как 1 августа (1867 г.) к нему на дачу в Нескучном подкатила коляска, запряженная четверкой,— П. Н. Батюшков увез его в Николо-Угрешский монастырь под Москвой и уговаривал его по дороге ехать с ним в «Западный край». В Петербурге условились о гонораре (200 р. плюс оплата каждого отдельного белового рисунка) и, получив высочайшее разрешение, 13 сентября отбыли в Двинск, затем в Ригу и Вильну. «Русификаторские» поступки П. Н. Батюшкова в пути часто вгоняли художника в краску [86]. Основная работа началась в Вильне, далее путешественники были в Варшаве, вернувшись в Беларусь, посетили Могилев, Витебск и т. д. В Петербурге П. Н. Батюшков посадил его в своей квартире, так как, по свидетельству Д. М. Струкова, все время опасался, что заплатил ему деньги даром, и заставил писать «чистовики» [87]. Для проверки рисунков и «их окончательной отделки» было «высочайше повелено» пригласить академика Ф. Г. Солнцева, после сего предполагалось издать их хромолитографическим способом. Однако далеко не все рисунки были признаны подходящими: большая часть их, оказалось, «шла вразрез с идеей экспедиции» и была забракована, по-видимому, как не способствовавшая русификации края [88]. Рисунки Д. М. Струкова были положены П. Н. Батюшковым в основание издававшихся его книг: «Замечательности Северо-Западного края», Вильна, 1868; «Памятники старины в западных губерниях империи». СПб., 1874 г.

ИЗМЕНЕНИЕ ОБСТАНОВКИ В «ЗАПАДНОМ КРАЕ» ПРИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЕ А. Л. ПОТАПОВЕ (1868—1874 гг.)

«Говорят и пишут в газетах, особенно в «Голосе», что мы в Северо-Западном крае с Потаповым снова меняем систему наших действий»,— писал в дневнике А. В. Никитенко 12 апреля 1868 г.[89] Действительно, 13 марта 1868 г. в Вильну въехал новый генерал-губернатор А. Л. Потапов (1818—1886 гг.), который прибыл «с новыми проектами о ломке по крестьянскому делу всего, что было сделано Муравьевым и Кауфманом»[90]. Но не только в этом. По воспоминаниям И. П. Корнилова (получавшего тогда назначение в Петербург), А. Л. Потапов пригласил его к себе и, поздравив с повышением, заметил, что, кроме окружного инспектора фон Трауфтенберга, все прочие, а именно И. Я. Шульгин, Н. Н. Новиков, В. П. Кулин, по своему крайнему русофильству и ненависти к полякам неудобны для службы в Западном крае и должны быть удалены [91]. По

П. В. Долгорукову (не склонному к похвалам), А. Л. Потапов был «умен и весьма хитер, очень сметлив, одарен замечательной проницательностью, честолюбив и властолюбив в высшей степени... на деньги честен: взятки не возьмет... Всегда учтив, не скажет оскорбительного слова, но вечно останется безжалостным и неумолимым...» [92] Насколько справедлива эта характеристика А. Л. Потапова, не ясно, но сослуживцы немуравьевского толка его хвалили: «Вновь назначенный генерал-губернатором генерал-адъютант Александр Львович Потапов прибыл в край с твердым намерением все это (т. е. «муравьевское») изменить и поднять знамя, на котором начертано будет «закон» [93]. «Заручившись поддержкою в Петербурге, питая ненависть к М. Н. Муравьеву и всему «муравьевскому», а также явное сочувствие к «угнетенным» полякам, (А. Л. Потапов.— *Л.А.*) привез с собою в Вильну политические «забвения», «примирения», «залечивание ран»...— пишет другой современник [94]. А. Л. Потапов впоследствии скомпрометировал себя, приняв пост шефа жандармов в Петербурге, это его бил по лицу С. Г. Нечаев во время своего ареста [95], личность эта была противоречивая, многие поступки его в конце жизни объясняются постепенно наступавшим помешательством (от которого он, в конце концов, и скончался) [96], но позиция, занятая им в Западном крае, была безусловно прогрессивной (и ждет еще своего исследователя). Немедленно начавшиеся доносы в Петербург муравьевской партии сделали то, что Александр II понял, что сделал большую ошибку, назначив А. Л. Потапова во главе Западнорусского края [97]. Он был заменен Альбединским (1874 г.) и переведен в Петербург. К его смещению приложила руку вся муравьевская партия с П. Н. Батюшковым во главе [98], которого А. Л. Потапов пригласил на должность попечителя и в 1870 г. был вынужден заменить Н. А. Сергиевским [99].

Что касается Виленского музея, то при А. Л. Потапове муравьевская ревизия его была объявлена ненаучной и даже вредной, 256 изъятых предметов были ему возвращены, а для управления разгромленным музеем в 1871 г. была назначена даже особая временная комиссия. По уходе А. Л. Потапова, П. Н. Батюшков провел ряд реакционных мероприятий, возобновил муравьевскую «русификацию» музея и передал всю его «польскую» часть в Москву [100].

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ СЕМЕНТОВСКИЙ
(1823—1893 гг.)

Сементовские-Курилло — старый дворянский род Полтавской губернии, из которого вышли несколько известных исследователей прошлого Украины и Беларуси. Из сыновей Максима Филипповича (р. 1793 г.) [101] Николай (1819—1879 гг.) был украинским этнографом и писателем [102], Алексей (1823—1893) — белорусским историком, этнографом, археологом, лесоводом, Константин (1823— ?) — публицистом, этнографом, фольклористом Украины [103].

Самым талантливым и разносторонним был средний сын М. Ф. Сементовского-Курилло — А. М. Сементовский. По окончании Нежинского лицея (1840 г.) он попал на военную службу, затем стал лесничим в Киевской и лесным ревизором в Подольской губерниях. Получив приглашение занять должность губернского лесничего, он навсегда переехал в Витебск (1860 г.). Как мы говорили, это время было поворотным этапом в изучении местных древностей — круг деятельности статистических комитетов только что расширился (1861 г.), новый губернский лесничий был лучшей кандидатурой для секретаря комитета: он уже автор многих трудов в пери-

одической печати, недавно организовал ряд местных выставок на Украине, собрал сведения по истории г. Каменец-Подольска (опубликовал позднее), а переезжая в Витебск, специально прожил несколько дней в Почаевской лавре, чтобы изучить ее древности (издал в 1870 г.). Все это было причиной того, что в 1863 г. А. М. Сементовского избрали на должность секретаря

А. М. Сементовский

Витебского статистического комитета, где он и прослужил до самого выхода «на покой» (1880 г.).

О творчестве А. М. Сементовского можно судить по списку его разнообразных работ. Всего известно 157 наименований (145 наименований вошло в опубликованный перечень[104], две там не учтены, и после публикации этого списка А. М. Сементовский написал еще 10 работ). 33 наименования приходятся на Украину до его переезда в Витебск, почти все остальные посвящены тем или иным вопросам, связанным с Беларусью, и написаны в течение 1862—1891 гг. Кроме того, А. М. Сементовский составил и отредактировал Памятные книжки Витебской губернии на 1863, 1864, 1865, 1866, 1869, 1878, 1881 гг., а также «Памятную книжку Виленского генерал-губернаторства» и «Адрес-календарь на 1868 г.» и солидный сборник «В память первого русского статистического съезда 1870 года». Вся официальная часть в этих книжках и все статистические данные принадлежат перу А. М. Сементовского. За 17 лет службы секретарем Витебского статистического комитета все протоколы заседаний комитета, публиковавшиеся потом в «Витебских губернских ведомостях», были составлены им же. Помимо этого, ряд лет он был главным редактором неофициальной

части «Витебских губернских ведомостей». Им опубликованы работы в «Живописном обозрении», «Промышленности», «Древности», в газетах «Биржевые ведомости», «Русский курьер» и др.[105] Короче, вклад ученого в историю главным образом Витебщины огромен и незаслуженно забыт. Думаю, что этот исследователь заслуживает специальной монографии.

Широко образованный человек, обладающий к тому же разносторонними интересами в области краеведения, и неутомимый работник, А. М. Сементовский быстро вошел в интересы окружающей среды, ассимилировался с нею и с большой энергией принялся за исследование края. Еще будучи только губернским лесничим, он изъездил вдоль и поперек Витебскую губернию, в 1862 г. описал губернские леса [106], а затем, став секретарем Статистического комитета (1863 г.), обратился к статистике, истории, археологии, этнографии края [107]. Он прекрасно понимал значение археологических памятников, однако он их не копал и свою задачу видел в собирании о них сведений и регистрации их. Заинтересовавшись призывом Петербургской археологической комиссии к сбору сведений о памятниках края, он приступил к их обследованию и в том же 1863 г. опубликовал результаты работ по Городокскому уезду [108]. Здесь он делил курганы на полевые, кучные и одиночные, описывал некоторые курганные группы (в Жукове, у Городка), а также укрепления XVI в. на оз. Езерище. По его собственному признанию, им руководило желание «возбудить охоту к собиранию и опубликованию... заметок о... памятниках местной старины, почти на каждом шагу попираемых нашими ногами...» Одновременно А. М. Сементовский положил начало археологической коллекции, которая потом сильно разрослась и демонстрировалась на различных выставках [109]. Работы молодого энтузиаста стали известны Археологической комиссии и она отметила, что Витебский статистический комитет «при содействии своих членов в короткое время успел собрать весьма любопытные сведения о множестве курганов и городищ, находящихся в различных частях Витебской губернии» [110].

Задача регистрации археологических памятников губернии неизбежно привела А. М. Сементовского к мысли о необходимости составления их археологической карты — первой такой карты в Западнорусских землях. Карта эта и была опубликована в книге этого автора 1867 г.[111] Труд был напечатан в Петербурге в типографии К. Вульфа, состоял из 74 страниц, был хорошо иллюстрирован и содержал четыре главы: 1. Земляные памятники Витебской губернии. 2. Замки и замковища. 3. Находки вне курганов и вообще земляных насыпей. 4. Христианские древности Витебской губернии. Книга была целиком посвящена чисто археологическим объектам, ценность которых как исторического источника для А. М. Сементовского была вне сомнения. Во введении он писал: «собрание точных и положительных сведений о повсеместно рассеянных на необозримом пространстве нашего отечества разного рода памятников старины совершенно необходимо для разъяснения многого в исторической жизни разнородных племен и народов, обитавших и обитающих на землях русских» [112]. Из первой главы этого издания мы узнаем, что широкое собирание сведений об археологических памятниках губернии началось по инициативе А. М. Сементовского после его доклада 7 ноября 1863 г. в Витебском статистическом комитете, где он, зачитав воззвание Археологической комиссии на эту тему, предложил свой план организации такой работы. В 1864 г. комитет собрал уже сведения о 430 «древних могилах или курганах», о 12 городищах, «двух укреплениях, двух окопах, одном замковище, одном вале и одном колодце», в последующие годы автор собрал известия «слишком о 120 курганах Городокского и Витебского уездов, о семи По-

лоцкого и более чем о 250 Лепельского уезда». Он здесь же добавлял, что известия о «некоторых группах курганов последнего уезда, а равно о находимых в них вещах, сообщены М. Ф. Кусцинским. Таким образом, из числа множества курганов, находящихся на пространстве Витебской губ., почти о 800 древнейших из них собраны более или менее подробные сведения» [113]. Почему именно эти курганы древнейшие — не объяснялось, да, вероятно, в то время и объяснить было невозможно. Далее текст шел по уездам — Городокский, Себежский, Полоцкий, Лепельский (по ним удалось собрать более всего материалов) и другие, он сопровождался штриховыми рисунками — типичными курганными (как мы теперь знаем) вещами из раскопок главным образом М. Ф. Кусцинского.

Обращает на себя внимание, что у А. М. Сементовского еще не было четкого представления о категориях археологических памятников — курган, городище, замковище: в некоторых случаях они у него взаимозаменялись. Он часто приводил народные предания и часто им верил. Он писал, например, что около самой Могилы Голубец (городище? — *Л.А.*) был «выбран (выпахан.— *Л. А.*) на поле слиток... серебра величиной с голову капусты (и это) дает право рассчитывать на возможность успеха правильного археологического исследования этого замечательного своею колоссальностью памятника местной старины» [114]. Народные предания руководили автором и в вопросах о замках (глава 2), которых, основываясь лишь на этих народных наименованиях, он насчитывал в губерниях 35. Любопытно, что, описывая замки Витебщины (Полоцк, Витебск и др.), А. М. Сементовский никогда не говорил об их древнейшей истории и начинал с развитого средневековья. Исключение сделано им лишь для Стрежева и Усвят. «О стержевском замке имеются следующие исторические сведения: Рогвольд, князь киевский (?), призванный для княжения в Полоцке, 1159 г., отнял у князя полотского дома Всеволода Глебовича, удел его Изяславль (ныне Заславль местечко Минского уезда), отдав ему взамен того замок или пригород Стрижев» [115]. Все это неверно [116]. Среди случайных находок, которым посвящена, как сказано, 3-я глава книги, фигурировали самые разнообразные предметы, происходившие чаще всего из коллекции того же М. Ф. Кусцинского. Этот раздел завершает текст о Борисовых камнях, которые описываются по статье, помещенной в «Древностях» (т. 1), что было перепечаткой из «Виленского Вестника» (1864, № 56). Автор поддерживает мысль Тышкевича о необходимости как можно скорее специально исследовать эти камни, ибо «время берет свое и с каждым годом волны двинские и грубое невежество прибрежного населения все более и более разрывают эти красноречивые страницы истории Белоруссии...» [117] Книга заканчивалась разделом о христианских древностях Витебской губернии, где автор говорил лишь общеизвестные вещи о кресте Евфросиньи Полоцкой 1161 г. Архитектурных памятников (включенных во второе издание книги) он не касается, отсылая читателя к своим статьям на эту тему в памятных книжках губернии на 1864, 1865 и 1866 годы. Приложенная карта содержит 77 наименований.

Книга А. М Сементовского 1867 г. явилась первым подробным руководством по археологическим памятникам западнорусских земель. Из нее впервые стало известно не только об обилии археологических памятников на Витебщине, но и о древних иллюстрациях и вещах, которые находят при их исследовании. В то время труд А. М. Сементовского имел огромное значение даже в том несовершенном виде, в котором он был составлен (почти без исторических справок).

В 1880 г. А. М. Сементовский вышел на пенсию, но продолжал пе-

чататься. Археологические обследования почти полностью прекратил. Лишь однажды, 7 июня 1884 г., вблизи своего имения Рожанщина (на берегу Западной Двины ниже Полоцка) у несуществовавшей уже тогда д. Волотовки он (по-видимому, с помещиками соседних имений Бездедовичи, Устье) участвовал в раскопках одного длинного и нескольких круглых курганов. Все эти насыпи издавна именовались бездедовичскими волотовками. Их еще в 1850-х годах раскапывали бездедовичский помещик Обремпальский, К. А. Говорский, местные жители. О результатах раскопок К. А. Говорского А. М. Сементовский так и не узнал (хотя все было опубликовано), от крестьян же слышал о находке в курганах лишь «совершенно перержавевшей бляхи, вроде сковороды» и грубого (лепного?) горшка. При раскопках 1884 г. в насыпи были найдены «в одной куче гарнца два мелких полуистлевших костей, между коими отличили остатки двух человеческих коленных чашек». Было открыто типичное трупосожжение, о котором тогда же он писал в «Витебских губернских ведомостях» [118].

В 1890 г. вышло второе издание книги А. М. Сементовского. Оно было значительно дополнено, охватывало по-прежнему Витебщину, но называлось шире: «Белорусские древности» и приурочено к открытию Девятого археологического съезда в Вильне (1893 г.). Как свидетельствует некролог А. М. Сементовского, в подготовительной работе к съезду А. М. Сементовский принял большое участие, но дождаться съезда ему не пришлось: в начале 1893 г. он умер [119].

Новая книга А. М. Сементовского была принята современниками весьма прохладно, т. к. это была та же книга 1867 г., но лишь дополненная новыми сведениями об археологических памятниках губернии. Правда, в ней были и новые разделы о христианских древностях с новыми находками древних вещей (гривны из Суходревского клада XI в., энколпионы из вроде бы витебской территории и пр.) и памятников домонгольской архитектуры, но исследовательский уровень издания был прежним. Так, на с. 18 утверждалось, что между Завидичами и Лепелем «есть много курганов, поросших кустарником, кои были насыпаны в 1812 г. над телами баварских войск, входивших в состав французской армии», на с. 21 — что разрушенный курган неподалеку от Бездедовичей (где, по свидетельству местных жителей, кроме слоев золы и угля «вещей никаких не находилось»), судя по сохранившимся на курганах пням, они — «возраста выше столетнего» и т. д. А. М. Сементовский с возрастом сильно отстал от уровня науки того времени, хотя с научными организациями постоянную связь поддерживал [120]. Его книга уже не удовлетворяла современников [121]. В целом же деятельность А. М. Сементовского, особенно в период 1860—1870-х годов в Беларуси и, в частности, в Витебской губернии была исключительно плодотворной: он длительно фактически руководил всей огромной работой Витебского статистического комитета, издал много работ по статистике и истории Витебска и губернии, собирал многочисленные сведения об археологических памятниках края (хотя туманно представлял, что это такое) и изредка даже вел раскопки.

Интерес к местной истории и местным древностям Беларуси в 60—70-х годах XIX в. продолжал неуклонно расти. К 1860-м годам, например, относится начало исторической деятельности кобринского ученого-монаха Матвея Бродовича, перу которого принадлежала третья попытка создать историю Полоцкого княжества. Обстоятельный труд жизни М. Бродовича, по свидетельству старожилов, после внезапной его смерти в 1879 г. попал вместе с архивом в нечистые коммерческие руки и продавался со всеми его бумагами, как макулатура, на пуды. Узнав об этом, известный этног-

раф А. К. Ельский поспешил в Кобрин, но было поздно — он узнал лишь, что труд М. Бродовича, как и весь его архив, проданы [122]. Об интересе в то время к истории края свидетельствуют, например, «исторические справки» Г. Дубицкого о городах Чечерске, Белыничах и их истории, которые печатались в «Могилевских губернских ведомостях» (1861. № 2, № 50), статьи с описанием археологических древностей в Городокском и Полоцком уездах Витебской губернии [123], описание древностей Заславля [124] и др. Особенно возрос интерес к древностям.

Археология и историческое краеведение в 60—70-х годах прошли сложный путь развития. Несмотря на наступившую «эпоху великих реформ», правительство, напуганное восстанием 1863 г., стало преследовать в Беларуси все «польское» — разгрому подвергся Виленский музей Е. П. Тышкевича, пострадали лучшие силы края, а также археологи, вовсе не зараженные «полонизмом»,— братья Тышкевичи, А. К. Киркор и многие другие. В белорусских землях теперь возвысились мелкие ничтожные чиновники, всемерно затруднявшие работы по изучению прошлого края. В Беларусь и Польшу были посланы художники для зарисовки «истинно русских» остатков старины (художник Д. М. Струков и др.), туда приглашались новые деятели науки. Среди последних выделился энтузиазмом и трудолюбием в изучении древностей края А. М. Сементовский, взявший в свои руки статистическое, археологическое, этнографическое изучение Витебской губернии. Систематическая публикация его работ значительно продвинула краеведческую науку в период до IX Археологического съезда 1893 г.

Литература

1. Джаншиев Гр. Эпоха великих реформ. М., 1898.
2. Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах. М., 1960. Т. XIX. С. 72.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. М.; Л., 1949. Т. VII. С. 196; Писарев Д. И. Сочинения. М., 1956. Т. 3. С. 114.
4. Врангель Н. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 59, 60.
5. Бочаров Н. Об участии губернских статистических комитетов в разработке отечественной археологии. Труды I АС. СПб., 1869. Т. I.
6. Виленский Вестник. 1866. 27 апр. № 88.
7. Та же.
8. Цебриков М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Смоленская губерния. СПб., 1862.
9. Трофимовский Н. В. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864.
10. Муромцев П. По вопросу четвертому об археологических картах // Труды I АС. М., 1871. Т. I. С. LXVI, 114—123.
11. Сердюков И. Крестьянская жизнь в Мстиславском уезде. Могилевские губернские ведомости 1867. №№ 50—52; 1868, №№ 14, 23—30, 33—35, 40, 41, 45 (В своей статье «Краткий очерк хозяйств могилевского помещика». Тр. ВЭО, 1850. Т. II. № 4. И. Сердюк поставил рядом сведения о крепостных и о скоте. По доносу он был отстранен от ведения хозяйства, а ВЭО-у ставилось на вид (Лемке М. Очерки по истории русской цензуры. СПб., 1904. С. 268; Нос. С. И., Сердюк И. И., Дубельт Л. В. PC, 1889. Т. II. С. 352—353). Головацкий Я. Ф. Об археологических трудах и исследованиях в Северо-Западном крае // Труды I АС. М., 1871. С. 151 (об Оресте).
12. Неверно думать, что среди членов Археологической комиссии А. Пщолко «никогда не только не занимался вопросами археографии, но и никогда ничего не читал по истории и этнографии Белоруссии и Литвы». (Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению Белоруссии и Литвы. М., 1973. С. 79.) А. Пщолко (1818—1871) мы обязаны розыскaнию огромной плащаницы 1545 г., приготовленной монахинями московского Новодевичьего монастыря в дар смоленскому епископу Гурию. Она была выкрадена в 1612 г., следы ее затерялись. Интересуясь древностями, А. Пщолко разыскал ее рисунок в польском археологическом журнале 1820-х годов и выяснил, что она была поднесена виленскими базилианами князю Адаму Чарторыйскому (как дар, который когда-то они получили в презент от польского

короля) для его музея в Пулавах. Музей этот в 1831 г. был разгромлен, но А. Пщолко твердо решил ее разыскать. Пускаясь на хитрости, ее нашли в тайных подвалах Замойских в Клеменсовском замке в Галиции (Замойские — родственники Чарторыйских) («Русская Старина», 1884. I. С. 26—28). Ныне реликвия — в музее Новодевичьего монастыря (Овсянников Ю. Новодевичий монастырь. М., 1968. С. 40).

13. Дневник заседаний комиссии для разбора и приведения в известность и надлежащий порядок предметов, находящихся в Виленском музеуме древностей. Вильна, 1865. С. 1—4.

14. Пыпин А. Н. История русской этнографии. IV. СПб., 1892. С. 117.

15. Дневник... С. 50, 51. Тогда же производилась ликвидация и Виленской археологической комиссии. По свидетельству Е. П. Тышкевича, были изъяты 541 рукопись и 2097 привилеев с автографами (Tyszkiewicz E. Archeologija na Litwie // Rocznik dla Archeologów. Rok 1871. Kraków, 1874; см. также: Atheneum Wileńskie. T. VIII. 1933).

16. Виленский музей. Ответ г. Шолковичу // Новое Время. 1868. № 123.

17. Московские Ведомости. 1865. № 188.

18. Виленский Вестник. 1865. № 186.

19. Гильдебрант П. Виленский Вестник. 1866. № 16; Он же. Некоторые сведения о бывшем музее древностей // Виленский Вестник. 1868. № 145.

20. Гильдебрант П. Достопримечательности Северо-Западного края Руси // Виленский Вестник. 1868. № 142.

21. Е. П. Тышкевич ошибся — 1171 г. от р. Х. дает от сотворения мира год 6679 (как и значится на Рогволодовом камне).

22. Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. IV. С. 114.

23. ОРБС-Щ, фонд 440 (А. А. Куника), № 14.

24. Проезжий. Путевая заметка // Новое Время. СПб., 1868. № 10.

25. О дискуссии см.: Гильдебрант П. Достопримечательности...

26. Окрейц С. С. Литературные встречи и знакомства // Исторический Вестник. 1916. № 6. С. 6.

27. ОРБС-Щ, фонд 386 (А. А. Котляревского). № 119. Л. 1, 2.

28. ОРБС-Щ, фонд 386. № 110. Л. 3, 4.

29. Brenztejn M. Adam-Honory Kirkor. Wilno, 1930.

30. ОРБС-Щ, фонд 386, № 199.

31. Там же. Л. 7, 8.

32. Окрейц С. С. Из литературных воспоминаний // Исторический Вестник. 1907. № 6. С. 628.

33. Там же. 1907. № 4. С. 75, 76.

34. Сорокалетие газеты «Новое Время» // Исторический Вестник. Апрель 1916. С. 167.

35. Материалы по цензуре и печати. СПб., 1870. Т. II.; см. также: Никитенко А. В. Дневник. М., 1956. Т. III. С. 136. Прим. 149.

36. Из сохранившегося рукописного прошения А. К. Киркора о помиловании и возвращении на Родину (без даты) // Архив АН СССР в Санкт-Петербурге. Фонд 95, оп. 2, № 1050. 10-об—11-об.

37. Киркор А. К. О современной литературе. Познань, 1873. Kirkor A. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich. Kraków, 1874.

38. Ланда С. С. А. С. Пушкин в печати Польши // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 445.

39. Там же.

40. ОРБС-Щ, фонд 386 (А. А. Котляревского). № 52. Л. 20.

41. Там же. Л. 37.

42. Там же.

43. Там же. Л. 47 (последнее письмо А. К. Киркора А. А. Котляревскому).

44. Архив ГИМ, фонд 104 (Д. Я. Самоквасова), ед. хр. 25 (между прочим, А. К. Киркор здесь пишет, что его обширная переписка с П. С. Савельевым, А. С. Уваровым и А. А. Котляревским «со временем сделается богатым вкладом в археологию». Письма эти до сих пор не изучены).

45. ОРБС-Щ, фонд 386, № 52.

46. Янчук Н. А. А. К. Киркор (некролог) // Древности. ТМАО. XII, в. 2. М., 1888. 106.

47. В последнее время вышло несколько работ, посвященных А. К. Киркору: Stolzman M. Czasopisma wileńskie Adama Honorego Kirkora. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa — Kraków, 1973; Jaroszewicz-Kleindienst B. W kręgu bohomistycznych zainteresowań Adama Honorego Kirkora // Pamietnik Sowiański. 1975, XXV; Kirkor S. Przeszłość umiera dwa razy // Wydawnictwo Literackie. Kraków, 1978.

48. Пичета В. И. Белоруссия и Литва. М., 1961. С. 420; Турцевич А. Краткий исторический очерк Виленской комиссии по разбору древних актов. 1864—1904. Вильна, 1906.

49. Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1865; Акты Брестского земского суда. Вильна, 1867.

50. Пичета В. И. Белоруссия и Литва... С. 417.

51. ЦГИАЛ, ф. 970, оп. 1, № 109, л. 1; № 817, л. 1 (И. П. Корнилов о Н. И. Соколове и их переписка).
52. ПСРЛ. СПб., 1889. Т. XVI.
53. Головацкий Я. Ф. Об археологических трудах и исследованиях в Северо-Западном крае // Труды Археологического съезда. М., 1871. С. 151.
54. Вольтер Э. Археологические коллекции частных лиц в Северо-Западном крае // Виленский Вестник, 1889. № 269.
55. Труды I АС. М., 1971. Протоколы... С. IXX.
56. Иосиф. Виленский православный некрополь. Вильна, 1892. С. 129.
57. ЦГИАЛ, фонд 1661, оп. 1, № 273.
58. Там же, № 342 (по описи: «записка неустановленного лица»).
59. Статья «залежалась в Русском археологическом обществе и среди других была сдана в архив (Веселовский Н. И. История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования — 1846—1896. СПб., 1900. С. 279).
60. Витебские губернские ведомости, 1852. № 32; Говорский К. А. Археологические исследования в окрестностях Полоцка. ЗИАО. 1852. Отд. VII. С. 93—96.
61. Формозов А. А. Документ по истории русской археологии начала XIX в. // СА. 1985. № 3.
62. Архив ЛОИА, ф. 9, ДАК, 1852. № 217.
63. Веселовский Н. И. История... С. 328, 338.
64. Говорский К. А. Поездка (14 сентября 1852 г.) из Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги. ЗИАО. СПб., 1853. Т. V. С. 88—97.
65. Описание рукописей, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1906. Т. II. В. 1.
66. ЦГИАЛ, ф. 834, опись 2, №№ 1758, 1759.
67. Говорский К. А. Исторические сведения о полоцком Софийском соборе с двумя отрывками из неизданной истории Полоцкой епархии // Витебские губернские ведомости. 1858. №№ 39—52; Он же. Первый отрывок из неизданной истории Полоцкой епархии // Там же. 1858. №№ 40—42; Он же. О начале христианства в б. Полоцком княжестве и начале учреждения Полоцкой епархии (отрывок из неизданной истории Полоцкой епархии) // Там же, 1859. № 2; Он же. О введении римского католицизма в Белоруссии (отрывок из неизданной истории Полоцкой епархии) // Там же. 1860. №№ 15—19.
68. Цьвікевіч А. Западнорусская школа // Полымя, 1927. № 8. 106, прим. 2.
69. Сапунов А. П. Витебская старина. Витебск, 1883. Т. I. С. XXII.
70. Говорский К. А. Взгляд на состояние униатской церкви во времена возвращения России Белоруссии // Витебские губернские ведомости. 1858. № 40—42; Он же. Иосафат Кунцевич — полотский униатский епископ // Там же. № 45; Он же. Исторические сведения о витебском Марковом монастыре // Там же. № 220; Он же. О введении римского католицизма в Белоруссии // Там же. 1860. № 15—18; Он же. Историко-статистическое описание Витебской губернии // Там же. 1860. № 20, 27; Он же. Историческое описание полоцкого Борисоглебского монастыря // Там же. 1859. № 42—51.
71. Свою жизнь в Полоцке К. А. Говоровский начал с доносов. Сапунов А. П. Андрей Боболя и его «мощи» в Полоцке // Витебские губернские ведомости. 1886. № 78. С. 2; Береза К. Из посмертных бумаг могилевского архиепископа Антония Мартиновского // Киевская старина. 1884. Июнь. С. 210—238.
72. Говорский К. А. Историческое описание полоцкого Борисоглебского монастыря // Вестник Западной России. 1864. Ноябрь; Воронин Н. Н. Бельчицкие руины // Архитектурное наследство. М., 1956. Вып. 6.
73. Говорский К. А. Историческое описание... С. 4 (ссылки на монастырский архив. С. 2, 5).
74. Говорский К. А. Историческое описание... С. 185 (позднее это «Описание» было повторено в «Вестнике Западной России», 1864, ноябрь).
75. Говорский К. А. Поездка 14 сентября из Полоцка... С. 90—92.
76. ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 2. № 1759, лл. 4-об., 13, 13-об.—14 и др.
77. Веселовский Н. И. История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования (1846—1896 гг.). СПб., 1900. С. 144—146.
78. Там же. С. 146, 147.
79. Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 117.
80. Веселовский Н. М. История... С. 147, 148.
81. Там же. С. 149.
82. Романов Е. Р. Альбом художника Д. М. Струкова как результат экспедиции по Северо-Западному краю // Записки С-30 РГО, кн. 3. Вильна, 1912.
83. Романов Е. Р. Альбом... С. 248, 249.
84. Там же.
85. ОРГРБ, ф. 293 (Д. М. Струкова), №№ 17/5; 19/13, 17, 27, 35; 20/25, 22/6 и 7, 36.
86. Струков Д. М. Записки о поездке в Западный край по предложению (П. Н.)

Батюшкова, ф. 293 (Д. М. Струкова), № 19/1 (во всех гостиницах, ресторанах Прибалтики и Польши П. Н. Батюшков со скандалом требовал, например, меню, счета только по-русски и т. д.).

87. Головацкий Я. Ф. Об археологических трудах и исследованиях в Северо-Западном крае // Труды I АС. М., 1869. Т. I. С. 149, 150.

88. Романов Е. Р. Альбом... С. 239.

89. Никитенко А. В. Дневник. М., 1956. Т. III. С. 122.

90. Там же. С. 134.

91. ЦГИАЛ, фонд 970 (И. П. Корнилова), оп. 1, № 34, лл. 1—3.

92. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1934. С. 185, 186.

93. Врангель Н. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 93.

94. Жиркевич А. В. Из-за русского языка // Минская Старина. Т. II. Вильна, 1911. С. 75.

95. Барриве Л. Освободительное движение в царствование Александра Второго. М., 1909. С. 105.

96. «Должен прибавить, что все возрастающая пассивность Потапова, может быть, объясняется зачатками недуга, который тогда еще никто не подозревал,— пишет Н. Е. Врангель.— Как известно, несколько лет спустя, бедный Потапов сошел с ума. В последний раз я его видел... он в полном мундире, ленте и орденах, верхом на деревянной лошадке ходил в атаку на картонную турку» (Врангель Н. Воспоминания... С. 99).

97. В Вильне А. Л. Потапов стремился всемерно примирить национальные страсти, прекратить травлю поляков, максимально ослабить насильственную русификацию и пробовал даже ряд нововведений в проведении крестьянской реформы. Его дом демонстративно собирал избранных сторонников прогрессивных начинаний, где были и представители польской общественности (Мосолов А. Н. Виленские очерки. СПб., 1898. С. 190; Татищев С. С. Император Александр II. СПб., 1903. Т. I, II).

98. Смещенный муравьевец И. П. Корнилов (он был, мы видели, «повышен», но забыть смещения Потапову не мог), участвовавший некогда в подавлении польского восстания 1831 г. (Знакомые. Альбом М. И. Сементовского. СПб., 1888. С. 324), еще в 1868 г. писал в Москву: «Потапов начал с того, что удалил всех главных представителей муравьевской, т. е. прямо русской, простой, ясной и никого не сбивающей системы, на место которой завел какую-то свою... Изгоняя русских, по его мнению, рьяных, он в то же время гладит по головке польскую аристократию, которая и есть главный преступник и политический коновод (Архив ГИМ, ф. 90, е. х. 12)» Контр-адмирал И. А. Шестаков, которого А. Л. Потапов вывез из Петербурга для должности виленского губернатора, послал в столицу записку о том, что он «затрудняется исполнить предписания генерал-губернатора, извращающего высочайшие повеления» (Никитенко А. В. Дневник. М., 1956. Т. III. С. 159). Протесты против действий А. Л. Потапова начались в 1868 г. даже с мест («Новое Время». 1868. № 232). Потаповское направление поддерживали лишь две газеты: «Весть» и «Новое Время» (ее издавал уехавший в Петербург А. К. Киркор: Невединский С. Катков и его время. СПб., 1888. С. 275, 276).

99. Минская Старина. Мн., 1908. Т. I. С. 157 и сл.

100. Русская Старина. 1887, май. С. 555.

101. О М. Ф. Сементовском-Курило (отце) сведений очень мало. В 1804 г. он поступил в Медико-хирургическую академию в Петербурге и, кончив там курс, стал врачом. По сохранившемуся его письму к А. И. Михайловскому-Данилевскому (детей которого он лечил), это был человек, несомненно, культурный, державший себя с достоинством и независимо (ИРЛИ, фонд 527, № 129, л. 15). По картотеке Б. Л. Модзалевского, в 1831 г. он — кременьчугский попечитель богоугодных заведений и в 1832 г. получил чин статского советника (см. ИРЛИ). По сообщению Ф. В. Булгарина, он — владелец родового имения Золотоноша, в 1837 г. подписался на «Россию» (Булгарин Ф. В. Россия. СПб., 1837. Т. I. Прил. С. 9).

102. Из его 60 печатных работ наиболее известна «Киев и его достопримечательности», остальные — об украинских древностях и украинской этнографии, им же опубликовано несколько повестей и романов («Кочубей», «Княгиня Долгорукова» и др.). Для В. Г. Белинского он, печатавшийся в «Маяке», «Москвитянине», был человеком враждебного лагеря (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. IX. С. 365, 366, 755).

103. Печатался в журнале «Молодик», его первая статья — «Очерк малороссийских поверий и обычаев, относящихся к праздникам», 1843. Она была введением к большой работе «Замечания о праздниках малороссиян». Был близок с украинским писателем Г. Ф. Квитка-Основьяненко, с учеными — И. И. Срезневским, Н. И. Костомаровым. Его некролог Квитки («Москвитянин», 1848) надолго стал источником об этом писателе. В дальнейшем уехал с Украины и писал по вопросам экономики и политики. Участвовал в газетах («Биржевые Ведомости») со статьями разного содержания. Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко. СПб., 1881. С. 452—454. Отсюда взяты и другие биографические данные о братьях Сементовских-Курило.

104. Гимназия высших наук... С. 453, 454 (список трудов до 1881 г.).

105. Аляксееў Л. В. Таленавіты даследчык Беларусі. ПГКБ, 1980. № 1.

106. Сементовский А. Описание Витебской губернии в лесном отношении. // Труды Императорского вольного экономического общества. 1862. Т. III.

107. Перечень статей А. М. Сементовского по археологии: Алексеев Л. В. Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX в. // СА. 1867. № 4. С. 162, пр. 108.

108. Сементовский А. М. Заметки для археолога. Витебская губерния. 1863. № 44. С. 108.

109. Сементовский А. М. Памятники старины Витебской губернии. СПб., 1867. С. 11 (о предметах, полученных им на оз. Езерище).

110. ОАК за 1864 г. СПб., 1865. С. XXIII.

111. Сементовский А. М. Памятники старины...

112. Там же. С. 1.

113. Там же. С. 5.

114. Там же. С. 6.

115. Там же. С. 47.

116. Алексеев Л. В. Полоцкая земля... С. 183, 184.

117. Сементовский А. М. Там же. С. 63, 64.

118. Витебские губернские ведомости. 1884. № 73.

119. А. М. Сементовский. Некролог // Виленский Вестник. 1893. 17 февраля. № 36.

120. Член многих ученых обществ, А. М. Сементовский находился с ними в переписке, сообщал о новонайденных древностях и т. д. // Древности ТМАО. М., 1873. Т. III. Протоколы. С. 322, 323; М., 1874. Т. IV. Протоколы. С. 15; М., 1876. Т. I. Протоколы. С. 18; М., 1878. Т. VII. Вып. 2. Протоколы. С. 36; М., 1880. Т. VIII. Протоколы С. 17, 27, 28, 41; М., 1883. Т. IX. Вып. 1. Протоколы. С. 13; М., 1886. Т. XI. Вып. 1. Протоколы. С. 18; там же. С. 6, 87 и т. д.

121. Этим, видимо, объясняется весьма прохладный некролог А. М. Сементовского, опубликованный в местной печати: «Труды эти для нашего времени устарели, но при тогдашнем полном отсутствии сведений о нашем крае в русской литературе они имели довольно большое значение и автор был удостоен члена обществ: Русского географического, Вольного экономического, Московского археологического. Попытка переиздать их, предпринятая автором, окончилась неудачно, хотя вышедший том сочинений покойного и имеет значение для археологической карты Витебской губернии» // Виленский Вестник. 1893. № 36.

122. Tygodnik powszechny. 1880. No. 13. S. 202.

123. Древности в Витебской губернии // Виленский Вестник. 1864. № 88, 89; Витебские губернские ведомости. 1864. № 28, 29.

124. Заслав // Виленский Вестник. 1864. № 58—62.

6 АРХЕОЛОГИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ В 70—80-е ГОДЫ

Реформаторская деятельность Александра II продолжалась недолго. Ссылкой Н. Г. Чернышевского на каторгу (1862 г.), подавлением польского восстания 1863 г., разгромом «Земли и воли» (1863—1864 гг.) в России открылся период нового наступления реакции. Выстрел Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. встряхнул всю Россию и произвел потрясающее впечатление на царя. Воспользовавшись этим, реакционер — обер-прокурор Синода граф Д. А. Толстой на следующий день обрушился на либеральную политику министра народного просвещения А. В. Головина главным образом за его политику в Северо-Западном крае, где было необходимо, по мнению Д. А. Толстого, беспредельно усилить русификацию. А. В. Головин вынужден был уступить ему кресло. Сразу же журналы «Современник» и «Русское Слово» были закрыты. 13 мая 1866 г. на имя председателя комитета министров князя П. П. Гагарина направлен «Рескрипт» царя, где говорилось о необходимости воспитания юношества «в духе истин религии... чтобы в учебных заведениях не было допущено ни явное, ни тайное проповедывание разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа...» [1]

На местах была усилена роль губернаторов, которым отныне полностью подчинялась вся судебная власть, все чиновники сверху донизу занимали теперь должности лишь с разрешения губернаторов. Им же подчинились Контрольная палата и даже считавшиеся «общественными» земские учреждения. Желая всемерно загрузить учащуюся молодежь (и тем отвлечь ее от общественных вопросов) после отчаянных дебатов Д. А. Толстого с деятелями либерального лагеря (Д. А. Милютин, А. В. Головин

и др.), в 1871 г. в России был введен в гимназиях пресловутый «классицизм» с дополнительным церковнославянским языком и с увеличенным курсом математики. Соответственно было уменьшено количество часов на историю, географию, языки. Вместо реальных гимназий вводились реальные училища с пониженным курсом обучения (до 6 лет). В отличие от гимназий, в задачу которых входила подготовка воспитанников в университеты, здесь предлагалось готовить из учащихся лиц со специальным образованием — техническим и промышленным. Одновременно велось наступление на печать. Пришедшая на смену дворянской новая мыслящая разночинная интеллигенция начала поиски выхода... Более революционно настроенная ее часть открыла эпоху «хождения в народ», менее радикально настроенная и более созерцательная ушла с головой в науку. Все это привело в конце XIX — начале XX в. к расцвету русской дореволюционной научной мысли.

Стремясь укрепить монархический патриотизм, правительство стало больше поощрять изучение отечественных древностей, но по-прежнему с оговорками. «Восстановление древних памятников и храмов,— писал царю Александру III в 80-х годах обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев,— важное дело. Но еще важнее устройство церквей для удовлетворения первой потребности бедного непросвещенного народа...»[2]

В 70—80-х годах в России начинается пора интенсивных раскопок, многочисленных археологических открытий. Если раньше вся археологическая деятельность падала на три центральных учреждения: Русское археологическое общество (основано в 1846 г.), Археологическую комиссию (основана в 1859 г.) и Московское археологическое общество (основано в 1864 г.), то теперь создается целая сеть таких обществ в провинции: Общество любителей кавказской археологии (1873—1881 гг.), Общество любителей археологии и этнографии при Казанском университете (с 1878 г.), Псковское археологическое общество (с 1880 г.) и др. Кроме обществ чисто археологических, возникают близкие к ним церковноархеологические (с 1873 г., например, при Киевской духовной академии) и др. К раскопкам начинают обращаться губернские архивные комиссии и частные лица. Создается Археологический институт в Петербурге (1877 г.), а в целях организации раскопок Археологическая комиссия получает право выдачи Открытых листов — разрешений на раскопки на казенных землях (1889 г.). В Москве по постановлению городской думы (1874 г.) на Красной площади строят Исторический музей.

В эпоху Александра III (1881—1894 гг.) реакция в стране особенно усилилась. В Западном крае по-прежнему насаждалось православие. Политика русификации представляла теперь строго жесткую последовательно-реакционную систему, применяемую правительством равномерно во всех национальных окраинах. Посетив Полоцк и Витебск в 1887 г., К. П. Победоносцев обратил внимание царя и на древности «Западного края» (над которым теперь тоже повисли «совиные крыла» К. П. Победоносцева.— *А. Блок*). Однако не уникальные памятники XI—XII вв. привлекли внимание царского сановника-любимца, а Николаевский и Успенский соборы XVIII в., «замечательные громадностью и красотой... размера» и еще тем, что в 1623 г. возле одного из них православные витебляне убили униатского архиепископа-изувера Иосафата Кунцевича[3].

Насильственная русификация «Западного края» и поиски в нем русского имели лишь ту положительную сторону, что в крае оживились архивные поиски, и Виленская археографическая комиссия, основанная в 1864 г., смогла издать 39 томов документов, Витебский центральный архив — 30 томов. Вильна — бывшая столица большого государства,

где скопилась масса документов, стала в это время «мощным центром издания источников» [4].

После I Археологического съезда в Москве (1869 г.), где говорилось и о белорусских древностях (П. Муромцев и др.), съезды стали повторяться. Их «Труды» всколыхнули интерес к раскопкам и Д. Я. Самоквасов

Д. Я. Самоквасов

разослал по губерниям листы с вопросами об археологических памятниках. Ответы с мест, полученные в 1873 г., были очень важны [5].

На III Археологическом съезде (1874 г.) Д. Я. Самоквасов, посетивший городища в Старой Ладоге, Дьякове (под Москвой), Юхнове на Десне, Гочеве на Псле, в Триполье на Днепре, прочел реферат об историческом значении городищ [6]. По ответам на анкеты он составлял археологические карты различных губерний. На том же съезде были выработаны особой комиссией руководства к раскопкам и описанию «древних земляных насыпей». Комиссия указала, что каждая древняя земляная насыпь является историческим источником, что «раскопка и описание могил и городищ по своему значению для науки, подобно изданию летописных памятников, одинаково требуют от издателя известной суммы специальных знаний» и т. д. При раскопках необходимо иметь дневник, а копать курганы рекомендовалось, сообщает Д. Я. Самоквасов, либо послойной съемкой земли, либо «колодцем», либо широкой сквозной траншеей [7]. Все эти

первичные методические рекомендации имели огромное значение для всех лиц, стремящихся к раскопкам.

В это время в «Западном крае» формируются отдельные музеи и производятся пока незначительные по охвату раскопки. Краеведческая мысль пульсирует все в тех же центрах — Вильна, Минск и Витебск. С 70-х годов в Минске начинает формироваться коллекция древностей Г. Х. Татура. Официальный музей Статистического комитета организуется там при доме губернатора в 1872 г. В 80-х годах неоднократно поднимался вопрос об организации в Полоцке археологического кружка или даже общества, но, несмотря на усилия А. М. Сементовского, организовать это не удалось [8]. Помимо музеев, интерес к древностям в 70—80-х годах побуждал к устройству археологических выставок: в Минске — Художественно-археологическая выставка 1871 г., там же частная выставка 1880 г. с демонстрацией материалов Г. Х. Татура и др.[9] Есть сведения о раскопках в Беларуси в это время Яна Завиши, более известного по палеолитическим изысканиям в Малой Польше [10]. Это первый археолог, подошедший к раскопкам в Беларуси городищ (у дд. Кухтичи и Чурилово Игуменского уезда, Зборск Бобруйского уезда, городище и каменные могилы у оз. Свитязь).

Среди археологов, работавших на территории Беларуси в 70-х годах и позднее, выделились имена Р. Г. Игнатьева, М. Ф. Кусцинского, Г. Х. Татура и Н. М. Турбина.

РУФ ГАВРИЛОВИЧ ИГНАТЬЕВ (1829—1886 гг.)

На антропологической выставке в Москве раскопки Минского статистического комитета представлял Р. И. Игнатьев, известный в то время больше по историко-археологическим изысканиям в других губерниях [11]. Он был приглашен в 1877 г. в Минск губернатором минским В. И. Чарыковым. Архивист, этнограф, археолог, музыкант и композитор, Р. Г. Игнатьев окончил курс в Лазаревском институте восточных языков в Москве и консерваторию в Париже. Собирая музыкальный фольклор, он увлекся древностями и археологией. Служа в Старой Русе, а затем в Уфе, был тесно связан с ИАО и МАО (членом которого одно время даже состоял). Им были опубликованы сведения о курганах Новгородской губернии [12], а также подготовлены материалы для археологической карты Оренбургского края. Служа в 1877—1879 гг. в Минске, Р. Г. Игнатьев написал большое число работ по местному краеведению. Всего из-под его пера вышло свыше 500 статей историко-археологического содержания [13].

Первые исторические статьи Р. Г. Игнатьева появились на рубеже 40—50-х годов [14], а увлечение археологическими памятниками началось с раскопок курганов Новгородской губернии в 1850—1852 гг. В 1853 г. новгородский губернатор Ф. О. Бурчаков, интересовавшийся памятниками древности, «при искреннем желании привести в известность и доставить для науки новые данные ... поручил (ему) собирать обстоятельные сведения, предания и т. п. о городищах и курганах, находящихся в Новгородской губернии» [15—16]. Было решено, что «систематическое описание курганов и городищ будет печататься в «Новгородских губернских ведомостях» 1853 г. по мере собирания материалов от каждого уезда... порознь», что «к этому по окончании всего труда приложатся еще чертежи и рисунки городищ и курганов и особая литографическая археологическая карта» [17]. Таков был широкий по тому времени, достаточно новаторский план предложенных Р. Г. Игнатьевым работ. Но план был осуществлен далеко не полностью — замечательная идея публикации чертежей и рисунков не была реализована.

Стремление к публикации графического материала разведок и раскопок в историографии археологии западнорусских земель представляет крупную веху, но трудно представить, что в то время Р. Г. Игнатьев еще полностью не понимал назначения городищ и курганов. Он писал: «Городища и курганы, бесспорно, относятся ко временам язычества» и добавлял — «а также к войнам здешнего края». Городища «не что иное, как остатки окопов, производившихся в древности на местах битв для защиты пехоты и постановки впоследствии времени на них, как на батареях, огнестрельного оружия, т. е. пушек и пищалей. Итак, городища суть лучшие бесспорные указатели мест, бывших театром древних битв, что касается курганов, их можно назвать могильными...» [18] Другие мнения о городищах (например, З. Д. Ходаковского), видимо, Р. Г. Игнатьеву неизвестны.

В 1877 г. Московское археологическое общество получило от своего члена Р. Г. Игнатьева сообщение, что он не может участвовать в работах общества «по случаю перехода своего на службу из Уфы в Минск, (где) он должен изучать новый, неизвестный ему край, но слишком богатый археологическими памятниками». «Одних курганов, по приведению в известность местным статистическим комитетом,— заключал он,— (здесь) более 14 тысяч» [19]. Р. Г. Игнатьев в 1877 г. занял должность редактора «Минских губернских ведомостей», стал членом Минского губернского статистического комитета. Его по-прежнему интересовали более всего древности того края, где ему приходилось служить. Первый год службы в Минске ушел, по-видимому, на освоение «неизвестного ему края», что прекрасно прослеживается и на его очередных печатных трудах: вот он для начала изучает хронику исторических событий Минской губернии и тут же пишет об этом статью [20], затем переходит к изучению минских церквей и в печати появляются материалы о них [21]. Наконец, в 1878 г. он решается перейти к археологическим памятникам и начинает обследования древнейших городов губернии — Заславля (здесь он копает курганы), Турова, едет в домонгольские города губернии Борисов и Слуцк [22], публикует подробную сводку курганов Минского уезда [23]. Оказывается, еще в 1876 г. Минский губернский комитет по распоряжению губернатора «собрал через волостные правления сведения о местах нахождения курганов и городищ». Выяснилось, что в Минской губернии насчитывается до 1000 городищ и 30000 курганов [24]. (Ранее их значилось только 14 тыс.)

Но этим занятия Р. Г. Игнатьева не ограничивались. Ему, ученику А. Е. Варламова и Парижской консерватории, губернатор ассигновал средства на изучение музыкального фольклора Беларуси. И не Зинаиде Радченко, как утверждал А. Н. Пыпин, а именно ему принадлежит первый опыт музыкальных записей в деревнях [25]. Опубликовать их он не успел, впервые среди белорусских народных инструментов выделил разновидность скрипки — «альтовку» и демонстрировал ее на Антропологической выставке 1879 г. В Минской женской гимназии он преподавал хоровое пение. Но «пройти плугом науки по невозделанному белорусскому полю», как мечтал Р. Г. Игнатьев, ему не удалось. Его энергичная деятельность встретила в местных кругах протест и даже травлю. На него клеветали [26]; уступив натиску, в 1880 г. он переехал в Уфу и стал публиковаться в более серьезных изданиях [27].

Сейчас имя Р. Г. Игнатьева мало известно, оно редко упоминается в местных изданиях, посвященных археологии, этнографии, фольклористике Беларуси [28], хотя именно этим он в основном и занимался. Во времена распространения идей народничества интеллигенция стремилась к демократизации науки, к широкому освещению результатов ее исследований

в общедоступной печати. В результате большая часть многочисленных работ Р. Г. Игнатьева опубликована в местных изданиях, на страницах которых они и затерялись. Об этом нельзя не пожалеть, и более всего, пожалуй, в данном случае, так как, несмотря на непродолжительное время пребывания Р. Г. Игнатьева в Беларуси, он оставил в истории изучения этой страны достаточно заметный след.

Прежде всего Р. Г. Игнатьев был первым, кто обнаружил на территории Беларуси длинные курганы, известные в то время по раскопкам А. Брандта и А. Платера лишь севернее — в Псковской губернии и в Себежском уезде Витебской губернии. Отмечая, что кости в этих курганах чаще встречаются в сосудах вверху насыпи, эти исследователи отнесли длинные курганы к погребениям славян [29]. Р. Г. Игнатьев не раскапывал обнаруженных им длинных курганов и, видимо, не знал о работах А. Брандта и А. Платера (статья которых была помещена в дерптской газете). Называя их «валами», он отмечал: «для чего служили эти валы — неизвестно. Не кладбище ли это, так как по своему положению они никак не могут служить укреплением. Раскопок не было, находок — тоже» [30].

Р. Г. Игнатьеву принадлежат наметки в определении южной границы распространения курганных трупосожжений: «село Соломеречье (где он копал курганы.— *Л. А.*) (расположено) только в 14 верстах от Заславля, но здесь видна уже разница при погребении: здесь уже сжигали трупы, а в Заславле еще нет» [31]. Позднее В. З. Завитневич писал, что граница эта должна проходить в верховьях Березины, что и подтвердилось в дальнейших исследованиях [32].

Используя помощь губернатора В. И. Чарыкова, Р. Г. Игнатьев расширял музей Минского статистического комитета — первый сравнительно небольшой музей в Минске — и вел деятельную переписку со столичными археологическими обществами, предлагая обменяться дублетами и пересылая им некоторые материалы своих раскопок [33]. Рассчитывая на книгообмен с библиотеками этих обществ, он пересылал последним минские издания со своими (главным образом) статьями о местном крае [34].

Как видим, Р. Г. Игнатьев в Минске — это не тот начинающий в Старой Руссе Р. Г. Игнатьев, который, занимаясь курганами, раскапывая их, еще не знал в точности, с чем он имеет дело. В Минске это уже сложившийся по тем временам исследователь. Благодаря его многочисленным трудам с древностями губернии, с ее этнографией и фольклором в то отдаленное время могли знакомиться самые широкие слои общественности, интересующейся белорусским краем. Его научная переписка с археологическими обществами и публикация ряда статей в их научных трудах — неоспоримый вклад в дело изучения Беларуси. Самоотверженная деятельность Р. Г. Игнатьева не нашла в Минске соответствующего интереса и по независящим от него причинам была вынуждена прекратиться.

ГРАФ ЭМЕРИК ФОН ГУТТЕН ЧАПСКИЙ
(1828—1896 гг.) *

Происходил из известного в свое время графского рода, представители которого имели значительное влияние в государственной, общественно-политической и культурной жизни Беларуси, Литвы, Польши, России, Германии и Австрии. Они занимали известные должности воевод, каштелянов, гетманов и военачальников. Владели имениями в Германии, Австрии, Польше, на Украине и с конца XVIII в. в Беларуси.

---

* Автор текста — историк, краевед и публицист А. И. Валаханович.

Графы Гуттен Чапские происходили из немецкого рыцарского рода фон Гуттенов (от нем. Hutten — добрый, хороший), который вел свое происхождение с XII в. Некоторые исследователи графский род фон Гуттен Чапских ведут от гданьского каштеляна Гугона из Смолёнга (сейчас Польская Республика), который жил в XV в. Но эта версия, согласно документальным источникам, является спорной.

Графы Чапские имели свой родовой герб — на голубом щите золотой месяц, поставленный концами вверх, направленными в середину шестиконечной звезды. Над щитом павлиний хвост. Ряд геральдических элементов этого герба взят из известного герба Лелива, представляющего собой шестиконечную звезду, расположенную над полумесяцем, поставленным концами вверх.

В Беларуси Чапским принадлежало большое количество деревень и имений, в том числе Станьково, Прилуки, Крысово, Добрынево, Королево, Негорелое, Невеличи, Зубревичи, Каменка, Багрицовщина, Мигдаловичи, Даниловичи, Самуэлево, Андроново, Щеглова Гора и др. Часть этих деревень входила в так называемый Станьковский ключ. Род фон Гуттен Чапских имел свое родовое имение Беньково (сейчас Польская Республика).

Граф Эмерик Захарьяш Николай Северин фон Гуттен Чапский — крупный землевладелец, нумизмат, библиофил, собиратель произведений искусства, коллекционер, основатель музея фон Гуттен Чапских в Кракове — родился 5 ноября 1828 г. в имении Станьково Койдановской волости Минского уезда в семье маршалка шляхты Минского уезда, позже почетного куратора школ Слуцкого уезда, члена Литовской адукационной комиссии, камергера последнего польского короля Станислава Августа Понятовского (1732—1798 гг.) Кароля Юзефа Патриция Игнация Клеменса Геронима Гуттен Чапского (1778—1836 гг.) и Фабианны Чапской (1794/?/ — 1876 гг.) из рода Обуховичей, дочери Михала Обуховича, каштеляна минского (ЦГИА РБ, ф. 319, оп. 2, д. 3614, лл. 188, 189, 189а). Э. Чапский окончил Виленскую гимназию и естествоведческий факультет Московского университета со степенью кандидата. В 1851 г. поступил на государственную службу в Министерство внутренних дел. Весной 1856 г. ему было поручено провести инспекцию провинций южной России, которые охватывали послевоенные (после Крымской войны 1853—1856 гг.) районы Крыма и побережья Азовского моря, а также поволжские немецкие колонии. Во время реформы 1861 г. он избран «мировым посредником» Минского уезда. В 1863 г. назначен губернатором Великого Новгорода, с 1865 г.— вице-губернатором Петербурга. С 1875 г. директор Лесного департамента Министерства государственного имущества Российской империи. Он живо интересовался судьбой русских лесов и нередко поднимался на их защиту, чем вызывал недовольство царских властей. В 1879 г., из-за назревающего конфликта с императором Александром II, Э. Чапский вышел в отставку, вернулся в Станьково и занялся классификацией коллекций медалей, монет, древних книг, рукописей, оружия и изданием их каталогов. Э. Чапский автор книг: «Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. Собрание графа Э. К. Гуттен-Чапского. Петербург. 1875»; «Каталог. Коллекция медалей и монет польских. Петербург — Краков. В 5 т. 1871—1916. 2-е издание. 1957.»

Для этих целей рядом с домом в 1862 г. он построил специальный павильон-«скарбницу», который был связан с домом подземным туннелем-переходом, в виде двухэтажного миниатюрного средневекового замка с четырьмя угловыми башнями. Каждая башня завершалась небольшой башенкой, увенчанной шатровой головкой. На второй этаж можно было

подняться по круглой лестнице с крутыми винтовыми ступеньками, которая была построена в одной из башен. Кстати, белорусский художник Н. Орда в 1876 г. написал акварель «Скарбница в имении Станьково». Скарбница сохранилась до наших дней: сейчас в ней расположен музей Героя Советского Союза Марата Казея. Музейные коллекции павильона-«скарбчика» включали: нумизматические сборы, исторические рисунки, гравюры, древние иконы, картины, портреты, старое оружие, посуду, ткани, предметы декоративно-прикладного искусства, археологические и геологические находки, книги и многое другое. В богатейшей библиотеке насчитывалось более 20 тыс. томов, которые имели экслибрис графского рода Гуттен Чапских и редкое собрание древнейших рукописей. Здесь уместно привести пример о ценности рукописей, которые хранились в этом собрании. Известный белорусский историк и писатель В. Ю. Ластовский (1883—1938 гг.) в своей книге «Кароткая гісторыя Беларусі» (1910 г.) опубликовал полный текст письма И. Ц. Коммонняки от 6 июля 1655 г. к Филиппу

Павильон-«скарбница» в Станькове. Постройка 1892 г. Фото Л. В. Алексеева. 1977 г.

Обуховичу — Смоленскому воеводе — в связи с тем, что он за взятки и подарки в 1654 г. сдал Смоленск и Смоленскую землю московскому царю Алексею Михайловичу (с. 78—81). Это письмо хранилось в «Народном музее» имени Э. Чапского, который находился в Кракове.

В конце 80-х годов общество варшавских коллекционеров предложило Э. Чапскому принять участие в выставке «Древнее искусство и современное в отношении к промышленности», которая была организована в ноябре — декабре 1889 г. в Варшаве. Коллекция Э. Чапского на этой выставке была представлена 409 польскими монетами и медалями от времен польского короля Сигизмунда I Старого (1467—1548 гг.) до последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, сбором 69 орденов военных, орденов-звезд, иных военных отличий, фрагментами древнейшего оружия с XVII в. (часть сабли времен польского короля Яна III Собесского (1629—1695 гг.), ружьем с плоским стволом, которое было пожертвовано г. Эльбленгом Яну Анегари Чапскому (? —1742 гг.) и многим другим оружием. Комитет по произведению выставки наградил в 1890 г. Э. Чапского дипломом Признания «за представленную... известную и ценную коллекцию редких монет, медалей, орденов и знаков отличия, а также за литературные труды на поприще краеведческой нумизматики».

Но со временем семейные обстоятельства вынудили Э. Чапского (нарастающий конфликт между Э. Чапским и его старшим сыном Каролем Чапским (1860—1904 гг.), который в это время был президентом (головою) г. Минска) покинуть навсегда Беларусь. Весной 1894 г. К. Чапский женился. Свадьба состоялась 4 июля 1894 г. с Марией Пусловской. Произошел и раздел земли между сыновьями Э. Чапского. Пригодной для обработки земли Э. Чапский в то время имел около 40 тыс. гектаров, кроме лесных угодий, мельниц, смолокурень, винокурень, кирпичных заводов, садов и т. д.

После раздела имений Чапского было решено: Э. Чапскому немедленно оставить Станьково и выехать на постоянное местожительство в Краков. Лето 1894 г. Эмерик и его супруга Эльжбета Чапская провели в Станьково; нужно было проконтролировать упаковку вещей для отправки в Краков.

Для организации музея в Кракове Э. Чапский приобрел одноэтажный дом в неоклассическом стиле, построенный в 1884 г. архитектором Антонием Сидеком.

В октябре 1894 г. Э. Чапский переехал в это здание. В январе 1895 г. из Станьково через Вильню в Краков на адрес Франтишка Сленка для музея Э. Чапского прибыло 134 ящика в 6 железнодорожных вагонах. Это была нумизматика, медали, древний фарфор, древнее оружие, старая гданьская мебель, ценнейшая библиотека, которая имела редчайшие экземпляры книг из петербургской библиотеки Залузских, древнейшие рукописи, геологические и археологические сборы, которые могли быть причислены к ценнейшим в Европе (Мальдзіс А. І. Выдадзена нашымі сябрамі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1980, № 4).

Что же вывез Э. Чапский в Краков в 134 ящиках?

Монеты: динар польского короля Болеслава Храброго (967—1025 гг.), около 1000 г.; дукат Владислава Лакетки — около 1330 г.; португал русский польского короля Стефана Батория (1533—1586), 1586 г.; монета Владислава IV Вазы (1632—1648), 1635 г.; дукат Сигизмунда III Вазы, 1621 г.; талер короля Речи Посполитой Яна III Собесского, дукат Станислава Августа Понятовского, 1777 г.; португал Яна II Казимира Вазы, 1661 г. и многие др.

Медали: польского короля Сигизмунда I Старого, 1532 г.; польского

короля Сигизмунда II Августа, 1532 г.; королевы Бонны Сфорцы, около 1561 г.; Януша Радзивилла, 1653 г.; Яна Казимира, 1660 г.; Станислава Августа Понятовского и многие др. Всего же монет и медалей им было собрано около 11 тысяч.

Портреты: Владислава IV Вазы, 1624 г.; Сигизмунда III Вазы (худ. А. Годенбург, без года написания); королевы Бонны Сфорцы (худ. Н. Нелли, 1588 г.), Сигизмунда II Августа, Михаила Казимира Радзивилла («Рыбоньки»), отца Вероники Чапской (бабки Эмерика Чапского), Войтеха Пусловского — посла (депутата) на Четырехлетний Сейм; Игнатия Чапского (? —1792 гг.) — каштеляна гданьского и его жены Теофилии и их сына Франтишка Станислава Чапского («Костки») — последнего воеводы хелминского; Михала Чапского, Ежи (Юрия) Чапского — младшего сына Э. Чапского, экслибрис — портрет Томаша Чапского (1711—1776 гг.), акварель «Эмерик Гуттен Чапский» (худ. В. А. Бобров, 1876 г.) и многие др. Только портретов Петра I было 192, Екатерины II — 150, Павла I — 64, Александра I — 199, Николая I — 43, а также Богдана Хмельницкого (1651 г.), английская карикатура на Екатерину II и др.

В коллекции было собрано много родовых гербов, которые на протяжении столетий породнились с Гуттен Чапскими. Среди них гербы Радзивиллов, Пусловских, Конопацких, Обуховичей, Горских, Ржеусских, Плавинских, Липских, Мельцунских, Иодко-Наркевичей, Мецендорфов, Мельжинских, Жеусских, Тгун-Гогенштейнов и многих других.

Естественно, Э. Чапский не все вывез из имения Станьково. Он взял только те сборы и экспонаты, которые считал ценнейшими и к которым был больше привязан (особенно подбор книг). Главным критерием стала возможность демонстрации в будущем музее широкой общественности в первую очередь экспонатов и предметов полонистики. Оставил же он в Станьково, вероятно, значительную часть своей библиотеки (понятно, на русском языке) и собрание гравюр российской тематики.

Кстати, в «Словаре нумизмата» Х. Фенглера, Г. Гироу, В. Унгера (М., 1982) на с. 68 помещена статья о графе Э. Гуттен Чапском, где он назван «польский собиратель произведений искусства и нумизмат» и далее «жил после ухода с государственной службы в России в имении Станьково под Минском, незадолго до смерти переехал в Краков». И далее: «Наряду с выдающимися произведениями национальной культуры Г. Ч. принадлежала также самая обширная коллекция польских монет и медалей (свыше 10000 экземпляров), описанная им в пятитомном труде, не утратившем своего значения и в наше время. (Каталог польских монет и медалей. Петербург, Париж, Краков, 1871—1916.) Свою коллекцию Г. Ч. завещал краковскому Национальному музею». Не во всем можно согласиться с авторами «Словаря нумизмата», которые считают, что Э. Гуттен Чапский — «польский собиратель произведений искусства и нумизмат». Всю свою нумизматическую коллекцию (и не только ее) Э. Чапский на протяжении десятилетий собирал в Российской империи, пользуясь своим служебным положением, и только «незадолго до смерти переехал в Краков». Отбирая в Краков коллекцию, он разделил ее на две части: в Станьково, в Беларуси, оставил российские монеты, картины, медали, другие древние памятники, т. е. то, что было белорусское и российское, в Краков же вывез все польское, польскую тематику.

Итак, чета Чапских «для спасения здоровья», как утверждала польская пресса того времени, находилась вместе со сборами в Галиции. В ноябре 1895 г. Э. Чапский заболел тифом. Болезнь приковала его к постели, но благодаря заботам жены и крепкому организму поправился. После болезни он начал интенсивно работать над подготовкой к печати каталога

гравюр коллекции, готовил 5-й том каталога монет и медалей, одновременно пополнял свою коллекцию, для чего, рискуя своим здоровьем, ездил в польские города Коломыя, Новый Сончу, Иновроцлав. Умер Э. Чапский 23 июля 1896 г. Похоронен в Кракове на Раковицком кладбище около гробницы известного польского художника-живописца Яна Матейки (1838—1893 гг.). А. Ельский в 1896 г. посвятил Чапскому брошюру-некролог.

Э. Чапский, будучи студентом, серьезно увлекся сбором древних предметов и вещей, главным образом монет. Тогда же, когда Э. Чапский занял государственную должность, он уже ничем не ограничивал своих увлечений. Этому во многом содействовали его частые служебные поездки, в основном в самые отдаленные места Российской империи. Часто он занимался обменом одних вещей на более ценные и интереснейшие с его точки зрения.

Ряд золотых, бронзовых, железных и каменных предметов найдено при раскопках курганов, которые велись в окрестностях Станьково Э. Чапским.

В 1874 г. Э. Чапский получил подтверждение в Российской империи графского титула Пруссии (1804 г.) с присоединением приставки фон Гуттен к своей фамилии, которая с этого времени звучала фон Гуттен Чапский.

На протяжении десятилетий Э. Чапский в своем родовом имении Станьково в новом дворце, который был построен им в 1861—1862 гг., сосредоточил древние вещи и предметы из разных отраслей человеческой деятельности. Со временем его ценнейшие сборы послужили предметом для научно-исследовательской деятельности по изучению древностей в разных отраслях материальной культуры. Поэтому Э. Чапский сразу же обратил внимание на обработку экспонатов из своей коллекции. Для этих целей за советами ему приходилось обращаться ко многим специалистам в тех или иных областях знаний и науки.

Используя личные средства, Э. Чапский мог ассигновать значительные суммы на приобретения памятников древности. Из регистрационной тетради приобретений Э. Чапского следует, что только в 1884 г. им было куплено монет и медалей на сумму 10233 руб.

Во время археологических раскопок курганов в окрестностях имения Станьково Э. Гуттен Чапский находил монеты, другие предметы. В 1894 г. были найдены 2 монеты. Младшая из монет датирована 904 г. Это саманидский дирхем эпохи правления Саманидов во время царствования Исмаил Ибн Ахмада (892—907 гг.) (Любомиров П. Г. Клады дирхемов на территории Полоцкой земли. 1923; Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). Спб., 1910).

Э. Чапский собрал огромную коллекцию документов, книг, разных медалей, многочисленных предметов искусства и огромную художественную коллекцию «этрусских ваз».

Мода собирания всяческих памятников древности в ту пору не была такой популярной, как это было, например, в Западной Европе. В 50—60-х годах XIX в. коллекционирование было привилегией небольшой части представителей царской семьи, высших сфер аристократии. В коллекциях любителей того времени можно было найти интереснейшие редкие вещи.

Новый дворец, возведенный Э. Чапским, стал своего рода частным музеем, хранившим памятники седой древности, спасенные и приумноженные графом Э. Чапским. Дворец в Станьково до нашего времени не сохранился — был уничтожен в годы Великой Отечественной войны. Но благодаря акварели Н. Орды «Пейзаж дворца Чапского в Станьково» (1876 г.), а также немногочисленным фотографиям, к сожалению, сделан-

ным уже после смерти Э. Чапского, мы имеем первозданное представление о дворце.

Книги библиотеки Э. Чапского располагались в специально сделанных для них красивых дубовых застекленных шкафах работы местного столяра Пикулика. В шкафах были специальные выставочные витрины, где демонстрировались особенно ценные книги. Среди них известная Брестская библия 1563 г., собрание книг Ю. Бергеля из Слуцка, книги из собрания Залузских (Петербург), книги белорусского поэта В. Каратынского, автографы и рукописи А. Мицкевича, А. Ельского, Я. Тышкевича, С. Манюшки, Ю. Немцевича, А. Одинца, рукописи А. Кобылинского. Кстати, часть этих книг и рукописей до начала первой мировой войны сохранялась в Станьково. Монеты и медали хранились в специальных деревянных шкафчиках, которые были украшены гербами рода графов фон Гуттен Чапских, позднее — в приобретенных за 1600 руб. огнеупорных упаковках.

Кстати, ряд похожих на этот дворцов на окраине нашей бывшей родины, которую мы совсем недавно называли СССР, был по-варварски уничтожен и навсегда забыт.

МИХАИЛ ФРАНЦЕВИЧ КУСЦИНСКИЙ
(1829—1905 гг.)

Имя М. Ф. Кусцинского вспоминается всякий раз, когда пишут о Гнездовском могильнике — он первый его открыватель. Вместе с тем он много исследовал и в других местах.

Окончив Виленский дворянский институт и Петербургский университет, М. Ф. Кусцинский женился и навсегда уехал в свое имение Завидичи Лепельского уезда Витебской губернии с тем, чтобы заняться сельским хозяйством. Завидичи окружены большим количеством археологических памятников, в частности курганов, к которым он — однокашник графа А. С. Уварова по Петербургскому университету — не мог остаться равнодушным. Археологическими раскопками М. Ф. Кусцинский начал заниматься с начала 1850-х годов. По рекомендации А. С. Уварова он взялся за изучение верховьев Волги, Двины и Днепра — прародины кривичей. На средства Московского археологического общества в первый же 1872 г. он выявил 94 курганные группы и 12 городищ, из которых «успел разрыть только 18 курганов и два городища». К его отчетному докладу для МАО были приложены: журнал раскопок, отчет употребленных средств, найденные археологические предметы... чертежи двух «разрытых» городищ, «которые не доставили никаких предметов»[35]. М. Ф. Кусцинский продолжал работы и в 1874 г.[36], когда раскопал первые курганы в Гнездовском могильнике у Смоленска. Ему повезло напасть на замечательный курган с великолепными вещами, из него происходит знаменитая бронзовая лампа-светильник, сделанная в IX в. в персидских мастерских[37]. В последние годы жизни М. Ф. Кусцинский обратился к исследованию лепельских древностей и составлял археологическую карту губернии[38].

К какому же типу исследователей надлежит отнести М. Ф. Кусцинского? Современники указывали, что, «родившись и живя в своем имении Завидичи близь г. Лепеля», М. Ф. Кусцинский принадлежал к немногим помещикам губернии, получившим университетское образование и посвятившим свою жизнь сельскому хозяйству. Однако занятия раскопками привлекали его с университетской скамьи, когда, «будучи в дружеских отношениях с товарищем своим графом Уваровым — впоследствии основателем Московского археологического общества, М. Ф. Кусцинский начал раскопки в Смоленской губернии...»[39] По отзывам современников,

он — обладатель богатого собрания местных каменных орудий и других древностей, был тесно связан с различными учреждениями, с которыми делился находками; встретив случайно под Витебском в поле А. П. Богданова, «охотно принял приглашение помогать при устройстве Антропологической выставки» (1880 г.) [40] и т. д. Все-таки, несмотря на обширную, в значительной мере интенсивную археологическую деятельность (раскопки), выводы, к которым приходил М. Ф. Кусцинский, не выглядят убедительно, подчас они наивны и принадлежат еще первичному уровню развития науки: «Занимаясь в продолжение 17 лет археологическими исследованиями в Витебской губернии, я ни разу не находил каменных орудий в курганах...» [41]— писал он в 1869 г. Первому археологическому съезду. Или еще (в конце жизни): «Такое отсутствие каких-либо предметов при обыкновении язычников хоронить с покойником предметы, бывшие в ежедневном употреблении, доказывает низкое состояние культуры древнейшей эпохи язычества...» [42] и т. д.

К концу жизни, подводя итоги своим исследованиям в Лепельском уезде, он пытается делать первые попытки некоторых обобщений, но и они сделаны почти на том уровне, на котором работал полстолетия назад К. П. Тышкевич. Лепельские курганы он делил на две категории памятников. К первой относились «древнейшие». Они располагаются, считал автор, в лесах до 100—200 и более без вещей, кости погребенных почти сгнили, обломки сосудов редки, встречаются уголья. Ко второй — курганы «позднейших времен». Это курганы с сохранившимися скелетами и с вещами при костяках. Что же было критерием для столь категорического утверждения о двух хронологических группах курганов? Автор это обходил молчанием, и уж об абсолютных датах речь у него почти не велась, хотя мало вероятно, что М. Ф. Кусцинский, раскопавший свыше сотни курганов, никогда не встретил монет-подвесок, сделанных из арабского серебра (IX — XI вв.). Правда, среди Лепельских древностей курганы с арабскими монетами неизвестны [43], но в соседних уездах, в уездах Смоленской губернии (где М. Ф. Кусцинский копал) они были.

Итак, подобно исследователям первой половины XIX в., М. Ф. Кусцинский к вопросам датировок обращался редко, точного времени захоронения покойника не знал и вопроса об этом не ставил. При раскопках его интересовали иные вопросы — например о «естественных» границах распространения племени кривичей [44]. Задача выяснения границ скорее всего принадлежала графу А. С. Уварову и была предложена им М. Ф. Кусцинскому еще в начале исследований. Прародина кривичей — территория Волги, Двины и Днепра — интересовала М. Ф. Кусцинского в течение 12 лет (1872—1883 гг.) [45], однако Лепельские курганы он раскапывал раньше (с 1860 г.), а в 1866 г. опубликовал статью о Лепельских курганных древностях [46]. Он занимался также Борисовыми камнями (нашел даже осколок одного из взорванных в 1818 г. камней с остатками надписи [47], а другой перевез в Исторический музей в Москве [48]). Классификация курганов, созданная им, критики не выдерживает, поэтому нельзя высоко оценить научные труды этого исследователя. М. Ф. Кусцинский был увлеченным дилетантом, раскапывавшим курганы для того, чтобы найти что-либо древнее. Обширная переписка, в которой он состоял с археологическими учреждениями столиц, в частности с уваровским Московским археологическим обществом, отразившаяся в протоколах всех изданий этого общества, не может повлиять на эту оценку.

ГЕНРИХ ХРИСТОФОРОВИЧ ТАТУР (? — 1907 гг.)

Если М. Ф. Кусцинский был увлеченным археологом-дилетантом и честным в науке человеком, то совсем иное следует сказать еще об одном археологе-дилетанте — Г. Х. Татуре. Г. Х. Татур собирал древности с 14 лет, но относился к ним своеобразно. По свидетельству В. И. Срезневского, смотревшего коллекцию Г. Х. Татура после его смерти, последний скупал за бесценок все попадающиеся древности, оставляя себе то, что относится к Беларуси, прочее же продавал наивным любителям втридорога [49]. Этот своеобразный человек, одержимый страстью коллекционера, крайне ограниченный и невежественный, занимался еще и раскопками. Нужно сказать, что познания Г. Х. Татура в области археологии были столь примитивны, что многие типично славянские (дреговичские) курганы (например, в имении Полилеевка) он относил к бронзовому веку и не соглашался с возражениями специалистов. По его мнению, курганы бронзового века отличались от железного века наличием «позумента» и отсутствием бус [50], а также трупоположением в яме, в то время как в железном веке труп якобы клали непременно на поверхность земли [51]. По вине Г. Х. Татура в Беларуси пропало для науки много сотен (судя по скудным и суммарным описаниям) превосходных курганных захоронений. О количестве раскопанных им курганов [52] можно судить по следующим цифрам: в 1891 г. он раскопал 120 курганов (по 60 в местечке Дулебы и Негоничи Игуменского уезда), в 1892 г.— 40 (д. Станьково Минского уезда), в 1893 г.— также 40 (имение Прилуки того же уезда).

Г. Х. Татур обладал несомненно большими, хотя и специфическими, знаниями археологических древностей Беларуси, которые он со временем и обобщил [53]. Рассылая по Минской губернии специальные анкеты [54], он составил археологическую карту Минской губернии [55]. Им самим были сделаны наблюдения, что по течению Березины распространены курганы конусообразной, остроконечной формы, а по верхнему течению р. Птичи встречаются в форме четырехугольной и усеченной пирамиды, «треугольной формы пирамида» очень редка, замечена только на правом берегу Березины, в Игуменском уезде, валики (т. е. длинные курганы.— *Л. А.*) встречаются только у верховья Березины [56] (в чем он был прав). Без сомнения, Г. Х. Татур хорошо знал погребальный обряд различных местностей, места с наибольшим количеством вещей в курганах, однако по понятным причинам этого не осветил. Знал он и городища в Минской губернии: «в самом большом количестве и самые замечательные укрепления,— писал он,— находятся по течению Березины и притоках ее, особенно с правой стороны, среди озер у верховьев этой реки в северной части Борисовского уезда и среди болот довольно редки и менее сильны. Следуя вверх по течению р. Случи, они снова встречаются в большом количестве и в более представительных размерах» [57].

В начале 90-х годов деятельность Г. Х. Татура распространилась за пределы Минской губернии. Несмотря на свое католическое вероисповедание, Г. Х. Татур получил в Синоде Открытый лист на оказание содействия его деятельности по «церковной археологии», проник в Витебскую губернию и, представившись губернатору и архиерею, приступил к безвозмездному изъятию из церквей всего наиболее ценного в археологическом отношении. В результате, «когда А. П. Сапунов и Е. Р. Романов посетили витебские церкви с целью отобрать для учреждавшегося церковного археологического музея предметы старины, то убедились, что их труд значительно облегчил Татур...» [58], все самое ценное им было вывезено.

Собственная коллекция Г. Х. Татура, оцененная в 200 тыс. рублей

и содержащая, кроме археологической части, уникальную библиотеку, не была завещана городу. После смерти ее владельца (1907 г.) отчаянные письма преподавателя Минской семинарии Д. В. Скрынченко не спасли коллекцию. Московское археологическое общество, сославшись на отсутствие его председателя П. С. Уварова, отказалось от покупки, известный собиратель Щукин был болен, Исторический музей предложил купить только отдельные предметы [59]. Академия наук выделила лишь 1000 руб. за библиотеку, оцененную А. А. Шахматовым в 7 раз дороже. В результате все было продано на сторону [60]. Лишь незначительная часть вещей Г. Х. Татура случайно сохранилась в двух шкафах канцелярии Минского статистического комитета [61]. Что касается коллекций других лиц, то отношение к ним Г. Х. Татура было специфичным. По его вине в Беларуси пропало для науки много частных коллекций, купленных и перепроданных им куда-то. Лишь некоторые, как часть замечательной коллекции Тышкевичей из Логойска, удалось выявить в музеях Польши [62], большая же часть проданного Г. Х. Татуром бесследно исчезла.

Стоит ли говорить, что «обобщающий» труд этого псевдоученого, изданный им к IX Археологическому съезду (1892 г.), был написан на крайне низком научном уровне [63]. Попытки систематизировать памятники в нем не выдерживают критики, а отсутствие конкретных описаний курганных комплексов, рисунков и даже карты полностью его обесценивает. Лишь несколько наблюдений автора, хорошо знавшего курганы губернии, представляют некоторый интерес. Можно полагать, что острая критика его раскопочной деятельности на IX Археологическом съезде и уничтожающая критика его книги в печати [64] заставили «исследователя» в 1890-х годах прекратить раскопки — во всяком случае, после этого времени никаких сведений о его археологической деятельности нам обнаружить не удалось [65].

НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ ТУРБИН (1832—1913 гг.)

На 70—80-е годы падает археологическая деятельность в Беларуси известного археолога — генерала Н. М. Турбина.

Н. М. Турбин родился в г. Ельце Орловской губ. и девятилетним был отвезен в Петербург, где поступил в Павловский корпус, по его окончании поступил в лейб-гвардии гренадерский полк, оттуда перевелся в Академию генерального штаба. Окончив ее, был назначен в Вильну, а затем командирован в Восточную Сибирь для проведения русско-китайской границы. Последовательно занимал должность начальника штаба дивизии в Минске, полкового командира в Могилеве, помощника начальника окружного штаба в Москве, начальника дивизии в Двинске и т. д. Н. М. Турбин много путешествовал по Китаю, Японии, Индии, Египту, Палестине, был в Марокко, Испании и Греции. Везде собирал коллекции, в 1912 г. участвовал в Афинах на Международном археологическом съезде [66].

Белорусские древности заинтересовали Н. М. Турбина во время службы в Могилевской и Минской губерниях, когда он и начал раскопки курганов. Первые работы были им начаты, по-видимому, вместе с К. П. Тышкевичем в 1860-х годах, сохранились глухие сведения о его раскопках в Минском и Игуменском уездах Минской губернии [67]. В 1870—1872 гг. он, можно полагать, копал курганы в Борисовском уезде (правда, прямых свидетельств об этом нет) [68]. В 1877 г. ему стало известно о находке неким Нечаевым в 1873 г. в имении Вотня Быховского уезда уникальной монеты Владимира Святого [69]. Сребреники Владимира очень редки (даже теперь их известно всего пять, причем на Беларусь падает одна находка [70]), и

Н. М. Турбин развернул там свои раскопки [71], а также копал рядом в Обидовичах (но сребреников больше не было). Раскопкам у д. Обидовичи Н. М. Турбин посвятил одну из своих первых работ по изучению курганов в Беларуси [72]. Исследователь раскапывал курганы распространенным в то время методом — «колодцем», к сожалению, те древности, которые он пе-

Н. М. Турбин

редал в ГИМ, не расчленены на отдельные комплексы, что в значительной степени обесценивает его находки. «Выдержанность типа погребений и характерные находки в Дымовских курганах,— писал А. А. Спицын,— делают раскопку, произведенную г. Турбиным, наиболее ценною из всех раскопок, произведенных в стране Полочан» [73]. Действительно, раскопки в Дымово Сенненского уезда (под Кохоновом) особенно интересны, там найден яркий материал, часть которого была опубликована автором этих строк [74]. Н. М. Турбин внимательно изучил погребальный обряд, который оказался разнообразным, чему удивляться не приходится — Дымовские курганы, расположенные по дороге из Шклова в Кохоново, находились на границе полоцких кривичей и дреговичей [75]. Автор выделил три способа погребения покойников в Дымово [76], что было новостью для археологии западнорусских земель и, в частности, Беларуси. В 1886 г. Н. М. Турбин обратился в МАО с просьбой ходатайствовать перед Министерством про-

свещения «об утверждении самостоятельного устава кружка любителей нумизматики» [77]. Впоследствии он стал основателем и первым председателем Московского нумизматического общества [78]. Несколько курганов раскопано Н. М. Турбиным и в Заславле [79]. Человек, весьма интересующийся историческим прошлым, он занимался исследованием и других древностей, например псковскими укреплениями [80] и пр. К сожалению, сам Н. М. Турбин больше интересовался чисто полевой работой и мало публиковал и, во всяком случае, без рисунков — проявился дилетантизм исследователей прошлого времени, в третьей и четвертой четверти XIX в. встречающийся все реже. Материалы раскопок Н. М. Турбина, хранящиеся в ГИМ, ждут своего исследователя.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГРЯЗНОВ

«Есть в Вильне еще один почтенный и бескорыстный деятель по разработке местной истории, это преподаватель виленской мужской гимназии, художник В. В. Грязнов. Он на свои небогатые средства делает поездки в разные места Литвы и Беларуси, разыскивает древние памятники русской народности и делает с них акварельные виды и снимки. Услугами его частью уже воспользовался П. Н. Батюшков в своих «Памятниках русской старины в Западных губерниях». Кроме того, некоторые его снимки с местно чтимых икон изданы в «Виленском Календаре на 1887 г.» Но за всем тем в портфеле В. В. Грязнова накопилось значительное количество акварелей с древних памятников русской народности и православия в крае, которые следовало бы издать, но не в Вильне, где собственно нет и технических средств к художественному воспроизведению»,— писал Н. И. Петров, посетивший в 1880-х годах Вильну [81]. В этих поездках были и уникальные открытия: «осматривая Туровскую Преображенскую церковь вместе с местным священником и учеником учебного ведомства Соколовым, художник Грязнов заметил среди церковного хлама большой деревянный ящик, наполненный угольями. Заинтересовавшись им, Грязнов высыпал уголья и нашел среди древних рукописей старинную книгу, которая и оказалась Евангелием XI в.» [82] Сейчас имя В. В. Грязнова известно благодаря его работам по исследованию и зарисовкам Коложской церкви XII в. в Гродно. Зарисовки его теперь имеют значение первоисточника [83].

Биография В. В. Грязнова мало известна и частично может быть восстановлена по двум его письмам: В. В. Стасову (10.XII.1886 г.) и И. П. Корнилову (27.XI.1897 г.) [84]. С начала 1860-х годов он учился в Строгановском училище в Москве на Орнаментном отделении. По окончании не поступил в Академию художеств, так как был вынужден содержать не только себя, но и свою престарелую мать — работал в качестве художника на «серебряной фабрике Сазикова». В 1864 г. по приглашению И. П. Корнилова навсегда переехал в Вильну, где и посвятил себя «с пылкою юношескою страстью различным трудам... и в особенности по изысканию исторических памятников» [85]. Основным занятием его было преподавание чистописания, черчения и рисунка в Первой мужской гимназии, а с 1886 г.— в женской [86]. Вознаграждение было мизерным и В. В. Грязнову приходилось добывать уроки в домах [87].

Важнейшей заслугой В. В. Грязнова были исследование и фиксация руин Коложской церкви. Храм этот еще в XVIII в. укрепил И. Кульчинский, а теперь Неман подошел под самый памятник, и в ночь на 2 апреля 1853 г. его южный фасад и дьяконник рухнули в реку. В 1856 г. художник побывал в Гродно вторично, сделал план и фасад остатков церкви и по памяти вычертил уничтоженные части. По свидетельству Н. Н. Воронина, рисунки эти оказались более точными, чем зарисовка памятника М. Ольшанским до

разрушения (1850 г.). Менее документальными оказались и рисунки Н. Орды, изданные в литографии 1875—1879 гг., рисунки И. Трутнева 1867 г. и др.[88] Кроме акварельных изображений, В. В. Грязнов вычертил планы, качество которых было отмечено комиссией по возобновлению данного памятника[89]. Графика В. В. Грязнова пользовалась большим успехом на выставках в Петербурге, на археологических съездах и т. д. Судя по письму В. В. Грязнова к И. П. Корнилову 4 января 1900 г., Петербургское общество архитекторов устроило выставку его графики (представлено 28 картонов, получивших одобрение профессора И. С. Кистнера и др.[90], были зарисовки древних памятников Беларуси и восточной Литвы). Энергичная деятельность В. В. Грязнова по выявлению и фиксации памятников, а также и его заботы об охране Коложской церкви заслуживают того, чтобы быть отмеченными в книге по истории изучения памятников Беларуси.

В 70—80-е годы на Могилевщине появилось довольно много ревнителей истории края. П. Муромцев в течение ряда лет публиковал труды по лесоводству[91]. В эти годы начал краеведческую деятельность владелец с. Романово Горецкого уезда Могилевской губернии князь А. М. Дундуков-Корсаков, участвовавший в III Археологическом съезде (1874 г.) и печатавшийся много позднее[92].

А. С. Дембовецкий

Широкую историко-краеведческую деятельность развил могилевский губернатор (1872—1893 гг.) А. С. Дембовецкий [93]. Александр Степанович Дембовецкий родился в 1840 г. в дворянской семье. По окончании Киевского университета поступил на военную службу в Министерство внутренних дел. В 1863 г.— чиновник особых поручений VI класса при министерстве, член-производитель различных комиссий, с 1870 г.— камергер. В 1872 г. избран почетным мировым судьей Лидского уезда и в том же году назначен могилевским губернатором. С 1893 г.— сенатор.

Работать над «Описанием Могилевской губернии» он начал сразу же, с 1872 г., с объезда «многих помещичьих хозяйств и почти всех, в течение первых затем лет, волостей» [94]. Сделано это было в особых целях, но попутно им собирался обширный этнографический и более всего фольклорный материал, вскоре опубликованный [95]. Под редакцией А. С. Дембовецкого в Могилеве был издан капитальный трехтомный труд [96], где использовались различные, в том числе этнографические, материалы.

По-видимому, под влиянием созывающегося в 1892 г. IX Археологического съезда он организовал раскопки курганов в пяти уездах губернии и по его идее была создана их первая археологическая карта [97]. Все это было поручено директору гимназии М. В. Фурсову и чиновнику С. Ю. Чоловскому [98]. Копали исследователи, по нашим представлениям, примитивно, но материалы получили интересные — ими пользуются и поныне. Авторы раскопок обратили внимание на различие погребального обряда Мстиславльского уезда (погребения в грунте). Их вывод, что в уезде жили колонии древлян (!), не выдерживал критики, и вскоре П. Н. Милюков указывал, что это кривичи, граница которых с радимичами проходила южнее Мстиславля [99]. Это верно, хотя тогда у него достаточных данных не было [100]. Важно, что при издании находки распределялись по курганам и по каждому существовало беглое его описание, приводились и рисунки.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ИКОВ (1859—1895 гг.). ПЕРВЫЕ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

Антропология, изучающая биологическую природу человека, выделилась в самостоятельную науку в середине XIX в. Тогда работа шла в двух направлениях: по линии изучения особенностей физического типа человека и по линии его происхождения. Решив приступить к антропометрическим измерениям в России, ОЛЕАЭ обратилось к великорусскому, а затем к украинскому населению России. В 1886 г. дошла очередь и до Беларуси. Исследования в Витебской и Могилевской губерниях взял на себя член общества, ученик А. П. Богданова К. Н. Иков, который за непродолжительный срок командировки измерил 558 особей и собрал важные данные о характере и распространении эндемического колтуна [101].

К. Н. Иков происходил из семьи московских врачей (один из которых лечил Л. Н. Толстого). Он родился в здании Шереметевской больницы (ныне Московский городской институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского), где его отец Н. П. Иков был главным врачом. В 1-й московской гимназии, по словам Д. Н. Анучина, он выделялся способностями и развитием [102], «талантливым юношей» называет его одноклассник П. Н. Милюков [103]. На 1-м курсе Естественного отделения физико-математического факультета Московского университета он стал заниматься у проф. А. П. Богданова и тот поручил ему обработку коллекции древних черепов. Вскоре К. Н. Иков зарекомендовал себя работами по антропологии. По окончании курса в университете А. П. Богданов пригласил его занять место секретаря Антропологического отдела ОЛЕАЭ, где он был председателем.

К. Н. Иков проработал там с 1881 по 1883 г., в 1882 г. был избран действительным членом ОЛЕАЭ. К. Н. Иков впервые составил и опубликовал (в Париже) русскую антропометрическую инструкцию, где, в отличие от инструкции П. Брока, принял особый принцип классификации волос и глаз. Своим основным делом в науке К. Н. Иков избрал сравнительное исследо-

К. Н. Иков

вание морфологических особенностей русских, украинцев и белорусов и готовил огромный материал по этой обширной теме. Эту работу, к сожалению, он вынужден был прервать, когда сбор материалов был в самом разгаре. Чрезмерное напряжение, связанное с интенсивной работой, привело к тяжелому заболеванию. Едва успев перемерить большое количество курганных черепов из раскопок на Смоленщине В. М. Чебышевой 1879 г. (результаты были изданы А. П. Богдановым [104]), К. Н. Иков, по указанию врачей, был вынужден переехать в Крым (где и принялся измерять татар и караимов). В Рязани, куда он переехал в 1889 г., получил лишь место статистика в Губернском статистическом комитете, но занятия антропологией не прерывал и по поручению Рязанской ученой архивной комиссии занялся раскопками погребений у с. Кузминского (курганы которого дали только 50 пригодных для науки черепов [105]). С 1891 г. К. Н. Иков жил в Москве, был вынужден преподавать в различных учебных

заведениях, но и здесь вернулся к своей излюбленной антропологии. В 1894 г. врачи уложили ученого в постель, борясь с приступами удушья, К. Н. Иков всеми силами стремился закончить свой жизненный труд по сравнительной характеристике русских, украинцев и белорусов. Завершить его он не успел, в печать попало немногое [106]. К. Н. Иков скончался 14 июля 1895 г. По свидетельству Д. Н. Анучина, среди его творческого наследия, кроме нескольких блестящих работ в иностранных журналах, есть ряд важных русских исследований (по кефалометрии белорусов и др.).

Свою первую поездку в Беларусь (Витебская и Могилевская губернии) К. Н. Иков совершил в 1886 г. Характеризуя огромные трудности такой работы, ученый говорил: «Антропологическое изучение, т. е. измерение и описание современного населения, дело новое. Тем более затруднений оно должно встречать у нас. Лучшим по своей чистоте антропологическим материалом являются крестьяне. Но человек, знающий отношение наших народных масс ко всему непонятному, легко поймет отношение крестьянства к неизвестному лицу, приехавшему с какими-то непонятными целями: является недоверие и недовольство, сочиняются небылицы, пускаются сплетни... Результаты моей поездки в Беларусь весьма скромны. Главная моя цель была разведочная. Надо заметить, что по антропологии белорусов нет совершенно никаких материалов научного характера. Поэтому я поставил себе основной задачей собрать в нескольких пунктах данные по физической организации белорусов, не останавливаясь на подробностях; я желал также получить сведения о тех внешних факторах, которые могли в течение тысячелетий оказать свое влияние на общие явления организации населения Западного края...» [107] При очень интенсивной работе К. Н. Икову удалось измерить и исследовать более или менее детально 558 человек (290 мужчин, 128 женщин, 140 детей) [108].

Эти важные исследования первого белорусского антрополога привели его к заключению, что у современных белорусов до сих пор сохраняется большой процент длинноголового типа — того самого, который так четко фиксировался на белорусских курганных черепах 700- и 800-летней давности! К. Н. Иков высказал мнение, что морфологический облик белоруса сформировался на основе длинноголового, а также и широкоголового антропологических типов. «А поскольку последний он считал не характерным для средневековых славян Белоруссии, то он сделал положительный вывод, что в этногенезе белорусов в глубокой древности принимали участие некие иноэтничные группы» [109]. В те времена это было очень смелым, теперь же это никого не удивляет: мы знаем, что белорусы возникли на базе соединения славян и балтских аборигенов [110]. К. Н. Иков был первым, кто это высказал, да еще на только что начинавшем разрабатываться антропологическом материале. Подводя итог деятельности первого белорусского антрополога, Д. Н. Анучин писал: «Вообще надо думать, что если бы условия жизни К. Н. (Икова) были более благоприятны, то при его любви к антропологии он мог бы заявить себя многими ценными трудами в этой области, но и то, что им сделано в свободное, так сказать, от других занятий время, заставляет относиться с почтением к его трудам, как это было признано и иностранными антропологами, избравшими его в члены Парижского и Итальянского антропологических обществ» [111].

Литература

1. Корнилов А. Курс истории XIX века. М., 1914. Ч. III. С. 3.

2. Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. II. С. 177. Видимо, именно в это время над Рогволодовым камнем 1171 г. построили небольшую церковь (рис. 1).

3. Письма Победоносцева... С. 154. Напомним, что К. П. Победоносцев сам занимался историческими исследованиями (Победоносцев К. П. Исторические исследования и статьи. СПб., 1876 и др.) и, по свидетельству С. Ю. Витте, был «самым образованным и культурным русским государственным деятелем» (Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. III. С. 59).

4. Улащик Н. Н. Очерки... С. 66, 67.

5. Веселовский Н. И. История императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. СПб., 1900. С. 337.

6. Самоквасов Д. Я. Историческое значение городищ // Труды III Археологического съезда. Киев, 1878. Т. I.

7. Самоквасов Д. Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908.

8. Витебские губернские ведомости. 1886. № 73; Минский листок. 1886. № 59; Древности. ТМАО. XII. М., 1888. Протоколы. С. 54.

9. Минские губернские ведомости. 1880. № 16.

10. Nosek St. Zarys historyi badań archeologicznych w Malopolsce. Wroclaw-Warszawa-Kraków. 1976. S. 31, 36, 39; Zawisza J. Mereczawskie okopisko i josioro Switiez // Biblioteka Warszawska. 1872. T. 3, z. §. S. 444, 445.

11. Минские губернские ведомости. 1879. № 18. С. 278; № 19. С. 20.

12. ИАК. Вып. 5. СПб., 1903. С. 96—122.

13. Предисловие В. Витебского к книге Р. Г. Игнатьева «Башкир Салават Юлаев» // ИОАИЭКУ. XI. 2. С. 147, 148.

14. Игнатьев Р. Г. Краткие известия о крестных ходах и пр., бывших в Великом Новгороде до XVIII в. // Новгородские губернские ведомости. 1849. № 32—36; Он же. Сказание о побоище православного христолюбивого воинства со зловредными немцы и литвой на Устьреце, идеже весь Белая // Там же. 1850. № 25 (публикация летописи, названной Р. Г. Игнатьевым Молотковской); Игнатьев Р. Г. О курганах Новгородской губернии. Курганы близ г. Белозерска // Северная Пчела. 1853. № 56, 57, 62 (то же: Журнал для чтения в военноучебном заведении. 1853. Т. 104, № 415. С. 352—366 // Северная Пчела. 1853. № 56.

15—16. Игнатьев Р. Г. О курганах...

17. Еще в 1852 г. была опубликована (по-видимому, Р. Г. Игнатьевым) статья, рисующая его планы: О предполагаемом описании городищ и древних курганов Новгородской губернии // Северная Пчела. 1852. № 223.

18. Игнатьев Р. Г. О курганах... (Северная Пчела. 1853. № 56).

19. Древности. ТМАО. М., 1880. Т. VIII. Протоколы. С. 24.

20. Игнатьев Р. Г. Хроника событий Минской губернии // Минские губернские ведомости. 1877. № 23, 24; 1892. № 20, 21, 23—29, 31—35, 40 .

21. Игнатьев Р. Г. Археологическое обозрение церквей г. Минска // Минские епархиальные ведомости. 1877. № 13, 15—22, 24, 34—36, 41—44, 50; Он же. Церковь Рождества Богородицы в Крупцах // Там же. 1887. № 21. (Статья передана в Московское археологическое общество, но не издана // Древности. ТМАО. М., 1900. Т. XVI. Протоколы. С. 27, 28).

22. Игнатьев Р. Г. Местечко Заславль // Минские губернские ведомости. 1878. № 1, 2; Он же. О памятниках древности Минской губернии // ИОЛЕАЭ. Т. 35. Антропологическая выставка. М., 1879. С. 221—223; ПК Минской губернии на 1878 г. Мн., 1878. Отд. IV. С. 101 (о Турове); Он же. Воскресенский собор в Борисове // Минские губернские ведомости. 1878. № 22; Он же. Замечательные предметы утвари Свято-Троицкого монастыря в Слуцке // Минские епархиальные ведомости. 1878. № 18, 19.

23. Игнатьев Р. Г. Курганы и городища Минской губернии // Минские губернские ведомости. 1878. № 51, 52; 1879. № 1—8, 10, 11, 14, 17,18. Любопытно, что, по утверждению автора, «слово Минск происходит от слова «мена» или «менеск», т. е. что на этом месте, где теперь Минск, один народ сменил другой» (№ 51), что сарматы якобы разделились и «стыры» жили по берегам р. Стырь, «вибионы», или «витебионы», — за р. Двиной и у них был город Витебск» (№ 52). Все это достаточно фантастично.

24. Игнатьев Р. Г. Курганы и городища... (№ 51).

25. Радченко Зинаида. Сборник малорусских и белорусских песен Гомельского уезда. СПб., 1881. Вып. 1; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. IV. С. 162. Примечание.

26. Заметка по поводу статьи Р. Г. Игнатьева «О раскопке курганов в местечке Заславль Минского уезда» // Виленский Вестник. 1878. № 151. Вероятно, в результате сложившейся обстановки Р. Г. Игнатьев бросил «Хронику» исторических событий Минской губернии (ее допечатали в 1892 г. по его рукописи), оставил публикацию археологических памятников по уездам и т. д.

27. Игнатьев Р. Г. О памятниках народного творчества Минской губернии // ИОЛЕАЭ.

Антропологическая выставка. М., 1880. Т. 3. С. 148; Он же. О памятниках древности Минской губернии // Там же. С. 222; Он же. О количестве курганов в Минской губернии, о каменных плитах с руническими надписями в музее Минского статистического комитета // Древности. ТМАО. 1880. Т. VIII. Протоколы. С. 24, 25; см. также с. 30, 61. Из Уфы Р. Г. Игнатьев переехал в Оренбург. По сообщению мне ГАОО от 20 мая 1970 г., этот архив имеет большой фонд Р. Г. Игнатьева (ф. 168, оп. 1, дд. 22, 31, 40).

28. Бандарчык В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. Мн., 1964. С. 93; Историческое краеведение Белоруссии. Мн., 1980. С. 10.

29. Игнатьев Р. Г. О памятниках древности Минской губернии... С. 222.

30. «Inland», 1850. № 46 (краткое содержание: ЖМВД. 1851. IX. С. 214).

31. Игнатьев Р. Г. О памятниках древности Минской губернии... С. 222.

32. Завитневич В. З. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии // Труды IX АС. М., 1895. Т. I. С. 226; Алексеев Л. В. Полоцкая земля... С. 37, 38.

33. Древности. ТМАО. М., 1880. Т. VIII. Протоколы. С. 61.

34. В 1879 г., например, Р. Г. Игнатьев выслал библиотеке МАО I том трудов Минского статистического комитета и пять номеров МЕВ (Древности. ТМАО. Т. VIII. Протоколы. С. 24, 25).

35. Древности. ТМАО. М., 1874. Т. IV. Вып. 1. Протоколы. С. 22.

36. Там же. М., 1876. Т. VI. Протоколы. С. 12, 13.

37. Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.

38. Древности. ТМАО. М., 1883. Т. IX. Вып. 1. Протоколы. С. 1.

39. Древности. ТМАО. М., 1876. Т. VI. Протоколы. С. 12, 13.

40. Из отчета А. П. Богданова о поездке в Новгород... ИОЛЕАЭ. М., 1887. Т. 49. Вып. 2. С. 212, 213.

41. Труды I АС. М., 1871. Т. I. С. LXXXIV-LXXXV.

42. Кусцинский М. Ф. Из заметок о курганах Лепельского уезда. ПЕВ. 1903. С. 233.

43. Это наше наблюдение любезно подтвердила Т. В. Равдина, что получило отражение и в ее каталоге (Равдина Т. В. Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988).

44. Древности. ТМАО. 1974. Т. IV. Протоколы. С. 22, 54.

45. Древности. ТМАО. М., 1883. Т. IV (там же сообщено о начале его работ); там же. Т. IX, в. 1. С. 1 (последнее упоминание о границе кривичей со списком выявленных памятников).

46. Кусцинский М. Ф. Лепельские древности // Виленский Вестник. 1866. № 181; Он же. Опыт археологических исследований в Лепельском уезде // Витебские губернские ведомости. 1865. № 20; Виленский Вестник. 1860. № 12.

47. Древности. ТМАО. М., 1876. Т. VI. Протоколы. С. 12, 13.

48. Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // СА. М—Л., 1946. VIII. Прим. 3. С. 249.

49. Даўгяла З. І. Матар'ялы аб музеі Г. Х. Татура ў Менску // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Мн., 1929. 8. С. 554. В приходно-расходных книгах, которые Г. Х. Татур вел с завидной тщательностью, В. И. Срезневский видел записи о тысячных продажах и здесь же о грошовых выручках от продажи... старых калош.

50. Известия IX АС. Вильна, 1893. 14. С. 2.

51. Случевский К. К. По Северо-Западной России. СПб., 1897. Т. II. С. 514. По свидетельству этого автора, выставки, устраивавшиеся в Минске из материалов Г. Х. Татура, носили анекдотический характер. Демонстрировался, например, картофель из «кургана бронзовой эпохи».

52. Смородский А. П. Девятый археологический съезд. Мн., 1893. С. 8.

53. Татур Г. Х. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. Мн., 1892. 277 с.

54. Анкета: Минский губернатор. 1882. 30 сентября. «Минской губернии волостным писарям и учителям народных училищ волостей Минской губернии». Мн., 1882.

55. Татур Г. Х. Очерк... С. 264.

56. Там же. С. 30.

57. Татур Г. Х. Археологическое значение Минской губернии // ПК Минской губернии на 1878 г. Мн., 1878. 2. С. 112.

58. Красовицкий П. Н. Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1911. 1. С. 34.

59. Минская старина. 1909. 1. С. 7.

60. Даўгяла З. І. Матар'ялы... Коллекция была куплена неким Владиславом Тышкевичем из-под Вильны (имение Красный Двор) якобы для виленского музея «Искусств и наук». Дальнейшая судьба пока неизвестна. Часть коллекции (между прочим, коллекция знаков масонских лож) попала в Публичную библиотеку Вроблевских в Вильне (Chwalewik E. Zbiory polskie. Warszawa, 1927. T. 2. S. 482). В польских музеях коллекции нет. (Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Мн., 1979).

61. Памятники старины // Минское Слово. 1909. № 775.

62. Поболь Л. Д. Древности Белоруссии... С. 153, 156—159, 161—167 и др.

63. Татур Г. Х. Очерк...

64. Этнографическое обозрение. СПб., 1894. 3. С. 173—180 и др.; Виленский Вестник. 1892. № 252.

65. Известный киевский исследователь древностей Н. И. Петров, осматривавший «музейчик» Г. Х. Татура при Минском статистическом комитете, утверждает с чьих-то, по-видимому, слов, что «польский помещик Игуменского уезда Г. Х. Татур ничего не пишет по-русски и помещает свои исследования на польском языке в заграничных польских изданиях» (Петров Н. Из путешествия в Северо-Западный край // Киевская Старина. 1889, февр. Т. XXIV. С. 468. На эти издания нет сносок в литературе).

66. ИМАО в первое 50-летие своего существования. М., 1915. Т. II. С. 370.

67. Раскопки курганов в Минской губернии // Виленский Вестник. 1867. № 20.

68. Отчет Публичного и Румянцевского музеев за 1870—1872 гг. М., 1873. С. 116 (есть сведения о так называемом Рогнедине кургане. С. 114).

69. Древности. ТМАО. М., 1874. Т. IV. В. 2. С. 51, 52.

70. Равдина Т. В. Погребения с древнерусскими сребрениками // СА. 1979. № 3. С. 91.

71. Богомольников В. В., Равдина Т. В. О находках монет из Вотни (верхний Днепр) // СА. 1979. № 2. С. 207—213.

72. Турбин Н. М. Раскопки шести курганов у д. Обидовичи Могилевского уезда // Древности. ТМАО. М., 1874. Т. IV. Протоколы. С. 51, 52.

73. Спицын А. А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, Могилевская и Черниговская губернии // ЗОРСА. СПб., 1896. Т. VIII. В. 1, 2. Новая серия. С. 117.

74. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 46, 47. Рис. 8.

75. Там же. С. 51. Рис. 9. С. 50, 52.

76. ЗОРСА. СПб., 1887. Т. IV. С. XV.

77. Древности. ТМАО. М., 1886. Т. XI. Вып. 2. Протоколы. С. 44, 35.

78. ИМАО в первое 50-летие... С. 370, 371.

79. Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893. С. 130—141.

80. Турбин Н. М. Городская стена в Пскове // Древности. М., 1886. XI. С. 227.

81. Петров Н. Из путешествия в Северо-Западный край // Киевская Старина. 1889, февр. С. 476.

82. Белоруссия и Литва. СПб., 1890. Примечания. С. 152. О Н. И. Соколове, который вместе с В. В. Грязновым занимался разысканием древностей, сохранилась записка, написанная карандашом, дрожащим почерком, И. П. Корнилова: «Николай Иванович Соколов получил образование в СПб. Духовной Академии. В 1864 г. он поступил на службу в Виленский учебный округ сверхштатным учителем. Замечательно даровитый и любознательный, Н. И. Соколов с увлечением занимался языками и литературою, а также западнорусской археологиею и историею. Я посылал его неоднократно в северо-западные губернии для собирания сведений о местной православной старине и быте народов... Статьи Н. И. Соколова напечатаны в 1865 и 1866 гг. в «Вестнике Западной России» Кс. Говорского и в «Виленском Вестнике». В каникулярное время 1864 года Н. И. Соколов и учитель рисования Виленской гимназии Грязнов, объезжая с научной целью Минскую губернию, отыскали в м. Турове на Припяти, в ветхой деревянной церкви св. Преображения несколько драгоценных пергаментных листов церковнославянского Евангелия XI в. Евангелие хранится в Виленской библиотеке» (ЦГИАЛ, ф. 970, оп. 1, № 109, л. 1).

83. Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. 1954. № 41.

84. ОРБС-Щ, ф. 738 (В. В. Стасов), № 138; ЦГИАЛ, ф. 377 (И. П. Корнилова), № 630, л. 5, 5-об.

85. ЦГИАЛ, ф. 377, № 630, л. 5.

86. Памятная книга Виленской губернии на 1890. Вильна, 1890. С. 124, 127.

87. Жиркевич А. В. Академик Чагин. Некролог // Записки Сев.-Зап. отд. ИРГО. Вильна. 1911. Т. II. С. 171.

88. Воронин Н. Н. Древнее Гродно... С. 82, 83.

89. Древности. ТМАО. Т. XIII, вып. 2. Протоколы. С. 34.

90. ЦГИАЛ, ф. 970, оп. 1, № 109, л. I.

91. Муромцев П. Могилевская губерния в лесном отношении // Могилевские губернские ведомости. 1870. № 15—17, 18; 1874. № 34, 35, 65, 69, 83, 89.

92. Дундуков-Корсаков А. М. Древний памятник «Волчьего Хвоста» в стране радимичей // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. Т. III.

93. Альманах современных государственных деятелей. СПб., 1897. Т. I.

94. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом (и т. д.) отношениях. Могилев-на-Днепре, 1882. Кн. 1. С. 9.

95. Дембовецкий А. С. Свадебные песни белорусские. Могилев-на-Днепре, 1884 (Рец.: Якушкин Е. И. Заметки об одном очень редком издании белорусских песен (Дембовецкого) // Этнографическое обозрение. М., 1906. № 1—2. С. 96—98). Перу А. С. Дембовецкого принадлежат и другие работы, предназначенные крестьянам: Дембовецкий А. С. Могилевским

крестьянам наставление, как удобрить землю, улучшить полеводство... (и т. д.). Могилев, 1892; Он же. Приемы хозяйства обогащением почвы, обогащающие хозяина. СПб., 1900 и др.

96. Опыт описания Могилевской губернии... Могилев-на-Днепре, 1882. Кн. 1. С. 784; 1884. Кн. 2. С. 1002; 1884. Кн. 3. С. 329.

97. Фурсов М. В., Чоловский С. Ю. Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению г. начальника Могилевской губернии Александра Станиславовича Дембовецкого. Могилев, 1892. Карта археологических памятников этих уездов хранилась в Могилевском музее (Дубінскі С. А. Бібліяграфія па археалогії Беларусі і сумежных краін. Мн., 1933. С. 97).

98. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 450; Петренко В. П. О бронзовых «фигурках викинга» // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970. С. 253—261.

99. Милюков П. Отчет о раскопках рязанских курганов летом 1899 г. // Труды X АС. 1899. Т. I. С. 33.

100. Рыбакоў Б. А. Радзімічы // Працы... Т. 1. Мн., 1931.

101. Анучин Д. Н. Константин Николаевич Иков. Некролог // Известия ОЛЕАЭ. Т. XVIII. Труды Антропологического отдела, вып. 1, 2, 3. М., 1897; Аляксееў Л., Шыраева Н. Першы беларускі антраполаг // ПГКБ. 1988. № 1.

102. Там же.

103. Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. I. С. 59, 60.

104. Богданов А. П. К краниологии смоленских курганных черепов (об измерениях Икова) // ИОЛЕАЭ. М., 1886. XILIX, в. 1. С. 71—74.

105. Русская Старина. 1890. Т. XI. С. 561.

106. Иков К. Н. Отчет об экспедиции в Белоруссию летом 1886 года // ИОЛЕАЭ. М., 1887. Т. II; Он же. Заметки по кефалометрии белорусов сравнительно с велико- и малороссами // Дневник Антропологического отдела. М., 1890. Вып. IV. С. 38—45.

107. Иков К. Н. Отчет об экспедиции в Белоруссию... С. 17—19.

108. Там же. В том же году во время экскурсии по Белоруссии антропометрическими исследованиями начинал заниматься и этнограф Н. А. Янчук. Но он не был специалистом, измерял лишь головы (в четырех уездах Минской губернии), к тому же между сборами этнографических материалов, и успел измерить только 160 особей (Янчук Н. Из научной поездки в Белоруссию // Минский листок. 1887. № 6; ИОЛЕАЭ. М., 1887. Т. I. Вып. 1. С. 20—24).

109. Этнаграфія беларусаў. Мн., 1985. С. 36.

110. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 158.

111. Анучин Д. Н. Константин Николаевич Иков... При сборе материалов о К. Н. Икове я пользовался яркими воспоминаниями о нем его сына литератора В. К. Икова (1882—1956 гг.), хранящимися в нашей семье у его внучки Н. В. Ширяевой. Кое-что из них не так давно было опубликовано: Аляксееў Л., Шыраева Н. Першы беларускі антраполаг // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1988. № 1.

7 ДЕВЯТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД И ДАЛЬНЕЙШИЕ СУДЬБЫ АРХЕОЛОГИИ

Ко времени наступления 90-х годов XIX в. реакционные меры правительства, направляемые старческой рукой К. П. Победоносцева, приняли особенно жестокий характер. Цензура свирепствовала, были закрыты самые либеральные газеты («Голос» А. А. Краевского и пр.), журнал «Отечественные записки» (того же А. А. Краевского). С огромным трудом держались более умеренные — «Вестник Европы» (М. М. Стасюлевича), «Русская мысль» (В. А. Гольцева, В. М. Лаврова), «Русские Ведомости» (В. М. Соболевского, А. С. Посникова). Несмотря на закон о веротерпимости, изданный в начале царствования Александра III (1883 г.), реакционные меры пали более всего на инородцев и иноверцев. В Царстве Польском и в Беларуси преследовались униаты, католики, в Остзейских провинциях в отдельных случаях и протестанты. Антисемитизм свирепствовал: в 1887 г. введена процентная норма для детей евреев в учебных заведениях, в том же Царстве Польском и Беларуси ограничены в правах службы поляки. Политическая русификация окраин к 90-м годам достигла апогея.

Что касается изучения древностей, то теперь, как и в прошлые годы послениколаевских десятилетий, их изучение, особенно русских древностей в зонах со смешанным населением, всемерно поощрялось. Как известно, сам Александр III занимался русской историей, увлекался всем русским (ел тюрю, демонстративно единственный из всех русских послепетровских царей носил бороду), был основателем и первым председателем Русского Исторического общества. Импонировала ему и археология. После VIII Археологического съезда в Москве (1890 г.) IX и X Археологические съезды были устроены в Вильне (1893 г.) и в Риге (1896 г.).

Общеизвестно огромное значение археологических съездов для изучения прошлого тех территорий, где они проводились. Идея их организации принадлежала одному из крупнейших русских археологов XIX в.— графу А. С. Уварову (1825—1884 гг.), выдающееся значение деятельности которого для науки лишь теперь начинает справедливо восстанавливать-

А. С. Уваров

ся [1]. Есть мнение, что роль археологических съездов прошлого в наше время выполняли «ежегодные сессии Отделения исторических наук АН СССР, пленумы Института археологии АН СССР, посвященные итогам полевых исследований» [2]. Однако это не совсем так, различие велико. Сессии и пленумы нашего времени не были посвящены какой-либо территории либо каким-то отдельным вопросам, которые им следует решить. Они носили отчетный характер, и выбор обсуждавшихся на них вопросов был в значительной мере случаен. Археологические съезды задумывались иначе. Огромное значение придавалось прежде всего месту, где надлежало организовать съезд. За несколько лет до съезда Московским археологическим обществом (до 1884 г. под председательством его основателя графа А. С. Уварова) избиралась важная в историческом отношении, но часто мало археологически исследованная территория и изучению именно этой территории посвящалась основная деятельность съезда. Специально избранный предварительный комитет съезда вырабатывал вопросы, на которые съезду было бы желательно иметь ответы. Вопросы эти отпечатывались в должном количестве экземпляров и рассылались по важнейшим

учреждениям, ученым обществам и частным лицам, которых комитет приглашал принять участие в разработке вопросов, которыми съезд будет заниматься.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ДЕВЯТОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

IX съезд был намечен на 1893 г., он заканчивал тем самым первое 25-летие существования русских археологических съездов, и можно было подвести некоторые итоги. Его решено было посвятить западнорусским землям и проводить в Вильне. Для его подготовки предстояла большая научная предварительная организаторская работа.

5 января 1891 г. в Москве на Берсеневской набережной в только что отреставрированных великолепных палатах XVII в. думного дьяка царя Алексея Михайловича — Аверкия Степановича Кириллова — доме МАО — впервые собрался Предварительный комитет съезда[3]. На трех заседаниях сформирован его официальный состав при МАО, а также и филиалы, в том числе в Вильне, определены вопросы для решения их на съезде, выяснены вопросы, связанные с археологической выставкой. Участники комитета прочли на его заседаниях рефераты о древностях изучаемого съездом «Западного края» (М. Коялович), о необходимости составления его археологических карт (вопрос о картах был поднят еще в 1888 г., когда в губернии посланы соответствующие печатные анкеты[4]), это брал на себя Ф. В. Покровский, говорилось о важности интенсифицирования археологических исследований в крае и о необходимости наладить охрану памятников (Е. Р. Романов). Было поручено комитету: 1) проверить сведения об археологических памятниках в регионе; 2) произвести проверочные раскопки; 3) по полученным данным «провести грань между «древними памятниками» и «остатками памятников новейших времен»; 4) собрать подробные сведения о частных коллекциях в крае.

Были выработаны широко обнародованные «Правила съезда», утвержденные позднее министром просвещения. 30 июня 1891 г. было получено высочайшее разрешение на открытие съезда в 1893 г. Осенью 1891 г. сформировано особое Виленское отделение Предварительного комитета съезда, которое возглавил интересовавшийся древностями свенцянский предводитель дворянства генерал А. П. Тыртов, а помощником избран председатель комиссии по разбору древних актов Ю. Ф. Крачковский (отец известного арабиста академика И. Ю. Крачковского). Министерство просвещения, от которого МАО ожидало денежных средств для проведения археологических работ, в помощи отказало, отказали в этом и другие учреждения. Огромное содействие было получено от попечителя Виленского учебного округа, который ежегодно выделял из скудных средств округа 1000 руб., на что были осуществлены все исследования и публикации о них.

Отделение Предварительного комитета в Вильне вступило в деятельную переписку с различными учреждениями, частными лицами, разъясняя задачи будущего съезда, приглашая принять участие в предварительных научных работах комитета, произвести раскопки, которые бы ответили на те или иные вопросы, поставленные перед съездом. Лиц, игнорировавших обращения комитета, было немного. На его призывы о выявлении археологических (главным образом) древностей Западного края (курганов и пр.), разосланные в отпечатанном виде в 2 тыс. экземпляров, ответили местные народные учителя, священники, лесничие и др. В Виленском отделении комитета скопилось более 900 отзывов на его обращения, некоторые из них представляли целые исследования, что послужило затем Ф. В. Покровско-

му материалом для составления археологической карты губернии. Многие учреждения и частные лица откликнулись на призывы комитета изданиями, приуроченными к открытию съезда[5].

Виленское отделение Предварительного комитета издало особый том научных трудов, где были помещены и труды по археологии — Ф. В. Покровского, В. Шукевича и др.[6] Это издание было финансировано, как сказано, виленским попечителем Н. А. Сергиевским.

На предложение комитета о создании археологической выставки при съезде откликнулись: Императорская археологическая комиссия, Ковенский и Волынский статистические комитеты, частные лица (А. М. Сементовский-Курилло, Г. Х. Татур и пр.). Такова была огромная работа историков-энтузиастов края к IX Археологическому съезду.

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ ПОКРОВСКИЙ (1855—1903 гг.)

В это время в Вильне выдвинулся своими трудами по археологии Ф. В. Покровский. Ученый родился в с. Подольском Костромского уезда. По окончании Петербургской духовной академии (1879 г.) стал бессменным преподавателем арифметики, географии, физики в Виленском женском духовном училище (с 1880 г.) и одновременно хранителем Виленского музея. Усиленно занимался археологией, раскопал в губернии много кур-

Ф. В. Покровский

ганов, скончался на родине от туберкулеза [7]. Особый интерес представляют его раскопки курганов на современной границе Литвы и России в пределах Виленской и Ковенской губерний [8]. Первая работа Ф. В. Покровского, по-видимому, посвящена находкам на Супоневской горе в Двинском уезде [9]. Тесно связанный с А. А. Спицыным, Ф. В. Покровский прекрасно владел методикой раскопок курганных захоронений, имел полное представление о древностях, которыми занимался [10].

2. ДЕВЯТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В ВИЛЬНЕ

IX Археологический съезд был открыт в Вильне 1 августа 1893 г. Западнорусские губернии были представлены на нем рядом учреждений и обществ: Гродненское общество любителей просвещения (Иосиф, епископ Гродненский); губернские статистические комитеты — Минский (Г. Х. Татур, А. П. Смородский), Могилевский (М. В. Фурсов), Гродненский (А. М. Горбов, Е. А. Орловский), Витебский (А. П. Сапунов), Смоленский (С. П. Писарев); Виленское отделение Предварительного комитета съезда (А. П. Тыртов, Ю. Ф. Крачковский, И. Я. Спрогис, К. И. Снитко, А. И. Шверубович, В. В. Грязнов, В. С. Богоявленский, прот. Г. Котович, П. Г. Бывалькевич, А. И. Ильин). Всего среди членов съезда деятелей западнорусских земель было свыше 30 человек помимо указанных: Н. П. Авенариус, Г. К. Бугославский, Э. А. Вольтер, В. Е. Данилевич, Т. М. Довгирд, А. В. Жиркевич, В. З. Завитневич, Е. И. Кашпровский, М. Ф. Кусцинский, Л. С. Паевский, С. П. Писарев, А. Ст. Плятер, Ф. В. Покровский, Е. Р. Романов, Н. А. Сергиевский, А. К. Снитко, В. К. Стукалич, М. А. Цыбишев, Н. А. Янчук.

Открытие съезда произошло в актовом зале Виленской первой мужской гимназии. После чтения председателем съезда графиней П. С. Уваровой многочисленных приветствий и отчета Московского Предварительного комитета (ею же) выступил председатель Виленского отделения Предварительного комитета А. П. Тыртов с обстоятельным сообщением о работах Виленского отделения Предварительного комитета.

С 3 августа начались секционные заседания, именуемые тогда заседаниями по отделениям. Тематика съезда была расчленена на отделения: Первобытные древности; Древности исторические, географические и этнографические; Памятники искусств и художеств; Памятники быта; Церковные древности; Памятники языка и письма.

Совместное отделение: Древности литовские, славянские и восточные; Памятники археографические.

За 11 дней работы съезда занятия отделений по времени совпали дважды: 1 и 6 отделение 9 августа утром, 1 и 10 отделение 11 августа утром. Несмотря на то что заседания отделений кончались 11 августа (утром), 10 августа заняли два общих собрания — утром и днем. Вероятно, это было связано с тем, что на утреннем заседании присутствовал великий князь Сергей Александрович, которому такое распределение заседаний было удобнее.

Из вопросов, которые рассматривались на съезде, интерес представляют те, которые связаны с историей и памятниками западнорусских земель. Судя по опубликованным трудам IX Археологического съезда [11], там на эти темы было прочтено девять больших рефератов. Впервые в русской археологии ставился вопрос о домонгольской архитектуре Полоцка и Витебска (А. М. Павлинов), ставились сравнительно широкие вопросы о формах погребального обряда в курганах Минской губернии (В. З. Завитневич),

рассматривались археологические древности на литовско-белорусском пограничье (два реферата Ф. В. Покровского) и т. д.

Наиболее обстоятельным и важным было сообщение В. З. Завитневича об итогах исследований 647 курганных насыпей в Мозырском, Речицком и Бобруйском уездах Минской губ. Автор не описывал каждое погребение, как это тогда делалось. Для него было ясно, что раскапывал он курганы, насыпанные во времена летописца (или близкие к нему), и он впервые в этих землях делал подсчеты процентов особенностей погребального обряда. Оказалось, что по мере приближения к Днепру увеличивалось количество сожжений: в Мозырском уезде трупосожжения были распространены в 5%, в Бобруйском — в 7,6, в Речицком — в 25,82% [12]. Раскопки Д. Я. Самоквасова восточнее дали еще более высокий процент трупосожжений, и В. З. Завитневич делал вывод, что этот обряд пришел в Беларусь с востока. Подобные же подсчеты процентов он делал, рассматривая погребения под курганами в ямах (их более всего оказалось в Мозырском уезде — 21%) и на поверхности земли (более всего — в Бобруйском уезде — 80, 53%). Картографирование особенностей погребального обряда показало исследователю, что древности, расположенные между Припятью и Двиной, т. е. древности дреговичей, не совпадают с этнографическими границами белорусской народности [13]. Тщательно рассмотрев инвентарь, сопровождающий эти курганы, В. З. Завитневич приходит к выводу о том, что он распространен шире, чем границы племен дреговичей, и поэтому «определять на основании находимых в курганах предметов племенные границы признаю рискованным или во всяком случае преждевременным» [14]. Здесь киевский профессор был прав: действительно, тогда это было преждевременно — лишь через 5 лет А. А. Спицын установил этноопределяющие украшения древнерусских племен времени начальной летописи [15]. Как бы то ни было, обобщение В. З. Завитневичем работ по исследованию курганов было в то время большим шагом вперед, хотя многое еще не было им установлено (к чему «звал» найденный им огромный материал).

Курганным древностям Литвы и Беларуси посвящена работа другого исследователя — Ф. В. Покровского. Описанию своих раскопок он предпослал небольшое введение, из которого можно понять, чем руководствовался этот исследователь, выбирая те или иные курганы для раскопок. «В видах подготовления к IX Археологическому съезду,— сообщает он,— летом 1893 г. были предприняты раскопки курганов в Виленской губернии. С целью систематического исследования губернии в археологическом отношении сначала предполагалось обследование заключенной между Дисною и Западной Двиною части Диснинского уезда как района, обозначенного определенно выраженными физическими границами (выделено мною.— *Л. А.*), но обнаруженное в самом начале исследования совпадение с западной частию упомянутого пространства границы двух курганных типов заставило изменить первоначальное намерение и продолжать исследование по направлению этой границы...» [16] Итак, первоначально предполагалось изучать курганные древности губернии без какой-либо системы и лишь затем в ходе археологических раскопок установить границу между типами курганов, и этой-то границе Ф. В. Покровский решился следовать. Налицо, таким образом, чисто научная постановка вопроса, появилась научная цель исследования — сопоставление границы расселения современного славянского и литовского населения с границами расселения древнего населения позволило прийти к научным историческим выводам. Однако что касается датировок, то по-прежнему в распоряжении исследователя не было достаточно четких

данных, автор копал разновременные курганы (курганы в Бельмонтах, например, содержали вещи, типичные для более ранних древностей, например, длинных курганов[17]), но об этом вопрос еще не ставился и т. д.

Большое значение для развития науки о древностях имели первые исследования, произведенные А. М. Павлиновым, полоцких и витебского памятников архитектуры. «Изучались» этого рода древности в 30—40-х годах XIX в. примитивно. Теперь в 80—90-х годах XX в. наука шагнула далеко вперед. Только что прошла дискуссия в связи с выходом книги Е. Виоле ле Дюка «Русское искусство»[18], связанная с тем, что этот автор истоки нашего искусства склонен был видеть в китайском, индийском и татарском искусствах, которые якобы повлияли на зодчество Владимиро-Суздальской Руси. Против этого протестовал Ф. И. Буслаев, указавший на элементы романского зодчества во владимиро-суздальской архитектуре, на западноевропейском происхождении мастеров настаивал Н. В. Султанов[19]. Историк русской архитектуры и культуры А. М. Павлинов настаивал на самостоятельных чертах древнерусского зодчества и, в частности, владимиро-суздальского[20]. В Витебске он впервые изучил церковь Благовещения, в Полоцке — храмы св. Софии, Спас-Евфросиньи и памятники Бельчицкого монастыря.

А. М. Павлиновым были сделаны первые обмеры полоцких церквей: витебской Благовещения и полоцкой Спас-Евфросиньевской[21]. Что касается храмов Бельчицкого монастыря в Полоцке, то они были так искажены поздними переделками, что, принимая их за поздние церкви, он обмерил лишь руины большого монастырского собора, видимо, того самого, который некогда откопал и показывал желающим архимандрит И. Шулакевич.

А. М. Павлинов

А. М. Павлинов был одним из «выдающихся знатоков древнего зодчества» (Н. Н. Воронин), для того времени он обладал поразительной наблюдательностью. Детально сопоставляя храмы церквей Полоцкого княжества с планами владимиро-суздальских памятников XII—XIII вв. и с планами киевских церквей XI в., он пришел к выводу, что они ближе к последним. Самым вероятным временем постройки витебского Благовещения он считал XI в., так как двойные горизонтальные ряды плинфы, перемежающиеся с рядами тесаного белого камня этого храма, напоминали, считал он, кладку киевских храмов XI в. «opus mixtum». Сейчас принято датировать витебский памятник 40-ми годами XII в.[22]

Обращаясь к знаменитой Спас-Евфросиньевской церкви, построенной Евфросиньей в середине XII в., А. М. Павлинов отметил ее сходство с Благовещением в Витебске (правда, оно вовсе не так велико, как ему в те времена начала изучения памятников казалось) и дал ее первое научное описание. Восстанавливая первоначальный облик храма и рассмотрев «реставрацию» его архитектором Портом в 1832 г. (Порт лишил памятник позакомарного покрытия и перекрыл его крышей на два ската, полностью закрыв нижнюю часть барабана), Павлинов уловил необычайную длину барабана, однако подниматься на чердак не стал и не понял, следовательно, что это задумано изначально. «Барабан главы,— писал он,— вероятно, имел другую форму, был значительно ниже... С устройством же крыши на два ската и поднятием карниза по бокам, после заделки бывших яндов между арками, древняя глава оказалась бы почти вся закрыта новой высокой крышей и потому ее надо было удлинить или переложить вновь»[23]. Как показывает опубликованная впервые фотография нижней части главы, постамент под барабаном, открытый Н. И. Бруновым, был выложен из плинфы[24], что существенно меняет наше представление о всем облике храма, задуманном полоцким зодчим Иоанном[25].

Описывает А. М. Павлинов и кладки полоцкой Софии домонгольского времени, которые ему удалось изучить в восточной апсиде храма, и делает широкие сопоставления этого уникального памятника, находя аналогии не только в одновременных ему храмах Софии в Киеве и Софии в Новгороде, но и в более поздних (храм Мирожского монастыря в Пскове). Это не удивительно: изучение древнерусских памятников стояло тогда еще на зачаточной стадии.

Как бы то ни было, после А. М. Павлинова исследование древней архитектуры Полоцкой земли стало на научные рельсы.

Остановимся на докладе М. В. Фурсова о раскопках курганов в Могилевской губернии[26]. Работы эти были организованы просвещенным могилевским губернатором А. С. Дембовецким на средства губернии, и на те же средства была осуществлена публикация древностей этих работ. Реферат М. В. Фурсова носил обобщающий характер. Руководством для работ послужила инструкция Д. Я. Самоквасова 1878 г. Восстанавливая обряд захоронения, автор выяснил, что курганы насыпались вблизи рек и представляли собой либо трупосожжения, либо трупоположения (на материке или в яме). Сожжений больше вблизи р. Сож. Описав курганный инвентарь, М. В. Фурсов перешел к этносу погребенных и определил, что они относятся к племенному объединению радимичей. Никаких соображений о хозяйственной деятельности населения, погребенного в курганах, о ремесле, торговле и т. д. в то время еще почти не ставилось. Нет этого и в работе М. В. Фурсова.

На съезде было много других докладов, не имевших прямого отношения к территории Беларуси. IX, а следом за ним X Археологические съезды (в Вильне и в Риге) имели огромное значение для развития архео-

логии западнорусских земель. Эти съезды (особенно девятый) привлекли внимание к археологии территории Беларуси. На XI съезде выделилось много новых имен, с успехом занимавшихся местной историей и раскопками. Следует рассмотреть деятельность наиболее известных из них.

ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ ПАЕВСКИЙ (1852—1919 гг.)

Среди местных краеведов начиная с конца 70-х годов стал выделяться образованием, эрудицией и стремлением к научной работе учитель Радомской женской гимназии Л. С. Паевский. Его перу принадлежит до 20 работ на археолого-исторические темы [27]. Он участник VIII (1890 г.), IX (1893 г.), X (1897 г.) и XV (1911 г.) съездов, на IX и XV съездах выступал с рефератами [28].

Л. С. Паевский родился в Люблине в бедной семье, окончил Духовную семинарию и был оставлен преподавателем истории. Став священником (сан этот давал возможность получить небольшой земельный надел), перевелся в Беларусь, где служил в Гродненской губернии (Радом, Яново, Щитники, Слоним). Постоянно живя среди народа, он всегда интересовался его жизнью, а за «опасные» беседы с ним был неоднократно оштрафо-

Л. С. Паевский

ван. Организовал «подвижные» школы (каждый день в другой хате), которые «при всей бездомности и беспаспортности (были) не хуже любой школы в здешнем крае» [29]. После X Археологического съезда в Риге Л. С. Паевский решился на собственные раскопки [30]. По материалам семейного архива Паевских [31], Л. С. Паевский способствовал восстановлению древних архитектурных памятников Беларуси, в частности реставрации известной башни в Каменце второй половины XIII в. Скончался Л. С. Паевский в тяжелые годы гражданской войны в Тифлисе в 1919 г.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ АВЕНАРИУС (1834—1903 гг.)

В 80-х, особенно в 90-х, годах XIX в. получила широкую известность археологическая деятельность в «Западном крае» инспектора классов Белостокского института благородных девиц Н. П. Авенариуса. Он родился в Царском Селе, окончил историко-филологический факультет Главного педагогического института со званием старшего учителя и начал педагогическую деятельность во 2-й Петербургской гимназии (1857 г.). Министерство народного просвещения командировало его в Германию и Швейцарию для ознакомления с учительскими семинариями, и по возвращении Н. П. Авенариус организовал Молодечненскую учительскую семинарию для Северо-Западного края, а позднее такую же семинарию при училище военного ведомства в Москве. В 1864—1900 гг. он — инспектор Варшавского, позже Белостокского женских институтов и вынужден был проводить обязательную в тех краях русификацию (о чем написал любопытные воспоминания [32]). Каникулярное время он употреблял сначала на педагогические статьи (журналы «Подснежник», «Педагогический сборник», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.), но историческая тематика захватывала его все более. В 1868 г. он публикует из Варшавы нумизматические статьи [33], однако 1886 г., как можно понять, был для исследователя поворотным: он впервые посетил Дрогичин Надбужский и, как сообщает, открыл древнее Дрогичинское городище, из культурного слоя которого р. Буг вымывала ежегодно огромное количество древних вещей и прежде всего столь известные впоследствии дрогичинские пломбы [34]. Н. П. Авенариус помнил, что об этих пломбах как о печатях со знаками достоинства ятвяжских якобы племен, прикреплявшихся к предполагаемым ятвяжским документам, писал еще К. П. Тышкевич [35]. Сам же Н. П. Авенариус указал, что, по мнению английских ученых, «клейма прикладывались к товарным тюкам» [36]. С тех пор дрогичинских пломб стало известно несколько сотен, но назначение их до сих пор не ясно. Большинство ученых считают, что это действительно товарные пломбы, которые привешивались к товарам, перевозимым через русско-польскую границу в Дрогичине [37]. Возражением этому является то обстоятельство, что подобных пломб не встречено в других пограничных местах, через которые проходили древнерусские торговые пути. Работы на Дрогичинском городище Н. П. Авенариус вел (частично с Э. А. Вольтером) в 1886—1889 гг. Древний город окружен большим количеством других памятников того же времени (каменными курганами и т. д.), которые на составленной им карте отразили 40 могильников с «несколькими тысячами могил». Поскольку ныне Дрогичин находится за пределами нашей страны, о работах на этом памятнике Н. П. Авенариуса мы вынуждены говорить кратко.

Исследование вокруг Дрогичина повысило интерес Н. П. Авенариуса к археологическим изысканиям и он обратился к раскопкам курганов в других частях Беларуси. В письме к Д. Я. Самоквасову (16 ноября

1887 г.) он писал, что хочет копать в Борисовском уезде Минской губернии, «где имеются в курганах сидячие остовы с бронзовым приданым» [38]. Нужно думать, что он имел в виду курганный могильник у д. Эсьмоны, где им действительно вслед за любительскими раскопами Шимановского 1887 г. были обнаружены сидячие костяки [39]. Н. П. Авенариус выяснил, что возле Эсьмон имеются три курганные группы, из которых многие обложены камнями, редкий обряд погребения в сидячем положении оказался во второй группе и более всего в третьей [40]. Он интересовался и находками каменного века: за время работ в Эсьмонах на курганах им собрано в окрестностях 120 каменных орудий, при разведках обнаружено два городища. Некоторые данные позволяют выяснить методику раскопок им курганов. Связанный перепиской с Д. Я. Самоквасовым, он раскапывал этот вид памятников согласно с его инструкцией: вершина насыпи снималась до половины, а затем поперек кургана закладывалась сравнительно широкая траншея [41]. В Эсьмонах вместе с Н. П. Авенариусом работал молодой преподаватель того же Белостокского женского института В. Г. Краснянский, и эти работы, видимо, навсегда заложили в последнем неугасимый интерес к археологическим древностям Беларуси. Отметим, наконец, что вопрос о дрогичинских пломбах не оставлял Н. П. Авенариуса всю жизнь: о них он спорил и в 1897 г., доказывая, что они привешивались к документам и не были товарными пломбами «в нынешнем смысле слова» [42]. Это было продолжение его споров с И. В. Лучицким и Н. А. Леопардовым еще начала 1890-х годов [43].

АЛЕКСЕЙ ПАРФЕНЬЕВИЧ САПУНОВ (1852—1924 гг.)

К 1880-м годам относится начало деятельности крупнейшего историка Витебщины — А. П. Сапунова. За первые 10 лет (1883—1893) им было опубликовано 4 тыс. книжных страниц — 250 печатных листов [44].

Ученый родился в небольшой семье м. Усвяты Витебской губернии, в 1862—1869 гг. учился в Витебской мужской гимназии, затем — в Петербургском университете. Окончив со званием кандидата (1873 г.), был оставлен при кафедре проф. В. И. Ламанского, под руководством которого сделал первую научную работу — перевел с латыни с комментариями Адама Бременского (XI в.). В Витебске стал учителем древних языков в мужской гимназии (с 1879 г.). В 1897—1901 гг. одновременно архивариус древних актовых книг Витебской и Могилевской губерний; с 1901 г. секретарь Витебского губернского статистического комитета, в котором проработал до 1917 г. Избран в Государственную Думу третьего созыва от партии октябристов. В 1912 г. начал читать лекции в Витебском отделении Московского археологического института и читал там до его закрытия в 1922 г. В 1913 г. постановлением совета Московского археологического института избран профессором и почетным членом. После революции, в 1918 г., ему как специалисту в области статистики предложено стать заведующим отделом губернской статистики, а в 1919 г. при организации статистического бюро А. П. Сапунов был назначен заведующим демографическим отделом. С 1923 г.— член-корреспондент Центрального бюро краеведения при Российской академии наук. В Витебске в Педагогическом институте читал лекции до его закрытия (1924 г.), получил звание персонального пенсионера. Скончался в Витебске 2 октября 1924 г. после тяжелой болезни [45].

Характеристика научной работы А. П. Сапунова как издателя документов исчерпывающе дана в книге Н. Н. Улащика, что освобождает нас от подробного ее рассмотрения, и мы позволим себе остановиться только

на некоторых моментах. Крупнейшим предприятием ученого стало издание документов по истории Витебщины, задуманное им в шести томах («Витебская Старина») [46] и огромный труд «Река Западная Двина». По плану автора, первый том «Витебской Старины» должен был охватить историю Витебска, второй — Полоцка, третий — различных городов Витебской

А. П. Сапунов

губернии (Велиж, Невель и пр.), четвертый в двух частях — историю Полоцка в период господства Ивана Грозного (1563—1579) и Полоцкого и Витебского воеводств в период правления царя Алексея Михайловича (1654—1667), пятый — историю Витебщины в период воссоединения униатов с православными в 1839 г., в шестом предполагалось представить синтез из предыдущих томов. Как видим, издание было задумано очень широко, средства же на его осуществление добывались А. П. Сапуновым главным образом его преподавательской деятельностью [47]. Тираж был невелик (500 экземпляров), из-за дороговизны издания оно расходилось медленно и было убыточным. Несмотря на многочисленные недостатки публикации источников, это издание не потеряло своего значения и до наших дней. К сожалению, все издание опубликовать не удалось, из задуманного вышло всего три тома (I, IV и V). В книге «Река Западная Двина» впервые начинают попадаться и указания на археологические памятники [48]. Нужно сказать, что А. П. Сапунов раскопками никогда не занимался, но археологические памятники изучал: ему принадлежит, например, капитальное исследование «Борисовых камней» [49]. Его интересо-

вали курганы в его им. Каховка Витебской губ. и он в свое время уговорил Е. Р. Романова раскопать некоторые. Е. Р. Романов писал: Каховский могильник «требует тщательного изучения. К счастью, владелец его, наш сочлен А. П. Сапунов, вполне убежден в необходимости тщательно его сохранять от дилетантских раскопок и наука, таким образом, не будет лишена возможности дальнейшего его изучения»[50]. Нужно сказать, что археологические знания А. П. Сапунова далеко не простирались. Мне приходилось писать о печальном уничтожении Замковой горы в Витебске, когда этому исследователю было поручено составить документ-справку о данном памятнике, и в нем ни слова не говорилось о необходимости сохранять гору (на чем настаивал в своем особом отношении министру внутренних дел вице-губернатор Мамчич) и только отмечалось, что «эта гора имела некоторое историческое значение в прошлом Витебска»[51]. Тем не менее совместно с Е. Р. Романовым А. П. Сапунов составлял археологические анкеты, публиковал сведения о городищах и курганах и даже собирал археологическую коллекцию[52].

В последующие годы из-за сильно пошатнувшегося здоровья деятельность А. П. Сапунова перестала быть столь интенсивной, не была она интенсивной и в Государственной Думе третьего созыва[53], куда он был избран по разряду мелких землевладельцев и, как он сам записал, «примыкал к Союзу 17 октября (правое крыло)»[54].

Остановимся кратко еще на одной работе витебского историка, изданной в 1903 г. 6 сентября 1901 г. министр внутренних дел обратился ко всем губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам с требованием составить и представить ему точный список «остатков древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности с приложением подробных их описаний и указаний о том, на чей счет и в чьем ведении и на какие средства (они) поддерживаются»[55]. А. П. Сапуновым издана отдельная работа о древних памятниках Витебской губ., а позднее появились другие его брошюры на эту тему (об Ильинской церкви и т. д.)[56]. В упомянутой книге А. П. Сапунов излагал подробную историю архитектурных и других памятников Полоцка, Витебска и т. д. в следующем порядке: 1) древнейшие храмы; 2) храмы-памятники; 3) собственно памятники; 4) «Борисовы камни»; 5) развалины замков; 6) часовни.

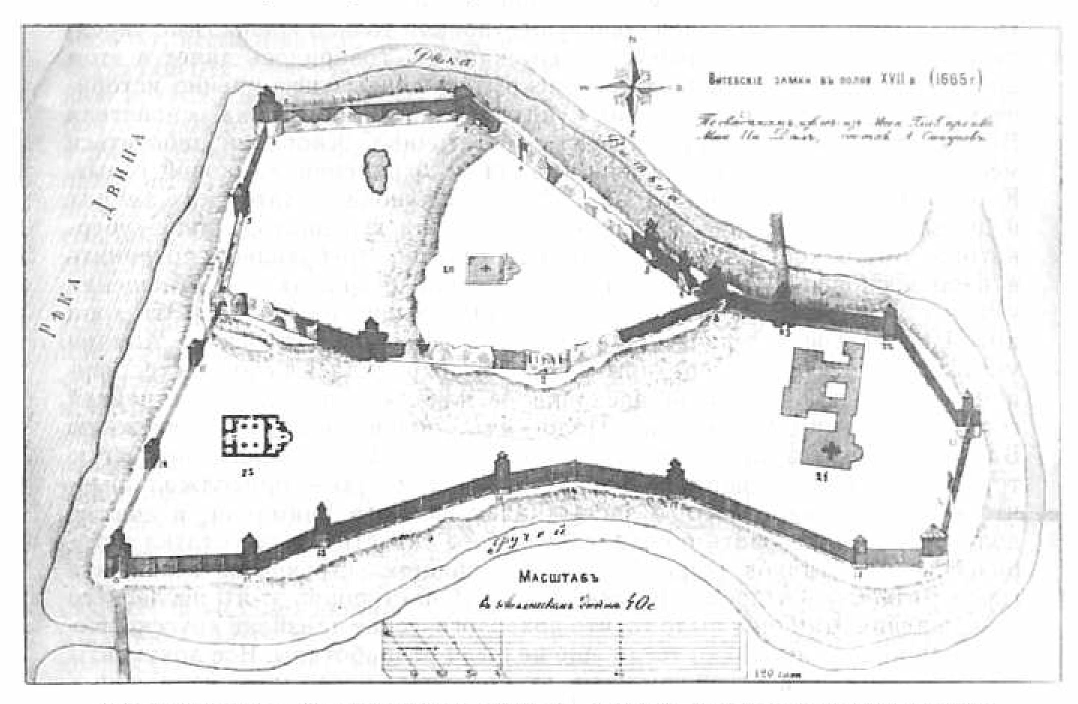
В первый раздел зачислены церкви Евфросиньи Полоцкой XII в. и витебское Благовещение, датированное автором по Павлинову временем св. Ольги, т. е. X в. Полоцкая София не фигурирует, так как от ее древних остатков, по сведениям автора, ничего не осталось. Текст сопровождается не только павлиновскими планами храмов, но и изображениями Евфросиньевской церкви до ремонта 1832 г., после ее ремонта (все это взято, по-видимому, из публикации в ЖМВД, 1833, март), церкви Благовещения в 1833 г. и позднее и т. д. Там же публикуются подробные сведения по истории этих памятников. В разделе о «Борисовых камнях» А. П. Сапунов сообщает о них общие сведения, ссылаясь при этом на свою специальную брошюру, а также приводит сведения о камнях с крестами на них, найденными им на Витебщине (д. Забежье и др.). Интересен раздел о замках, где автор приводит их планы, сопровождаемые исторической справкой о каждом.

Несколько позднее, по рекомендации Е. Р. Романова, А. П. Сапунов издал ценные списки населенных мест Витебской губернии[57]. Он занимался архивами Витебского статистического комитета[58]. В конце жизни, потеряв зрение, А. П. Сапунов диктовал большую, обобщающую труды его жизни работу — «История Витебска», которую закончить ему так и не удалось.

Оканчивая краткий обзор научной деятельности А. П. Сапунова, отметим, что, несмотря на суровую и справедливую во многом критику его публикаторских приемов Н. Н. Улащиком (отчасти забывающим, что Сапунов работал самоучкой в провинции 100 лет назад) [59], тот же исследователь писал: «Знакомясь с опубликованными работами Сапунова (у него осталось немало неизданных трудов), можно удивляться его энергии, видя, сколько может сделать один человек в свободное от преподавательской работы время» [60]. При всех недостатках значение работ витебского историка для истории Витебщины, несомненно, огромно: нет темы общего и частного характера, которой бы этот исследователь не затронул! [61]

«ДЕЛО О СРЫТИИ ЗАМКОВОЙ ГОРЫ В ВИТЕБСКЕ» (1897 г.)

Витебск, как мы знаем,— один из самых старинных городов Беларуси, первое упоминание о нем относится к 1021 г. Его древнейшая часть состояла из детинца («Верхний замок»), окольного города («Нижний замок»), а кроме них существовала еще так называемая Замковая гора — самое древнее укрепленное городище в Витебске. Скандальное срытие Замковой горы в 1897 г.— потрясающий пример вандализма в эпоху, когда археологами и многими историками уже осознавалось значение древних археологических памятников. Поразительно, но это сделано было образованными людьми, витебчанами, наверняка знающими историю своего города, хотя бы по многочисленным работам предыдущих лет А. М. Сементовского и А. П. Сапунова. Сравнить это варварство можно лишь с уничтожением в Витебске знаменитой церкви Благовещения XII в. в 1961 г., с уничтожением без исследования культурных напластований в городе, насыщенных остатками построек древних горожан.

Витебские замки в середине XVII в. (1665 г.). Чертеж по материалам Архива Министерства иностранных дел в Москве, А. П. Сапунова

«Дело о срытии Замковой горы в Витебске» обнаружено мною в начале 1960-х годов в архиве Императорской археологической комиссии в Петербурге [62]. Упоминания об этой горе можно найти уже во второй половине XIX в. [63] В 90-х годах в прессе промелькнули сообщения о ее «раскопках» и о тех находках, которые обнаружены [64]. Любопытна статья известного фольклориста Витебщины Н. Я. Никифоровского, заинтересовавшегося находками, поступившими в Витебский музей. Сообщив, что для Заручавской II (на малой Могилевской ул.) и для Задунавской дамб «потребный земляной материал брали на Замковой горе» (часть которой пошла на «замощение давнего Ручавья»), автор останавливается на находках древностей, на древней керамике. Он был поражен «тождеством гончарной посуды Киева (раскопки И. А. Хойновского) и Витебска» [65]. Итак, Замковая гора Витебска, находившаяся во дворе нового здания мужской гимназии, была разрушена уже в 1890-х годах (и в большой степени!).

Из копии предварительной записки при отношении министра народного просвещения И. А. Делянова к министру внутренних дел следует, что работы по срытию Замковой горы в Витебске начались с разрешения И. А. Делянова еще в 1883 г. В 1895 г. там найдены «каменные фундаменты, нижний этаж здания с окнами до половины, каменная лестница и отчасти плитяной, а отчасти булыжный пол». Возникло предположение, что это остатки княжеского замка, работы приостановили, а А. П. Сапунову было предложено собрать исторические сведения о Замковой горе. Год спустя, в 1896 г., «сделана в одном месте горы небольшая поверхностная раскопка, показавшая довольно отчетливо и ясно, что здесь, *по хребту горы*, шла каменная стена в прямом направлении». «Таким образом,— утверждалось в «отношении»,— были здесь какие-нибудь постройки, вроде упоминаемой в хрониках церкви Архангела Михаила, стоял ли тут замок — ничего... ни в положительном, ни в отрицательном смысле сказать нельзя». По-видимому, «на Замковой горе существовали только крепостные укрепления с башнями». «Дальнейшие изыскания,— говорилось далее в этом документе,— едва ли приведут к раскрытию данных несомненно исторической ценности, доказывающих существование в нем замка основателя Витебска... А потому нет, кажется, достаточных оснований заботиться местной государственной администрации о сохранении Замковой горы». К отношению приложена справка А. П. Сапунова о Витебских замках и дополнительная записка исполняющего дела губернатора вице-губернатора Витебской губернии Мамчича, гневно требующего сохранить в неприкосновенности «уникальный памятник старины». Об отношении к этому делу А. П. Сапунова мы говорили выше, он писал: «Эта гора имела некоторое историческое значение в прошлом Витебска». Мамчич указывал, что «гора до середины 70-х годов сохранялась в своем естественном виде... Окончательная раскопка ее началась только с постройкой гимназии и городского суда. Пологой стороной входя в набережную Витьбы, гора эта представляет собой усеченную пирамиду, покрытую травой с ровной площадкой наверху». «Я признаю,— продолжал он,— что остатки Замковой горы заслуживают полного внимания, и считаю долгом ходатайствовать о сохранении этого единственного остатка исторических памятников (города.— *Л. А.*), свидетельствующего о том, что город Витебск — издревле русский» [66]. Слабой стороной этого последнего утверждения Мамчича было то, что археологические признаки «русскости» того или иного памятника тогда еще не были разработаны. Все документы послали Археологической комиссии, ответ которой после двух специальных заседаний поразителен: «Разрешить срывать гору, но наблюдать особой комиссии» [67]. Была ли создана такая комиссия, из кого она состояла и что

могла «наблюдать»,— неизвестно. Факт налицо: большая часть горы, мешавшая «прекрасному виду гимназии», срыта. По остаткам горы, существовавшим еще при А. Н. Лявданском (1928 г.), этот исследователь заключил, что это городище (вероятно, одной родопатриархальной семьи) IX в., на основе которого в X—XI вв. вырос город [68].

Замковой горы, ее остатков, которые изучал А. Н. Лявданский, слабые следы которой еще видны (без следов культурного слоя) в наши дни, больше не существует. Это было окончательно и бездумно уничтожено в 1960—70-х годах, именуемых теперь «эпохой застоя».

ЕВДОКИМ РОМАНОВИЧ РОМАНОВ (1855—1922 гг.)

Археологическая деятельность другого ученого — Е. Р. Романова, как и деятельность А. П. Сапунова, еще ждет своего исследователя [69].

Е. Р. Романов родился в м. Белица Гомельского уезда Могилевской губернии. По окончании Гомельской прогимназии (1870 г.) служил народным учителем в Оршанском и Сенненском уездах, уделял одновременно много времени краеведению. С начала трудовой деятельности он завязал связи с северо-западным отделением ИРГО в Вильне, которому поставлял различные сведения преимущественно этнографического характера [70]. Став учителем в г. Сенно Могилевской губернии (1876 г.), Е. Р. Романов приступает к составлению белорусского словаря и белорусской грамматики и в 1877 г. знакомит с результатами этой деятельности Академию наук в Петербурге [71]. В 70-х годах он приступает к раскопкам и разведкам [72]. Его первые археологические статьи обнаруживают широту знаний по археологии Беларуси и соседних земель. В 1886 г. началась служба Е. Р. Романова в Витебске в качестве инспектора народных училищ. Работая над «Белорусскими сборниками» (первый вышел в Киеве, 1886 г.), исследователь продолжает занятия археологией. В 1886 г. в разведках он открывает новый «Борисов камень» XII в., приступает к составлению археологической карты Могилевской губернии, материалы для которой он собирал в предыдущие годы [73]. В 1887 г. им проводятся раскопки в ряде уездов Могилевской губернии [74]. Продолжая исследование Могилевщины в следующем 1888 г. [75], Е. Р. Романов вырабатывает свой метод исследования курганов. Раскопки производились «самым медленным способом,— пишет он,— послойной съемкой земли. В малых курганах снимался один слой в половину высоты, в больших — два, каждый в треть высоты. Затем с севера и юга площади в расстоянии одного аршина от краев прокапывались траншеи восток — запад через весь курган глубиною до материка. Потом рабочие, стоя в трашеях, срезывали или, вернее, соскабливали тонкими слоями насыпь до могилы...» [76] Конечно, современному исследователю такой способ раскопок курганов не кажется правильным, так как не позволяет изучить историю возведения памятника, однако вспомним, что еще в 20-х годах нашего века курганы копались колодцами. Успешные исследования Е. Р. Романова в области археологии позволили ему тогда же баллотироваться и быть избранным в члены-корреспонденты Московского археологического общества [77].

В конце 80-х годов на окраине г. Люцина при земляных работах был открыт принадлежавший древним латгалам знаменитый Люцинский могильник, вещи из которого начал скупать местный житель Фохт. «Эта коллекция сделалась известной неутомимому исследователю Витебской губернии... Е. Р. Романову, который принял немедленные меры к охранению Люцинского могильника от произвольных раскопок, и затем по поручению ИАК приступил к его систематическому исследованию, что и выпол-

нено было им с совершенным успехом»,— писал А. А. Спицын, публикуя результаты раскопок [78]. Люцинским могильником Е. Р. Романов занимался два года (1890—1891), вскрыл площадь 812 кв. сажен, на которой обнаружил 293 погребения. Двукратная работа на Люцинском могильнике в 1891 г. не помешала Е. Р. Романову провести в том же году раскопки курганов в имении А. П. Сапунова [79]. Ко времени организации IX Археологического съезда Е. Р. Романов приобрел большие знания археологических древностей Витебской и Могилевской губерний [80]. В течение ряда лет он составлял археологическую карту Витебской губ., которую должен был представить Девятому археологическому съезду [81]. Исключительно ценные материалы получены исследователем при раскопках в Спицах, Вядце, Лукомле, Закурье, Черцах Сенненского уезда [81а], но полной публикации их не последовало.

Переехав в Могилев и став инспектором народных училищ Могилевской губ. (1895—1906 гг.), Е. Р. Романов продолжал прежние работы, но археологии уделял внимания несколько меньше. Он по-прежнему занимался составлением археологических карт Могилевской, Витебской, а с 1894 г. Гродненской губерний [82]. В печати получили освещение археологические раскопки Е. Р. Романова в могилевский период (в Мигове — 1895 г., у Лукомля — 1898 г., в им. Чирчине — 1899 г., в Брусневичах — 1900 г., в Радомле — 1903 г., а также у Нового Быхова и по Днепру — 1905 г. [83]). Результаты разведок ученого в Могилевской губ. не устарели до наших дней [84].

С переездом в Вильну, где он также был инспектором народных училищ (1907—1914 гг.), условия сложились так, что Е. Р. Романов не мог уделить много времени археологии и тем более производить раскопки [85]. Однако ежегодно из-под его пера выходили статьи, отражающие накопленные им в прошлые годы материалы [86].

Наиболее важные археологические работы этого времени, вышедшие в 1908 г., содержат сведения о городищах и курганах в Беларуси, указывают их число по губерниям и т. д. Статья эта не утратила значения и в наши дни.

Последние и весьма ценные статьи по археологии опубликованы Е. Р. Романовым в «Записках северо-западного отделения Русского археологического общества», организованного в конце первого десятилетия нашего столетия. Каждый том Записок содержал одну-две археологические статьи и почти все они принадлежали Е. Р. Романову. Так, в первом томе Записок он напечатал главу «обширного исторического труда о Гомельском уезде», который он, по его свидетельству, «подготавливал к печати» (и, видимо, так и не окончил) [87]. Там он детально описывал памятники по вполне уже сложившейся к тому времени четкой системе: стоянки (якобы палеолитические, хотя и с находками на них кремневых стрел,— например, Демьянки, т. е. более поздние, понимаем мы теперь), городища, поля погребальных урн, славянские древности (курганы) [88], во второй том вошли две его статьи по археологии — о камне с надписью на р. Вилии и об обследованиях Гродненского Полесья [89]. В первой из них решался вопрос, между прочим, о назначении Борисовых камней (они поражали величиной, язычники их обожествляли и им поклонялись, почему в христианскую пору на них были иссечены кресты). Во второй описывались древности Здитова. В третьем томе он поместил результаты археологических разведок в Могилевской губернии. Здесь он начал с так называемого Пелагеевского городища (Змеевка на территории Могилева), где в «пробных ямах на вершине» найден «слой чернозема в две четверти с толченым кварцем» [90]. Автор не очень точно представлял себе назначение городищ,

а методы раскопок их пока не разработаны. Тем не менее его суждение об основном могилевском городище вполне верно и интересно: «подобное же городище, но гораздо больших размеров, имелось и на Валу, обращенном ныне в бульвар»,— писал исследователь и был вполне прав — теперь установлено, что этот «Вал» в действительности представляет детинец древнего Могилева, только не домонгольского времени, а позднее — здесь был построен замок в 1526 г., уничтоживший более древние могилы, откуда и наименование города [91]. Описывает в данной работе Е. Р. Романов и памятники южнее Могилева — обнажения под Новым Быховом, курганы и городища у с. Лучин и т. д. Интересно его заключение, что в большинстве в окрестностях изучаемой территории обряд погребения дреговичский (его уже хорошо знали благодаря, по-видимому, большим раскопкам В. З. Завитневича), но в Лучине — кривичский, и это давало основание утверждать, что Лучин на Днепре — это тот самый Лучин, который упоминается в грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича [92]. Что касается датировок, то здесь у Е. Р. Романова (как и у большинства исследователей того времени) уверенности еще не было, правда, основываясь, по-видимому, в основном на интуиции, находках монет и т. д., исследователь утверждал, что курган с сожжением у д. Грязивец (№ 4), «вероятно, X в.», а курган под Новым Быховом (№ 3), «в котором на материале было открыто обыкновенное погребение (трупоположение — *Л. А.*), предположительно X—XI вв.» [93] Как видим, работы Е. Р. Романова предвоенного времени были очень интересны, хотя многого он еще не знал, и очень жаль, что война и болезнь вынудили его прекратить дальнейшие археологические работы.

В свой виленский период Е. Р. Романов организовал третий в своей жизни церковно-археологический музей (1910 г.), куда передал оставшуюся у него археологическую коллекцию. С возобновлением деятельности северо-западного отдела ИРГО (1910 г.), где он был избран заведующим секцией этнографии и археологии, Е. Р. Романов получил возможность несколько активизировать свою полевую деятельность и выехать в ряд мест для археолого-этнографических работ (м. Здитов Виленского уезда, д. Камень Вилейского уезда). Однако возникшие материальные трудности заставляют его искать другой деятельности. Он пытается переехать в г. Петриков (Польша), но надорванное здоровье и неожиданная болезнь (инсульт с параличом ног) заставляют его вернуться в Вильну (1911 г.), где он остается до 1914 г. и продолжает работать над VIII и IX «Белорусскими сборниками». По подсчетам В. К. Бондарчика, в виленский период (1907—1914 гг.) Е. Р. Романов издал 34 работы по этнографии, фольклору и археологии Беларуси [94].

Проследив деятельность Е. Р. Романова на протяжении трех периодов его жизни — витебского, могилевского и виленского, мы видим, как много ученому удалось сделать для развития археологии и краеведения Беларуси. Несомненно, он мог бы сделать и еще больше, если бы жизненные и служебные условия сложились более благоприятно. Для того чтобы занять место на служебном поприще, которое позволило бы создать базу для спокойных научных занятий, у него всегда не хватало формального обстоятельства — диплома о высшем образовании, и это давало возможность отказывать ему в повышении. 30 мая 1901 г. Е. Р. Романов писал И. П. Корнилову: «На больное место относительно служебного повышения я отвечу, что это несбыточная мечта. Два года тому назад хлопотал о моем назначении на должность директора народных училищ наш общий знакомый князь В. И. Друцкий-Любецкий. Ему ответили, что это невероятно, так как не получил высшего образования. В декабре опять представится такой

же случай, но я уже и попытки делать не буду, хотя минский директор Тимофеев тоже был самоучкой. Вообще мне по службе не везет»[95].

Конец Е. Р. Романова также трагичен, как и конец жизни А. К. Киркора. После второго инсульта он при приближении фронта к Вильне был эвакуирован в Одессу (1914 г.), где издал труд, куда вошли некоторые предыдущие его работы. Уволенный в 1916 г. со службы, в поисках работы он вернулся в Витебск, а затем переехал в Могилев и, наконец, в Ставрополь, где писал свою последнюю работу о говорах Могилевской губернии, вышедшую посмертно (1928 г.). В Ставрополе ученый оказался в особенно тяжелом положении (голод). Попытка Наркомпроса БССР вывезти ученого в Минск (1921 г.)[96] не удалась — было поздно. Е. Р. Романов скончался в Ставрополе, ценнейший архив его весь исчез.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ СПИЦЫН (1858—1931 гг.)

Огромное значение для развития археологии Беларуси имели многочисленные работы крупнейшего русского археолога А. А. Спицына. Биография этого выдающегося ученого хорошо известна[97]. Талантливый педагог, историк и краевед, автор многих исследований по истории Вятского края, он стал известен петербургским ученым кругам (с которыми многократно встречался на археологических съездах). Н. Н. Веселовский и С. Ф. Платонов перетянули его в Петербург в 1892 г. С тех пор как сотрудник Археологической комиссии А. А. Спицын оказался в центре всех научных работ по археологии, которые велись в стране, он навсегда связал себя с мало еще разработанной археологией России, которую со временем и поднял на большую научную высоту. По списку его ученых трудов[98] видно, что свою основную задачу А. А. Спицын видел в это время в собирании и публикации огромного археологического материала, скопившегося в комиссии в виде отчетов различных лиц, проводивших раскопки, а также — в его первичном археологическом осмыслении. Немалое внимание им уделено и интересующим нас западным губерниям. В 1893 г. ученый обработал и издал материалы Люцинского могильника (современная восточная Латвия)[99] и приступил к публикации своих великолепных «Обозрений губерний в археологическом отношении». Среди охваченных им 20 губерний в 1896 г. он опубликовал «Обозрение» по Могилевской губернии, в 1897 г.— по Витебской, в 1899 г.— по Минской, Гродненской, Смоленской, а также Виленской[100]. Работая над «Обозрениями», А. А. Спицын использовал все имеющиеся материалы, включая материалы местных газет. Материалы, собранные им в «Обозрениях», не потеряли значения и сейчас. В 1890-х годах А. А. Спицыным владела идея выявления древних летописных племен по данным археологии, в конце 90-х годов, как известно, ключ к этому был им блестяще найден[101]. В названных работах более раннего времени он касался этого вопроса осторожно и приблизительно. В первой из них, говоря о Могилевской губернии, он рассматривает раскопки курганов по приблизительно намеченной территории кривичей (кривичи «выходили», полагает он, на верх Сожа, однако определить границу полочан, дреговичей и радимичей он еще не может, ибо «тип курганных погребений полочан X—XI вв. еще не выяснен»). Интересно, что А. А. Спицын отмечает малое количество курганов в Могилевском и Горкинском уездах и заключает, что «эта часть губернии была еще плохо заселена в X—XI вв.»[102] Он, следовательно, первым считал, что расположение курганных групп на местности может свидетельствовать о заселенности данной территории[103] — мысль детально разработана лишь в наше время автором этих

строк [104]. А. А. Спицын отметил, что характерной особенностью погребений радимичей является подсыпка под костяком, что также подтвердилось теперь [105]. «Обозрения» А. А. Спицына — ценнейший вклад в археологию и, в частности, в археологию Беларуси. Велико значение работ этого автора и более позднего времени: об удлиненных и длинных курганах (в частности, Витебщины — он считал удлиненные курганы древнейшими погребениями полочан), о Гнездовских курганах (раскопки С. И. Сергеева) и т. д. Капитальные работы этого исследователя превратили громадные археологические материалы интересующей нас территории (собранные к этому времени) в полноценный исторический источник.

ПЕРВЫЕ ОБОБЩАЮЩИЕ РАБОТЫ О ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЖЕСТВАХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В 1890-х годах деятельность учеников школы киевского профессора В. Б. Антоновича распространилась и на интересующую нас территорию — в это время были опубликованы три капитальных исследования по истории этих земель [106]. Работа Митрофана Викторовича Довнар-Запольского (1867—1934 гг.) посвящена племенам северной и южной Беларуси,

П. В. Голубовский

суживала рамки хронологические лишь до XII в. и широких задач не ставила. Заслуга автора в привлечении помимо летописей — хроник данных исторической географии, топонимики и пр. Впервые намечались границы расселения изучаемых племен; из-за неразработанности археологии далеко здесь уйти было нельзя.

Капитальнее была докторская диссертация Павла Васильевича Голубовского (1857—1907 гг.), которая охватывала и восточную Беларусь. Источниковедческая база здесь была шире: летописи, актовый материал, историческая география и археология. За географическим и генеалогическим разделами рассматривался «общественный строй и быт» населения на основании знаменитого Устава Ростислава Смоленского, датируемого тогда, правда, не 1136 или 1137 гг., а 1150 г. Очень ценна в исследовании локализация пунктов Устава, проведенная на широком, в частности восточнобелорусском, материале, хотя с многими выводами я не согласился [107]. Многие пункты Устава находятся в современной восточной Беларуси.

Книга Владимира Евгеньевича Данилевича (1872—1936 гг.) содержит много важных материалов по истории северной Беларуси, но по научной значимости несколько уступает предыдущей. Заново изучив все известные письменные источники, автор привлек ряд новых, включил некоторые материалы по «каменному веку» изучаемой территории. Однако история Полоцкого княжества строится лишь на данных письменных источников, главным образом путем пассивного пересказа летописей. Точно так же сделаны и главы о «литовском периоде» княжества. Ценность этой монографии прежде всего в количестве собранных источников [108].

Нужно сказать, что все три книги учеников В. Б. Антоновича по областной истории западных земель Руси явились первыми обобщающими работами на эту тему и в этом их большое научное значение.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛОЦКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ

Полоцкий кадетский корпус, созданный в 1835 г. для русификации края, по воспоминаниям современников, был крупным очагом культуры в белорусских землях и выпустил ряд выдающихся деятелей [109].

Местными древностями в корпусе прежде всего интересовался его директор (1878—1888 гг.) генерал-майор Алексей Петрович Тыртов (1834—1893 гг.), избранный даже главой Виленского предварительного комитета IX Археологического съезда. Еще в 1888 г. он предлагал учредить в Полоцке музей местных древностей и создать кружок любителей археологии [110]. Среди его трудов находим несколько и по местной истории [111].

Помимо А. П. Тыртова этим же интересовались педагоги корпуса. «Есть у нас в Полоцке один из бывших преподавателей корпуса, который уже лет 15 пишет историю города»,— сообщает Эльпе [112]. Это был Алексей Карлович Морель, переведенный в Полоцк в 1871 г. из Ковенской гимназии на должность воспитателя и преподавателя физики и математики в корпусе. В 1885 г. он вышел в отставку, но оставался в корпусе до 1908 г. приватным преподавателем. «Знаток Северо-Западного края, А. К.,— по свидетельству В. П. Викентьева,— много потрудился над историей г. Полоцка и над изучением архивных документов из прошлого Полоцкого корпуса...» [113] Знания А. К. Мореля по истории края были

Работы по фотосъемке Второго Борисова камня (на Западной Двине у д. Наковники в 1890-е гг. На камне — И. А. Шляпкин)

Рогволодов камень в часовне. Фото И. Ф. Чистякова 1890-х гг.

в самом деле велики, он был даже избран членом комитета по устройству IX Археологического съезда (Виленское отделение) [114]. Труды А. К. Мореля рассеяны по местным изданиям, все они посвящены Полоцку [115].

Занимался местной историей и другой преподаватель Полоцкого корпуса — Иван Иванович Долгов (1857—1911 гг.) — один из «популярнейших людей» в городе [116]. Будучи литератором, он интересовался местными древностями — копал курганы в им. Ситно, с. П. П. Покрышкиным изучал кладки древнейшей Софии под полом современной, а после открытия Н. Н. Кайгородовым там фресок вместе с ним хлопотал об устройстве «подземного музея» [117]. Он рано умер, среди его многочисленных статей несколько посвящены истории края [118].

Печатали свои работы и выпускники корпуса. Нестор Кайгородов — автор ряда работ по артиллерии, занимался фольклором и древностями [119].

Основная работа Н. Кайгородова о древностях Полоцка имеет большое значение, так как использует ряд материалов, которые без нее остались бы неизвестными [120]. Правда, никаких научных открытий мы в ней не найдем. В основном это обстоятельный пересказ и даже не первоисточников, а пособий. Используются «Россия» (т. IX, изд. Девриена), работы В. Е. Данилевича, А. П. Сапунова, А. М. Павлинова, из старых — И. Стебельского, Несецкого и т. д. Самое ценное здесь — это фотокопии работ П. П. Покрышкина в Полоцке, полученные автором от фотографа Н. Т. Миронова, работавшего с П. П. Покрышкиным при обследовании Софийского собора XI в. Примерно на том же уровне, но без каких-либо важных иллюстраций выполнены работы учителей Полоцкого кадетского корпуса. Ценность их всех — в обстоятельном изучении их авторами всей имеющейся литературы, подборе сведений на заданную тему, что было крайне полезно для ознакомления с древностями своих мест самых широких слоев читающей интеллигенции.

РАБОТЫ ФОТОГРАФА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И. Ф. ЧИСТЯКОВА В ПОЛОЦКЕ В 1896 г.

В 1896 г. Археологическая комиссия по просьбе И. А. Шляпкина, готовившего корпус всех древнерусских надписей и корпуса крестов, направила в Полоцк своего фотографа И. Ф. Чистякова. 19 негативов этих работ, хранящихся ныне в архиве ЛОИА (фонд И. А. Шляпкина), уникальны, так как большинство памятников, которые на них сняты, в 1930-х годах уничтожены. Негативы были обнаружены мной в указанном архиве в 1956 г. и часть из них, относящихся к кресту Евфросиньи Полоцкой, была опубликована (фонд № 20465—72, 6743—53) [121]. В том же фонде сохранились и фотографии, фиксирующие съемки некоторых «Борисовых камней». К сожалению, свод надписей И. А. Шляпкина так и не вышел.

Литература

1. Формозов А. А. К столетию «Археологии России» А. С. Уварова // Природа. 1981. № 12. С. 61—69; Он же. Начало изучения каменного века в России. М., 1983. С. 84—101.

2. Шелов Д. Б. Археологические съезды. СИЭ. М., 1961. Т. I. С. 823.

3. Труды Девятого археологического съезда в Вильне. М., 1897. Т. II. Протоколы. С. 21—32.

4. Древности. ТМАО. М., 1890. Т. XIX. Вып. 2. Протоколы. С. 71, 72.

5. Довнар-Запольский М. В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891; Татур Г. Х. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. Мн., 1892; Отрывок из краткой Литовской летописи... Авраамки. СПб., 1893; Люцинский могильник. МАР. СПб., 1893. № 14 и др.

6. Труды ВОМПК. Вильна, 1893.

7. Виленский календарь на 1904 год. Вильна, 1903. С. 379, 380.

8. Покровский Ф. В. Курганы на современной границе Литвы и Белоруссии. Труды IX АС. М., 1895. Т. I. С. 166—220.

9. Виленский Вестник. 1887. № 206, 223; Покровский Ф. В. Археологические экскурсии по Виленской губернии. Вильна, 1893; Он же. Из доисторического быта на славяно-литовской границе. Вильна, 1894 и др.

10. В вопросах хронологии у Ф. В. Покровского преобладали отвлеченные выкладки // Археологические карты Виленской и Гродненской губерний, представленные им к IX АС, были точны. Это отмечали Е. и В. Голубовичи, проверяя работы исследователя на местности (КСИИМК. 1945. XI. С. 126). Таким образом, нападки на неточность Ф. В. Покровского С. А. Таракановой (КСИИМК, 1955. 57. С. 101) беспочвенны, а найденные ею три курганные группы Ф. В. Покровского просто уничтожены.

11. Труды девятого археологического съезда в Вильне. 1893. М., 1895. Т. I; 1897. Т. II.

12. Завитневич В. З. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии. Труды IX АС. Т. I. С. 233.

13. Там же. С. 226.

14. Там же.

15. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. № VIII.

16. Покровский Ф. В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Труды IX Археологического съезда. Т. I. С. 166.

17. Покровский Ф. В. Курганы... С. 183. Рис. 56.

18. Виоле ле Дюк Е. Русское искусство. М., 1879.

19. Буслаев Ф. И. Русское искусство в оценке французского ученого // Критическое обозрение. 1879. № 2, 5; Султанов Н. В. Русское зодчество в западной оценке // Зодчий. 1880. № 1—2.

20. Павлинов А. М. История русской архитектуры. М., 1894.

21. Павлинов А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка. Труды IX АС. М., 1895. Т. I. С. 1—18.

22. Раппопорт П. А. Церковь Благовещения в Витебске // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1985 г. М., 1987. С. 526.

23. Павлинов А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка... С. 16.

24. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 216. Рис. 59.

25. Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. М., 1952.

26. Фурсов М. В. Курганные раскопки в пяти уездах Могилевской губернии в 1892 г. Труды I АС. Т. I. С. 236—245.

27. Паевский Л. С. О церквах брестской капитулы начала второй половины XVIII в. Вильна, 1887; Он же. Из поездки в Москву на VIII Археологический съезд. Гродно, 1893; Он же. Наши провинциальные архивы и их значение для Западно-Русского края. Гродно, 1894.

28. Паевский Л. С. Жировицкий и Брест-Литовский архивы. Труды IX АС. Т. I. С. 299—308; Он же. Город Брест-Литовск и его древние храмы. Там же. С. 309— 349; Он же. Сближение старой Литвы с древним Новгородом // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1914. Т. I.

29. Из письма Л. С. Паевского к В. П. Кулину 15 марта 1887 г. (Корнилов И. П. Русское дело в Западном крае. СПб., 1901. С. 236).

30. ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С. 93, 173; Архив ЛОИА, ф. 1 (Археологической комиссии), дело 1898 г. № 177. Раскопки Л. С. Паевского в Брестском уезде Гродненской губернии.

31. В сборе сведений о Л. С. Паевском мне любезно помогали ныне покойные: Т. Л. Гайдукевич — дочь Л. С. Паевского и особенно известный московский библиограф А. В. Паевская — внучка. По словам последней, значительная часть архива Л. С. Паевского погибла в Каменце в пожаре 1893 г.

32. Авенариус Н. П. Варшавские воспоминания // ИВ. 1904. Т. 96.

33. Авенариус Н. П. Загадочная монета // Всемирная иллюстрация. 1868; Он же. Нечто о куне // ИРАО. СПб., 1872. Т. VII, в. 1—4. С. 114—127.

34. Археологическая находка в Дрогичине // Лит. Еп. Вед. 1886. № 50; Археологическая находка в Дрогичине // Исторический Вестник. 1886, октябрь. С. 243, 244; Архив Н. П. Авенариуса // ЦГИАЛ (Алексеева Е. П. Документы по археологии, хранящиеся в фондах ЦГИАЛ // СА. 1951. XV. С. 346).

35. Тышкевич К. П. Свинцовые оттиски, найденные в р. Буге у Дрогичина // Древности. ТМАО. М., 1867. Т. I. Вып. 2. С. 115—121.

36. Авенариус Н. П. Дрогичин Надбужский и его древности // МАР. СПб., 1890. № 4. С. 15.

37. Этого мнения придерживаются и теперь. Даркевич В. П. Международные связи // Археология СССР. Древняя Русь. М., 1985. С. 369.

38. Архив ГИМ, фонд 104 (Д. Я. Самоквасова), е. х. 25, м. хр. Б-30.

39. Раскопки в Северо-Западном крае // ОАК за 1889 г. С. 45.

40. Там же.

41. Там же.

42. Авенариус Н. П. Еще несколько слов о дрогичинских пломбах // Труды IX Археологического съезда в Вильне. М., 1897. Т. II. С. 327.

43. Леопардов Н. А. Приложение к статье о печати царева мужа. К., 1891. С. 23; Он же. О сходстве изображений на некоторых херсонесских монетах с изображением на дрогичинских свинцовых знаках (пломбах) // Сборник снимков с предметов древностей, находящихся в Киеве в частных руках. Киев, 1891. Вып. 2. С. 8—12; Лучицкий И. В. По поводу «Дрогичинских древностей» // Чтения в Историческом обществе летописца Нестора. Киев, 1892. Т. VI. С. 73—105.

44. Дарафеенка Н. Выдатны гісторык Віцебшчыны // Віцебскі рабочы. 1957. 26. VII.

45. Барашка Іл. Аляксей Парфенавіч Сапуноў. Некралог // Савецкая Беларусь. 1924. № 231.

46. «Витебская старина». Составил и издал А. П. Сапунов. Витебск, 1883. Т. I; 1885. Т. IV; 1888. Т. V.

47. Пичета В. И. Белоруссия и Литва. XV—XVI вв. М., 1961. С. 425.

48. Сапунов А. П. Река Западная Двина. Витебск, 1893. С. 372 и др.

49. Сапунов А. П. Двинские или Борисовы камни. Витебск, 1890.

50. Древности. ТМАО. М., 1900. Вып. XVI. Протоколы. С. 80.

51. Алексеев Л. В. К истории и топографии древнейшего Витебска // СА. 1964. № 1; ДАК. 1897. № 78. Л. 6—8.

52. Романов Е. Р., Сапунов А. П. Список вопросов для составления археологической карты Витебской губернии // Витебские губернские ведомости. 1890. № 5; Сапунов А. П. Археологические находки в Виленской губернии // Там же. 1894. № 81.

53. Сапунов А. П. Речи в Государственной Думе 3-го созыва (по стенографическим отчетам). СПб., 1912.

54. Личное дело А. П. Сапунова. ЦГИАЛ, ф. 1278 (Государственной Думы), оп. 9, № 103, л. 1—1 об. Заметим, что деятельность А. П. Сапунова в Думе до сих пор не изучалась. Он принадлежал к октябристам — «партии пропавшей грамоты» (как их называли в Думе по бутаде кн. Е. Н. Трубецкого). Изгоев А. С. Русское общество и революция. М., 1910. С. 95,— «правое крыло», т. е. правые октябристы. Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. (О Сапунове — с. 29, 30). Базедова болезнь не давала возможности А. П. Сапунову принимать участие в нормальной работе Думы: он предъявлял справки врачей, часто манкировал, а с 22 мая 1912 г. перестал ездить на сессии Думы (ЦГИАЛ, ук. дело, л. 19).

55. Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начала XX в. М., 1978. С. 153, 154.

56. Сапунов А. П. Памятники времен древнейших и новейших в Витебской губернии. Витебск, 1903; Он же. Церковь во имя св. Пророка Ильи в г. Витебске. Витебск, 1904.

57. «Сапунов уже в Витебске и будет много работать. Приглашаю его издать списки населенных мест и урочищ Витебской губернии. Они у меня есть, а он — секретарь статистического комитета и дело как-нибудь сладится...» (Е. Р. Романов — Е. Ф. Карскому. 15.XII. 1901. Архив АН СССР в Санкт-Петербурге. Опись 2. № 124, л. 7 об); Сапунов А. П. Списки населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1903.

58. Сапунов А. П. Архивы в городах Могилевской губернии и в Минске. М., 1902; Он же. План г. Витебска. Пам. кн. Витебской губернии на 1905 год. Витебск, 1905; Он же. Исторический очерк 50-летия Витебского статистического комитета. Витебск, 1903 и др.

59. Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 230—239.

60. Там же. С. 237.

61. После смерти А. П. Сапунова его колоссальный архив разбирала специальная комиссия во главе с А. Мелешко. Разборка рукописей, фотографического материала заняла у комиссии несколько дней. Ею было выявлено, что А. П. Сапуновым остался ненапечатанным ряд важных работ, среди которых: «Писцовые книги Полоцка, Велижа, Невеля, Себежа

от 1667 года», «История города Витебска» и многие другие. Не были опубликованы его ценнейшие лекции, которые он читал в последние годы в пединституте Витебска: «Курс белорусоведения», а также «Что такое Белоруссия и кто такие белорусы» и т. д. Из его громадной библиотеки, которую он собирал всю жизнь (и с которой он был вынужден расставаться в голодные годы), после его смерти осталось всего 577 томов, из которых все наиболее ценное было передано в Витебский музей (Віцень Д. Навуковая спадчына, пакінутая А. П. Сапуновым). Некоторые рукописи, дошедшие до нас ныне, хранятся в Витебском областном краеведческом музее. А. П. Сапунов погребен на Тройчанском кладбище в Витебске (К. М. Пахаваньне праф. Сапунова // Савецкая Беларусь. 1924. № 236).

62. ДАК. 1897. № 8; Алексеев Л. В. К истории и топографии древнейшего Витебска // СА. 1964. № 1.

63. Город Витебск // Кругозор. СПб., 1876. № 10. С. 156, 157.

64. По губерниям. Раскопки Замковой горы в Витебске // Правительственный вестник. 1895. № 176; Нижегородские губернские ведомости. 1895. № 35.

65. Никифоровский Н. Я. Гончарные терракоты Витебска по археологическим находкам // Витебские губернские ведомости. 1897. № 135—138.

66. ДАК. 1897. № 78.

67. Там же. Л. 11.

68. Ляўданскі А. Н. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе // Працы... Т. 2. Мн., 1930. С. 93, 94.

69. Известная монография В. К. Бондарчика (Бандарчык В. К. Еўдакім Раманавіч Раманаў. Мн., 1961) посвящена в основном этнографическим исследованиям Е. Р. Романова.

70. Бандарчык В. К. Еўдакім Раманавіч Раманаў... С. 68.

71. Там же. С. 70.

72. Майнов В. Н. Описание черепов из курганов Витебской губернии (раскопки Е. Р. Романова) // ИОЛЕАЭ. М., 1878—1879. XXXI. С. 118, 119 // Витебские губернские ведомости. Витебск, 1884. № 78.

73. Романов Е. Р. Борисов камень в с. Высоком Городце Сенненского уезда // Могилевские губернские ведомости. 1886. № 42; Древности. М., 1889.

74. Древности. ТМАО. М., 1888. XII. С. 55.

75. Романов Е. Р. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. // Древности. ТМАО. М., 1889. XIII. С. 129—153.

76. Романов Е. Р. Раскопки... С. 130.

77. Древности. ТМАО. М., 1888. XII. Протоколы. С. 72.

78. Древности Северо-Западного края. Т. I. Вып. 2. Люцинский могильник // МАР. СПб., 1893. Т. 14. С. 1—3.

79. Романов Е. Р. Раскопки в Каховке // Этнографическое обозрение. 1891. № 70; Он же. Раскопки в Каховке Витебской губернии // Древности. ТМАО. М., 1900. Т. XVI. С. 76—80.

80. Романов Е. Р. Заметка о дополнительных местонахождениях // Труды ВОМПК. Вильна, 1892. Витебские губернские ведомости. 1892. № 18.

81. Материалы карты Е. Р. Романова частично попали в печать. Сапунов А. П. Река Западная Двина. Витебск, 1893. Прим. 202, 206, 247; Аникиевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губ. Могилев, 1907. С. 60—65.

81а. Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды ПОКЭ. М., 1959. I. С. 289—291.

82. Бандарчык В. К. Указ. соч. С. 110; Романов Е. Р. Очерки Витебской губернии. Витебск, 1898.

83. Романов Е. Р. Раскопки в Мигове // Гродненские губернские ведомости. 1895. № 42; Он же. Археологические находки // Могилевские губернские ведомости. 1898. № 38—41; Он же. Раскопки в им. Чирчине // Могилевские губернские ведомости. 1899. № 37; Он же. Пробная раскопка в Брусневичах Могилевского уезда. 15—16 июля 1900 г. // Могилевские губернские ведомости. 1900. № 59, 60; Он же. Две археологические разведки // Могилевские губернские ведомости. 1903. № 76; ИАК. СПб., 1904. 9. С. 46, 47; ИАК. СПб., 1906. 18. С. 24.

84. Романов Е. Р. Археологические разведки в Могилевской губернии // Из Записок северо-западного отделения ИРГО. Вильна, 1912. С. 33—63.

85. Романов Е. Р. Краткие указания для совершения археологических экскурсий. Циркуляры Виленского учебного округа. Вильна, 1909; Он же. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки северо-западного отделения ИРГО. Т. 1. Вильна, 1910. С. 97—128; Он же. Археологические разведки в Могилевской губ. // Там же. Т. 3. Вильна, 1912. С. 33—63.

86. Романов Е. Р. Старина доисторическая в Северо-Западном крае // Виленский календарь на 1908 г. Вильна, 1908.

87. Романов Е. Р. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки северо-западного отделения ИРГО. Вильна, 1910. Т. I. С. 97. Прим. 1.

88. Делался вывод, что все «орудия палеолитического времени лежат ниже Ипути» (Романов Е. Р. Археологический очерк... С. 100).

89. Романов Е. Р. Виленский камень. Вильна, 1911. Т. 2; Он же. По Гродненскому Полесью. Вильна, 1911. Т. 2.
90. Романов Е. Р. Археологические разведки в Могилевской губернии // Записки ИРГО. Вильна, 1912. Т. III. С. 33—72.
91. Ткачев М. А. Изучение средневековых памятников Белоруссии // АО 1983 г. М., 1985; Он же. Замки Белоруссии. Мн., 1987. С. 74.
92. Романов Е. Р. Археологические разведки... С. 63.
93. Там же. С. 63.
94. Бандарчык В. К. Указ. соч. С. 147.
95. ЦГИАЛ, ф. 970, оп. 1, № 804.
96. Б. Н. Пераезд у Менск беларускага этнографа Е. Р. Раманава // Савецкая Беларусь. Мн., 1921. № 16.
97. Александр Андреевич Спицын // СА. 1948. X. С. 7, 8; Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст (памяти А. А. Спицына). С. 9—11; Список ученых трудов А. А. Спицына. С. 12—20; Бич О. И. Архив А. А. Спицына. С. 21—52.
98. СА. М.; Л., 1948. Т. X. С. 12—20.
99. Спицын А. А. Люцинский могильник // МАР. СПб., № 14. 1893.
100. Спицын А. А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1—2. СПб., 1896; ЗРАО. СПб., 1899. Т. IX. Вып. 1—2. С. 177—186, 289—302.
101. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. Вып. VIII.
102. Спицын А. А. Обозрение... ЗРАО. Т. VIII. С. 118.
103. Там же. С. 120, 121.
104. Алексеев Л. В. Некоторые вопросы заселенности в развитии западнорусских земель в XI—XIII вв. // Древняя Русь и славяне. К 70-летию Б. А. Рыбакова. М., 1978.
105. Спицын А. А. Обозрение... ЗРАО. Т. VIII.С. 116 и др.; Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам // СА. 1956. XXV.
106. Довнар-Запольский М. В. Очерки кривичских и дреговичских земель до конца XII столетия. Киев, 1891; Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.
107. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. (Очерки истории Смоленщины и восточной Белоруссии.) М., 1980. С. 44 и др.
108. Окончив курс в Киевском университете, В. Е. Данилевич первое время продолжал работать над древностями Беларуси (Данилевич В. Е. Стоянка каменного века в Могилевской губернии, исследованная летом 1893 г. // Киевская Старина. 1895, апр. Отд. 2. С. 12—19; Он же. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столетия. Юрьев, 1898; Он же. К вопросу о Параскеве-Пракседе княжне полоцкой. Харьков, 1905).
109. Семевский М. И. Полоцкий кадетский корпус (1835—1885 гг.) // Русская Старина. 1885. Вып. 4; Из посмертных воспоминаний М. И. Семевского // Русская школа. 1893. Т. 1. № 5, 6. С. 64—69; См. также За нашу и вашу свободу. Герои 1863 г. М., 1964. С. 122, 123.
110. Древности. ТМАО. 1888. Т. XII. Протоколы. С. 54; Витебские губернские ведомости. 1888. № 73.
111. Тыртов А. П. Из прошлого Вильны // Витебские губернские ведомости. 1892. № 81, 82; Он же. Городище Царьград // Труды ВОМПК. Вильна, 1893. Отд. II. С. 225—229; Он же. Некоторые пояснения к описанию жития преподобной Евфросиньи Полоцкой // Витебские губернские ведомости. 1893. № 93—99 (то же и отдельным изданием).
112. Эльпе. Красоты родного края // Витебские губернские ведомства. 1810. № 47.
113. Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус (исторический очерк). Полоцк, 1910. В 1910 г. А. К. Морель преподавал физику в частном училище Н. С. Богоявленского и в Полоцкой женской гимназии, но местными древностями продолжал заниматься.
114. Древности. ТМАО. М., 1900. Т. XVI. С. 129.
115. Морель А. К. Историческая записка о плаце Полоцкого кадетского корпуса. Полоцк, 1890; Он же. О былом Полоцке // Витебские губернские ведомости. 1892. № 83, 85, 90; Он же. Монетный клад // Витебские губернские ведомости. 1893. № 56 (о кладе XVII в., найденном под Полоцком); Он же. Еще о находках монет в пределах Витебской губернии // Витебские губернские ведомости. 1894. Январь (арабские монеты, найденные в им. Струнь под Полоцком); Он же. История г. Полоцка и возникновение здания Полоцкого кадетского корпуса. Вильна, 1907.
116. Викентьев В. Памяти Ивана Ивановича Долгова // Витебские губернские ведомости. 1911. № 229.
117. Леонардов Д. С. Памяти действительного члена Витебской ученой архивной комиссии Ивана Ивановича Долгова. Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1911. Кн. I. Ч. II. С. 1—11.

118. Долгов И. И. Прошлое и настоящее Белоруссии // Витебские губернские ведомости. 1897. № 19; Он же. Наш край // Витебские губернские ведомости. 1898. № 113, 114; Он же. Полоцкий кадетский корпус. Витебск, 1899. И. И. Долгов входил в историко-статистический комитет для составления и описания церквей и приходов Полоцкой епархии (Памятная книжка Витебской губернии на 1910 г. Витебск, 1910. С. 39, 40). Есть сведения, что он первый открыл кладки усыпальницы XII в. в Евфросиньевском монастыре (Записки северо-западного отделения ИРГО, кн. 2. Вильна. С. 373, 374). Он предполагал их раскопать (Леонардов Д. С. Указ. соч. С. 3).

119. Нестор Полочанин. Времена года в народных пословицах, поговорках, приметах. СПб., 1911; Кайгородов Н. Екиманские древности. СПб., 1912.

120. Кайгородов Нестор. Полотск и его церковно-исторические древности (церковно-историко-археологические очерки) // Светильник. 1914. № 2. С. 7—37.

121. Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. // СА. 1957. № 3.

8 АРХЕОЛОГИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В НАЧАЛЕ XX в.

В начале XX в. развитие археологии как науки о прошлом было вполне очевидно. По всей стране производились раскопки, осуществлялись они и на интересующих нас территориях. Вместе с тем надо сказать, что самое начало века принесло в Беларусь некоторый спад исследований: скончались многие прежние энтузиасты раскопок — М. В. Фурсов (1901 г.), Ф. В. Покровский (1903 г.), Н. П. Авенариус (1903 г.), М. Ф. Кусцинский (1905 г.), Г. Х. Татур (1907 г.), в 1904 г. скоропостижно скончался неутомимый исследователь Гнездова на Смоленщине В. И. Сизов. Раскопки Е. Р. Романова в Беларуси были теперь эпизодичны, и центр исследований переместился в Гродненскую губ. Здесь еще в 80-х годах вел систематические раскопки местный помещик В. Шукевич, работал и петербургский профессор Э. А. Вольтер. 35-летние исследования В. Шукевича были подробно освещены Ф. Д. Гуревич [1]. Им раскопано 392 погребения, из которых 376 составляли каменные могилы и лишь 16 — курганы. Копая по тому времени методически верно, не чуждаясь широких исторических вопросов, В. Шукевич опубликовывал результаты своих раскопок и серьезность его работ ставилась ему в заслугу современниками [2]. Э. А. Вольтер копал меньше, однако ему принадлежит важное описание частных коллекций в России, следы которых давно затерялись[3]. Тогда же в Витебской губ. начал исследования харьковский профессор Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич, исследовавший многочисленные курганы в Городокском и Себежском уездах Витебской губ. Он же открыл там городища Дьякова типа и одно из них даже пытался копать (Юпино Березовской волости) и заложил там несколько «канав»

(траншей) [4]. В печати Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич сообщал главным образом о тех вещах, которые были найдены при покойнике (впрочем, так же точно публиковал свои раскопки на Могилевщине и Е. Р. Романов) [5].

В это же время началась оживленная краеведческая деятельность, сопровождавшаяся и раскопками известного затем слонимского краеведа Иосифа Иосифовича Стабровского (1870—1968 гг.), первая археологическая работа которого увидела свет в 1899 г. [5а]

Деятельность И. И. Стабровского протекала на его родине в Слониме. По окончании Полоцкого кадетского корпуса он учился в Московском археологическом институте и на археологических курсах в Саратове. С начала века приступил к составлению коллекции книг и археологических предметов по истории края, что позволило ему в 1924 г. основать современный Слонимский музей. Большинство работ по археологии И. И. Стабровского опубликовано в Польше в 1920—30-х годах и оказалось недоступным (Новік-Пяюн С. М. Памяці І. І. Стаброўскага. Ніва. Беласток, 1968. № 6). Скончался И. И. Стабровский 15 января 1968 г. на 99-м году жизни в Слониме, до последней минуты не переставая работать над историей Слонимщины. Он проводил многочисленные археологические раскопки в Гродненской и соседних губерниях.

Новый подъем археолого-краеведческой деятельности в Беларуси, начавшийся в конце 1900-х годов, объясняется, по-видимому, открытием здесь ряда ученых обществ, музеев и т. д. Если раньше, в 1895 г., попытки создания Археологического общества в Витебске сорвались [6] и имели успех только в Могилеве (1898 г.), вероятно, не без участия Е. Р. Романова [7], то теперь подобные общества возникают в Минске (1908 г.— «Археологическое общество») [8], в Витебске (1909 г.— «Архивная комиссия») [9]. Наибольшее значение для местной археологии и краеведения имело перед войной 1914 г. северо-западное отделение ИРГО, открытое в 1910 г. в Вильне после 35-летнего перерыва. Вышедшие четыре тома его «Записок» под редакцией Д. И. Довгялло содержали разделы по археологии, этнографии, географии, геологии края и др. [10] Здесь публиковались материалы раскопок Е. Р. Романова и П. С. Рыкова, работы по этнографии Беларуси, исторические очерки городов Мстиславля, Климовичей и т. д. «Записки» рецензировали выходящую литературу о Северно-Западном крае.

Образование историко-краеведческих научных обществ, естественно, влекло за собой организацию новых и перестройку старых хранилищ местной старины. В Витебске с 90-х годов существовало два музея: культурно-исторический (сменивший в 1894 г. музей Витебского статистического комитета) [11] и Церковное древлехранилище, организованное в архиерейском доме Е. Р. Романовым при участии А. П. Сапунова [12]. В 1911 г. первый был реорганизован Витебской архивной комиссией в историко-археологический музей, основу коллекции которого составили пожертвования А. П. Сапунова (материалы раскопок Е. Р. Романова и В. И. Сизова из Люцинского могильника) и предметы, найденные при разрушении остатков Замковой горы [13]. Музеем изданы два каталога [14].

В Могилеве в 1891 г. существовал Историко-этнографический музей [15] с 1897 г. и Церковное древлехранилище, реорганизованное затем в Церковно-археологический музей (1904 г.) [16].

В Минске на смену жалким остаткам музея Г. Х. Татура в 1908 г. был организован новый Церковно-археологический музей [17], который вел самостоятельные раскопки в Пинске и Турове [18]. К этому времени относится и организация музея в Гродно (1913 г.) [19].

Оживление историко-краеведческой деятельности в Беларуси в предвоенные годы отразилось, естественно, и на раскопках. С 1910 по 1918 г. серьезные исследования вел в Ошмянском, Двинском, Режицком и Люцинском уездах П. С. Рыков (первоначально хранитель Виленского музея, в 1914 г. переведенный в Режицу[20]), продолживший работы Ф. В. Покровского[21]. В Гродненской губ. вели исследования курганов С. Круковский (1908 г.), С. А. Дубинский (1910—1912 гг.), в Минской губ. Ю. В. Шавельский (1915 г.)[22] и др. лица. Война и последующие революционные события прервали многие намечавшиеся работы[23].

ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ КРАСНЯНСКИЙ
(1863—1930 гг.)

В 1912 г. в Беларуси зазвучало имя нового достаточно крупного историка края — В. Г. Краснянского, опубликовавшего свою первую большую работу о древнем и современном Мстиславле[24]. Исследователь принадлежал к той блестящей плеяде провинциальных гимназических учителей России, которые в конце прошлого — начале нашего века в свободное от прямых обязанностей время детально разрабатывали местную историю и дали науке много ценных работ. В Беларуси это были уже упоминавшиеся А. П. Сапунов, Е. Р. Романов, Е. Ф. Орловский и др.

В. Г. Краснянский

Морально не сгибаемая, творчески одаренная личность, В. Г. Краснянский имел большое влияние на учеников тех учебных заведений, где ему доводилось служить. Исследователь родился в с. Рютино Валдайского уезда Новгородской губ. в семье образованного священника, интересующегося историей и церковной архитектурой Новгорода и Новгородского края [25]. Окончив историко-филологический факультет Петербургского университета (1886 г.), он стал преподавателем русского языка в реальном училище и в Женском институте Белостока. Вместе с инспектором этого института Н. П. Авенариусом он участвовал в раскопках в им. Эсьмоны Могилевской губ. В 1896—1903 гг. переведен учителем истории и географии в Минскую мужскую гимназию, руководил канцелярией Виленского учебного округа (1903—1906 гг.), а в 1906 г. получил назначение на должность директора формирующейся в Мстиславле мужской гимназии. Здесь он организовал строительство большого гимназического здания, а затем и занятия в этой гимназии.

Увлеченный древним, забытым тогда уездным городком с его своеобразной жизнью и богатым историческим прошлым, В. Г. Краснянский обратился к его истории и, основываясь на доступных в Мстиславле и Могилеве источниках, впервые опубликовал небольшую, но весьма ценную монографию о Мстиславле. В 1911 г. в Витебске был директором реального училища. После Октября 1917 г., снятый с этого поста, последовательно занимал должности председателя педсовета (там же), лектора русского языка и делопроизводителя на Высших курсах РККА, счетовода Губернского комиссариата, заведующего Витебским продовольственным комитетом, снова преподавателем русского языка Витебских пехотных курсов. По закрытии Витебского отделения Московского археологического института (1922 г.), где он был сотрудником, В. Г. Краснянский переключился на работу в Витебском музее, а в 1927 г. перешел на пенсию.

Далеко не всегда В. Г. Краснянский мог заниматься научной работой [26], но то, что время от времени выходило из-под его пера, заслуживает самого большого внимания. Наиболее интересными из его работ следует признать две: посвященную Мстиславлю и капитальное исследование «Чертежа» г. Витебска 1664 года.

Исследование Мстиславля В. Г. Краснянский начинает с обозрения современного его состояния и рассматривает археологические памятники, встречающиеся в городе. Не будучи археологом в современном значении этого слова (раскопками он занимался только в им. Эсьмоны), он верно определяет Мстиславскую Замковую гору (детинец) [27] как остатки древней городской крепости и добавляет, что княжеский двор находился на соседней Троицкой горе. Правда, второй памятник — Девичью гору (городище раннего железного века [28]) он вслед за преданием считает укреплением, «насыпанным во время какой-то войны» [29]. Далее описываются некие братские могилы, оставшиеся якобы от «военной истории Мстиславля» литовского периода и встречающиеся в разных частях города. Что это такое, к сожалению, неясно. Эти могилы исследователь отличает от хорошо ему знакомых по Эсьмонам курганов: «встречаются,— пишет он,— и более древние могильники в виде холмов или одиноких курганов большой величины, представляющих места погребений доисторической эпохи» [30]. К сожалению, он не указывает мест их расположения, что было бы очень важным, так как ныне они не сохранились. В дальнейших разделах, касающихся истории города, исследователь идет за теми источниками, которыми располагает. Их довольно много и первое место он всегда уделяет первоисточникам. Литературу, которой он пользовался, удается установить. Здесь и ряд томов «Историко-юридических материалов» и два тома «Ар-

хеографических сборников»[31] и даже Межевая книга 1783 г., хранившаяся в городской управе Мстиславля[32]. Пользовался исследователь и известной книгой П. В. Голубовского и описаниями монастырей Мстиславля, изданных в «Епархиальных Ведомостях»[33], и т. д. Как видим, круг источников для историка, живущего в то время безвыездно в уездном городе, достаточно велик.

Несомненный научный интерес представляет большая работа, посвященная «Чертежу» г. Витебска 1664 года. Как известно, с мая 1654 г. войска царя Алексея Михайловича вели Польскую войну, воевода А. Н. Трубецкой был направлен на Мстиславское воеводство, воевода В. П. Шереметев — на Невель, Смоленск, Витебск. После двухнедельной осады Витебск был взят (22 ноября) и сильно пострадал при осаде. В 1664 г. требовалось укрепления города ремонтировать и для получения средств витебским воеводой князем Я. Волконским был составлен довольно подробный план города и переслан в Москву. «Чертеж» сохранился в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и в 1910 г. издан А. П. Сапуновым с большим уменьшением и небольшим текстом его расшифровки по Сметным книгам Витебска, изданным тем же А. П. Сапуновым[34]. В. Г. Краснянский подошел к этому замечательному документу с иных позиций. Если А. П. Сапунов преследовал цель публикации памятника и краткой его расшифровки, то В. Г. Краснянский, как видно из заглавия, смотрел на документ как на источник белорусского строительного искусства не только XVII в., но и более древних эпох[35]. «Планы древних белорусских построек могут нам дать представление о строительстве таких эпох белорусской истории, от которой до нашего времени сами памятники не сохранились,— писал он. — Мало этого, они могут познакомить нас с характерными особенностями белорусской архитектуры не только своего времени, но даже и более раннего, поскольку основные архитектурные приемы белорусского деревянного строительства так же, как и в строительстве других славян, менялись очень немного»[36].

Для наиболее успешной работы уменьшенный «Чертеж» А. П. Сапунова с помощью А. Р. Бродовского был увеличен до натуральной величины и его стало удобнее изучать. Исследование «Чертежа» показало, что на нем изображены церковные и гражданские постройки Витебска, возведенные еще до взятия города Москвой. Город этот, выяснил исследователь, полностью повторял план города эпохи Ольгерда (1345—1377 гг.). Далее были выяснены основные черты белорусской деревянной архитектуры (башни представляли четверик 4,5×4,5 сажени, высотой 17 венцов, на которых возводился восьмерик шириной 5 аршин, с высотой 3,5 сажени и т. д.), детально церковные постройки и дома гражданского населения. Эта кропотливая работа сопровождалась отдельными выкопировками из «Чертежа», в конце работы вопроизводился весь «Чертеж» и, что особенно ценно, в конце прилагался «Чертеж», наложенный на чертеж современного Витебска (работа А. Р. Бродовского). К сожалению, эта интереснейшая работа В. Г. Краснянского опубликована в малоизвестном издании и почти не упоминается исследователями.

Упомянем и другие работы этого автора: на основании протоколов Минского губернского правления, архива минского губернатора и большого ряда печатных работ им написана статья по истории Минска в 1812 г., на основании дел Борисовской подпрефектуры, хранившихся в Виленской публичной библиотеке,— о Борисове и Борисовском уезде в 1812 г. Детальное исследование витебской торговли в 1605 г. им разработано, основываясь на особом реестре, созданном через 8 лет после получения городом магдебургского права[37]. Нельзя не пожалеть, что жизненные обстоятель-

ства не позволили В. Г. Краснянскому полностью реализовать его несомненный талант исследователя. Внезапное заболевание раком оборвало его многие планы (1930 г.).

ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ.

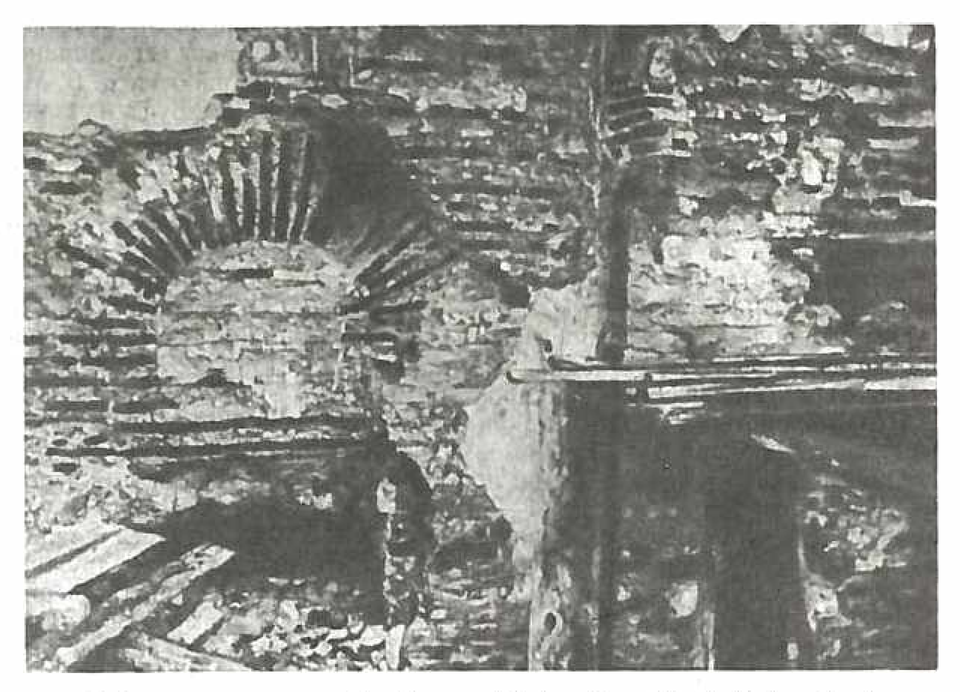
В конце XIX — начале XX в. в России началось оживленное изучение памятников в древнерусских городах. В Киеве, правда, такие исследования проводились еще в 1820-х годах [38]. В 1908—1914 гг. там работал Д. В. Милеев [39]. Одновременно с работами Д. В. Милеева в Беларуси начались раскопки в Полоцке — у древней Софии. Проводил эти исследования известный историк архитектуры П. П. Покрышкин (1909, 1913 гг.). Вспыхнувшая война, а затем революция были, вероятно, причиной того, что работа П. П. Покрышкина если и была написана, то напечатать ее не успели. Судить об этих интереснейших исследованиях можно лишь по отрывочным материалам, просочившимся в печать: по работам К. В. Шероцкого (использовавшего кое-что из исследований П. П. Покрышкина), Н. Н. Кайгородова (с фотографиями П. П. Покрышкина), по популярной книжке преподавателя Полоцкой семинарии Н. И. Зорина (с конспектом письма П. П. Покрышкина к старосте Софии В. Г. Трофимову) [40].

Первые работы П. П. Покрышкина в Полоцке были проведены в 1909 г. Исследователь писал В. Г. Трофимову: храм Софии «имеет в себе следующие части древнего храма Софии: под полом сохраняются остатки первоначальных столбов и стен от XI—XII вв. В восточной стене храма есть три полукружия, целиком сохранившиеся от XI—XII вв., отчасти и западная стена носит следы того же времени, так что при отбивке наружной и внутренней штукатурки в этих местах есть возможность открытия первоначальной стенописи, наконец, в западных частях храма могут быть открыты остатки башен, вероятно, стоявших на юго- и северо-западных углах первоначального храма» [41]. Занимаясь Софией, Н. Н. Покрышкин не был уверен полностью, что она датируется XI в. и осторожно писал: «XI—XII вв.». В письме к В. Г. Трофимову он ни слова не говорит о том, что западные апсиды современной Софии внешне идентичные восточным, с ними одновременны, однако на его плане, опубликованном К. В. Шероцким, эти апсиды все же присутствуют, ничем не отделены от древнего храма, что и привело К. В. Шероцкого к заключению: полоцкий храм имеет как восточные, так и западные апсиды, характерные для ряда памятников не византийской, романской архитектуры (соборы XI в. в Вормсе, Бамберге и др.[42]). Мнение П. П. Покрышкина и К. В. Шероцкого в 1940-х годах поддержал Е. А. Ащепков, обследовавший стены Софии [43], однако это заключение у современных исследователей памятника отклика не нашло. Как писал И. М. Хозеров, а потом установил М. К. Каргер и подтвердил своими исследованиями В. А. Булкин, западные апсиды не перевязаны с храмом, а приставлены к нему (хотя и выложены из плинфы не на цемяночном, а на известковом растворе [44]).

При П. П. Покрышкине (в 1909 г.) Софийский собор был в плачевном состоянии — пожар 1908 г. разрушил левую башню храма, горел и сам собор. Лишь в 1911 г. местному епископу Серафиму удалось выхлопотать на его ремонт 17 тыс. рублей. В 1912—1913 гг. ремонт памятника усердно осуществлялся, причем в 1913 г. ниже современного пола инженер-архитектор И. П. Суханов обнаружил «остатки древнего фундамента, идущего в три выступа вокруг собора, кладка которого, по определению архитектора П. П. Покрышкина, XI в.; а также при отбитии штукатурки как наружной, так и внутренней в западной части и в восточной части стен

современного храма обнаружена древняя кладка стен также XI в.»[45]

19 июня 1913 г. П. П. Покрышкин начал в Полоцке археологическое изучение древней Софии и культурных напластований вокруг нее. В траншее, вырытой перпендикулярно к стене собора и длиной около 3,5 сажени (около 75 м), на глубине 70 см (1 аршина) среди строительного мусора

Работы по изучению кладок Полоцкой Софии XI в. (По Н. Кайгородову)

начали попадаться «остатки погребений умерших» головами на восток и на север — «в иных местах их было так много, что они образовали густой слой». Ниже этого (униатского) кладбища был найден идущий на глубину сажени (213 см) слой строительноого мусора, но, по-видимому, уже первоначальной Софии с остатками плинфы и кусков цемянки. Мощность этого слоя «около аршина» (71 см), где уже не попадается костей. Ниже, непосредственно под ним, залегал «слой растительной земли» (очевидно, погребенной почвы), «а под ним песок», являющийся материком. Как можно понять из описания в газетах, других данных мы не имеем, мощность культурного слоя на данном участке вблизи Софии равнялась в среднем 1,5 сажени, т. е. приблизительно 3 м.[46] Таково первое описание культурного слоя Полоцка, вскрытого П. П. Покрышкиным. К сожалению, оно написано, по-видимому, со слов П. П. Покрышкина, неспециалистом, содержит много неясного: непонятного, у какой стены собора вырыта траншея, именуемая дальше, по-видимому, «рвом», в конце которого (каком конце?) была «обнаружена целая часть стены, состоящая из таких же кирпичей» и т. д. На следующий день тот же автор в той же газете сообщал о фресковой росписи древнего Софийского собора, обнаруженной в алтарной части храма. Автор сообщал, что, по имеющимся данным, весь древний храм был расписан, о чем свидетельствуют фрагменты росписи, сохранившиеся как на колоннах и остатках стен «в подпольи», так и на сохранившихся старых стенах памятника [47]. В ноябре 1913 г. в «Московских Ведо-

мостях» сообщалось, что под диаконником древней Софии был найден «склеп» XII в., «перекрытый цилиндрическим сводом на древнем основании», и что «три подобные же склепа оказались и в центральной части древней Софии». Все гробницы были разграблены.

К счастью, фотографии ремонтных работ в Софии были опубликованы

Фресковая роспись столба Полоцкой Софии XI в. (По Н. Кайгородову)

Н. Н. Кайгородовым. Аннотированы они неясно, но все-таки дают представление о найденных частях и фресках храма.

Культурный слой Полоцка изучался в том же году и вблизи кадетского корпуса, где начали рыть котлованы для постройки нового корпуса. А. А. Спицын командировал туда К. В. Шероцкого для наблюдений. В архиве А. А. Спицына сохранились два письма к нему К. В. Шероцкого с сообщением о том, что удалось ему выяснить [48]. «Большинство земляных работ уже закончено — сделана выемка для котлована,— писал он.— На мою долю досталась одна траншея (длинная с поперечными сечения-

ми). По этой траншее можно будет проследить кладку древних настилов, так Вас интересующих, и, может быть, попадутся погребения, которых до сих пор было открыто больше десятка — в том числе два с конем и одно — в стоячем положении мертвеца». Длительное обследование стенок котлована, в котором еще до его приезда было вырублено все древнее дерево, привело К. В. Шероцкого к крайне интересным выводам. 14 сентября он писал: «Эти сооружения, насколько я себе уяснил, представляли часть целого ряда срубов, которые пересекали территорию Верхнего Замка от р. Полоты до Стрелецкой слободы. Расположены срубы в два ряда поверх свай, вбитых в материк и в иных случаях в закрой по столбам. Высота их 1,5 сажени. Предположения мои о принадлежности этих сооружений древней крепости соображались с планами древнего полоцкого замка». Однако, как пишет К. В. Шероцкий далее, в очень большой древности их он сомневается, потому что «древнерусские погребения (в колодах, обернутых берестой), которые я здесь вскрыл, расположены под самыми этими строениями и так как вещи, попадавшиеся в срубах, в большинстве случаев поздние, особенно кафели с барочным орнаментом и с изображением литовской погони». Однако, дополняет К. В. Шероцкий далее, «в нижних слоях почвы под срубами (между сваями) находилась масса шиферных и стеклянных бус, булавки (витые) с лопастями вместо головки, костяные иглы, древнерусские сосуды, турьи рога и т. п. ...» К сожалению, все эти интереснейшие наблюдения К. В. Шероцкого над культурным слоем одного из древнейших русских городов опубликованы не были и науке остались неизвестными, не сообщил о них в печати и А. А. Спицын, проявлявший к ним столь большой интерес. К. В. Шероцкий не продолжил своих работ и, очевидно, скоро уехал в Петербург. Место, где строилось новое здание кадетского корпуса, требует специального расследования, специальных раскопок по соседству с ним. Пока же можно сказать, что К. В. Шероцким, как он предполагал, было описано какое-то сооружение, вероятно, действительно относящееся к оборонительным (?) конструкциям. Петербургский исследователь, к сожалению, не указал размеры и, главное, длину пространства, на котором эти парные срубы встречались, что значительно затрудняет интерпретацию найденного. Он дал только высоту срубов, а это означает, что ни одной из стен срубов целиком он, очевидно, не видел. Это могли быть остатки деревянных конструкций вала, состоящих из трехстенных срубов, но мало вероятно, что вал проходил именно здесь. Скорее, котлован попал на часть деревянного донжона, построенного посредине крепости. Именно в этой части памятника на рисунке Полоцка 1579 г. изображен высокий донжон (правда, многоугольный) [49]. Расцвет башен-донжонов в середине крепости, как известно, падает на XIII в.— на время большого распространения камнеметных машин и арбалетов, когда высокие башни внутри крепостей, с которых было удобно отражать врага во все стороны (и с недосягаемой высоты!), стали необходимы. До нас дошли такие башни, выложенные из кирпича (Каменец и др.), но были, несомненно, и деревянные башни, и возможно, составленные из трехстенных срубов [50]. Утверждать нельзя, но возможно, что именно такие срубы были приняты за срубы на сваях внутри вала в Полоцке.

Как бы то ни было, наблюдения К. В. Шероцкого над культурным слоем в Полоцке представляют первые исследования культурного слоя в древних городах западной Руси. В этом их огромное значение. Знаменательно, что исследования эти были связаны с именем крупнейшего русского археолога А. А. Спицына. Нельзя не пожалеть, что наблюдения К. В. Шероцкого не получили развития и не превратились в первые большие

археологические исследования, время для которых тогда вполне назрело; помешала этому первая мировая война и последующие революционные события. Лишь в конце 20-х годов культурный слой Полоцка начал изучать А. Н. Лявданский [51].

МЕСТНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И КРАЕВЕДЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Подъем, который пережила наша дореволюционная наука во второй половине XIX — начале XX в., не мог не распространиться и на изучение древностей. Еще в 1846 г. в Петербурге было создано Императорское археолого-нумизматическое общество, издавшее 26 томов «Записок», 46 томов «Записок» отделений, 22 тома «Трудов» и 10 томов «Известий». В 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия, руководившая раскопками на всех казенных землях и опубликовавшая 37 томов «Материалов по археологии России», 66 томов «Известий», 46 томов годичных отчетов. Наконец, в 1864 г. графом А. С. Уваровым было создано Московское археологическое общество, издавшее 25 томов «Древностей» (Трудов МАО) и т. д.[52] Появились церковные общества, многие из которых занимались раскопками и издавали труды (старейшее — Киевское, с 1873 г.), археологические общества (старейшее — Одесское), Общество любителей древней письменности (с 1877 г.) и т. д.[53] В 1887 г. было объявлено постановление Московской городской думы о постройке в Москве Исторического музея [54].

Расширение интереса к древностям в обеих столицах, обилие археологической литературы — все это не могло не поднять интереса к прошлому, там, куда об этом доходили сведения. На местах стали возникать различные учреждения исторического профиля — археологические общества, ученые архивные комиссии и т. д. Вопрос о необходимости создания археологических кадров был поставлен уже в 1870-х годах: в 1877 г. в Петербурге был создан археологический институт, правда, направление его было скорее археографическим [55]. В 1907 г. археологический институт был основан в Москве; немедленно возникли и его ответвления на местах — в Витебске, Калуге, Смоленске, Воронеже и т. д.

До революции крупнейшим культурным центром в Беларуси был Витебск, не случайно именно в нем вопрос об учреждении археологического общества был поднят (местным губернатором) еще в 1895 г. Общество должно было «привести в известность рукописные, печатные, архитектурные и иные памятники Северо-Западного края и сохранить их от истребления». Но тогда этот вопрос не имел последствий «как слишком серьезный», для осуществления которого «необходима предварительная подготовка» [56]. Вместе с тем мысль о создании подобного учреждения полностью оставлена не была, этим занимался А. П. Сапунов и его окружение. Ученый предполагал открыть в Витебске особое отделение белорусского общества, «проектировавшегося Е. Р. Романовым для Могилева» [57]. Уже давно писали в газетах и журналах о необходимости создания везде на местах архивных комиссий [58], 31 мая 1909 г. в Витебске объявили о создании Витебской ученой архивной комиссии, первое собрание которой состоялось 10 сентября 1909 г. Организаторами ВУАК были преподаватель Витебской духовной семинарии Н. Н. Богородский и советник губернского правления В. С. Арсеньев. Последнего же выбрали и председателем ВУАК. Среди членов совета были Н. Я. Никифоровский, В. К. Стукалич, В. А. Кадыгробов и др.[59] В следующем же году вышел 1 том трудов ВУАК. Подбор материалов в нем, по-видимому, случаен: три статьи относились

к XVII в., несколько — к XIX в. (о 1812 г. на Витебщине, о витебском губернаторе, известном писателе И. И. Лажечникове и пр.). Для нас наибольший интерес представляет обстоятельная статья А. П. Сапунова о «Чертеже» Витебска 1664 г. — первое детальное рассмотрение этого документа по древнейшей топографии Витебска, где автор сопоставляет «Чертеж» с письменными источниками [60]. С 1911 г. в ВУАК было решено отражать не только прошлое, но и текущие моменты, для чего нашли необходимым изменить название издания на «Полоцко-Витебскую старину», которую предполагалось издавать «периодически от двух до трех выпусков в год». Но всего было издано три выпуска [61], главным образом с историческими статьями (например, Д. С. Леонардова о Всеславе Полоцком, А. П. Сапунова о привилегиях королей, данных Витебску и др.), но частично и с такими, которые можно отнести к археологии (П. М. Красовицкого по древней архитектуре «Полоцко-Витебского края» с попыткой классификации памятников и др.) [62].

Местное начальство понимало значение ВУАК и всемерно ее поддерживало, что, несомненно, способствовало работе. До 1 декабря 1910 г. она бесплатно ютилась в здании губернского правления и для заседаний пользовалась его «залом присутствия». С 10 декабря по разрешению попечителя учебного округа ей было представлено помещение в только что открытом Витебском учительском институте, куда удалось перенести все коллекции и библиотеку ВУАК, а для заседаний использовался теперь актовый зал института. Комиссия имела свой архив и создала музей (которым руководил К. А. Змигродский, издавший каталоги музея [63]). На ее заседаниях читались многочисленные исторические доклады, большая часть которых затем публиковалась. Пыталась она и проводить раскопки, но по каким-то причинам это не осуществилось.

Большой заслугой Витебской ученой архивной комиссии (и в первую очередь ее председателя В. А. Кадыгробова [64]), по свидетельству современников [65], было открытие Витебского отделения Московского археологического института. Третье по счету провинциальное отделение (после Смоленского и Калужского) было первым высшим учебным заведением в Беларуси. Оно открылось со всей торжественностью в помещении все того же Витебского учительского института 27 октября 1911 г. Из вступительной речи на торжественном акте открытия отделения директора института известного историка искусств профессора А. И. Успенского (1873—1938 гг.) можно выяснить те цели, которые ставил в связи с этим институт [66]. Лекции «представителей научного знания» — профессоров этого учреждения должны были в своей совокупности открыть перед слушателями «широкие научные перспективы», «широкий умственный кругозор» и с разных сторон осветить «один и тот же предмет — прошлое человечества». Одновременно с широкими задачами внедрения в крупнейшем тогда белорусском городе основ высшего гуманитарного образования институт преследовал и специальную цель — «научную подготовку наивозможного большего числа археологов-специалистов». Здесь уместно напомнить, что «археология» в понимании того времени была не наукой, связанной с раскопками, а понималась шире. «Археология», «археологический институт» тогда воспринимались как наука о древностях вообще, как институт, изучающий эту науку. Как бы там ни было, в общественном смысле такой профиль высшего образования в условиях нашей провинции того времени был безусловно более важным. Большие надежды возлагались руководством института на древность городов, в которых возникали его отделения — ввиду изобилия там памятников старины, близость которых, считалось, «воспитывает в человеке любовь к старине, а... эта любовь

совершенно необходима для занятий археологией». Число слушателей в Витебском отделении института достигало 90 человек. Первая показательная лекция была прочитана в тот же день, 27 октября, вечером директором института проф. А. И. Успенским. Посвящена она была всеобщей истории искусств и сопровождалась показом диапозитивов [67]. Деятельность Витебского (как и Смоленского) отделения Московского археологического института почти не изучена и явится предметом специального исследования [68]. Сейчас мы можем лишь сказать, что выдающуюся просветительскую роль первого высшего учебного заведения в западных губерниях империи переоценить невозможно и нельзя не пожалеть, что в дальнейшем эта деятельность была прекращена.

Известно, что Е. Р. Романов проектировал создание в Могилеве «Общества по изучению Могилевской губернии» (иначе — «Общество изучения Белорусского края»). Как долго оно просуществовало, сведений нет и почти не известно, чем оно занималось. Первое сведение о нем появилось в печати в 1903 г.[69] Никаких дальнейших сведений на эту тему нет — возможно потому, что Е. Р. Романов перевелся на службу в Вильну (1906 г.).

Иначе сложилась судьба Минского церковно-археологического комитета, созданного по предложению редактора «Минских Епархиальных ведомостей» и преподавателя местной семинарии Д. В. Скрынченко [70]. В начале 1908 г. был опубликован устав комитета, а 13 февраля 1908 г. состоялось торжественное открытие [71]. «Целью комитета служит и в круг обязанностей его входит,— говорил при его открытии избранный глава комитета (директор народных училищ) М. Н. Былов,— обследование с внешнего и внутреннего развития местной церковно-религиозной и общественной жизни, исследование и изучение вещественных памятников живой старины в виде местных народных обычаев, преданий, песен, приведение в известность всякого рода памятников древности и архивов церквей, монастырей и других учреждений...» [72] Комитет располагался вместе с его музеем (о нем см. ниже) в двух комнатах архиерейского дома и за первый год существования собрал коллекции для музея и небольшую библиотеку [73]. Занимался комитет и археологией, но, конечно, в весьма скромных размерах — настоящих археологов-раскопщиков в Минске в это время, сколько известно, не было. Из работ комитета этого рода более всего привлекают исследования, которые он проводил в 1911 г. в древнем городе Турове. На туровском кладбище при рытье могилы была обнаружена шиферная гробница великокняжеского времени. Об этом стало известно членам комитета и они выехали на место находки. Результаты работ были опубликованы и мы можем подробно их рассмотреть. «Самое возвышенное место в местечке при слиянии р. Езды и Струмени носит название «Замковой горы»,— записали члены комитета.— Название это тоже «давнего происхождения, так... у священника имеется план Турова от 1854 г., где гора у слияния Езды и Струмени носит имя «Замковой» [74]. Несмотря на наивность подобных заключений, члены комиссии составили довольно подробный план туровского детинца и окольного города при нем с указанием основных строений, своих шурфов и т. д. Шурфовка производилась на основании Открытого листа, выданного Археологической комиссией. Саркофаг, оказалось, состоял из шести каменных плит, внутри которых находились отдельные человеческие кости и золотые нити, оставшиеся, по-видимому, от парчовой ткани. Саркофаг был перенесен в кладбищинскую церковь. Помимо саркофага, члены комиссии интересовались и другими древностями Турова, беседовали со старожилами и записывали их рассказы. В отчете об этой поездке мы, например, читаем об остатках

какого-то древнего здания из плинф (авторы даже дают их размеры!): «года три тому назад местный учитель народного училища, желая распланировать верх горы (окольного города.— *Л. А.*) под сад, стал свозить с горы землю в овраг..., наткнулся на остатки кирпичного здания с круглым основанием. Предполагают, что это остатки башни ... Битые кирпичи валяются по всему огороду и теперь. Крестьяне говорят, что кирпичи были почти квадратной формы, по обломкам можно судить, что они были 18,3 см шириной, 3,3 см высотой. При разрытии остатков башни крестьяне нашли несколько человеческих костяков...» [75] Это были остатки храма, который в 1961 г. обнаружила М. Д. Полубояринова при участии П. А. Раппопорта, а в 1962—1963 гг. раскопал М. К. Каргер [76]. Исследователь не дает размеров плинфы, но, судя по ее размерам, опубликованным П. Ф. Лысенко [77], это тот самый памятник, о котором писали члены комиссии. Изучив саркофаг, сопоставив его с саркофагом, обнаруженным в Киеве, и осмотрев древности в Турове, члены комиссии возвратились и подготовили к печати отчет о своей поездке. Никаких научных выводов этот отчет не содержал, да и на это трудно было бы рассчитывать — археологов, или лиц, специально интересующихся этой наукой, в то время среди них не было. Впрочем, попытки приобщиться к археологии, самим начать археологические раскопки среди его членов, безусловно, были: в 1913 г., например, они подали в Археологическую комиссию прошение выдать им Открытый лист на раскопки, такой лист был им послан, но результаты этих работ (были ли они?) неизвестны — ОАК за 1913—1915 гг. (коротко значится лишь: «отчет не доставлен» [78]).

Большое значение для местной археологии и краеведения имело перед войной 1914 г. северо-западное отделение Императорского Русского географического общества, открытое в 1910 г. в Вильне после 35-летнего перерыва. Вышедшие 4 тома его «Записок» под редакцией Д. И. Довгялло содержали разделы по археологии, этнографии, географии, геологии края и др.[79] Здесь публиковались материалы раскопок Е. Р. Романова и П. С. Рыкова, работы по этнографии Беларуси, исторические очерки городов Мстиславля, Климовичей и т. д. «Записки» также рецензировали выходящую литературу о Северо-Западном крае.

Война, а затем революция и события гражданской войны прервали все намечавшиеся в Беларуси издания.

Литература

1. Гуревич Ф. Д. Древности белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 7, 8.

2. Там же. С. 8.

3. Вольтер Э. А. Археологические коллекции частных лиц в Северо-Западном крае. Вильна, 1889.

4. Лазаревич- Шепелевич Л. Ю. Извлечение из отчета об исследованиях в Витебской губернии // ИАК. СПб., 1904. Вып. 6. С. 2.

5. Романов Е. Р. Раскопки в им. Чирчино и в Брусневичах // Могилевская Старина. Могилев, 1900. Т. I; Он же. Пробные раскопки в Брусневичах // Там же. 1901. Т. II.; Он же. Две археологические разведки // Там же. 1903. Т. II.

5а. Стабровский И. И. К вопросу об ископаемых стеклянных шарах // Исторический Вестник. СПб., 1899, март. С. 1104—1105. Здесь идет, между прочим, речь о семи римских монетах из Новогрудка, не известных специалистам по римским монетам.

6. Археологические известия и заметки. М., 1895. С. 373, 374.

7. Могилевские губернские ведомости. 1898. № 86.

8. Могилевские губернские ведомости. 1908. № 3, 4, 6, 7, 17; Минская Старина. 1909. Вып. I. С. 10—27.

9. Труды Витебской ученой архивной комиссии. 1910. Т. I; последующие тома вышли там же под наименованием «Полоцко-Витебская Старина». 1911. Т. I; 1912. Т. II; 1913. Т. III; 1914. Т. IV. В течение трех лет ВУАК просила открытые листы на раскопки, но ни разу ими не воспользовалась (Архив ЛОИА, фонд 1, дело 1910—1916, 1912—1168; 1913—1349).

10. Записки северо-западного ИРГО выходили в Вильне в 1910—1914 гг.
11. Минский листок. 1894. № 23.
12. Сапунов А., Романов Е., Говорский В. Примерные основания учреждения Церковно-археологического музея в Витебске // Полоцкие Епархиальные ведомости. 1893. № 9. С. 379—392.
13. Новый историко-археологический музей в Витебске // Записки ИРГО. Вильна, 1911. Т. 2. С. 361; Алексеев Л. В. К истории и топографии древнего Витебска // СА. 1964. № 1.
14. Змигродзский К. А. Каталог монет и медалей музея ВУАК. Витебск, 1911; Он же. Каталог музея ВУАК. Витебск, 1912.
15. Могилевский историко-этнографический музей. Каталог. Могилев, 1891; «Первое...», «Второе...», «Третье...» дополнение к каталогу Могилевского музея. Могилев, 1891, 1892, 1893.
16. Археологическая хроника. Археологические известия и заметки. М., 1897. V, 7, 8. С. 234, 235; ИАК. СПб., 1905. Вып. 14. С. 25, 26.
17. Минские Епархиальные ведомости. 1908. Прил. к № 6. С. 1, 2.
18. Минская Старина. 1910. Т. 2. С. 235—268.
19. Музей в Гродненской губернии. ИАК. Птг., 1914. Вып. 56. С. 69 (перепечатка из «Голоса Белостока». 1914. № 20). В книге «Гродненский государственный историко-археологический музей. Путеводитель». Мн., 1971. С. 3 — неверно сообщается, что «впервые музей в Гродно был открыт 9 декабря 1922 г.»
20. Отчет Виленской публичной библиотеки и музея за 1914 г. Вильна, 1915. С. 4.
21. Записки ИРГО. Вильна, 1914. Т. 4. С. 7—22; ОАК за 1913—1915 гг. Птг., 1918. С. 230.
22. Гуревич Ф. Д. Древности белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 9; О раскопках С. А. Дубинского//Архив ЛОИА. Фонд 1, д. 1910—79; ОАК за 1912 г. Птг., 1916. С. 98—103; О раскопках Ю. В. Шавельского // Архив ЛОИА. Фонд 1, д. 1915—91.
23. Есть глухие сведения, что в 1905 г. в Гродно был создан церковно-археологический комитет: Никанор, еп. Об открытии в Гродне церковно-археологического комитета // ИАК. СПб., 1906. Прибавление к вып. 18, С. 13, 14 (Гродненские губернские ведомости. 1905. № 30).
24. Краснянский В. Г. Город Мстиславль. Его настоящее и прошлое // Записки С-ЗОРГО. Вильна, 1912. С. 73—171. Отдельное издание. Вильна, 1912.
25. Сведения о В. Г. Краснянском мне представлены его внучкой Н. В. Хруцкой (Витебск), которой я искренне признателен.
26. Первая работа В. Г. Краснянского вышла из печати, по-видимому, в 1900 г. Краснянский В. Г. Желательные изменения в организации внеклассного чтения. Вильна, 1900.
27. Алексеев Л. В. Древний Мстиславль // КСИА. 1976. Вып. 146.
28. Алексеев Л. В. Городище Девичья гора в Мстиславле // КСИА. 1963. Вып. 94.
29. Краснянский В. Г. Город Мстиславль... С. 8.
30. Там же.
31. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1888. Т. 17; 1891. Т. 21; 1893. Т. 24; 1894. Т. 25; 1900. Т. 28; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. IV; 1871. Т.V.
32. Краснянский В. Г. Город Мстиславль... С. 93.
33. Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895; Полубинский. Тупический монастырь // Могилевские Епархиальные ведомости, 1884. С. 317 и сл. Иоаникий, архимандрит. Сведения о Тупичевской чудотворной иконе // Там же. 1885. С. 406.
34. Сапунов А. П. «Чертеж» города Витебска 1664 года // Труды Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 1910. Кн. I; Он же. Витебская старина. Витебск, 1885. Т. IV.
35. Краснянскі В. «Чарцеж» места Віцебска 1664 г. як дакументальны помнік гісторыі беларускага драўлянага будаўніцтва // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Інбелкульт. Мн., 1928. Кн. 6. Працы камісіі мастацтва. Т. I. Сш. I. С. 39—93.
36. Там же. С. 39, 40.
37. Краснянский В. Г. Минский департамент Великого княжества Литовского. СПб., 1902; Он же. Город Борисов и Борисовский уезд в Отечественную войну 1812 г. Гродно, 1913; Он же. Віцебскі гандаль у 1605 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Інбелкульт. Мн., 1928. Кн. 3. Працы клясы гісторыі.
38. Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 35—36.
39. Там же.
40. Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1. Прибавление к вып. 52. С. 82—86; Шероцкий К. В. Софийский собор в Полоцке // Дмитрию Власьевичу Айналову. Пг., 1915; Кайгородов Н. Н. Полоцк // Светильник. 1914. № 2. С. 7—37; Зорин Н. Минувшее и настоящее г. Полоцка. Полоцк, 1910. С. 28.
41. Зорин Н. Минувшее и настоящее г. Полоцка... С. 28.
42. Hasak M. Die romanische und gothische Baukunst. Stuttgart, 1902.
43. Ащепков Е. А. Отчет о работах 1947 г. Рукопись в Архиве института теории и истории архитектуры в Москве. Ф. № 2029.

44. Булкин Вал. Проблемы изучения полоцкого Софийского собора // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 113.
45. Кайгородов Н. Н. Полоцк... С. 33.
46. Кий. Полоцк. Археологические раскопки // Витебский Вестник. 1913. № 765; ИАК, прибавление к вып. 52. СПб., 1914. С. 82.
47. Полоцк. Древности Софийского собора // Московские Ведомости. 1813. № 258 (8 ноября). ИАК, прибавление к вып. 52. СПб., 1914. С. 85.
48. ДАК, ф. 5 (А. А. Спицына). № 6. Лл. 81, 82 (письмо от 2.IX.13), там же. Лл. 79, 80-об. (письмо от 14 сентября 1913 г.).
49. Aleksandrowicz St. Nowe źródlo ikonografiiczne do oblężenia Poloska w 1579 r. Kwartalnik historyi kultury materialnej. Warszawa, 1971. 1.
50. Из трех таких трехстенных срубов было сооружено квадратное в плане дубовое сооружение в центре Мстиславльского городища (наши раскопки), но, судя по обилию погребений около, по фрагментам колоколов, это была церковь оборонного типа — донжон.
51. Ляуданскi А. Н. Археолёгiчныя досьледы ў полацкай акрузе. Мн., 1930. Працы. Т. II. С. 166 и сл.
52. Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С. 16—18.
53. Жебелев С. А. Введение в археологию. Пг., 1923. С. 124, 125; Вестник археологии и истории. СПб., 1886. VI. С. 48.
54. Вестник археологии и истории. СПб., 1886. VI. С. 47.
55. Жебелев С. А. Введение в археологию... С. 131; Генинг В. Ф. Очерки... С. 20, 21.
56. Археологические известия и заметки ИМАО. М., 1895. № 11. С. 373—374.
57. Полоцко-Витебская Старина. Витебск, 1911. Т. I. Ч. 3. С. 2, 3.
58. Востоков А. Наши архивные комиссии // Московские Ведомости. 1887. № 359; Кедров С. Настоящее и будущее архивных комиссий // Русский Архив. М., 1900. Кн. 9. № 3. С. 85—104.
59. Там же. Полоцко-Витебская Старина.
60. Сапунов А. П. «Чертеж» гор. Витебска 1664 г. // Труды ВУАК. Витебск, 1910. Кн. 1. С. 1—27.
61. Полоцко-Витебская Старина. Витебск, 1911. Кн. 1; 1912. Кн. 2; 1913. Витебск. Кн. 3.
62. Красовицкий П. М. Памятники церковной старины в Витебской губернии и их охранение // Полоцко-Витебская старина. Кн. 1. С. 1—64.
63. Змигродский К. А. Каталог монет и медалей музея // ВУАК. Витебск, 1911; Он же. Каталог музея ВУАК. Витебск, 1912.
64. О В. А. Кадыгробове см.: Архив Государственной Думы 3-го созыва (ЦГИАЛ).
65. Сахаров С. Открытие Витебского отделения Московского археологического института // Полоцко-Витебская старина. Т. I. С. 11.
66. Там же.
67. Сахаров С. Открытие...
68. В печать просочилось сообщение, что в 1919 г., например, в Беларуси начались научные исследования: «группа студентов Витебского отделения Московского археологического института начала издание рукописного журнала «Белорусский этнограф», где помещались труды А. П. Сапунова, М. Мелешко и др.» (Васiлеўскi Д. Сталецце краязнаўчай працы на Беларусi // Наш Край. 1926. № 2, 3. С. 12).
69. Устав Общества изучения Могилевской губернии // Могилевские губернские ведомости. 1903. № 22; Общество изучения Белорусского края // Там же. 1903. № 90; Общество изучения Белорусского края // Русские ведомости. 1903. № 348. Есть некоторые сведения о том, что Общество изучения Могилевской губернии функционировало (возродилось?) в марте 1913 г. Его член И. А. Серебров сделал «для него» следующее: 1) установил этнографическую границу кривичей и дреговичей (по р. Ухлясти, Проне, Басе — это не очень понятно, так как граница должна была проходить в направлении географической параллели, указанные же реки текут в меридиональном направлении); 2) нашел городище на берегу р. Хотышчи (приток Ухлясти); 3) изучил характер белорусской культуры от Червеня до Брянска и составил его этнографическое описание (см.: Васiлеўскi Д. Сталецце краязнаўчай працы на Беларусi // Наш Край. 1926. № 2. С. 11). В 1913 г. общество просило в Археологической комиссии в Петербурге Открытый лист на Горецкий, Могилевский, Оршанский и Сенненский уезды Могилевской губернии. Лист был послан, но «отчет не доставлен» (ОАК, за 1913—1915 гг. Птг., 1918. С. 224, 236).
70. Скрынченко Д. Необходимость церковноархеологического музея и комитета в Минской Епархии // Минские Епархиальные ведомости. 1907. № 5. С. 125—128; Минское слово. 1907. № 102.
71. Устав Минского церковно-археологического комитета // Минские Епархиальные ведомости. 1908. № 3, ч. неоф. С. 1—6; Открытие Минского церковно-археологического комитета // Там же. 1908. № 4, 6, 7, 17.

72. Былов М. Об учреждении Минского церковно-историко-археологического комитета // Минские Епархиальные ведомости. 1908. Прилож. к № 6. С. 2—5.

73. Масальская-Сурина. Памятники старины // Минская Старина. Т. I. Мн., 1909. С. 90.

74. Описание поездки в Пинск членами комитета в августе 1909 г. // Минская Старина. Т. II. С. 256.

75. Описание поездки... С. 256.

76. Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. // СА. 1962. № 2. С. 71. Прим. 66; Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 130—138. Можно думать, что здание считалось башней потому, что, копая его, жители напали на апсиду, форма которой и ввела в заблуждение.

77. Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Мн., 1974. С. 62.

78. ОАК за 1913—1914 гг. П., 1918. С. 227, 241.

79. Записки северо-западного отделения ИРГО. Т. I. Вильна, 1910; т. II, Вильна, 1911; т. III, Вильна, 1912; т. IV, Вильна, 1914.

9 СУДЬБЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В ПОСЛЕ-РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ

1. ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

В годы первой мировой войны Беларусь попала в круговорот военных действий. С 1915 г. ее западная часть была оккупирована немцами, над восточной нависла угроза голода и витебский губернатор Зуев в октябре 1915 г. уже слал в Петербург отчаянную телеграмму о «полном отсутствии в Витебске муки, соли, сахара, мяса и других продуктов» [1]. В марте 1917 г. он телеграфировал вновь: «хронически затяжной недовоз (продуктов, с октября 1916 г. план был выполнен лишь на 15%.— *Л. А.*) повлек полное истощение запасов, недоедание и на этой почве болезни. Положение губернии катастрофическое» [2]. Так было в это время и в большинстве других губерний России. В стране грянула февральская революция. В Минске, Витебске, Гомеле, Бобруйске, Орше были созданы Советы рабочих депутатов. В наступившую эпоху правления Временного правительства Беларусью руководил подчинявшийся ему Временный комитет общественных представителей. В 1918 г. значительная часть Беларуси была захвачена немецкими войсками, после их изгнания в декабре 1918 г. сформировано белорусское правительство, которое 1 января 1919 г. объявило о создании БССР с центром в Минске, и 5 января правительство переехало в новую столицу. В августе 1919 — июле 1920 г. Беларусь была оккупирована польскими войсками Ю. Пилсудского.

Ясно, что никакой серьезной краеведческой, ни тем более археологической работы в эти времена не велось. Правда, краеведческие организации стали возникать стихийно уже в 1918 г. (хотя сведений о них мало). Так, в Слуцке появилось культурно-

просветительное общество «Папараць-кветка» с тремя секциями (литературная, краеведческая, драматическо-хоровая) и двумя филиалами в уезде [3]. В Игуменском уезде в с. Смолярня — кружок «Вихрь», в с. Хуторы — «Буря» и т. д.[4] В 1919 г. возник этнографический кружок при Витебском отделении Московского археологического института [5]. Насколько можно понять, все эти кружки занимались в основном жизнью белорусской деревни — ее этнографией и фольклором.

Лишь после Рижского мирного договора (18 марта 1921 г.), когда большая часть страны, отошедшая к России, стала восстанавливаться, интерес к краеведению проявился с новой силой и уже с «исторической» глубиной. В 1921 г. в Минске еще существовало Общество истории и древностей, которое концентрировало вокруг себя энтузиастов истории края и даже провело маленькие археологические раскопки курганов в Заславле [6]. В Витебске тоже существовало Витебское отделение Московского археологического института (основанное в 1911 г.). Учившиеся там в 1921 г. 420 студентов распределялись по трем факультетам: археологическому, археографическому и истории искусств. Руководил отделением помощник ректора Московского археологического института проф. Б. Р. Брежго («хорошо осведомленный о белорусском крае») [7]. Было признано, что «в Белоруссии — масса археологических памятников и (ей) нужны квалифицированные исследователи», а «Археологический институт является незаменимым учебным учреждением» [8]. Но предлагалось переориентировать программы обучения в сторону введения соответствующих курсов: «институт должен воспитывать профессоров — знатоков Белоруссии».

В 1922 г. в Москве закрылся Археологический институт и вместе с ним, по-видимому, закрылись и все его отделения (в том числе в Витебске). В том же году в Минске был открыт Институт белорусской культуры, но первоначальные его действия были направлены в иную сферу, на местах же стали смотреть на памятники древности с пренебрежением: ими либо не интересовались вовсе, либо использовали субъективно, неквалифицированно. О положении вещей можно судить по сохранившемуся письму профессора Археологического института Болеслава Брежго в Археологическую комиссию, тогда уже в Петрограде не существовавшую. 23 октября 1923 г. он писал неустановленному адресату:

«Глубокоуважаемый Николай Константинович! Приношу глубокую благодарность за Вашу готовность оказать содействие получше устроить имущество бывшего Витебского отделения Археологического института. Библиотеку и музейное собрание, хотя и с величайшим трудом, но все-таки удалось отстоять для Витебска. В настоящее время они уже переданы Витебскому педагогическому институту». Так «рукописные и старопечатные книги лежат в ярусах, а из общественной библиотеки, как мне передавали, выбрасывается все непригодное, куда входят история церкви Голубинского и Макария и т. п. издания. Из музейного имущества выделяется только то, что, по их мнению, может считаться пригодным только для показательно-исторического музея при институте, поэтому собрания икон, облачений и т. п. из бывшего церковноархеологического древлехранилища будут, вероятно, куда-либо переданы, а оттуда может быть будут и распродаваться. Хорошо было бы, если бы Академия наук взяла в свое ведение эти «остатки». Их можно было бы оставить в прежнем помещении, а я бы без всякой, конечно, мзды, присматривал бы за ними...» И далее:

«Положение с древними памятниками старины и искусства у нас не лучше. Архитектурные памятники разрушаются от времени и некоторые из них в самое ближайшее время грозят падением, не оставив даже следа

в литературе после себя. Церковная живопись гибнет в неремонтируемых храмах. Утварь упраздняемых храмов распродается. Курганы разрываются без разрешения на то. Находимые этим путем, а также находимые случайно предметы расходятся по рукам и гибнут без всякого следа. Доводить об этом до сведения местных административных органов — бесцельно, а посылать доклады в ученые учреждения, будучи посторонним к нему человеком,— рискованно, так как последствия докладов дойдут до этих же местных органов.

Это и побудило меня в прошлом году обратиться к Вам через Веру Николаевну Курнатовскую с просьбой связать меня как-либо, конечно, без всякого вознаграждения, с Археологической комиссией, чтобы, опираясь на месте на это положение, можно было бы оказывать влияние на положение памятников старины и искусства, делая в то же время вполне официальные доклады Археологической комиссии. Одновременно с сим про положение у нас памятников старины и искусства пишу Александру Андреевичу Спицыну.

Примите уверения в совершенном моем к Вам почтении.

Готовый к услугам Вашим.

Болеслав Брежго.

27 октября 1923 г.
Витебск, Канатная, 81» [9].

Трудно представить, что Б. Брежго не знал, что Археологической комиссии уже не существует и с 18 апреля 1919 г. ее заменила созданная на ее базе РАИМК (Российская Академия истории материальной культуры). Вероятно, в Витебске все это было известно, но новые учреждения именовались еще в просторечии по-старому. Как бы там ни было, но письмо Б. Брежго очень ярко рисует положение, в котором оказались музейные коллекции, библиотеки и памятники старины в Беларуси в это время. В Витебске было упразднено Витебское отделение Московского археологического института, его музейная коллекция, библиотека, также библиотека и коллекции церковного древлехранилища, созданного А. П. Сапуновым и Е. Р. Романовым, были истреблены... Требовалась срочная организация изучения древностей, охраны еще не уничтоженного и т. д.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ В БССР, СОЗДАНИЕ ИНБЕЛКУЛЬТА

В 1919—1921 гг. исследование древностей в Беларуси формально находилось в руках Народного комиссариата просвещения БССР, ими занимались также в Минске — так называемое Минское общество истории и древностей, по поручению которого в 1921 г. В. П. Сущинский, И. П. Поляк, Н. Г. Маслаковец произвели раскопки девяти курганов в Заславле под Минском [10]. Но нужна была специальная организация для проведения всех этих работ. В 1922 г. такая организация была создана — появился институт белорусской культуры, который объединил все, что относилось к делу изучения республики. «Сначала спешные государственные задания заставили Инбелкульт обратить внимание свое на разработку белорусской научной терминологии и на издание руководств для молодой белорусской школы. Только в 1923 г., когда дело издания белорусских руководств уже было поставлено на твердые рельсы, а терминология была уже разработана, Инбелкульт решил выделить из себя учреждение, которое заня-

лось бы регистрацией краеведческих организаций и координировало бы их работу»,— писал журнал «Наш Край» в 1925 г.[11]. Так возникло Центральное бюро краеведения при Инбелкульте, в которое вошли В. И. Пичета и ряд других лиц. Создание такого бюро было вполне своевременно: «за последние годы БССР обогатилась целой серией научных организаций, которые взялись за широкие массы культурных трудящихся,— писал в том же году журнал «Наш Край» и продолжал,— сюда относится Белорусский государственный университет, Сельскохозяйственная академия, государственные музеи, целая связь исследовательских станций»[12].

В это время в республике возникло много стихийных обществ краеведения, просто краеведческих кружков. Все они не имели помощи, опирались исключительно на «местные силы». Помощь всем этим энтузиастам была необходима. Таким учреждением стало реорганизованное (вслед за обновлением Инбелкульта в 1924 г.) Центральное бюро краеведения и его периодический орган журнал «Наш край» (первый номер вышел в 1925 г. в Минске). С помощью журнала «краеведческие организации и лица, заинтересованные краеведением, могли... (теперь) обменяться своими знаниями, познакомиться с новыми краеведческими трудами и найти инструкции для своей деятельности»[13]. Помимо важных работ для краеведов, в первом же номере журнала была помещена большая и серьезная статья Н. Щекотихина о фресках Бельчицкого монастыря в Полоцке. Эта работа впоследствии приобрела особое значение, так как в начале 30-х годов монастырь был полностью разрушен, его исследованиями по натуре больше уже никто не занимался. Автор отмечал большое своеобразие фресок бельчицких церквей, проявляющееся не только в композиции фигур, но и в манере рисунка (преобладание не «мозаичности», характерной для Киева, а живописности манеры, что, по его мнению, было ближе к росписям новгородской Нередицы). По свидетельству Н. Щекотихина, Полоцк являлся посредником между Киевом и Новгородом[14]. В отличие от современных исследователей древнерусской архитектуры (Н. Н. Воронина) Н. Щекотихин датировал Бельчицкий монастырь концом XII в. и выстраивал цепочку памятников Полоцка: София — Спасская церковь, Евфросиньевского монастыря — Бельчицкие памятники[15].

Из общественных организаций, которые теснейшим образом были связаны с Центральным бюро краеведения, более всего проявило себя Витебское окружное общество краеведения во главе с М. Карповичем. Это учреждение насчитывало до 500 членов, делилось на пять секций: культурно-историческая, природоведческая, художественная, просветительская и белорусоведческая. При секциях еще работали другие организации: астрономический пункт, фенологическое бюро, а также комиссии (по организации краеведческих и «родиноведческих» музеев, по составлению словаря живого языка Витебщины, по изучению еврейской культуры, быта, их истории и т. д.)[16].

На общих заседаниях, собирающихся весьма регулярно, в Товариществе читались разнообразные рефераты («История Витебска», «Архивы и архивные труды в Витебщине», «Витебская архитектура в исторической перспективе», «Жизнь и деятельность А. П. Сапунова» и др.). Оно также издавало свои труды[17]. По воспоминаниям современников, Витебск в это время был самым крупным культурным центром Беларуси[18]. Помимо Витебского, в 1924 г. было создано еще Могилевское товарищество краеведения и несколько более мелких — районных (Сенненское, Чашнинское, Сиротинское, Бешенковичское, Лиозненское — все в Витебской губернии)[19].

Что касается древних памятников и их изучения, то на основании закона 1924 г. Инбелкульт получал исключительное право выдачи открытых листов на их исследование. С 1925 г. при нем создается три учреждения, занимающихся археологией: Историко-археологическая секция, Комиссия охраны памятников и Историко-археологическая комиссия. Историко-археологическая секция была направляющей, по ее указаниям и на ее средства сотрудники Инбелкульта проводили исследования в поле (в 1925 г. И. А. Сербов при участии С. А. Дубинского копал курганы под Минском, потом на Могилевщине возле Нового Быхова — бескурганный могильник с трупосожжением, а также 27 курганов на реках Ухлясти и Перегонцы, причем в последнем случае проводилась разведка). Историко-археологическая комиссия занималась составлением и подготовкой к изданию археологической карты БССР. Материал для этого собирался с помощью рассылки анкет и выборкой данных из различных печатных изданий. Комиссия также вела подготовку I Всебелорусского съезда исследователей археологии и этнографии. В нее входили, помимо ее начальника М. В. Довнар-Запольского, все основные белорусские археологи: А. Л. Аниховский, Д. И. Довгялло, В. Д. Друщиц, С. А. Дубинский, А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, И. А. Сербов, нумизмат П. В. Харлампович.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ И АРХЕОГРАФИИ (1926 г.). АРХЕОЛОГ А. Н. ЛЯВДАНСКИЙ (1893—1937 гг.)

Съезд состоялся в январе 1926 г. в Минске. Присутствовало 36 участников и 21 гость [20]. После приветствий, избрания председателя (М. В. Довнар-Запольского) на утреннем заседании 17 января съезд заслушал рефераты о Литовской метрике (З. И. Довгялло) и о старых архивных фондах за рубежом (М. В. Довнар-Запольский). Однако центром внимания съезда оба дня (17 и 18 января) оказался третий доклад, прочитанный А. Н. Лявданским, и возникшая вокруг него дискуссия. Это было первое выступление крупнейшего в будущем белорусского археолога.

Александр Николаевич Лявданский (1893—1937 гг.) родился в д. Юрьево Борисовского уезда Минской губернии в крестьянской семье. Окончив народное училище, служил в почтовом ведомстве и в первую мировую войну был мобилизован в армию. Демобилизовавшись (1918 г.), учился в Смоленском отделении Московского археологического института, окончил его (1922 г.) и продолжал учиться на историческом отделении новосозданного Смоленского государственного университета. Став затем ассистентом Археологического кабинета и будучи одновременно сотрудником Смоленского музея, он начал систематические обследования археологических памятников Смоленщины, результатом чего явилась детальная археологическая карта губернии. Впервые в науке была осуществлена классификация городищ эпохи железа [21]. Тесно связанный с Инбелкультом, он уже в 1923 г. провел раскопки в Беларуси (Свидно в Борисовском округе и др.). В 1927 г. А. Н. Лявданский был приглашен в Минск, где начал работать в Инбелкульте и в местном музее. После создания АН БССР он — ученый секретарь Института истории АН БССР, где создал прочный коллектив археологов: К. М. Поликарпович, И. А. Сербов, С. А. Дубинский, А. Д. Коваленя, С. С. Шутов, В. Р. Тарасенко, А. К. Супинский и др. Всеми ими было налажено систематическое археологическое изучение Беларуси (в границах до 1939 г.). 19 мая 1937 г. А. Н. Лявданский и ряд его коллег были репрессированы и погибли в сталинском застенке [22].

А. Н. Лявданский

А. Н. Лявданский (в нижнем ряду первый слева) среди работников Минского музея

Окончив работы над археологической картой, А. Н. Лявданский продолжал полевые исследования на Смоленщине. В самом Смоленске он открыл Лестровское городище еще в 1923 г.[23], обследовал строительный котлован возле колокольни на Соборной горе и выявил фрагменты керамики, аналогичные Лестровскому городищу и городищу на р. Рачевке [24].

В. Р. Тарасенко

Более всего ученый сконцентрировал внимание на знаменитых Гнездовских памятниках (IX—XI вв.). А. А. Спицын воспринимал эти памятники, как и В. И. Сизов, в качестве уникальных, но у них не было важного звена: зная о городище и курганах, они не подозревали о существовании там громадного селища и не могли окончательно решить, где же жили те, кто хоронил в этом громадном Гнездовском курганном могильнике. Условно предполагалось, что это были жители современного Смоленска. С помощью флажков А. Н. Лявданский прокартографировал весь громадный могильник, установил, что он состоит из 3862 насыпей, а ранее их было около 5 тыс., он, естественно, стал искать соответствующее ему поселение и обнаружил его рядом с курганами. Открытое селище, по его определению, 15 десятин (16 га). Открытие селища было важнейшим в изучении истории не только Гнездовского могильника, но и Смоленска. Выяснилось, что курганы — не некрополь города Смоленска (как считалось ранее), а особого, исключительно важного для всей истории нашей страны памятника [25].

Темой доклада А. Н. Лявданского на съезде в 1926 г. была «классификация белорусских городищ». Речь шла исключительно о памятниках, обнаруженных на Смоленщине, но это никого не смущало: в то время уже знали, что в железном веке большая часть Смоленщины и северная часть Беларуси принадлежали одному и тому же населению (ныне мы знаем, восточно-балтийскому). «В ходе доклада археолог А. Н. Лявданский,— утверждалось в протоколе,— познакомил съезд с выводами своих исследований серии городищ с делением их на группы (пять групп) и дал подробное описание каждой»[26]. Далее приводился пространный список городищ первых трех групп, выделенных исследователем. Итак, ученый докладывал на съезде свою знаменитую большую работу по классификации смоленских (и тем самым белорусских) городищ, которая в том же 1926 г. вышла из печати, стала крупнейшей вехой в археологии железного века Восточной Европы и создала автору имя[27]. О белорусских памятниках в издании говорилось в примечаниях и, несомненно, А. Н. Лявданский говорил об этом и на съезде, но по необъяснимой причине в приведенный список памятников ни одно из белорусских городищ не вошло.

На съезде состоялось обсуждение доклада А. Н. Лявданского. Отвечая на вопрос И. А. Сербова о назначении городищ, автор сообщил, что городища первой группы он относит к типу Дьяковских городищ и считает их военными укреплениями, городища второй группы «без остатков жизни» считает местом «сборищ и игр», городища третьей группы (болотные, миниатюрные) — святилищами, а памятники четвертой группы напоминают ему «нормандские» укрепления (например, Гнездовские), к ним часто примыкают курганы. Эти городища он датирует IX в., а курганы — X—XI вв. Городища пятой группы — «поздние», типа Арконского святилища на о. Рюгене, описанного Саксоном Грамматиком. Эти городища датируются, как полагает А. Н. Лявданский, XII—XV вв.

Центральное место дискуссии принадлежало выступлению А. А. Спицына. Он начал с представленной съезду документации А. Н. Лявданского в виде планов городищ, чертежей раскопок и рисунков, которые «высокого качества, научно обоснованы, дают полное представление о работах автора и иллюстрируют его идеи. Знакомясь с разведками и исследованиями Лявданского в продолжение трех последних лет, убеждаемся в том, что Лявданского можно считать археологом первого разряда. Общие виды, рисунки, сделанные Лявданским, захватывают своим постижением древности. От них не хочется оторваться. Фотографии показывают необычайную увлеченность археологией и умение работать. Разрезы Ковшаровского городища просто великолепны. Анализируя рисунки, можно видеть, что здесь относится к нижнему слою, и что — к верхнему...» Далее ученый отметил и незначительные недостатки: на Ковшаровском городище неясно происхождение пепельного слоя: «то ли он проник сверху, то ли это старый верхний слой, на одном из рисунков показаны столбы, которые будто бы вогнаны на глубину одной сажени в землю, но никто на такую глубину столбов не забивает. Неясно, откуда насыпался вал...» и т. д. «С точки зрения А. А. Спицына,— записано далее в протоколе,— нужно непременно продолжать раскопки Ковшаровского городища, чтобы установить, какие вещи относятся к XII и XIII вв., хронология которых еще не дана». В заключение А. А. Спицын перешел к своим собственным идеям о белорусско-смоленских городищах. «Инвентарь смоленских городищ,— записал за ним протоколист,— подобен инвентарям так называемых «литовских» Пилькальнисов. Отсюда можно думать, что этот край в VII—VIII вв. был занят литовцами. Вещи, которые находятся

в городищах литовцев и кривичей (Новгородская область) в XII—XIII вв., те же самые. И эти городища, где бы они ни были, следует считать литовскими. Они идут от р. Оредежа. Тверь полна литовскими городищами. Городища «литовские» распространяются на всю Ковенскую губернию» [28].

После выступления А. А. Спицына (и основываясь, по-видимому, на нем) председательствующий М. В. Довнар-Запольский предложил от имени съезда выразить А. Н. Лявданскому благодарность за его интереснейший доклад и за пожертвования им дубликатов экспонатов в Минский государственный музей. Предложение было поставлено на голосование и прошло единогласно.

Доклад А. Н. Лявданского не случайно произвел на участников съезда большое впечатление: своей трехлетней работой над городищами Смоленщины молодой, еще никому почти неизвестный ученый поднял огромный научный пласт. В археологии (во всяком случае, после раскопок В. И. Сизова на Дьяковом городище 1889—1890 гг. и статей А. А. Спицына о дьяковской культуре [29]) стало очевидным, что для представления о древнейших судьбах дославянских племен необходимо исследовать городища, но столь массовое их обследование с широкими выводами производилось впервые.

Самостоятельные ли наблюдения или скорее длительные беседы с А. А. Спицыным в Ленинграде привели А. Н. Лявданского к мысли, что во внешнем устройстве городищ можно увидеть некоторые общие черты, которые свидетельствуют о возведении их в одну и ту же эпоху, одними и теми же группами племен. Предметы, находимые там при раскопках, позволяют этот взгляд углубить, дифференцировать городища, и в результате получается стройная картина пяти групп сменявших друг друга памятников.

Если классификация смоленских и белорусских городищ в самых общих чертах была справедливой и в значительной степени была справедливо определена этническая принадлежность оставившего их населения (прежде всего для древнейших — «первой группы» А. Н. Лявданского), то их датировки от истины были еще далеки. Как видно по опубликованной А. Н. Лявданским в том же году статье, а также и по записи выступления А. А. Спицына по его докладу, первый руководствовался во всем воззрениями А. А. Спицына 1903 г.[30]

Помимо А. Н. Лявданского, съезд заслушал еще ряд рефератов и в том числе археологических: И. А. Сербова (раскопки полей погребений под Новым Быховом и на Среднем Соже), А. А. Спицына (о современном состоянии белорусской археологии), К. М. Поликарповича (исследования стоянок эпохи камня и бронзы на Нижнем Соже). «Труды съезда имели необычайно важное значение для дальнейшего развития белорусской археологии как своим обобщением ранее сделанного и объединением своих археологических сил, так и выявлением задач на будущее время» [31].

ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ В 1926—1929 гг.

Как видим, 1925—1926 гг. были поворотными в белорусской археологии: там начались широкие археологические работы почти по всей тогдашней территории республики. Идея раскопок приобрела необычайную популярность. Инбелкульт повел исследования по специально разработанному плану; раскопками занимался также Белорусский университет и местные музеи.

Самыми интересными работами 1926 г. были раскопки открытой К. М. Поликарповичем Верхнеориньякской стоянки у д. Бердыж Чечерского района Гомельской области и Банцеровского городища под Минском, открытого С. С. Шутовым и Н. Н. Улащиком и раскопанного С. А. Дубинским.

Раскопки Банцеровского городища под Минском. 1926 г.

Стоянка Бердыж была первой находкой культуры человека четвертичного периода на территории Беларуси. Значение этого памятника было очень велико и в 1927 г. Инбелкульт пригласил руководить работами ленинградского археолога С. Н. Замятнина, а в 1928—1929 гг. ими руководил К. М. Поликарпович [32]. Характерной особенностью всех раскопов Бердыжа было изобилие костей (главным образом мамонта) при сравнительно малом количестве кремневых орудий. Обилие этих орудий было обнаружено позднее, когда исследователь приблизился к центру стоянки (в 1938 и 1939 гг.) [33]. «Бердыжская палеолитическая стоянка,— писал С. Н. Замятнин,— может войти в палеоэтнологию как одно из классических мест Европы, которое является связующим звеном между ранней группой стоянок Дона и очень богатой местонахождениями Моравии и Нижней Австрии...» [34]

Городище Банцеровщина оказалось в будущем характерным для особой Тушемлинско-банцеровской культуры, оставленной племенами, распространившимися в северной Беларуси и на Смоленщине в середине — третьей четверти I тыс. н. э.[35] Городище было небольшим и автор раскопок считал, что оно «служило религиозным целям, а частично и оборонным» [36]. Как было на самом деле, сказать сложно — ныне памятник застроен.

В 1926 г. археологические работы, помимо названных, посвящались главным образом железному веку и охватили пять округов (областей): в Оршанском обследовались курганы у д. Черкасово (А. Аниховский), в Гомельском были закончены раскопки Любенского городища и рядом раскопаны три кургана (И. Х. Ющенко), в Витебском раскапывались

К. М. Поликарпович

курганы под Себежем, в Калининском у Ст. Дедина был найден клад дирхемов и А. Аниховский обследовал место этой уникальной находки. В Могилевском И. А. Сербов продолжал исследования на р. Ухлясти и копал городище у д. Дабуж (и рядом — селище), у Н. Быхова он начал исследования бескурганного могильника (зарубинецкого времени) [37]. По окончании учебного года исполнительное бюро студенчества «решило организовать университетскую экспедицию студентов из двух человек» — С. С. Шутова и Улащика Н. Н. для обследования памятников на Нижней Свислочи. По ее окончании в БГУ было создано Студенческое общество археологов, которое возглавил ректор В. И. Пичета [38].

Очень живо обстановка раскопок этого времени и их популярность описаны их непосредственным участником (увлекшимся археологией, по

его словам, благодаря книге Г. Х. Татура), впоследствии известным белорусским историком Николаем Николаевичем Улащиком (1906—1986): «Весной 1925 г. под руководством И. А. Сербова возле деревень Петровщина и Рыловщина (под Минском.— *Л. А.*) начались раскопки курганов. Это была одна из первых проб обновить археологическую деятельность (в конце 1924 или в начале 1925 г. о своих раскопках в Заславле делал доклад бывший учитель Минского реального училища М. Маслаковец). На раскопки в Петровщину двинулись как на праздник (в то время эта деятельность носила романтический характер). Небольшой группой шли научные и ненаучные деятели, среди них географ М. Азбукин, писатель Барашка, был и некий хмурый, неразговорчивый, никому не известный человек лет под 30, голова которого начинала уже седеть. Это был Александр Коваленя, который быстро стал известен, боец гражданской войны, участник штурма Перекопа...» [39]

Н. Н. Улащик был прав: в период послереволюционного подъема, больших надежд на переустройство своей Родины и всего мира интерес к ее прошлым судьбам, древнейшую часть которых можно познать через археологию, возник не сразу, но с особой силой. Этот интерес подогревался энтузиастами, чаще всего из местной среды учительской интеллигенции. Все это прекрасно можно проследить по местной прессе. Так, упомянутый Н. Г. Маслаковец через несколько месяцев после освобождения Минска, в 1921 г., выступает в малоизвестном Минском обществе истории и древностей, рассказывая о деятельности этого общества, о своих совместно с В. Сущинским раскопках курганов в Заславле [40]. В 1922 г. сведений о древностях и раскопках (за исключением сообщения В. Сущинского об экскурсии в Заславль [41]) белорусская печать не приводит — видимо, в это сложное время людям было не до того. Не то в 1923 г.: Инбелкульт в то время только еще реорганизовался, выделял бюро краеведения и т. д. В печати же независимо от него стали появляться сообщения краеведов. Судя по библиографии С. А. Дубинского [42], в этом году появилось уже свыше десятка сведений археологического порядка. Два из них излагали доклады все того же Н. Г. Маслаковца, информировавшего то же общество о Заславле и Рогнеде и даже об «Очередных задачах археологии в изучении Белоруссии» [43]. Видимо, не зря упомянул его через 50 лет Н. Н. Улащик — бывший учитель реального училища действительно пользовался большой популярностью среди интересующихся древностями. Характерны и наименования статей: «Вниманию археологов» (о курганах возле д. Стамогил), «К сведению археологов» (древности м. Грэск Слуцкого уезда), «Научный работник» (об уничтожении двух курганов под Заславлем) [44]. Или просто: «Археологические памятники Туровщины», «Женихова могила», «Материалы к истории, археологии, этнографии» и т. д.[45]. Настоящие раскопки в 1923 г. проводились только в одном месте — под Логойском, там раскапывали курганы А. Н. Лявданский и В. Сущинский, что было сразу же отражено в двух газетах [46]. Почти столько же было помещено статей касательно археологических памятников в 1924 г. Сообщалось об археологических раскопках А. Н. Лявданского в Борисовском уезде, краеведы информировали о своих памятниках и т. д.[47] В 1925 г. мы впервые узнаем о местном деятеле — учителе школы в Осиповичах А. Немцове, который впоследствии был известен рядом археологических и этнографических работ [48].

В 1927 г. археологические раскопки в Беларуси производили в меньшем объеме — все силы были брошены на исследование первой в Беларуси Бердыжской палеолитической стоянки. Туда были направлены, как и ранее, К. П. Поликарпович, С. А. Дубинский, руководство работами было

поручено крупному специалисту по палеолиту, сотруднику Всесоюзной академии истории материальной культуры (Ленинград) С. Н. Замятнину. Из других работ в этом году были продолжены раскопки Банцеровщины (С. А. Дубинским) и бескурганного могильника под Новым Быховом (И. А. Сербовым). Работала также студенческая экспедиция БГУ (А. Д. Коваленя, С. С. Шутов и др.), которая в районе Турова обнаружила в урочище Казаргац очень интересный бескурганный могильник зарубинецкой культуры. Впервые стало известно в Беларуси о существовании в ее южной части этой культуры [49]. В ту же осень 1927 г. из состава Историко-археологической комиссии была выделена ее археологическая часть, которая образовала самостоятельную Археологическую комиссию. Она состояла из штатных сотрудников Инбелкульта: секретаря — А. Н. Лявданского и двух членов — К. М. Поликарповича и С. А. Дубинского. Новая комиссия получала большую самостоятельность, могла обзавестись необходимым для нее оборудованием, фотолабораторией, специальным кабинетом для обработки и консервации археологических коллекций и т. д. С помощью известного палеонтолога В. И. Громова, приглашенного Археологической комиссией, ей удалось определить большую коллекцию костей, найденных в Бердыже [50]. Все работы этой комиссии были отражены во 2-м томе ее трудов [51].

Результаты археологических работ комиссии летом 1928 г. полностью были отражены в дальнейших ее печатных трудах. В этом году, по свидетельству С. А. Дубинского, было обследовано свыше 30 стоянок на Соже и Днепре. Раскопано и исследовано в округах: Минском — 12 городищ, два селища, 47 курганов; в Могилевском — девять городищ; в Гомельском — девять городищ, два селища, 12 курганов; в Оршанском — 17 городищ и 32 кургана; в Полоцком — три городища, два селища и 37 курганов; в Витебском — три городища и четыре кургана. Всего по железному веку раскопано 53 городища, шесть селищ и 132 кургана. Все эти работы, указывает С. А. Дубинский, соответствовали планам, разработанным комиссией, руководили которой А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский при содействии Оршанской, Могилевской и Полоцкой краеведческих организаций. Всеми работами по каменному и бронзовому векам руководил К. М. Поликарпович [52].

В полевых работах 1928—1929 гг. продолжались прежние исследования Бердыжской палеолитической стоянки (Гомельской округи) и начаты раскопки только что открытой К. М. Поликарповичем Юрьевичской палеолитической стоянки (округа Мозыря), к чему были привлечены все сотрудники кафедры. Неутомимый К. М. Поликарпович выявил и исследовал новые места с остатками культуры эпохи бронзы на реках Днепре, Соже и Припяти; им же было обнаружено погребение с кремневым клином эпохи бронзы вблизи Осипович (р-н Бобруйска). Исследования культур железного века в указанные летние сезоны осуществлялись в Бобруйском, Мозырском и Минском округах. Основная экспедиция, руководимая А. Н. Лявданским и С. А. Дубинским, изучала памятники по течению р. Случь от Уречья и Слуцка до Турова. Исключались лишь болота (где только на «Князь-озере» было раскопано городище). По подсчетам С. А. Дубинского, в Бобруйском округе ею было раскопано шесть городищ, четыре селища, 98 курганов, осмотрено два зарубинецких могильника и три стоянки каменного и бронзового века. В Мозырском округе раскопано четыре городища, два зарубинецких могильника, две стоянки и 11 курганов. В Мозырском округе И. А. Сербовым раскопано два кургана, открыто одно селище; в Гомельском округе раскопано два кургана, открыто два селища. В этом же округе И. Х. Ющенко выявлял археологические памят-

ники в Комаринском районе, причем исследовал два городища. В Минском округе работал А. Н. Лявданский. Продолжая прежние раскопки, изучал два городища и девять курганов. В Борисовском и в Березинском районах Я. Р. Колодкин и М. Н. Конвисаров исследовали 13 городищ, раскопали пять курганов [53]. В Оршанском округе А. Д. Коваленя изучил один курган, в Витебском А. К. Супинский — одно городище. Всего в Беларуси в 1928—1929 гг. было исследовано 28 городищ, семь селищ, четыре бескурганных могильника, раскопано 128 насыпей, осмотрено много стоянок каменного и бронзового веков, раскопаны две палеолитические стоянки.

МЕТОДИКА РАСКОПОК АРХЕОЛОГОВ БЕЛАРУСИ 1920-х ГОДОВ

Итак, в 1920-х годах в археологических работах на территории Беларуси произошел качественный скачок. Археологические памятники здесь внезапно начали «отвечать» на поставленные им исторические вопросы, городища «заговорили». Дело здесь, конечно, в верно найденной методике раскопок древних объектов. Основная заслуга — в выработке и применении новых методов — принадлежала целиком А. Н. Лявданскому, который был, как нам кажется, в тесном контакте с классиком русской археологии А. А. Спицыным.

При раскопках курганов теперь большое внимание было обращено не только на вещи, но и на погребальный обряд. Если раньше курганы повсеместно копались колодцами и строение насыпи оставалось неизученным, то теперь эти памятники копались на снос, с непременным изучением строения насыпи. Стремясь изучить последовательность насыпания курганной насыпи, И. А. Сербов в 1925 г. (судя по публикации) копал курганы под Минском по половинам с фиксацией ее разреза [54]. Этот метод не удовлетворил А. Н. Лявданского и в 1926 г. в Заславле под Минском он употребил иной метод: на кургане оставлял нетронутой крестообразную бровку, все остальное выбирая, по-видимому, по штыкам. «Такое ведение раскопок,— писал исследователь,— хотя и обходится дороже, но дает возможность легче и яснее выявить и зафиксировать все напластования, легче исследовать всю курганную насыпь и обряд захоронения...» [55] Погребальный обряд таким образом становился полноценным историческим источником,— его можно было сопоставлять в разных курганных группах и делать исторические выводы.

Городища в то время раскапывались послойно, способом длинных траншей — так копала, например, знаменитое Барвихинское городище Л. А. Евтюхова (1925 г.) [56]. Однако в своих публикациях раскопок А. Н. Лявданский и здесь ушел далеко вперед. Его публикации изобилуют планами траншей по квадратам, разрезами памятника, не говоря уже о его детальном плане (см., например, Черкасовское городище под Оршей), таблицами вещей по глубинам и т. д.[57] Раскопки, проведенные таким образом, двинули науку вперед, дали обильный материал по археологии Беларуси.

Итак, за первое послереволюционное десятилетие в Беларуси выросли кадры археологов, они собрали обильный материал по эпохе неолита, железного века и средневековья, начало выясняться, кто был аборигеном на этой территории (балты), а славяне, следовательно, появились здесь позднее. В следующее десятилетие предстояло все это детально разработать... Но действительность, увы, оказалась иной.

2. ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

Общественно-экономические переустройства страны рубежа 20-х и 30-х годов XX в. не могли не отразиться на сфере науки и прежде всего на гуманитарных знаниях. Перед последними возникло много новых теоретических и практических задач и все это повело к реорганизации ряда прежде всего центральных учреждений. В Москве и Ленинграде перед работниками ГАИМК были поставлены задачи критического пересмотра научного наследия, задачи овладения новым подходом к археологическим источникам как к средству познания прошлых эпох. В дискуссиях осваивалась отныне обязательная новая марксистская методология, разрабатывались новые методы исследования [58]. Далеко не все здесь следует расценить положительно, не все было прогрессивным. Работы многих исследователей того времени, «полные громких фраз и талмудического начетничества, не способствовали теоретическому обогащению археологии, а наоборот, уводили ее в самые глубокие дебри схематизма и отрыва от изучения и осмысления фактов» [59]. Социологизм этой эпохи был, по-видимому, болезнью роста: «доходило до того, что издаваемый ГАИМК журнал... в некоторых своих номерах не содержал **ни одной статьи** (подчеркнуто автором.— *Л. А.*) по археологии» [60]. Что касается полевых исследований, то они, связанные в значительной степени с новостройками первых пятилеток, приобрели более широкий размах. К тому же 10 февраля 1934 г. было издано постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР об охране археологических памятников, «сыгравшее решающую роль в организации и распространении этих работ» [61], но тогда же была снесена в Москве Сухарева башня (XVII в.) — памятник, которым столица гордилась.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ XX в.

Чрезмерное идеологизирование, свойственное науке того времени, не могло не захватить Беларусь. Однако здесь развитие наук, вступивших в суровые 30-е годы, пошло еще и в ином направлении, надолго затормозив, как увидим, историко-археологические и историко-краеведческие исследования, нанеся культурному развитию страны огромный урон. К сожалению, до сих пор этот период почти не освещался в печати.

Создание Белорусской республики в 1919 г. привело к необычному энтузиазму ее населения, обнаружило в нем большие творческие силы. Это выразилось в страстном увлечении изучением страны, народом, ее населявшим, в краеведение включились очень многие. Инбелкульт, а с 1928 г. АН БССР возглавляли и направляли эту интереснейшую работу. Однако на фоне интернационального учения марксизма высшими белорусскими инстанциями это было расценено как националистический угар, что в конце концов привело к печальным последствиям. На рубеже 20-х и 30-х годов начался период пресловутой борьбы с «нацдемовщиной». Как это происходило, нагляднее всего можно проследить по одному из лучших научно-популярных журналов Беларуси того времени — «Наш Край» (за 1929—1930 гг.).

При внимательном просмотре этого издания из номера в номер можно видеть, как над журналом сгущаются тучи, как в нем постепенно исчезает историческая тематика, уступая место совсем иному, далекому от научной объективности направлению, как его сотрудники безнадежно стремятся спасти журнал. В номерах «Нашего Края» за предыдущие, даже и за

1928 г., часто печатаются статьи, где историческое краеведение фигурирует наравне с другим материалом. В номере 12 за 1928 г., например, А. Н. Лявданский во весь голос говорит о необходимости вести учет археологических памятников, охранять их, собирать отдельные древние находки и приводит примеры участия краеведов в раскопках (С. С. Шутова из Минска, Г. Колодкина из Мозыря и пр.[62]). В статьях, посвященных экскурсионным маршрутам (по Минску, Витебску, Орше, Оршанщине), наравне с современными объектами еще полностью фигурируют и исторические [63].

С 1929 г. и особенно со следующего 1930 г. положение с исторической тематикой начинает круто меняться. Сообщение В. Глатенка об археологических памятниках Освейщины, помещенное в марте 1930 г., оказывается последней археологической статьей [64]. Вместе с тем с 1930 г. резко увеличивается количество статей на современную тему. Открывая первый номер журнала в 1930 г., читатель прежде всего видел воззвание Центрального бюро краеведения с сообщением, что в связи со строительством фабрик и заводов, в связи с «небывалым подъемом коллективизации в сельском хозяйстве» местные краеведческие организации призываются к изучению колхозного строительства, строительства фабрично-заводских и ремесленных предприятий [65]. Здесь же главный редактор Д. Бедуля помещает статью о работе колхоза «Октябрь», о кулаках [66]. В летних номерах 1930 г. читаем статью А. К. Супинского о новом музее, где автор говорит следующее: «Чему учит музей нового зрителя?», «выходит ли зритель из художественного музея с пониманием искусства как средства борьбы за идеологию господствующего класса?... С таким явлением,— продолжает он,— встречаемся фактически в музеях разных типов. Об этом нужно... кричать!» [67] С 1929 г. в журнале все чаще стали появляться статьи о колхозном строительстве, о пятилетнем плане [68]. Кто-то явно властной рукой распоряжается в нем, требует переориентировки его издателей, нападает на него за историческую тематику. Это видно уже из того, что те из краеведов, кто ранее писал только на исторические темы,— Д. Василевский, М. Касперович, А. Немцов пишут теперь на иные, «полезные» темы: Д. Василевский — о рыбах Оршанщины, А. Немцов — о коллективизации в д. Верхи, М. Касперович — о быте рабочих [69]. В конце № 9—10 «Нашего Края» за 1930 г. помещено сообщение: «От редакции: критический обзор ряда краеведческих материалов, помещенных ранее в журнале «Наш Край», будет даваться в следующих номерах журнала...»[70] Журнал явно тонет, его пытаются спасти самокритикой... Сделать это не удается: если в № 7—8 за 1930 г. редактором еще обозначен Д. Бедуля с членами редколлегии М. Белугой и С. Журавским, то в следующем номере журнала — № 9—10, оказавшемся к тому же последним, этих имен уже нет: «Редактор,— отмечено там,— редакционная коллегия» [71]. Нам ясно: после № 7—8 за 1930 г. прежняя редакция журнала была отстранена, ее заменил какой-то неизвестный коллектив, а на следующем номере журнал прекратил существование.

В конце 1930 г. подписчики на «Наш Край», к удивлению, получили журнал с новым названием: «Савецкая Краіна», обозначенный № 1—2, в скобках № 11—12. Тираж нового журнала был увеличен с 1000 до 1300 экземпляров. Чем не угодил прежний орган ЦБК? Судя по новому наименованию журнала, «Наш Край», по-видимому, признавался не советским органом. И действительно, в начале первого номера нового журнала сообщалось: «Контрреволюционный белорусский национал-демократизм сплел себе мощное гнездо в БАН при преступном попустительстве национал-оппортунистов из былого руководства Академии (наук) и Наркомпроса

Игнатовского, Белицкого, Белуги и пр. ... Белорусский национал-демократизм — этот непосредственный агент фашистско-империалистического толка превратил кафедры и институции АН в свои трибуны... творил свое грубое контрреволюционное дело подготовки интервенции против СССР». Их рупором был избран ежемесячник «Наш Край», основной установкой которого были «контрреволюционные (задачи) в виде общебелорусского, общенационального «бесклассового» развития, курс на самовозрождение капиталистической Белоруссии... на Белоруссию панскую, кулацкую, капиталистическую...» «Отсюда понятно,— писалось далее,— почему краеведение БССР... гонялось за древностью, прошлым, копалось в грязи церквей, костелов, синагог, упуская задачи социалистического строительства» [72]. Все это выглядит сейчас достаточно грустно и гнусно, ибо ложные политические обвинения падали на невиновных людей — замечательных энтузиастов, специалистов-белорусоведов — Я. Лёсика — одного из первых создателей «Грамматики белорусского языка», одного из первых белорусских академиков, В. Игнатовского — президента АН БССР, крупного белорусского историка, участника революции 1905 г. и многих других. Все так называемые «нацдемы» были арестованы и погибли в сталинских лагерях. Всеволод Игнатовский, не выдержав травли, покончил жизнь самоубийством [73]. Каждое выступление против «нацдемов» фактически равнялось политическому доносу.

К нашему удивлению, в это недостойное движение борьбы с «нацдемовщиной» (как тогда называлось), борьбы, которая неминуемо должна была и кончилась плачевно для белорусской археологии, включился самым активнейшим образом талантливый археолог Беларуси А. Н. Лявданский (сам позднее погибший в сталинской мясорубке). Еще в начале борьбы с «нацдемами» он передал в журнал «Савецкая Краіна» свою клеветническую статью под крайне тенденциозным названием «Нацдемы в союзе с религией и церковниками против диктатуры пролетариата», которая была опубликована в мартовском номере журнала за 1931 г.[74] Как видно уже по названию, статья ударяла сразу по «нацдемам» и одновременно по служителям церкви, гонения на которых, сопровождавшиеся разрушением наших ценнейших исторических памятников, были в самом разгаре. Статья эта обходится даже тогдашними библиографическими справочниками [75] и стала известна лишь при работе над текстом этой книги. На ней придется остановиться подробнее. А. Н. Лявданский обвиняет известного нумизмата и прежнего директора Белорусского государственного музея П. Харламповича в том, что, собирая «церковщину» — древние иконы, Евангелия, облачения,— он не отличал задач нового советского музея от задач Минского церковно-археологического музея, а после него это делалось уже «организованно под руководством С. Некрашевича и др. нацдемов Наркомата просвещения БССР. По социальному заказу нацдемов (... собирались) этнографические материалы, которые должны были осветить «самобытность» белорусской культуры. Все это, как уже выяснено,— заключал автор,— делалось с целью организации белорусской автокефальной церкви...» (!). Далее с возмущением писалось об открытии в музее отдела «Староцерковная живопись», который якобы более всего привлекал к себе «попов и архиереев». «Это же явление,— писал А. Н. Лявданский,— мы видим в Витебском музее, где также было нацдемовское руководство... Директор музея нацдем Василевич всю заботу вкладывал в церковный отдел...» Возмущен автор и записью известного этнографа в книге отзывов белорусского музея в Минске А. Сержпутовского («нахожу, что необходимо выставить церковные предметы») и что его поддержал «гость» из Германии А. Фасмер (крупнейший филолог).

Это было в 1926 г., а в 1927 г. назначенный на место П. Харламповича крупнейший белорусовед В. Ластовский (только что вернувшийся из эмиграции) «сразу взялся за переоборудование церковно-религиозного отдела» ... придав ему «белорусский стиль». «Усиленным темпом изучается церковщина и в Инбелкульте, а потом и в Белорусской академии наук в лице нацдема Щекотихина, Хозерова и пр., которые свои «труды» по истории белорусского искусства почти исключительно строят на древних церквах, костелах, разного рода церковном малярстве (т. е. фресковой живописи.— *Л. А.*), вещах и рисунках, орнаментах церковных книг (Библия Скорины и многое другое)». «Накопив таким образом в Белорусском государственном музее огромный «музейный фонд» разной церковщиной, которая, разумеется, никакой научной ценности не имела,— продолжает А. Н. Лявданский,— в 1929 г. Ластовский вместе с Красинским, Бурдзейкой (в согласии с Некрашевичем из Главнауки) договаривается во время экспедиций с попами на местах и заводит с ними широкий обмен этих вещей, дающий попам взамен старых «белорусского стиля» церковных вещей новые...» Музей и Главнаука, оказывается, «хлопотали об охране церквей и костелов и пр. религиозных построек, икон и т. п. С этой целью от музея и Главнауки не один раз ездили в командировку и Щекотихин, и Красинский. Последний, например, в 1928 г. с фотографом ездил осматривать старую церковь в Залужье Стародорожского района, затратив на это значительное количество музейных денег». «Обожая свою «святыню» Евфросинью Полоцкую, Ластовский в 1928 г. отправил специальную комиссию в Полоцк для отыскания так называемого «Евфросиньевского креста». Этот крест с помощью нацдэма С. Мелешки был найден в местном финотделе и получен для музея...»[76]. Кажется, довольно. А. Н. Лявданский не мог не понимать, что древнее средневековое искусство было религиозным в самой большой мере, не мог не понимать, для чего собирались предметы религии в действительности, не мог не знать, что крест Евфросиньи Полоцкой — один из уникальнейших предметов древности, сделанный в 1161 г. мастером Лазарем Богшей по заказу именно Евфросиньи Полоцкой (а не «так называемый Евфросиньевский крест»),—ученый достаточно долго исследовал полоцкие древности. Для чего же городилась эта безумная научная ложь? Арестованный в 1937 г., он навсегда унес эту тайну в могилу[77].

Разгром Белорусской академии наук в 1930 г. не принес Беларуси пользы. Из деятелей науки — прежних энтузиастов, объявленных ныне «нацдемами», арестованных и высланных, выжили немногие (Н. Н. Улащик). Занятия же историческим прошлым страны резко были сокращены. Судя по той же работе А. Н. Лявданского, к 1932 г. со времен революции в БССР было издано различными научными учреждениями по археологии 96 печатных листов (три тома трудов Инбелкульта и БАН, 1 том библиографии по археологии, ряд работ в «Историко-археологическом сборнике» 1927 г. и пр.). «Кроме того,— пишет автор,— в разных журналах и газетах БССР напечатано 502 статьи и заметки по археологии, составляющие свыше 20 п. л.»[78] Количество статей и заметок 1932 г. нами не учитывалось, но научных статей на эту тему за все 10 лет в Беларуси было опубликовано всего три-четыре (и ни одной книги!). Сокращение исторической тематики во всех отраслях знаний Беларуси отразилось очень скоро и на полевых исследованиях.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ
В 1930—1934 гг.

Работы 1930 г. были запланированы, видимо, до разгрома «нацдемов» и имели сравнительно широкий объем. В области каменного века АН БССР велись раскопки на «предполагаемой» палеолитической стоянке на р. Беседь (Клеевичи Костюковичского района), раскапывались мезолические стоянки у Печенеж (того же района), обследовались и раскапывались местонахождения остатков костей четвертичной фауны (мамонта и пр.) в напрасной надежде найти остатки жизнедеятельности человека (д. Кобылянки под Оршей и у Н. Быхова). Самые разнообразные памятники выявлялись в Жлобинском и Рогачевском районах, также на реках Усяж-Бук, Лукомка, на Березине (с верховьем до Свислочи), в Брагинском, Самохваловичском районах (последний — под Минском), копались курганы у м. Клеевичи Костюковичского района. Помимо БАН, раскопки проводились (А. Н. Лявданским) для Минского музея (городища и курганы у пос. Нивки, Побережье-Мурава, Оздятичи) [79].

После борьбы с «нацдемами» и реорганизации структуры БАН в 1931 г. полевые исследования утратили свою былую интенсивность, хотя и продолжали работы 1930 г. Копалась палеолитическая стоянка в Юровичах (под Мозырем), обследовались стоянки р. Вехры, берегов р. Сож (от верховьев в Смоленщине до Черикова), обследовалась мезолитическая стоянка под Гомелем (Рудня), раскапывались «ранние» городища в Борисовском и Зембинском районах (Березина), проводилась комплексная экспедиция (с этнографами) в Лепельском районе и на верхней Березине (до Бобруйска). По 1930 г. цифр нет, но в 1931 г. изучались: одна палеолитическая стоянка, две мезолитические, 250 неолитических. Селищ было открыто 55, городищ — 74, бескурганных могильников (зарубинецкого типа) — 10, курганов раскопано — 95 насыпей [80].

Основные направления полевых исследований 1920-х и начала 1930-х годов касались центральной, южной и восточной Беларуси. Мало изученным оставался ее север. В 1933—1934 гг. от многочисленных экспедиций АН БССР прошлого осталась одна (А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, А. Д. Коваленя), она и была направлена на Западную Двину и верховья р. Ловати. Выявились все памятники «доклассового общества» этих мест, для их выявления А. Н. Лявданский и А. Д. Коваленя двигались от оз. Охват вниз по течению Двины до Полоцка на лодке (400—450 км). К. М. Поликарпович — пешком [81]. Это было первое систематическое обследование берегов Западной Двины и ее притоков. Выяснилось, что в отличие от других мест берега этой реки в эпоху каменного века были заселены не интенсивно — по одной стоянке неолита на каждые 20 км (!). На Гомельщине и Могилевщине такие стоянки встречаются на каждом полкилометре [82]. Тем не менее стоянок каменного века на Западной Двине было открыто 60, по находкам фауны старались обнаружить палеолит, но тщетно, хотя находки костей мамонта встречались. Что касается железного века («эпохи патриархально-родового строя», как тогда называли), то было выявлено 72 селища и много городищ. А. Н. Лявданский теперь уже датировал памятники не по прежним датировкам А. А. Спицына, а по более современным и точным (ранние городища — I—IX вв. н. э., раннефеодальные памятники — X—XII вв. и т. д.). Было установлено, что у многих городищ рядом имеются селища, что раннефеодальных памятников здесь немного. Известно, что А. Н. Лявданский открыл городища штрихованной керамики в Беларуси. На данной территории он столкнулся с их северной границей. «В этих районах,— писал он,— совсем редко

встречается грубая лепная штрихованная керамика, которая очень распространена в ранних городищах средней части БССР, Западной Беларуси, Литвы и частично восточной Латвии»[83].

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ АРХЕОЛОГОВ БЕЛАРУСИ В 1930-е ГОДЫ

Начало 30-х годов было временем больших перемен в гуманитарных науках всей страны и, в частности, в археологии. Эта наука была молода, ее теоретические основы только еще разрабатывались и интерес к подобным вопросам у археологов был крайне велик. В ГАИМК осуществлялись дискуссии, призванные поставить науку на подлинно марксистские рельсы. В совещаниях принимали участие и белорусские исследователи (например, во Всесоюзном археологическом совещании в мае 1931 г.). В дискуссиях преобладало часто «абстрактное социологизирование и пренебрежение к фактическим данным»[84]— все это было болезнью роста. Однако там била ключом живая мысль, решались вопросы объекта и предмета науки и т. д. После ожесточенных теоретических споров начала 30-х годов к 1934 г. интерес к ним стал спадать: археологи поняли, видимо, необходимость оснащения этих споров фактическим материалом. «Возобновились во все возрастающих масштабах полевые исследования»[85].

Увы, ничего подобного не произошло в Беларуси. Разгром науки в 1930 г. под шапкой «нацдемовщины» был столь памятен, борьба с «уходом» в прошлое так сильна, что здесь, на местах, археологией стало заниматься с каждым годом все труднее. Публиковать исторические работы, не привязав их к современным задачам того дня, было невозможно. От проблем генезиса белорусского населения А. Н. Лявданский, от проблем каменного века К. М. Поликарпович перешли к проблемам истории производства, техники. Но и это было все-таки историей. Приходилось связывать археологические исследования в стране с «грандиозностью задач новой пятилетки», занимаясь древними городищами, говорить прежде вего о производстве на них железа из болотных руд, что якобы могло иметь какое-то значение для современной металлургии и т. д.[86] Однако это помогало мало. В результате после последнего тома «Прац» (1932 г.) до самой второй мировой войны на археологические темы в Беларуси было опубликовано всего несколько статей.

Последний том трудов белорусских археологов — так называемый III том «Прац», вышедший в 1932 г., был полностью еще на уровне тех задач, которые стояли в то время перед археологами Беларуси. Здесь была помещена А. Н. Лявданским обширная работа о Смоленщине, построенная исключительно на материалах умершего в 1927 г. С. М. Соколовского (много десятилетий копавшего в Рославльском уезде и составлявшего его археологическую карту). Здесь были и труды К. М. Поликарповича по палеолиту р. Судости, также об остатках четвертичной фауны БССР. По рекомендации Б. Д. Грекова, сюда была включена дипломная работа московского исследователя Б. А. Рыбакова о радимичах; Г. Ф. Дебец публиковал свое исследование о черепах Люцинского могильника (Латвия), а Фляксбергер — о древнем зерне Банцеровского городища. Нашли отражение в нем и разведочные работы — А. Д. Ковалени на реках Друти, Усяж-Бук и Лукомки, А. Рынейского на р. Птичь. Большой раздел посвящался тезисам Первого всероссийского съезда археологов и этнографов в Ленинграде (1932 г.), где К. М. Поликарпович знакомил съезд с палеолитом и мезолитом Беларуси, а А. Н. Лявданский — с достижениями белорусской археологии в послереволюционное время. Там же были опубликованы тезисы белорусского историка Н. М. Никольского

о работах белорусских этнографов, этнографа М. Я. Гринблата о районах «малого рыболовства» в Беларуси, Н. М. Никольского по белорусскому фольклору. Наконец, обширный и подробный раздел «Хроника» знакомил читателей с тем, что делалось по археологии во всей Беларуси [87]. Как видим, третий том «Прац» охватывал вопросы, связанные с археологией Беларуси очень широко, к сожалению, это была лебединая песнь белорусских археологов. Дальнейшее издание трудов Белорусской АН на эту тему было прекращено; изредка выходили лишь отдельные статьи или рецензии.

Однако важные археологические исследования в первой половине 1930-х годов еще не прекращались. «Только в последнее время благодаря массовому обследованию городищ, предпринятому Белорусской академией наук, мы получили реальное представление о древнерусском сыродутном горне»,— писал в 1948 г. Б. А. Рыбаков [88]. Это не совсем верно, так как сыродутный процесс, который изучал в начале 1930-х годов А. Н. Лявданский, относился не к Древней Руси и даже не к славянам, а к балтам-аборигенам Беларуси, однако можно предполагать, что и в Древней Руси процесс железоделательного производства вряд ли намного отличался от периода ранних городищ. В июне — июле 1932 г. «бригадой» археологов (К. М. Поликарпович, С. А. Дубинский и А. Н. Лявданский — «бригадир») при участии А. Д. Ковалени в Беларуси впервые были проведены обширные исследования по истории черной металлургии [89]. Изучена была территория от польской границы того времени вдоль р. Припять до м. Юровичи. Ученые ставили перед собой следующие задачи: 1) выяснение времени заселения Полесья и природно-исторические условия края; 2) изучение доступных остатков человека. Помимо этого, изучались: история и техника выплавки железа на «древних железоделательных заводах», выявлялось местонахождение мергеля, местонахождение торфа и добыча его населением, местонахождение пластичной глины. На все эти темы исследователи обязывались проводить лекции среди населения. Как видим, цели экспедиции увязывались с современностью (мергель нужен в промышленности для изготовления удобрений, а также цемента, торф — для нужд электростанций и т. д.). Первичные выводы экспедиции были следующие: 1) человек появился здесь в эпоху Вюрмского оледенения; 2) население было редким; 3) 2—3 тыс. лет назад здесь возникли зачатки земледелия, появилось железо; 4) с I в. н. э. по XI в. количество жителей увеличилось (городища, курганы); 5) нет оснований думать, что прародина славян была здесь [90]. Таковы были первичные выводы, с которыми А. Н. Лявданский познакомил широкие слои населения (популяризация науки, несомненно, входила в задачу исследователей, как и беседы с населением). Неисторические выводы экспедиции мы не приводим.

Исследования К. М. Поликарповича и А. Н. Лявданского по истории добычи железа были особенно интересны. Выяснилось, что совсем не на каждом древнем городище существовало производство кричного железа восстановительным способом. В 1932 г. было известно 59 мест, где его делали. На городище Оздятичи его производили на самом мысу, редко на стороне (Пригань). Лишь в VIII—IX вв. печи были переведены на селища [91]. Открытие А. Н. Лявданским существования производства железа лишь на некоторых городищах (при массовом распространении руды) очень важно: оно указало на зачатки специализации, на первые зародыши ремесла [92]. Впрочем, такое заключение нашего крупнейшего специалиста по истории ремесла расходится с выводами А. Н. Лявданского 1936 г., которые поддержал ныне А. Г. Митрофанов: «На Двине и в других частях БССР почти на всех (ранее IX в.) поселениях каждая из родовых семей занималась для себя выплавкой железа из местной болотной руды

и вырабатывала разные железные орудия труда: топоры, серпы, копья, ножи, шилья и много других предметов»[93]. Скорее нужно думать, что зародыши ремесла появились на поселениях более поздней эпохи. Эта работа А. Н. Лявданского и К. М. Поликарповича 1936 г. для А. Н. Лявданского оказалась последней. В Беларуси было уже известно свыше сотни древних домниц, одна из них, особенно хорошо сохранившаяся, найденная между валами городища Тербахунь, поражала небольшими размерами (35×45 см) и позволила, сделав ее полный разрез, наглядно представить устройство этого нехитрого, но интереснейшего сооружения[94]. Работы на Западной Двине позволили выяснить образ жизни населения этих мест в различные эпохи: установить характер хозяйства, тип домостроительства и т. д.

В 1937 г. виднейшие археологи Беларуси стали жертвой сталинского террора. Были арестованы А. Н. Лявданский, С. А. Дубинский, А. Д. Коваленя и другие. В сталинские лагеря попали Н. Н. Щекотихин, вернувшийся потом Н. Н. Улащик и др. Из белорусских археологов на свободе остался лишь один К. М. Поликарпович, из смоленских — В. Р. Тарасенко, переехавший затем в Минск. Наука по существу была обескровлена.

К. М. Поликарпович продолжает работать в поле, в 1937 г. он сообщает о находке Юдиновской верхнепалеолитической стоянки на р. Судости, бассейн Десны, о первой находке мустьерского остроконечника в БССР (на р. Беседи)[95]. В районе Бешенковичей исследователь находит первую в Беларуси торфяниковую стоянку, публикует сообщение о второй такой стоянке (Осовец)[96] и результаты работ в середине 1930-х годов[97]... Все это представляет, безусловно, интерес, но общей картины краха белорусской науки в конце тридцатых годов не уменьшает.

Отечественная война 1941—1945 гг. надолго прервала какие-либо археологические и краеведческие работы на всей территории СССР и тем более на землях, где проходил фронт и которые были заняты немецкими оккупантами.

Литература

1. ЦГИАЛ, фонд 457. оп. 1, д. 663, лл. 17, 18.
2. Там же. Д. 665, л. 109.
3. Историческое краеведение в Белоруссии. Мн., 1980. С. 18.
4. Касьпяровіч М. Вялікае краязнаўчае сьвята // Савецкая Беларусь. 1928. № 269.
5. Историческое краеведение... С. 18.
6. Минское общество истории и древностей // Вестник Народного комиссариата просвещения БССР. Мн., 1921. № 2. С. 40—42.
7. Мялешка М. В. Заданні часу (Думка) // Савецкая Беларусь. 1921. № 149.
8. Там же.
9. Архив ЛОИА. 1923. Фонд 2. № 96.
10. Дубінскі С. А. Дзейнасьць організацыі. Мн., 1928. Працы I. С. 257.
11. Наш край. 1925. № 1. С. 6.
12. Там же. С. 3—5.
13. Там же.
14. Шчакаціхін М. Фрэскі Полацкага Барысаглебскага монастыра // Наш Край. Мн., 1925. № 1. С. 22—26.
15. Там же. См. также: Ліс Арсень. Мікола Шчакаціхін. Мн., 1968. С. 59, 60.
16. Наш край. 1925. № 1. С. 8. По свидетельству И. М. Хозерова, в 1924 г. началось разрушение Борисоглебской церкви в Бельчицах, но это удалось тогда отменить с помощью вмешательства Инбелькульта и ЦБК (Хозеров И. М. Архитектура Белоруссии и Смоленщины (рукопись Института истории АН Беларуси. С. 103, 104).
17. Например, д-р Іппэль А. // Беларускае мастацтва. Віцебск, 1925.
18. Юдин Г. А. За гранью прошлых дней. М., 1977. С. 5—25.
19. Наш Край. 1925. № 1. С. 8.
20. Інстытут беларускае культуры. Працы першага з'езду дасьледчыкаў беларускай археалёгіі і археаграфіі. Мн., 1926. С. 12.

21. Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды смоленских музеев. Смоленск, 1924. Вып. 1.

22. Памяти Александра Николаевича Лявданского // СА. 1964. № 1. На с. 121 здесь сказано, что А. Н. Лявданский умер в ссылке в 1942 г. Сейчас, после открытия архивов КГБ, выяснилось: по постановлению от 25 августа 1937 г., А. Н. Лявданский присужден по ст. ст. 63—1, 70, 76 УК БССР к исключительной мере наказания. Расстрелян в Минске 27 августа 1937 г., реабилитирован 7 мая 1958 г. Военным трибуналом БВО (Возвращенные имена) // «За передовую науку», орган АН БССР от 25 мая 1990 г. Сведениями этими я обязан любезности В. Вергей, которую и прошу принять мою искреннюю благодарность.

23. Лявданский А. Н., Дмитриев В. В. Археологические новости // Рабочий Путь. Смоленск, 1923. № 171.

24. Открытие древнейшего городища в Смоленске // Там же. 1925. № 261.

25. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и восточной Белоруссии. М., 1980. С. 136 и сл.

26. Інстытут беларускае культуры // Працы першага з'езду даследчыкаў беларускай археалёгіі археаграфіі. Мн., 1926. С. 12.

27. Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 1926. Т. 3. Вып. 3. С. 179—296.

28. Это было временем, когда А. А. Спицын, только что побывав в заграничной командировке в Литве (1924 г.), проведя раскопки на р. Оредеже (1924 г.) (см.: Бич О. И. Архив А. А. Спицына // СА. 1948. X. С. 49), был, видимо, особенно увлечен идеями о распространении «литовских» памятников на нашей территории, чуть ли не до Твери. Впоследствии взгляды его менялись.

29. По А. А. Спицыну расцвет городищ дьякова типа падает на VI—VIII вв. (Спицын А. А. Городища дьякова типа // ЗОРСА. СПб., 1903. Т. V. Вып. 1. С. 113), теперь же мы знаем, что городища эти были обитаемы в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. Но уже тогда он прозорливо считал, что «литва» доходила до верхней Оки, что ныне подтвердилось (Седов В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 32, 33).

30. Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 1926. Т. 3. Вып. 3.

31. Дубінскі С. А. Дзейнасць організацый. Працы... Т. 1. Мн., 1928. С. 259.

32. Один из основоположников белорусской археологии — Константин Михайлович Поликарпович (1889—1963 гг.) родился в д. Белая Дуброва Могилевской области и был народным учителем. В 1923 г. он начал работать в Гомельском бюро краеведения, а с 1926 г. перешел в Инбелкульт, где развернул широчайшую археологическую деятельность по каменному веку Беларуси. В 1926—1929 гг. он ведет обширные разведочные работы на Днепре и Соже, в 1926 г. участвует, а в 1927—1929 гг. руководит работами на Бердыже, Елисеевичи, Юдиново (оба в Брянской области), Юровичи Гомельской области. На некоторых из этих стоянок он работал и после войны. Крупнейшим трудом К. М. Поликарповича является: Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Мн., 1968.

33. Поликарпович К. М. Палеолит верхнего Поднепровья... С. 26 и сл.

34. Замятнін С. М. Раскопкі Бердыскай палеалітычнай стаянкі ў 1927 г. Працы... Т. 2. С. 490.

35. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 38.

36. Дубінскі С. А. Раскопкі Банцараўскага гарадзішча каля Менску ў 1926 г. // Гістарычна-археалёгічны зборнік. Мн., 1927. № 1. С. 363.

37. Дубінскі С. А. Досьледы культур жалезнага пэрыяду па Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне. Працы... Т. 1. Мн., 1929. С. 274.

38. Улащик Н. Н. С. С. Шутаў — археолаг і доктар. ПГКБ. 1973. № 3. С. 42.

39. Там же.

40. Вестник Народного комиссариата просвещения БССР. Мн., 1921. № 2, общий отдел. С. 40—42. По-видимому, о том же сообщил А. Ломака (Ламака А. Што далі археалёгічныя раскопкі ў Заслаўлі // Савецкая Беларусь. 1921. № 233).

41. Сущинский В. Пешеходная экскурсия в Изяславль // Вестник Народного комиссариата просвещения БССР. Мн., 1922. № 9, 10. С. 50.

42. Дубінскі С. А. Бібліаграфія па археалёгіі Беларусі і сумежных краін. Мн., 1933.

43. Ш. А. У таварыстве гісторыі і старасьвеччыны (Даклад М. Маслакоўца) // Савецкая Беларусь. 1923. № 96.

44. М. Да ўвагі археалёгаў (в. Дубейкі Старобінскай воласці) // Савецкая Беларусь. 1923. № 266; Баравы. Да ведама беларускіх археолёгаў (м. Грэск Слуцкага павета) // Там же. 1923. № 63; «Навуковы» работник (Заславль Менскага павету) // Там же. № 194.

45. Археалёгічныя помнікі Тураўшчыны // Савецкая Беларусь. 1923. № 66; Жаніхова магіла // Там же. 1923. № 73; Матусевіч Алесь. Матарьялы да гісторыі, археалёгіі і этнаграфіі Беларусі. Менск павет. // Там же. 1923. № 229.

46. Археологические раскопки // Савецкая Беларусь. 1923. № 204; Звязда. 1923. № 204.

47. Лявданский А. Археологические исследования в Борисовском округе // Звязда. 1924. № 209; Барашка Ил. Археалегічныя досьледы Барысаўскага павету (отчет археолога

Лявданского) // Савецкая Беларусь. 1924. № 14. Ч. II; Помнікі старасьветчыны. Слуцкие курганы // Звязда. 1924. № 196.

48. Нямцоў А. Экскурсія вучняў Асіповіцкай сямігодкі // Наш Край. 1925. № 2. С. 21—25.

49. Каваленя А. Зьм., С. С. Шутаў. Матарьялы да гісторыі Тураўшчыны // Працы... Т. 2. Мн., 1930. С. 351—356.

50. Громаў В. І. Фауна Бердыскай палеалітычнай стаянкі (па раскопках 1926—1927 гг.) Працы... Т. 2. С. 5—29.

51. Працы... Т. 1. Мн., 1930.

52. Дубінскі С. А. Дзейнасць організацый. Працы... Т. 1. С. 258—261 и сл.

53. Дубінскі С. А. Археалёгічная праца на БССР у 1928—1929 гг. Працы... Т. 2. С. 503.

54. Сербаў І. Археалёгічныя раскопкі ў аколіцах Менску ў 1925 годзе // Гістарычна-археалёгічны зборнік. Мн., 1927. С. 199.

55. Лаўданскі А. Н. Архэолёгічныя раскопкі у Заслаўлі Менскай акругі Мн., 1928. Працы... Т. 1. С. 2.

56. Евтюхова Л. А. Барвихинское городище // СА. 1937. Т. III. С. 115.

57. Лаўданскі А. Н. Археалёгічныя досьледы ў Аршанскае акрузе. Мн., Працы... Т. 2. С. 36—45.

58. Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С. 106—108; Пряхин А. Д. История советской археологии. Воронеж, 1986. С. 109 и сл.

59. Рыбаков Б. А. Место славяно-русской археологии в советский исторической науке // СА. 1957. № 4. С. 58.

60. Там же.

61. Борисковский П. И. Первые 30 лет Института археологии АН СССР // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 6.

62. Ляўданскі А. М. Краязнаўчыя організацыі і археалёгія // Наш Край. 1928. № 12.

63. Касьпяровіч М. Куды и як вадзіць экскурсіі // Там же. 1929. № 4.

64. Глаценак В. Некоторыя з помнікаў Асьвейскага раёну // Наш Край. 1930. № 3. С. 55—57.

65. Увага, краязнаўцы // Наш Край. 1930. № 1.

66. Бядуля З. З краязнаўчага блёк-ноту пісьменніка // Наш Край. 1930. № 1.

67. Супінскі А. К. За новы музей // Наш Край. 1930. № 7—8.

68. Самцэвіч В. Бліжэйшыя задачы краязнаўчае працы ў связі з выкананьнем пяцігадовага пляну социялістычнага будаўніцтва // Наш Край. 1929. № 8—9; Он же. Холопеніцкі раён на шляху суцэльнай коллектывізацыі // Наш Край. 1930. № 5—6, прод. № 7—8; Он же. Аб удзеле краязнаўчых арганізацый у выкананьні прамфінпляну // Наш Край. 1930. № 9—10.

69. Васілеўскі Д. Рыбнае багацьце Аршаншчыны // Наш Край. 1930. № 7—8; Нямцоў А. Вёска Вярзі і шляхі да яе коллектывізацыі // Наш Край. 1930. № 1; Касьпяровіч М. Вывучэньне быту рабочых // Наш Край. 1930. № 1.

70. Наш Край. 1930. № 9—10. С. 89.

71. Ср.: Наш Край. 1930. № 7—8. С. 84; 1930. № 9—10. С. 89.

72. Садоўскі Ф. П. «Савецкая Краіна» — барацьбіт за савецкае краязнаўства // Савецкая Краіна. 1930. № 2 (11—12). С. 1—5.

73. Орлов Владимир. Когда краснеет Клио // Литературная газета. 1988. 17 февр. № 7.

74. Ляўданскі А. М. Нацдэмы ў саюзе з рэлігіяй і царкоўнікамі супроць дыктатуры пролетариату // Савецкая Краіна. 1931. № 3.

75. Дубінскі С. А. Бібліаграфія па археалёгіі Беларусі і сумежных краін. Мн., 1933.

76. Ляўданскі А. Нацдэмы ў саюзе з рэлігіяй... С. 28, 29.

77. Из статьи А. Н. Лявданского 1932 г. (Лявданский А. Н. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7—8. С. 60) мы можем понять, что разгром «нацдемовцев» произошел в 1930 г., статья, следовательно, писалась для «Савецкой Краіны» после всех событий и, по-видимому, никого конкретно не выдавала, но многое ли это меняет?!

78. Лявданский А. Н. Археологические исследования в БССР... С. 58.

79. Ляўданскі А. М. Археалёгічныя праца ў БССР у 1930—1932 гг. Мн., 1932. Працы... Т. 3. С. 226.

80. Там же.

81. Ляўданскі А. М. Палікарповіч К. М. Археалагічныя досьледы ў БССР у 1933—1934 гг. // Запіскі БАН. 1936. № 5. С. 210.

82. Там же.

83. Ляўданскі А. Н., Палікарповіч К. М. Археалагічныя досьледы... С. 214.

84. Монгайт А. Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. 1963. № 4. С. 83.

85. Генинг В. Ф. Очерки истории советской археологии. Киев, 1982. С. 127.

86. Ляўданскі А. М., Палікарповіч К. М. Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларуси па даных археалёгіі // Савецкая Краіна. 1932. № 5. С. 55.

87. Працы сэкцыі археалёгіі Інстытута гісторыі БАН. Мн., 1932. Т. 3.

88. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 127.

89. Ляўданскі А. Папярэднія вынікі работы археалёгічнай брыгады Палескай экспедыцыі // Савецкая Краіна. 1932. № 7—8. С. 81—86.

90. Ляўданскі А. Папярэднія вынікі... С. 84.

91. Ляўданскі А. М., Палікарповіч К. М. Да гісторыі... С. 68.

92. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси... С. 483 и др.

93. Ляўданскі А. М., Палікарповіч К. М. Археалагічныя досьледы... С. 214; Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Мн., 1978. С. 49 (даю перевод А. Г. Митрофанова).

94. Ляўданскі А. М., Палікарповіч К. М. Археалагічныя досьледы... С. 214.

95. Поликарпович К. М. Новая верхнепалеолитическая стоянка в бассейне р. Десны // СА. 1937. № 3; Он же. Первая находка мустьерской эпохи в БССР // Там же. С. 197—199.

96. Поликарпович К. М. Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М.; Л., 1940. № 6—7. С. 44—46.

97. Поликарпович К. М. Археологические исследования в д. Елисеевичи и др. 1935—1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. (под ред. В. В. Гольмстен). М.; Л., 1941. С. 32—37.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев историю изучения остатков древних реалий в Беларуси от раннего средневековья до второй мировой войны, видим, что историзм мышления на Руси берет свое начало в XI в., когда появилось летописание. В XI—XII вв. он проник и на территорию современной Беларуси: в Полоцке начали вести исторические записи событий. Интерес же к реальным остаткам прошлого возник, по-видимому, несколько позднее. Можно выделить четыре этапа в развитии этого интереса: «народный», «магнатский», «дилетантский», «научный».

«Народный этап» — самый древний, когда на памятники местной старины обращает внимание сам народ. На ранних этапах он еще помнил назначение того или иного памятника — городища, кургана. Позднее, по-видимому в XVI в., назначение это стало забываться, появились легенды о захороненных волотах-великанах (позднее — шведах, французах). До сих пор еще в народе есть предания о Витовтовых, Ольгердовых и Баториевых дорогах, места, где они проходили, всегда могут указать. Итак, белорусский народ был первым «краеведом» своей страны: он интересовался древними памятниками, отличал их и относился с уважением к ним до самого последнего времени.

«Магнатский период» получил развитие, по-видимому, в позднем средневековье, когда магнатские роды, имевшие громадные владения на территории Беларуси, стали созидать огромные коллекции древностей, собранные без разбора и изучения. Дворцы Радзивиллов, Сапегов, Потоцких, Воловичей, Хребтовичей и др. в XV—XVIII вв. ломились от обилия бездумно собранных коллекций всяческих раритетов. К сожалению, сведений о них не так много.

«Дилетантский период» начался, можно считать, с XVI в., когда М. Стрыйковский (умер в 1547 г.), интересуясь краеведением, по находкам в поле стрел и шпор пытался определить место той или иной битвы, специально объезжал сооружения Ольгерда и о несохранившихся пытался собрать сведения. Первые более серьезные попытки обратить древние реалии в исторический источник принадлежат гродней-

скому архимандриту И. Кульчинскому (30-е годы XVIII в.) — первому указавшему на сходство «плитняковой» (их плинфы) Коложской церкви и разрешавшейся кладки полоцкой Софии. Отечественная война 1812 г. возбудила сильную волну патриотизма, началось повальное увлечение древностями. Еще в 1810 г. под Рогачевым были раскопаны 10 курганов (Ф. Е. Нарбутт), во втором и третьем десятилетии XIX в. к древностям обратился кружок Н. П. Румянцева. Среди помогавших ему особо выделился будущий министр финансов Е. Ф. Канкрин, который провел серьезное исследование надписей так называемых «Борисовых камней» в Беларуси и дал им первое серьезное объяснение. В то же время белорусскими древностями (в частности, крестом Евфросиньи 1161 г.) занялся ездивший в Беларусь П. И. Кеппен.

В николаевскую эпоху впервые начала осуществляться регистрация археологических объектов, хотя назначение их еще не было понятно. Все это было поиском науки. Настоящая наука о древностях начала возникать лишь в 30—40-х годах XIX в. Основателями ее в археологии были крупные логойские помещики — графы К. П. и Е. П. Тышкевичи. С них начался «научный период» изучения древностей белорусских земель. Ими совместно с их кузеном из Краславки А. Плятером и младшим современником А. К. Киркором было раскопано много сотен курганов. В трудах братьев Тышкевичей курганы впервые были подвергнуты первичной классификации и впервые делались попытки их исторического осмысления. В 1855 г. вышла первая книга о белорусских древностях, принадлежавшая брату декабриста А. О. Корниловича — М. О. Без-Корниловичу.

Огромное значение в развитии краеведения и археологии на местах сыграли местные губернские ведомости, которые начали выходить в 1838 г.

Во второй половине XIX в. в различных местах Беларуси появились свои исследователи древностей: А. М. Сементовский (Витебщина), М. Ф. Кусцинский (Лепельщина и окрестности, Смоленщина), В. В. Грязнов (Западная Белоруссия) и др. Крайне важен был для исследования белорусских древностей IX Археологический съезд в Вильне в 1893 г. и вся та археологическая подготовительная работа, которая специально осуществлялась перед ним. К этому времени в истории археологии и краеведения Беларуси появились новые имена талантливых ученых: А. П. Сапунов, Е. Р. Романов и Ф. В. Покровский, более мелких — Н. П. Авенариус, М. В. Фурсов и др. Почти во всех белорусских губерниях проводились раскопки курганов, на основе раскопок делались первые основательные выводы. В 1890-х годах началось антропологическое изучение белорусов (К. Н. Иков). Это был первый период научного этапа изучения белорусских древностей. В его начале (1830—1850-е гг.) исследователи еще только вырабатывали методику исследования. В конце этого периода (конец XIX — начало XX в.) методика была отработана, предстояло начинать обширные полноценные исследования и делать широкие обобщающие выводы из сопоставления различных имеющихся источников.

К этому и приступили исследователи послереволюционного времени, они теперь были вооружены новым методологическим подходом к историческим явлениям. В 1922 г. в Минске был создан Инбелкульт и при нем (с 1923 г.) Центральное бюро краеведения. Печатный орган Инбелкульта «Наш Край» (с 1925 г.) отражал всю обширную краеведческую работу республики. Первые итоги проделанной археологической работы были подведены на Первом съезде археологов и археографов (1926 г.), где впервые прозвучало имя крупного в будущем белорусского археолога А. Н. Лявданского. В Беларуси в 1920-х годах образовалась замечательная плеяда белорусских исследователей-археологов, получивших в нашей

стране заслуженную известность: А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, С. А. Дубинский, А. Д. Коваленя, И. А. Сербов и др. Их исследования были обращены более всего на отыскание в республике памятников каменного века (К. М. Поликарпович, обнаруживший стоянки эпохи мустье), железного века и средневековья (остальные). Были открыты новые, абсолютно неизвестные страницы истории Беларуси. В следующем десятилетии предстояло все это обстоятельно разработать, но судьба решила иначе!

Сталинский курс «Великого перелома» с его односторонней индустриализацией страны, насильственной коллективизацией деревни, с его широким наступлением на интеллигенцию (при всех просчетах общего порядка обвиняющуюся во вредительстве) в Беларуси был усложнен еще новыми формами. Подъем самосознания белоруса, его увлечение своей страной, историей и народной культурой были объявлены «нацдемовщиной». В результате почти полностью прекратились в республике исторические исследования, значительно сократились, естественно, и археологические работы. В 1937 г. были арестованы и погибли в застенках большинство белорусских археологов во главе с А. Н. Лявданским.

Возрождение археологии и краеведения началось здесь только после второй мировой войны, когда под руководством уцелевшего от арестов К. М. Поликарповича начались широкие археологические исследования — стоянок эпох камня и бронзы (К. М. Поликарпович), городищ железного века (А. Г. Митрофанов), средневекового городища в Минске (В. Р. Тарасенко, позднее — Э. М. Загорульский). Вскоре в эти работы включились московские и ленинградские археологи (П. Н. Третьяков, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковская, Н. Н. Гурина, Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт, Ф. Д. Гуревич, И. И. Артеменко, Л. В. Алексеев, З. М. Сергеева), а теперь в Минске выросла своя плеяда специалистов, открывших новые страницы в археологии Беларуси (Э. М. Загорульский, Я. Г. Зверуго, В. Ф. Исаенко, Т. Н. Коробушкина, П. Ф. Лысенко, Л. Д. Поболь, М. А. Ткачев, О. А. Трусов, М. М. Чернявский, Г. В. Штыхов). Им в свою очередь удалось воспитать новых энтузиастов-исследователей (В. С. Вергей, М. Ф. Гурин, Л. В. Дучиц, Ю. А. Заяц, Е. Г. Калечиц, Л. В. Колединский, Г. А. Кохановский, А. К. Кравцевич, В. Ф. Копытин, О. Н. Левко, Я. Г. Риер, В. И. Шадыро и др.), но это уже особая тема — предмет еще одной капитальной книги...

СОКРАЩЕНИЯ

АН	— Архитектурное наследство
АНБ	— Академия наук Беларуси
АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
БАН	— Белорусская академия наук
ВОМПК	— Виленское отделение Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда
ВУАК	— Витебская ученая архивная комиссия
ВЭ	— Военная энциклопедия
ВЭО	— Вольное экономическое общество
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГАОО	— Государственный архив Оренбургской обл.
ГВ	— Губернские ведомости
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДАК	— Дело Археологической комиссии в архиве Института археологии в Ленинграде
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖСТ	— Живая Старина
ЗИАО	— Записки Императорского археологического общества
ЗИРАО	— Записки Императорского русского археологического общества
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ЗС-ЗРГО	— Записки северо-западного отделения Императорского русского географического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИАО	— Императорское Археологическое общество
ИВ	— Исторический Вестник
ИМАО	— Известия Московского археологического общества
ИО	— Историческое Обозрение
ИОАИЭКУ	— Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
ИОЛЕАЭ	— Известия общества любителей естествознания, археологии, этнографии при Московском университете
ИРАО	— Известия русского археологического общества
ИРГО	— Известия русского географического общества
ИРЛИ	— Институт русской литературы, Пушкинский дом
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института материальной культуры
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории
МАО	— Московское археологическое общество

МАР — Материалы по археологии России
МЕВ — Минские Епархиальные ведомости
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО — Материалы по изучению Смоленской области
НИСГУ — Научные известия Смоленского государственного университета
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОЗ — Отечественные записки
ОЛЕАИЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ОЛРС — Общество любителей российской словесности
ОПИК — Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начала XX в. Сборник документов
ОРБС-Щ — Отдел рукописей Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге
ОРГРБ — Отдел рукописей Государственной Российской библиотеки (Москва)
ОРЯС — Отдел русского языка и словесности
ПГКБ — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі
ПЕВ — Полоцкие Епархиальные ведомости
ПК — Памятная книжка (...губернии)
ПОКЭ — Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция
Працы... Т. 1 — Працы катэдры археалёгii. Запіскі аддзела гуманітарных навук Інстытута беларускай культуры. Мн., 1928. Т. 1.
Працы... Т. 2 — Працы археалагічнай камісіі. Запіскі аддзела гуманітарных навук БАН. Мн., 1930. Т. 2
Працы... Т. 3 — Працы секцыі археалёгіі Інстытута гісторыі БАН. Мн., 1932. Т. 3
ПСЗ — Полное Собрание Законов
ПСРЛ — Полное Собрание Русских Летописей
РИСб — Русский Исторический сборник
РС — Русская Старина
СА — Советская Археология
САИ — Свод Археологических источников
СВ — Смоленский Вестник
СИЭ — Советская Историческая Энциклопедия
СОГА — Смоленский областной государственный архив
СУАК — Смоленская ученая архивная комиссия
ТМАО — Труды Московского археологического общества
ЦБК — Центральное бюро краеведения
ЦГИА — Центральный государственный архив (Москва)
ЦГИАЛ — Центральный государственный архив (Санкт-Петербург)
ЦГИАЛИТ — Центральный государственный архив Литвы
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории древностей российских при Московском университете.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

АЛЕКСЕЕВ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ

АРХЕОЛОГИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ БЕЛАРУСИ

XVI в.— 30-е ГОДЫ XX в.

Редактор Б. А. Рогозянский
Художник А. А. Шуплецов
Художественный редактор В. А. Жаховец
Технический редактор С. А. Курган
Корректор И. Л. Дмитриенко

Сдано в набор 10.01.96. Подписано в печать 14.08.96. Формат $70 \times 100^1/_{16}$. Бум. офсетная. Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,77. Усл. кр.-отт. 16,77. Уч.-изд. л. 17,67. Тираж 540 экз. Зак. № 590.

Издательство «Беларуская навука» Академии наук Беларуси и Государственного Комитета Республики Беларусь по печати. 220141. Минск, Жодинская, 18. ЛВ № 1294.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.